

МАЙКЛ ГРАНТ

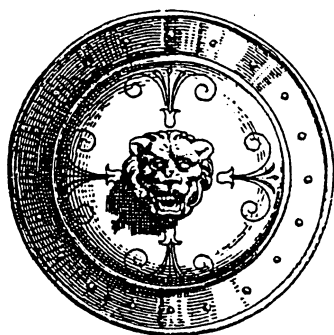
ДВЕНАДЦАТЬ
ЦЕЗАРЕЙ

МАЙКЛ ГРАНТ

ДВЕНАДЦАТЬ
ЦЕЗАРЕЙ

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 93/99
ББК 63.3(0)3
Г77

THE TWELVE
CAESARS

Michael Grant

Published in Great Britain in 1996
by Weidenfeld & Nicolson

Перевод с английского
Д. МИШИНА

Художник
И. САЙКО

Грант М.
Г77 Двенадцать цезарей / Пер. с англ. Д. Мишина. — М.:
ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 272 с.
ISBN 5-300-01850-3

Двенадцать цезарей — первые двенадцать римских императоров начиная с Юлия Цезаря — сыграли огромную роль во всемирной истории.

В этой книге Майкл Грант пытается развеять пелену суеверий и слухов, окутавшую личности императоров. Исследуя дошедшие до нас частицы той эпохи, в частности, надписи, тексты на папирусах, произведения искусства и архитектуры, монеты, автор стремится показать, как эти могущественные люди использовали данную им огромную власть и в какой мере исполняли свой долг, а также какое воздействие оказывала напряженная политическая деятельность на их личную жизнь.

УДК 93/99
ББК 63.3(0)3

ISBN 5-300-01850-3

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998
Copyright © 1975, 1996 Michael Grant Publications Ltd

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Список карт</i>	4
<i>От автора</i>	5
<i>Введение. Роль и своеобразие цезарей</i>	7
Часть I. От республики к империи	29
Глава 1. Юлий Цезарь	31
Глава 2. Август	54
Часть II. Династия Юлиев—Клавдиев	81
Глава 3. Тиберий	83
Глава 4. Калигула	106
Глава 5. Клавдий	123
Глава 6. Нерон	145
Часть III. Гражданские войны	169
Глава 7. Гальба	171
Глава 8. Отон	181
Глава 9. Вителлий	189
Часть IV. Династия Флавиев	199
Глава 10. Веспасиан	201
Глава 11. Тит	215
Глава 12. Домициан	228
<i>Заключение. Успехи и неудачи цезарей</i>	243
<i>Библиографические ссылки на источники</i>	248
<i>Библиография</i>	255
<i>Генеалогические таблицы</i>	258
<i>Даты правления двенадцати цезарей</i>	260
<i>Даты правления последующих императоров</i>	261
<i>Указатель</i>	262

СПИСОК КАРТ

Италия	6
Римская империя в 49 г. до н. э.	30
План Рима	98
Римская империя в 96 г. н. э.	237

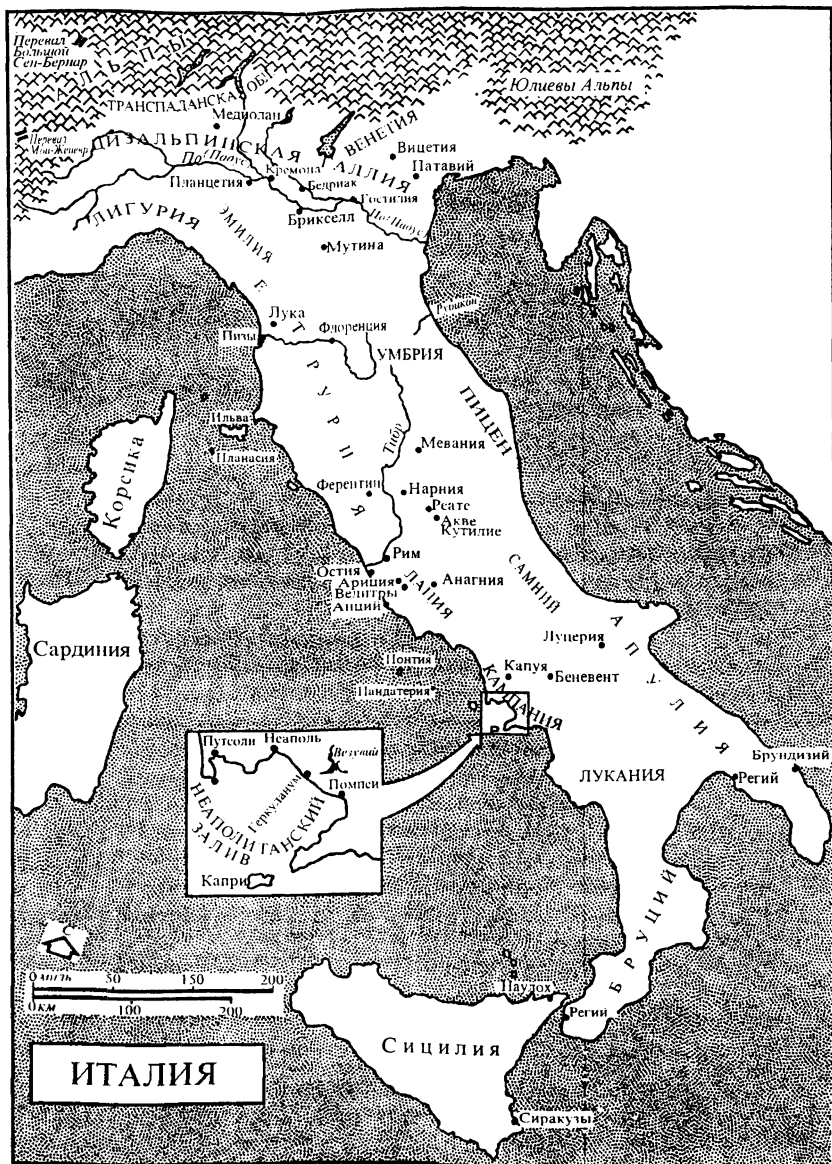
ОТ АВТОРА

Я хочу выразить свою благодарность Стюарту Пероуну, издательству «Ходдер и Стафтон, Лимитед», а также П. Л. К. Уэйту из «Метьюэн и Компания, Лимитед», которые предоставили мне ряд своих новых публикаций. Я признателен Сьюзан Лоден и Оливии Браун из издательства «Вайденфельд и Николсон» за проделанную ими большую редакторскую работу. Хочу также поблагодарить Бези Хэммелмэн, Д. Е. Л. Хейнса и Хилари Уолфорд за поддержку. Бесценную, необходимую, разнообразную помощь оказала мне жена.

Приводя фрагменты английских переводов, я иногда делал в них небольшие изменения, главным образом, для того, чтобы добиться более последовательного и ясного изложения.

Считаю своим долгом выразить благодарность Роберту Грэйвсу за разрешение приводить фрагменты из «Жизни двенадцати цезарей» Светония по его переводу, а также Классической Библиотеке Лоеб (Харвард Университи Пресс, Уильям Хейнеманн) за позволение цитировать их издания труда Светония и «Римской истории» Диона Кассия.

ВВЕДЕНИЕ

Роль и своеобразие цезарей

Настоящая книга представляет собой сборник кратких жизнеописаний двенадцати первых римских императоров начиная с Юлия Цезаря. Наше исследование будет посвящено тому времени, о котором в своей «Жизни двенадцати цезарей» рассказывает Гай Светоний Транквилл. Устанавливая для исследования такие хронологические рамки, мы, разумеется, не стремились соперничать с римским автором, произведения которого кажутся удивительно современными даже через восемнадцать столетий. Наш замысел состоит в том, чтобы внести свой посильный вклад в изучение эпохи, о которой говорит Светоний. Кроме того, задача настоящего исследования — показать, какими предстают герои его увлекательных жизнеописаний перед читателями нашего времени. Хочется верить, что нас поймут и не осудят за самонадеянность.

Период правления первых римских императоров был замечательным временем, давшим сюжеты для множества легенд и историй, среди которых можно встретить и великолепные произведения, и совершенно фантастические повествования. Более того, несмотря на то, что Рим и в дальнейшем оставался империей, а его правители поочередно занимали и оставляли трон, эпоха первых двенадцати цезарей воспринималась как особый период в античной истории. Светоний, очевидно, тоже сознавал это, иначе он включил бы в свое произведение и биографии трех последующих императоров, при которых он жил, или хотя бы двух первых из них, правда, составление жизнеописания царствующего монарха всегда сопряжено с определенными трудностями. Светоний ограничился первыми двенадцатью цезарями, лишь приписав в конце книги, что последний из них, Домициан, незадолго до своей смерти увидел во сне, будто на спине у него вырос золотой горб. Это предвещало справедливое и спокойное правление последующих императоров. Случилось еще одно знамение: над Капитолием появился ворон и прокричал: «Все будет хорошо!»

Вероятно, Светоний, полагал, что последующие императоры были безупречны и отыскать в их правлении какой-либо из ряда вон выходящий и потому достойный описания случай пратически невозможно. Кроме того, хотя и в позднейшие времена среди императоров встречались яркие и неординарные личности, они не были наделены никакими особенными качествами или дарованиями, которыми не обладали бы первые двенадцать. Эпоха двенадцати цезарей предстает

как самодостаточный и в этом смысле законченный временной отрезок, что, очевидно, чувствовал и позднеримский поэт Авсоний, сочинивший для своего сына Гесперия стихотворную историю их правления.

Гай Светоний Транквилл родился около 69 г. н. э. предположительно в Гиппоне Регии, близ нынешней Аннабы в Алжире. Другой известный римский писатель, Плиний Младший, относившийся к Светонию с дружеским участием, помог ему вместе со своим другом Бебием Гиспаном купить виллу в Италии.

«Транквилл, мой друг, — читаем мы в одном из писем Плиния, — хочет купить именище, которое, говорят, продает твой друг. Постарайся, пожалуйста, чтобы он купил его по справедливой цене: тогда и будем радоваться покупке. В плохой покупке всегда каешься, особенно потому, что это укор хозяину в глупости.

В том именище (если цена ему подходящая) моего Транквилла привлекает многое: соседство города, хорошая дорога, небольшая усадьба и поле, которое величиной своей не отяготит хозяина, но отвлечет его от забот. Хозяину-ритору, такому, как он, хватит с избытком участка, где он освежит голову, даст отдых глазам, медленно пройдет по межам, протопчет одну и ту же тропинку, где ему знакомы и пересчитаны каждая лоза и каждый кустик»¹.

Светоний действительно приобрел эту великолепную виллу, однако впоследствии оставил ее ради службы во дворце. За свою карьеру он три раза занимал важные секретарские должности. Весьма интересно сообщение одного автора, не вполне, правда, заслуживающего доверия, о том, что в третий раз Светоний был уволен со службы императором Адрианом вместе со своим покровителем, префектом преторианской гвардии, за неуважительное или даже фамильярное отношение к императрице Сабине. Глядя на грустное лицо и некрасивую прическу Сабини, портрет которой помещен на монетах, невольно проникаешься сочувствием к Светонию. Сам Адриан, по рассказам общавшихся с ним людей, как-то сказал, что, не будь он императором, он с удовольствием расстался бы со своей сварливой супругой. После увольнения со службы Светоний, очевидно, вернулся к себе на виллу, однако его книга, над которой он работал в то время, весьма пострадала, так как что дворцовые архивы, дотоле снабжавшие его ценной информацией, оказались теперь недоступными.

Последующие поколения высоко ценили книгу Светония, и именно поэтому его труд уцелел; к сожалению, более подробные и совершенные произведения погибли. Правда, мы можем только так предполагать. С трудом Светония были знакомы далеко не все. «Жизнь двенадцати цезарей» долгое время была хорошо известна в Константинополе, но в средневековой Европе мы знаем только об одной копии. С ней в IX веке работал в Фульдском монастыре франкский историк Эйнхард. Эта копия ныне утеряна. Но именно с нее были сделаны все сохранившиеся до настоящего времени списки.

Первые издания «Жизни двенадцати цезарей» появились в 1470—1471 гг. в Италии — два в Риме и одно в Венеции. В 30—40-е годы XVI века труд Светония был переведен на современные европейские языки. Монтень, цитируя Светония более сорока раз, скромно, как бы в пример нынешним исследователям, говорит: «Я привожу слова других там, где по недостатку слов или мысли не могу высказаться столь же хорошо».

В 1606 г. в Англии Якова Стюарта появился замечательный, написанный живым языком перевод Филемона Холланда. Перевод далек от краткости и лаконичности оригинала:

Филемон делает нам такие переводы,
Что Светоний у него не останется спокойным*.

Из современных английских переводов Светония — лучший Дж. К. Рольфа. Работа вышла в свет в издательстве Лоеб более шестидесяти лет назад. В 1930 г. шесть последних жизнеописаний были переведены Г. У. Муни. Перевод Роберта Грэйвса, изданный в серии «Пингвин» в 1957 г., интересен, но полностью полагаться на него не рекомендуется.

Составление биографии, по выражению Вирджинии Вулф, «имеет свои законы. К ним прежде всего относится опора на факты», которые читатель при желании может проверить сам. Но требовать соответствия этому критерию от биографии человека, жившего за два тысячелетия до нас, значит требовать невозможного. Согласно Вольтеру, «утверждать, что вы дали достоверное описание человека, с которым никогда не жили, — вопиющее шарлатанство». Некоторые современные исследователи вообще полагают, что браться за составление биографий римских императоров вряд ли целесообразно, и стремятся воздерживаться от подобных начинаний. Тех же, кто все-таки принимается за такой труд, слова Вольтера ставят в затруднительное положение, и они вынуждены защищаться тем, что и сам Светоний составлял жизнеописания императоров, не зная их лично. Когда последний из двенадцати цезарей, о которых повествует Светоний, вступил на престол, будущему писателю было всего двенадцать лет, то есть биографии составлялись им не по личным впечатлениям, а со слов других людей. Однако нет оснований утверждать, что описание Светония неверно.

В одном письме Плиния к императору Траяну мы читаем, что Светоний был не только прекрасным ученым, но и честнейшим и достойнейшим человеком. Известен также фрагмент одного позднего античного писателя, в котором тот похвально отзываясь о Светонии, отмечая его точность и скрупулезность. Теперь общепризнано, что целью Светония было прежде всего показать истинное положение дел, а из комментариев, составленных его великим современником Тацитом в отношении других историков, явствует, как нетипично это было для писателей того

---

* Игра слов. *Tranquillus*, вторая часть имени Светония, означает по-латыни «спокойный». (Примеч. пер.)

времени, обыкновенно освещавших события с точки зрения сенаторов. Древние каноны требовали, чтобы жизнеописания представляли собой либо похвалу, либо порицание. Светоний отказывается следовать этой традиции, и его персонажи не предстают перед нами совершенными героями или законченными злодеями, как в произведениях большинства авторов того времени. Более того, Светонию чуждо моралистическое резонирование, негативно сказывающееся на правдивости многих античных биографий, в том числе и трудов его греческого современника Плутарха. Произведение Светония замечательно своей нейтральностью и беспристрастностью. Это — одна из наиболее удачных попыток приблизиться к объективному освещению истории, предпринятых в древнем мире. Светоний может с успехом анализировать события, о которых он пишет, но делает это весьма редко, ибо считает своей задачей представить нам то или иное явление по возможности со всех сторон, а не высказать свое суждение о нем. По справедливому замечанию Г. Б. Тауненда, «его жизнеописания императоров основаны на прочной достоверной базе, даже несмотря на то, что отдельные истории кажутся сомнительными. Светоний дает нам возможность строить собственные представления на основе своих материалов, и, делая это, мы чувствуем, что не ошибаемся».

И тем не менее правдивость Светония вызывает определенные сомнения.

Прежде всего он крайне суеверен. Как сообщает Плиний, Светоний искренне верил в вещи сны. Более того, произведение Светония показывает, как доверчиво относился он ко всевозможным знамениям. Так, упоминая об атмосфере страха, создавшейся вокруг маленькой детской комнаты Октавиана Августа в Велитрах (ныне Веллетри), где, согласно местному поверью, император появился на свет, Светоний сообщает, что люди боялись заходить в нее, ибо с теми, кто отваживался на это, происходили потом странные вещи.

«Это подтвердилось недавно, — пишет далее Светоний, — когда новый владелец усадьбы то ли случайно, то ли из любопытства решил там переночевать, но через несколько часов, среди ночи был выброшен оттуда внезапной неведомой силой, и его вместе с постелью нашли, полуживого, уже за порогом»².

Интерес ко всевозможным сверхъестественным явлениям был характерен и для других древних писателей. Историки, следуя сложившейся традиции, заносили их в анналы, а поэты слагали стихи, воспевая их драматизм и величие.

В час, когда Цезарь угас, пожалело и солнце о Риме.
Лик лучезарный оно темной багровоющей скрыло.
Ночи навечной тогда утратил мир нечестивый.
А между тем недаром земля и равнина морская,
И зловещатели псы, и не вовремя вставшие птицы
Знаки давали. Не раз, бросаясь на нивы циклопов,
Горны разбив и кипя, — и это мы видели! — Этна,
Клубы катила огня и размякшие в пламени камни.

Частый оружия звон Германия слышала в небе.
К землетрясениям дотоль непривычные, вдруг содрогнулись

Альпы, в безмолвье лесов раздавался откуда-то голос
Грозный, являясь порой таинственно-бледные стали
Призраки в темную ночь...³

Рассказывая о чудесах, древние поэты и историки сами часто верили по крайней мере в некоторые из них. «Когда я слышу о таких и подобных вещах, — замечает Тацит, — меня охватывает раздумье, определяются ли дела человеческие роком и непреклонной необходимостью или случайностью». Эти слова, правда, указывают скорее на неуверенность. В своем повествовании Тацит то доверяет предзнаменованиям, то относится к ним скептически. Другие авторы, в том числе Светоний, отличались большим доверием к предсказаниям. Недостатка в профессиональных астрологах и прорицателях не было. Полагая, что гороскопы могут подтолкнуть людей к антигосударственной деятельности, власти не раз пытались избавиться от них. Мы знаем, что астрологи изгнаны из Рима в 139 и 33 гг. до н. э., а затем в 16, 52, 69 и 70 гг. н. э. Такие решения принимались снова и снова, но на практике они не выполнялись.

Из всех двенадцати первых императоров, пожалуй, только Юлий Цезарь искренне не доверял предсказаниям. Возможно, в этом отношении к нему был близок Гальба. Август скептически относился к одним прорицаниям, хотя не всегда признавался в этом, но принимал на веру другие. На Тиберия большое влияние оказывал его астролог Трасилл, и именно его пророчества, заклинания и толкования снов привели к гибели Либона, ставшего первой жертвой процессов по делам о государственной измене. Даже такая сильная женщина, как Агриппина Младшая, испытывала страх, когда ей рассказывали о появлении на свет детей со звериными членами или поросенка с когтями ястреба. После смерти Клавдия (возможно, отравленного ею же) она некоторое время терпеливо ждала указанного астрологами благоприятного момента, чтобы объявить о назначении наследником престола своего сына Нерона. Веспасиан с особым усердием оповещал обо всех знаменьях, указывавших, что он создан для того, чтобы быть императором. Вителлий, как и Август, насмеялся над одними предзнаменованиями, но зато верил в другие. Отон, отправляясь в Лузитанию, взял с собой астролога. Наконец, Домициан скрупулезно изучал составленные астрологами гороскопы своих потенциальных противников.

Таким образом, разного рода знаменья и пророчества играли важную роль в римской истории. У современного читателя доверие к ним Светония, возможно, вызовет улыбку, однако мало кто из нас абсолютно лишен суеверия. Кроме того, стремление Светония рассказывать о знаменьях и прорицаниях становится оправданным и даже целесообразным, если мы примем во внимание, что иногда они оказывали непосредственное воздействие на ход событий.

Подчеркнутое внимание Светония к половым извращениям — другая характерная черта его произведения, которая, возможно, покажется нам отталкивающей. Неужели императоры действительно были такими? — ужаснется читатель Светония. Некоторые фрагменты, посвященные, на-

пример, устраивавшимся Тиберием оргиям в купальне, настолько отвратительны, что в переводе Рольфа они приводятся на языке оригинала. «Можно сказать, — писал Гиббон, — что только любовные склонности Клавдия были достойными». Иными словами, только о Клавдии можно с уверенностью сказать, что он был полностью чужд мужеложству.

В описаниях даже самых отвратительных сцен мы не встретим у Светония ни негодования, характерного для Тацита, ни иронии Ювенала. Светоний лишь повествует о событиях, и его спокойствие можно объяснить двояко: либо он следует своей обычной бесстрастной манере изложения, либо, что более вероятно, ему, как автору книги «О знаменитых блудницах», просто нравилось рассказывать о таких вещах. Дж. Уайт-Даффа шокировала эта «скандальная история, основанная на сплетнях, собранных человеком, которому нравится рыться в грязном белье». Г. У. Муни, считая, что «современные каноны требуют, чтобы все, что кажется лишенным вкуса, обходилось стороной», критически высказывается о Светонии. Следует, правда, заметить, что Уайт-Дафф и Муни писали, соответственно, в 1927 и 1930 гг., а не в 70-е, когда подобные тонкости намного реже удерживают людей от разговора о таких вещах.

Если истории, рассказываемые Светонием, правдивы, то для того, чтобы оценить их важность, не нужно читать Фрейда: личная жизнь политика, как это видно на примере нашей эпохи, часто оказывает самое непосредственное влияние и на его общественную деятельность. Гальба был не совсем прав, когда заявлял, что никого не касается, как он проводит свободное от управления государством время. Плиний Младший в несколько двусмысленной, ввиду педерастических склонностей Траяна, похвале императору говорит, что «именно удовольствия и наслаждения лучше всего позволяют судить по их характеру о достоинстве, возвышенности и умеренности каждого человека» и что «нас выдает характер нашего отдыха».

Насколько достоверны эти истории о половых извращениях? Не думается, что им стоит доверять в полной мере. Нет, мы не настолько наивны, чтобы утверждать, что извращенец не справился бы с управлением огромной империей — наоборот, не исключено, что, удовлетворяя свои желания, императоры получали новый импульс и для государственной деятельности. Но нельзя забывать, что, хотя происходившее в императорском дворце обычно оставалось тайной для всех остальных, внутри него постоянно ходили самые разнообразные слухи, которые, даже если оказывались ложными, представляли, как и знамения, большую важность для историка: он должен был знать, что говорили люди.

Мы склонны полагать, что описания Светония более правдивы, чем думают многие. Конечно, частично, особенно там, где автор основывается на слухах, мы не можем полностью полагаться на его сведения. Но, как справедливо заметил И. Э. Фримэн, «особенные черты характера, выбранные для описания в преувеличенных тонах, очень хорошо раскрывают природу того или иного человека». С другой стороны, сексуальная раскрепощенность, появившаяся как следствие превращения брака и развода в средства достижения высоких политических целей,

была характерна для римской знати как минимум со времен поздней Республики. Когда Нерон заявлял, что ни целомудрия, ни чистоты не существует, он, высказывая, разумеется, свои собственные мысли и принимая желаемое за действительное, довольно точно выражал представления современной ему римской знати, в меньшей степени наделенной иммунитетом против сползания к развращенности, чем современное нам общество. Когда какой-нибудь из представителей этой знати становился императором, он отбрасывал даже те слабые сдерживающие начала, которые существовали в ту пору. Плиний Младший, выделявшийся на фоне современников своей высокой моралью, писал, что «в характере принцепса бывает редко и является почти необычным, чтобы он считал себя обязанным кому-нибудь, и, если бы признал это, относился бы к этому без удовольствия». Сознание того, что императорская власть дает практически неограниченные возможности для удовлетворения любых желаний, не могло не сказаться на поведении человека, занимавшего трон, если, конечно, он не был наделен выдающейся способностью противостоять искушению и держать себя в рамках приличия. В наше время обычаи и законы устанавливают для сексуального поведения людей определенные нормы; если же те, кто ставит себя вне общества, игнорируют их, то экономическая необходимость все-таки стесняет их свободу. Но римские императоры не были ограничены в своих действиях ни законами, ни обычаями, ни недостатком денег. А если бы, что вряд ли возможно, кто-либо оказался в таком положении сейчас, интересно, отбросил бы он все многочисленные ограничения? Императоры отбрасывали, и хотя в подробных описаниях Светония, очевидно, немало вымысла, в основном сообщаемые римским автором сведения не так уж далеки от истины.

По словам Дж. У. Маккэйла, «редко можно встретить жизнеописание, более наполненные всевозможными историями», чем биографии Светония. Некоторые из этих историй, хорошо, по нашему мнению, раскрывающие характеры персонажей и их репутацию, приведены и в настоящей книге. Они помогают читателю лучше представить себе нравы императорского Рима. Светоний может мастерски создавать и более объемные повествования. Считается, что изложение Светония лишено движения, однако его истории написаны интересно и живо, а полный драматизма рассказ о гибели Нерона, например, — вообще шедевр повествовательного жанра. Светоний также весьма увлекался модной в то время лженаукой физиогномикой, наиболее известным представителем которой был его младший современник, софист из Лаодиеи (ныне Денизли в Турции) Антоний Полемон. Когда философ Плотин утверждал, что лицо человека является отражением его души, он высказывал мысль, выдвинутую до него Полемоном и Светонием. Влияние физиогномики особенно хорошо проявляется в созданных Светонием портретах императоров.

В отличие от Плутарха, придерживавшегося в своих биографиях хронологического принципа повествования, Светоний часто отходит от него, чтобы изложить все имеющиеся у него сведения по той или иной теме,

связанной с определенной чертой характера его персонажа. Такой подход был бы более характерен для грамматика или антиквара, и мы знаем, что Светоний был и тем и другим. Ему удастся создать цикл замечательных ярких портретов, хотя он, следуя распространенной в древнем мире идее, согласно которой характер человека остается неизменным с рождения до смерти*, почти не пыгается показать духовную эволюцию своих героев, и они предстают несколько статичными. Если современные биографы Франклина Делано Рузвельта часто спорят о том, не изменился ли он под конец жизни под влиянием болезни, то древние историки, как правило, не допускали и мысли о возможности подобной перемены. Конечно, иногда поступки людей, о которых писал Светоний, казались непоследовательными, и автор рисует своих героев наделенными подчас несовместимыми чертами характера, но все это согласуется с его явным нежеланием примирять противоречащие друг другу утверждения и даже выносить суждение по их поводу. Отказ Светония от стремления свести разрозненные фрагменты в единое монолитное повествование наводит иногда на мысль, что он и сам не до конца представлял себе, какими были его персонажи. Такая интерпретация кажется, на первый взгляд, весьма интересной, однако, в конечном счете, если тот или иной персонаж предстает перед нами как противоречивая фигура, это еще не значит, что его описание неверно. Многие люди совершают противоречивые поступки, и римские императоры, часто испытывавшие давление со всех сторон, — не исключение.

Давление, которому подвергались императоры, является для нас, пожалуй, наиболее интересным обстоятельством их жизни. Человек, берущийся за составление биографии, должен, если снова обратиться к Вирджинии Вулф, «указать на существенную и красноречивую реальность, говорящую саму за себя и наводящую на дальнейшие размышления». Применительно к римским императорам такой существенной реальностью была власть. Их фигуры интересны и замечательны не потому, что вокруг них ходило множество таинственных историй, а потому, что правители империи были облечены огромной властью. Для нас особенно важно получить представление о двух вещах: каким образом императоры распорядились ею и как это отразилось на них самих.

Ответы на эти вопросы мы вряд ли найдем у Светония, и именно это побуждает нас взяться за составление нового цикла биографий императоров, в котором персонажи будут рассматриваться в несколько ином ракурсе, чем у римского автора. Светоний практически не пытается рассказать, с какими проблемами сталкивались императоры, осуществляя свою власть, как не говорит он и об историческом контексте эпохи их правления, о расширении, управлении и защите империи, то есть обо всем том, чему правители Рима посвящали значительную часть времени и сил. Составляя жизнеописание человека, стоявшего когда-либо у руля государства, биограф, как мы полагаем ныне, должен сообщать

---

* См. описание Тацитом характера Тиберия в главе 3. (Примеч. авт.)

больше информации об исторической ситуации, в которой разворачивалась его деятельность, и подробнее останавливаться на рассмотрении взаимозависимости его характера и общественной деятельности. Светоний, однако, не считает нужным рассказывать об этом. Если читатель хочет узнать больше о римском государстве или его прошлом, как бы говорит он, ему следует обратиться к произведениям историков. Действительно, древние биографы традиционно страдали от комплекса неполноценности, принимая сложившееся мнение, согласно которому они не только отличались от историков, но и относились к совершенно иному, менее значительному направлению. Корнелий Непот, единственный творивший до Светония биограф, произведения которого хотя бы частично дошли до нас, часто словно стремится оправдаться перед современниками. «Я, разумеется, понимаю, — пишет он в письме к другу Цицерона Аттику, — что многие будут смотреть на такие произведения как на нечто незначительное, недостойное того места, которое занимают в обществе изображаемые в них выдающиеся люди». Непот действительно не ставит своей задачей описание свершений того или иного человека, «ибо тогда мой труд будет представлять собой скорее историческое повествование, чем жизнеописание». Нечто подобное видим мы и у Светония. Будучи хорошо осведомлен о своем великом современнике Таците, Светоний, по-видимому, принял мудрое решение не соревноваться с ним и, отбросив в сторону хронологический принцип повествования, чтобы полностью отойти от его метода, стал считать себя ученым и исследователем, а не автором исторического произведения.

Такое разведение в разные стороны биографии и истории характерно и для более поздних времен. Только в XVI в. в ведущих произведениях по методологии истории биография предстала как одна из форм историографии, но эта точка зрения была отвергнута рядом видных ученых, таких, как Эдуард Майер или Р. Г. Коллингвуд. Даже в наше время Ричард Холмс начинает рецензию на недавно вышедшую книгу Э. О. Дж. Кокшата следующим рассуждением по данной проблеме:

«Можно ли считать биографию искусством, одним из видов художественной литературы? Или это всего лишь вторичный жанр, уважаемый, но все-таки паразитирующий на других, как литературная критика или документальные фильмы? Достойны ли биографы звания, скажем, писателей и драматургов, или же они, как правило, ремесленники и торговцы — журналисты, оставшиеся не у дел политики, отставные дипломаты и непутевые вожаки?..

Биографию, вообще говоря, можно представить как один из видов магии. Биограф использует научные методы — опору на документы, анализ, исследование, но цель его сродни цели алхимика: получить золото из первичного материала. Ведь задача, которую ставит перед собой биограф, одновременно самая трудная и самая неблагодарная из всех возможных — заставить умершего человека предстать живым»⁴.

Если пользоваться такими критериями, то Светоний тоже предстает как лукавый оккультист. В этом случае, правда, придется признать,

что в его магии есть свои недостатки. Да, императоры в описании Светония действительно предстают как живые, однако в его персонажах без дополнительного объяснения трудно узнать людей, когда-то сосредоточивших в своих руках огромную власть: автор просто не показывает, как они ее осуществляли.

Между тем ситуация не столь безнадежна, ибо мы имеем и другой источник — произведения Тацита. Он пишет о тех же самых людях, что и Светоний, но подходит к ним совершенно с другой стороны, полностью отбрасывая все, что связано с их личной жизнью и концентрируясь на государственных делах. При всем своем неприятии власти, которая отрицает свободу, порождает жестокость и зло, он, однако, считал большим из двух зол гражданскую войну. Поэтому, по Тациту, мощь государства следует укреплять. Консолидация империи, в любом виде и форме, — главная тема его рассказа о правлении двенадцати цезарей.

Итак, если Светоний уделяет больше внимания ярким личным качествам императоров, а Тацит, наоборот, — их государственной деятельности, то может показаться, что стоящая перед нами проблема взаимосвязи между характерами цезарей и их правлением в значительной степени решается путем сопоставления и анализа сведений этих авторов (в сравнении со сведениями еще одного, более позднего историка, чьи произведения дошли до нас, — Диона Кассия, который пишет о политике основываясь на своем богатом личном опыте, но с явными анахронизмами). Многие современные историки и писатели поступают именно так. Но такое решение не представляется верным, ибо нам нужно нечто большее, чем простое сведение воедино данных Тацита, Светония и Диона Кассия. Тацит по-своему так же не лишен недостатков, как и Светоний. Мы, разумеется, не можем оспаривать величие Тацита как писателя и мыслителя; его мастерство настолько велико и уникально, что ни одно исследование по истории римских императоров нельзя даже начать, не воспользовавшись его трудом и не почерпнув из него вдохновения. Когда Литтон Стрэчли писал, что «великий историк должен прежде всего быть артистом: лишенная трактовки истина подобна зарытому в землю и потому не приносящему никакой пользы золоту, а искусство обладает огромным потенциалом для интерпретации», он, возможно, имел в виду пример Тацита. Однако даваемые Тацитом моральные оценки не всегда верны. «Как писатель он не вполне справедлив, — заметил о нем Томас Хантер (1752), — хотя мы и признаем, что он человек огромного ума. Но он лишен беспристрастия, стремится выступать судьей, переходит границы естественного и искажает истину». Весьма показательна в этом отношении увлекательная начальная часть «Анналов», где речь идет о Тиберии. От других серьезных исторических произведений эта часть заметно отличается используемыми в ней литературными приемами, а также тенденциозными трактовками и необоснованными инсинуациями, подрывающими, разумеется, ее достоверность. Тиберию в ней не прощается ничего. Например, даже когда он отказывается принимать божественные почести, воздаваемые

ему в Испании, Тацит не желает согласиться с очевидным объяснением: император был достаточно скромно, чтобы принять такие почести. Тацит пишет, что «многие [объясняли его поведение] робостью, некоторые — обыденностью его души. Ведь лучшие среди смертных всегда искали самого высокого», а «в презрении к доброму имени сокрыто презрение к добродетелям». Такая трактовка, разумеется, несправедлива. Сам Тацит перед этими уничижительными фразами помещает речь Тиберия, в которой тот высказывает свою точку зрения; речь эту беспристрастный наблюдатель расценит скорее как свидетельство подлинной скромности. Как хороший историограф, Тацит приводит все факты, даже если они противоречат его собственной интерпретации. Мы постоянно видим резкий контраст между добросовестно приводимыми Тацитом фактами и их освещением, часто неверным. Кто-то сказал, что величайшая из людских трагедий — это теория, опровергнутая фактом. Но Тацит опровергает свои собственные теории фактами, которые он приводит. Поэтому созданные Тацитом портреты, при всей их точности, часто повергают в смятение. Своим блеском и величием они временами напоминают яркие вымышленные персонажи, часто основанные на типажах, выведенных более ранними историками, например, Саллюстием. Приближенный императора Элий Сеян предстает как негодяй, императрицы — как классические злодейки, а Тиберий напоминает выведенный в речах риториков и драмах тип тирана, воплощения жестокости, несправедливости, подозрительности, коварства и сладострастия.

Таким образом, несмотря на все очарование Тацита, его сообщения не могут нас полностью удовлетворить. Впрочем, недостаточно, даже крайне недостаточно и тех сведений, которые дают Тацит, Светоний и Дион Кассий вместе взятые. Поэтому мы все равно должны пытаться выяснить, что в действительности представляли собой цезари.

В настоящее время особое внимание к личности правителя рассматривается как нечто устаревшее и архаичное. Конечно, и современные историки могут, говоря словами Уильяма Роско Тэйера, «пытаться постичь, каким образом человеческая воля — сила более загадочная, чем электричество — влияет на деяния людей и направляет их». Но Тацит, кажется, заходит в этом направлении слишком далеко, ибо пытается представить всю историю древнего Рима и его могущества как простое чередование правителей. Возможно, он признавал, что, хотя правители приходили и уходили, общественное устройство оставалось неизменным и все продолжалось по-прежнему. Вместе с тем, разделяя характерный для древних римлян интерес к личности, Тацит усвоил, а скорее, даже частично создал гуманистическое видение истории, в котором движущей силой считается человеческая воля. Для Тацита события направлялись людьми, а не наоборот. Сходным образом подходил к пониманию истории Марвелл, который в 1650 г. писал, что Кромвель

Стараниями и доблестью разрушил то,
Что создавалось веками,
И придал старым королевствам
Новый облик⁵.

Приблизительно через столетие эта концепция была отвергнута Монтеस्कье, заметившим, что и без Цезаря и Помпея нашлись бы властолюбцы, которые бы разрушили римское государство. В понимании Гете, время накладывает свой отпечаток на человека, и люди, родившиеся на десять лет раньше или позже, отличаются друг от друга. В XIX в. обе концепции были сформулированы довольно ясно и последовательно. Томас Карлейль в своей вышедшей в 1841 г. книге «О героях, почитании героев и героическом в истории» попытался вновь утвердить значение личности. «В моем понимании, — писал он, — история человеческого общества, или, иначе говоря, история того, что человек совершил в этом мире, есть в сущности история великих людей, действовавших в нем». Фридрих Энгельс поддержал Монтеस्कье, заявив, что «приход Наполеона был закономерен, и, если бы он не явился, на его месте оказался бы кто-нибудь другой». Современные историки, к неудовольствию Гитлера и прочих диктаторов нашего столетия, склоняются скорее к мнению Энгельса. «Крайне немногие революции, — пишет профессор Арнальдо Момильяно, — можно объяснить, исходя из фигур их вождей. Изучение личности вождя необходимо, однако этого недостаточно». Сэр Рональд Сайм, один из тех историков, кто скептически относится к самой идее составления биографий императоров, резко критикует «надуманную противоположность характеров и вымышленные контрасты в политике». «Уделять столько внимания личностям императоров, — пишет он далее, — неправомерно». Конечно, древние авторы заходили слишком далеко, сводя все и вся к деяниям отдельных людей и уделяя чрезмерное внимание мелодраматическим, как будто взятым из речей риториков персонажам, созданным ими же на основе порой притянутых за уши фактов. Такой подход нуждается в исправлении. Преемственность политики Рима определялась не человеком, стоявшим у руля государства, а устанавливавшимся почти произвольно консенсусом в среде правящей элиты. В любом случае, жестокость даже самого грозного императора ощущала на себе лишь небольшая часть этой элиты, те немногие люди, которые стояли к нему достаточно близко. Это признает даже Тацит. Впрочем, у него встречаются и замечания иного рода. «Добро, которое творят хорошие государи, — говорит он устами полководца Церриала, посланного против восставших галлов, — приносит пользу и вам, хотя вы живете вдали от Рима; жестокость дурных обрушивается только на нас, стоящих рядом». Действительно, императоры могли оказать влияние на ход событий во всех странах, входивших в длинный список владений империи. Даже Сайм, сомневающийся в том, что им часто удавалось повернуть социальные процессы в иное русло, признает, что они могли «ускорить или замедлить их». Уже это было бы огромным свершением, затрагивавшим жизни тысяч и миллионов людей. Некоторые из императоров, однако, добились намного большего. Конечно, республика пала бы и без Цезаря и Помпея, однако именно Цезарь определил, как пошло ее разрушение, и сделанный им выбор пути имел огромное значение для будущего государства. Колоссальное влияние на античный мир и цивилизацию более позднего времени оказал и Август. Тиберий был, очевидно, прав, когда на похоронах своего предшественника особо упо-

мянул о «деяниях Августа, деяниях, которые никто, кроме него не смог совершить», ибо деятельность последнего сыграла роль мощной движущей силы и определяющего фактора для всей его эпохи. Свой особый след в истории оставил также Клавдий. Наконец, Веспасиан и Домициан заложили основы двух диаметрально противоположных способов управления государством, которым последующие императоры следовали на протяжении нескольких столетий.

Мы упомянули только об императорах, оказавших наибольшее воздействие на ход римской истории. Разумеется, список правителей, деяния которых влияли на судьбу Римской империи, на этом не кончается. Если мы зададимся целью отыскать нечто сходное с ней по государственному устройству в современном мире, то придем к выводу, что в некотором отношении Рим был более близок к странам Ближнего Востока, чем к западноевропейским государствам наших дней. Специалисты по истории президентского поста в США, правда, также скорее всего не станут преуменьшать влияние занимавших его людей на развитие событий.

Не исключено, что современная тенденция объяснять все события исходя из общих исторических процессов, а не из характеров или дарований цезарей, также может зайти слишком далеко. Изучение личности вождя остается, таким образом, одной из важных задач исторического исследования, и настоящая книга представляет собой попытку внести посильный вклад в эту область науки.

Между тем многочисленные недостатки произведений древних писателей делают поставленную нами цель труднодостижимой. Разумеется, и Тацит, и Светоний, и Дион Кассий опирались на источники, современные или почти современные событиям, о которых они рассказывали. Однако эти источники ныне утеряны, и проанализировать их мы не в состоянии. Единственное, что можно сказать с уверенностью, — это то, что и они, подобно более поздним произведениям, дошедшим до нас, имеют неодинаковую ценность и, как предостерегающе замечает Тацит, носят на себе отпечаток политических пристрастий авторов, а иногда искажают действительность. Кроме того, даже если авторы этих произведений жили рядом с императорским дворцом, вряд ли они были хорошо осведомлены о том, что происходило за его стенами. Как мы уже отмечали, по дворцу постоянно ходили слухи, проверить которые не было возможности, а историки очень часто не располагали другой информацией. Дион Кассий, лично знавший двор династии Северов (193—235 гг. н. э.), описывает такую ситуацию весьма эмоционально:

«Раньше, как мы знаем, обо всех важных делах, даже если они касались далеких земель, оповещали сенат и народ, так что все знали о них, а многие записывали сообщения. Таким образом, как бы ни искажалась действительность в трудах некоторых авторов под влиянием страха или пристрастий, дружбы или вражды, какую-то долю правды всегда можно было отыскать в сочинениях других писателей, а также в общественных записях. Но со времен Августа все дела стали секретными и тайными, и даже в то, о чем время от времени по случаю

оповещают народ, люди не верят, ибо не могут проверить. Ведь они подозревают, что все говорится и делается по указанию тех, кто в данный момент стоит у власти, или их приближенных. В результате, о многом из того, чего никогда не было, в народе немало говорят, в то время как о том, что действительно имело место, люди не узнают совсем, а почти о каждом событии ходят рассказы, неправильно его представляющие. Более того, империя столь велика, а событий в ней происходит столь много, что точно их отразить крайне сложно. Так, много нового происходит и в Риме, и в подвластных ему землях, а у наших врагов что-то случается постоянно, можно даже сказать, ежедневно, и представление об этих делах имеют только те, кто сам в них участвует, в то время как большинство людей не знает о них ничего»⁶.

Друг Нерона Петроний, хорошо знакомый с жизнью императорского дворца периода двенадцати цезарей, описывает ходившие в то время ложные слухи еще более красочно:

Люди скорее проглотят зажженную свечу,
Чем станут хранить тайну, о которой говорят в самых жалких из сплетен,
А едва лишь во дворце, пусть даже шепотом, скажут хоть слово,
Как его тут же передадут всем.
Но мало того, что о нем узнают люди,
Каждый из них будет переиначивать его на свой лад, приукрашивая
и дополняя⁷.

Если многие из дошедших до нас сообщений неверны, каким образом можно выделить крупинцы правды из общей массы имеющейся у нас информации? Один из способов сделать это заключается в сравнении данных историков и биографов с многочисленными случайными свидетельствами, сохранившимися у древних авторов, никогда не писавших исторических произведений. Роберт Грэйвс, защищаясь от обвинений в том, что его исторические романы «Я, Клавдий» и «Божественный Клавдий» представляют собой компиляцию рассказов Тацита и Светония, дополненную «силой его собственного воображения», заявлял, что использовал огромное количество других источников. Обращаясь к ним, он был, разумеется, прав, однако сделать все-таки можно было больше. Современные исследователи располагают ценными источниками информации, который древние авторы обычно игнорировали. Речь идет о надписях, документах, зданиях, произведениях искусства и монетах, которые мы можем использовать при исследовании благодаря развитию вспомогательных исторических дисциплин. Так, надписи сохранили подлинные слова императоров, например, оригинальные и довольно информативные высказывания Клавдия. Документы зачастую проливают свет на многие слабо изученные темы. Архитектурные комплексы показывают, что хотели императоры оставить в наследство потомкам. Скульптуры дают нам целую галерею императорских портретов. Портреты императоров находим мы и на монетах, которые одновременно отражают множество мотивов государственной пропаганды, зачастую явно определявшихся личными целями самого правителя. При использовании этих источников исследователь, однако, сталкивается с определенными трудностями. Привлекать их к исследованию можно

только с большой осторожностью, ибо многие из них, если не почти все, представляют собой произведения имперской пропаганды. Но именно это придает им огромную ценность — ведь многие из имеющихся у нас письменных источников можно охарактеризовать как произведения *антиимперской* пропаганды. Единственно верным решением было бы попытаться сопоставить эти группы источников между собой. Вероятно, ни одна из них не даст верной информации, но на основе их сравнительного анализа можно составить себе некоторое первичное представление о том, кем были римские императоры.

Документы и монеты представляют для нас большую ценность, чем письменные источники. С одной стороны, они — современники интересующих нас событий. С другой — они, исходя по большей части из императорского дворца, показывают, как сами власти представляли личности и политику цезарей, а также отношение последних к власти.

Составление жизнеописаний римских императоров представляет собой трудную, но одновременно интересную задачу. Мы, конечно, понимаем, что вряд ли сможем добиться полного успеха, но, как нам кажется, сделать некоторые замечания в отношении этих выдающихся и облеченных огромной властью людей даже по прошествии столь долгого времени вполне реально. Именно это мы и попытаемся сделать в настоящей книге и будем счастливы, если наш труд стимулирует дальнейшие исследования в этой области.

Жизнь римских императоров имела некоторые существенные особенности, оказывавшие значительное влияние на их действия почти все время, пока они оставались у власти. Прежде всего власть, да и сама жизнь любого из них зависела от армии. У армии, разумеется, были и другие функции: защита империи от внешних врагов, расширение ее пределов, которое неуклонно продолжалось при всех императорах. Но достаточно многочисленная для выполнения этих задач армия располагала также значительным воинским контингентом во главе с наделенными большой властью полководцами, что создавало постоянную угрозу безопасности императора. За исключением нескольких выдающихся личностей, воспринимавших эту угрозу удивительно спокойно, (например, Юлий Цезарь и Веспасиан), императоры никогда надолго не забывали о ней. Более того, сознание опасности часто определяло их политику. Во время войн с внешними врагами назначение командующего армией представляло собой трудноразрешимую дилемму. С одной стороны, император не мог руководить войсками сам, ибо для этого он должен был бы оставить столицу без присмотра. С другой — ничуть не менее рискованно было передавать командование большими силами кому-нибудь другому.

Постоянная угроза исходила и от сената. На протяжении веков этот орган, формально наделенный лишь совещательными полномочиями, был подлинным правительством республики, сообщая государственным чиновникам свое мнение по поводу различных вопросов внутренней и внешней политики, финансов и религии, поддерживая законодательные инициативы и обеспечивая преемственность институтов власти. Правда,

сенат как единое целое обыкновенно не определял политику государства; такие вопросы решались на неофициальных собраниях наиболее влиятельных его членов, которые в большинстве своем были людьми, в разные годы занимавшими пост консула — высшего должностного лица республики. В политическую и социальную элиту входили, кроме них, и многие другие сенаторы. Более того, членство в сенате означало и принадлежность к богатейшим слоям общества, ибо для сенаторов существовал специальный имущественный ценз. На следующей ступени иерархии стояли всадники. Со времен Суллы, бывшего в 82—81 гг. до н. э. диктатором, сенаторское звание стало предоставляться людям, занимавшим когда-либо пост квестора (одна из низших должностей в государственной администрации), в результате чего сенат должен был превратиться в собрание отставных чиновников. Сенаторы выделялись из общей массы римских граждан туниками с широкими пурпурными полосами и красными кожаными сандалиями, пользовались большим авторитетом в народе и в армии, действующие и отставные командиры которой также входили в их число.

На определенном этапе, однако, значение сената стало падать. Первая серьезная угроза его могуществу появилась во II в. до н. э., когда принадлежавшие к знати политики Тиберий и Гай Семпроний Гракхи угрожали обратиться через голову сената к Народному собранию. Еще более значительная опасность исходила впоследствии от полководцев, которые, опираясь на находившиеся под их командованием войска, сосредотачивали в своих руках все большую власть. Наконец, при Юлии Цезаре и его наследниках сенат был навсегда подчинен власти императора. Знатные роды, которые дотоле определяли политику государства, не желали, однако, принять эту перемену, ибо она наносила удар по их унаследованным от предков неограниченным амбициям. Поэтому каждый новый император, вступая на престол, стремился заручиться поддержкой этих высокомерных и надменных людей, прибегая к династическим бракам, однако никому из принцепсов так и не удалось полностью привлечь сенаторов на свою сторону. Из среды знати, таким образом, по-прежнему исходила опасность, и каждый цезарь страдал от навязчивых и часто оправданных опасений пасть жертвой коварного заговора заседающих в столице сенаторов и находящихся в действующей армии полководцев.

Побаивались правители и римской городской бедноты, хотя угроза, исходившая от нее, впрочем, была куда менее серьезной. Рим никогда не был демократической республикой, ибо в Народном собрании, официально высшем органе власти, постоянно доминировали знать и богачи, имевшие возможность повлиять на исход голосования. При императорах даже несмотря на то, что в правление Августа и его преемников все внешние атрибуты сохранялись, Народное собрание окончательно потеряло свой вес и перестало выступать с какими-либо политическими инициативами. Народ, по замечанию Ювенала, был абсолютно безразличен к государственным делам. Но за чернью требовался постоянный надзор, ибо она легко могла учинить беспорядки или устроить выступление во время торжественных церемоний, представлений или других

мероприятий, на которых люди могли видеть императора и попытаться обратиться к нему. Клавдия, например, разъяренная нехваткой продовольствия толпа встретила однажды бранью и закидала ломтями хлеба.

Одним из способов решения проблемы возможного мятежа римской черни были массовые раздачи хлеба. Знаменитый принцип «хлеба и зрелищ» помогал снимать напряжение среди городской бедноты. «Хлеб» означал бесплатную раздачу продовольствия или денег для его приобретения, о чем свидетельствуют надписи на монетах Нерона. Под «зрелищами» подразумевались набравшие со временем размах народные увеселения. Императоры как бы соревновались друг с другом, устраивая все более длительные и пышные игры. Единственным исключением был, пожалуй, Тиберий, при котором даже гладиаторы жаловались на то, что они не могут выступить перед зрителями.

«В твоих интересах, — говорил Октавиану Августу танцор Пилад, — чтобы народ проводил свободное время, глядя на нас, актеров, ибо тогда люди не станут помышлять о мятеже». Согласно оратору Фронтому, Траян постоянно заботился о знаменитых актерах, цирке и арене, ибо понимал, что все это необходимо для умиротворения народа. Более того, если верить тому же Фронтому, Траян полагал, что «достоинства правителей показывают устраиваемые ими увеселения». Даже если это и не так, зрелища все же обеспечивали императорам некоторую безопасность.

Меры, принимавшиеся императорами для успокоения черни, были довольно эффективными. Опасения, что городские низы постоянно склонны к мятежу, оказались необоснованными. Время от времени беднота действительно устраивала беспорядки, но даже в самые критические моменты правительство никогда не выпускало ситуацию из-под контроля. Известно, что, несмотря на все страхи, ни один из первых двенадцати цезарей не был свергнут в результате мятежа городской бедноты. То же самое можно сказать и об императорах позднейших времен: ни один из них не пал от руки черни. Городские низы, хотя постоянно и находились в непосредственной близости от дворца, были наименьшей из опасностей, угрожавших императорам.

Значительно большую опасность представляли собой армия и сенат. Участие в заговорах было, по замечанию Тиберия, любимым занятием его подданных. По его словам, как поставленный над ними правитель, он «держит волка за уши». Почти все императоры постоянно думали о своей безопасности, и лишь некоторым из них это казалось проявлением трусости. В исторических и биографических трактатах сохранились описания множества мер, предпринимавшихся для предотвращения грозившей императорам опасности. Префект преторианской гвардии Макрон, например, не давал Калигуле засыпать на званых обедах и «непреренно будил его, заботясь о приличии и безопасности (ведь спящий — легкая добыча)». Кроме того, все императоры принимали различные препараты для защиты от отравления.

Заговоры были постоянным явлением. Их жертвой мог пасть любой император, вне зависимости от того, считали ли его впоследствии хорошим или плохим правителем. Но были ли эти заговоры реальными,

или речь шла только о подозрениях? Ответить на этот вопрос с уверенностью крайне трудно, об этом четко сказал Дион Кассий:

«Люди со стороны обыкновенно не осведомлены о таких делах. Ведь какие бы меры ни предпринимал правитель, сам или через сенат, для наказания лиц, обвиняемых в заговоре против него, всегда есть подозрение, что причиной всему — гнев, какими бы оправданными эти меры ни были».

Очень похожую мысль высказал и последний из двенадцати цезарей, Домициан. Удел правителя достоин особого сожаления, заметил он, ибо, когда раскрывается заговор против него, никто не верит, что это так, — пока его действительно не убьют.

Перестать хотя бы на время думать о постоянно грозящей опасности было для императоров нелегко. Находясь при смерти, Август внезапно закричал, что его тащат куда-то сорок молодых.

Быть императором значило посвятить себя тяжелым трудам. Немногие биографы, древние или современные, уделяют достаточное внимание этому факту. Некоторые античные авторы, однако, не обходят его вниманием. Гораций, например, сочувствовал Августу, на котором, по его словам, лежала огромная ответственность. На пребывавшего на Капри Тиберия, по выражению Плутарха, «со всех концов земли свалились заботы по управлению государством». Тиберию предрекли, что, став императором, он будет походить на жалкого, изнуренного тяжким трудом раба, и он чувствовал впоследствии, что пророчество сбывается.

Клавдий помешал на монетах надпись *Constantia*, то есть твердость и выдержка, которые он считал своими достоинствами. Веспасиан прощал заговорщиков, замечая, что те, кто стремится занять его место, — сумасшедшие, ибо не понимают, как тяжело бремя императорской власти. Плиний Младший хвалит Траяна за то, что тот не тратил много времени на сон. «Благодаря умеренности в еде, — говорит Марк Аврелий о своем предшественнике Антонине Пие, — он мог заниматься государственными делами с утра до вечера, удовлетворяя даже свои физиологические потребности только в отведенное для этого время».

Слова моралиста прошлого века Сэмюэла Смайlsa, похвально отзывавшегося о Шекспире как о «хорошем ученом и трудолюбивом человеке», видевшем в Наполеоне и Веллингтоне пример усердия в достижении цели, могут сейчас вызвать улыбку. Между тем его характеристики во многом применимы к римским императорам. По выражению Диона Кассия, «дел в государстве стало столь много, что справляться с ними было все сложнее», и императоры должны были проводить в трудах едва ли не все время, чтобы обеспечить свое будущее.

Государственная машина, которой управляли цезари, не оказывала им никакой помощи. Ситуация была сродни той, которая сложилась в современную эпоху, когда, по словам Вудро Вильсона, «люди со средним физическим развитием и обычной рассудительностью не могут занимать президентский пост, если напряжение, испытываемое ими, не будет как-

то ослабляться». В наше время эту задачу выполняют помощники президента, принимающие на себя часть его функций. Последние события показали, что и эта система иногда себя не оправдывает, однако помощники, по мнению Клинта Росситера, «дают человеку некоторую возможность выдержать напряжение». Римские императоры, не будучи в силах заниматься всеми делами, поручали часть работы друзьям, советникам и письмоводителям. Корнель подробно описывает трагедию Августа, оставленного другом, которого он привлек к управлению государством:

О Боже всевышний, кому ныне могу я доверить
Потаенные мысли и ношу, что стала моей?
Возьми назад власть, которую пожелал Ты мне вверить,
Коль подданных дав, лишаешь меня Ты друзей.

Проблема заключалась в том, что ошибиться с выбором помощника было нельзя. «Прежде всего остального, — говорил Сенека, — правителю нужен честный советник». Невозможность опереться на верных людей часто влекла за собой для императора самые серьезные последствия. Получалось приблизительно так же, как в случае с армией. Император назначал людей для управления государственными делами, и, если они были облечены достаточной властью, от них могла исходить угроза трону. Всю историю правления императоров можно представить как рассказ о тех, кого императоры, поступая разумно или нет, привлекали к управлению государством.

Однако римские секретари и советники никогда не были так загружены работой, как мы сейчас можем себе это представить. «Власть неделима, — говорят римляне у иудейского философа Филона, — таков незыблемый закон природы». Схожую мысль можно найти у Плиния. «Сотоварища... ты не найдешь, — пишет он, обращаясь к Траяну, — если сам его не выберешь». Оба автора говорят о соправителях, однако то же самое относилось и к советникам, и к друзьям императоров. Правитель мог быть только один, а все остальные должны были ему подчиняться.

В античной традиции мы не находим сложных механизмов передачи полномочий. Когда одному из императоров было прислано письмо, он самолично ознакомился с ним и написал или продиктовал ответ. Манера Герберта Гувера прочитывать и визировать каждую депешу, направляющуюся департаментом бюджета в исполнительные агентства, показалась бы императорам вполне естественной. Август однажды снял с должности наместника одной из провинций за то, что тот допускал ошибки на письме, ставя *ixi* вместо *ipsi*. Мы видим, что император лично читал письмо, написанное рукой самого наместника. Калигула, как сообщают источники, побагровел однажды от гнева, читая донесение своего наместника в Сирии.

Древние не подписывали своих посланий, но императоры обычно добавляли к подготовленному письмоводителями тексту личные замечания или формулы приветствия. Многие они писали собственноручно. Август, например, лично составил часть своего завещания, а один из

экземпляров завешания Тиберия был написан им самим. Когда Нерва назначил Траяна престолонаследником, он сам написал ему об этом; а Траян, взойдя на престол, лично обратился с письмом к сенату. Римляне считали, что императоры должны были сами составлять тексты своих публичных выступлений. Нерон первый прибег к помощи «чужого красноречия», доверив составление своих речей Сенеке. Домициан вообще был не в состоянии правильно написать речь, и за него это делали другие. Но такие поступки, разумеется, подвергались критике; обычно императоры писали свои речи сами.

Управляя государством, императоры постоянно сталкивались с многочисленными прошениями и петициями, что для современных западных стран представляло бы собой нечто необычное. Многие из этих прошений направлялись императору в письменном виде, и, когда Траян в принципе отказался отвечать на них, это было воспринято как отход от сложившейся практики. Известен случай, когда философ Евфрат написал императору Веспасиану письмо, в котором просил о подарках; он рассчитывал, что император ознакомится с ним в уединении, но тот неоднократно читал его вслух своим придворным.

Довольно часто императорам приходилось также принимать многочисленных ходатаев. Если цезарь, получая петицию, разбирал дело тщательно, он часто нуждался в дополнительной информации от самого автора. В таком случае последний вызывался во дворец. Когда Тиберий попросил Августа предоставить римское гражданство одному греческому клиенту, тот дал свое согласие лишь после того, как этот человек лично появился перед императором и убедил его в обоснованности своей просьбы.

Давать аудиенции подданным воспринималось римлянами как долг императора. Однажды, когда Адриан был в пути, какая-то женщина попросила его выслушать ее. «У меня нет времени», — ответил Адриан и поехал дальше. «Тогда уйди, если не можешь править», — крикнула женщина ему вдогонку. Услышав эти слова, Адриан немедленно вернулся и занялся ее делом.

Все это входило в тяжелую обязанность императоров — быть открытыми для общения с людьми, причем в намного большей степени, чем требуется от правителей нашего времени. Древние авторы с особой похвалой отзываются о Веспасиане и Траяне, всегда готовых принять просителя. «Наконец-то, — говорит Плиний Младший о правлении Траяна, — пришло такое время, когда двери государя не осаждаются толпой отвергнутых посетителей». Напротив, те из императоров, кто, подобно Тиберию, уклонялся от приема посетителей, становились объектом критики, и о них начинали говорить в неблагоприятных тонах.

Кроме того, императорам приходилось также устраивать приемы, наносить визиты, посещать празднества и пиры, помогать советом друзьям и бывать на публичных чтениях стихов. Август сам учил всему своих внуков и ел вместе с ними. Даже незадолго до смерти он нашел в себе силы понаблюдать за упражнениями эфэбов на Капри и согласился посетить устроенный в их честь пир.

Очень много времени отнимала у цезарей необходимость появляться на людях, присутствуя на играх и других представлениях. Вот что говорит о значении этой стороны деятельности правителей империи Жером Каркопино:

«Между императором и чернью была, таким образом, установлена тесная взаимосвязь, что, с одной стороны, не давало правителю оказаться в одиночестве, а с другой — постоянно напоминало народу о его существовании. Когда император появлялся в цирке, театре или амфитеатре, люди вставали и приветствовали его, махая платками. Подобным приветствием, напоминающим по звучанию одновременно религиозный гимн и молитву, встречают ныне католики папу в церкви Святого Петра в Ватикане. В ту пору, когда Народное собрание безмолствовало, а сенат был полностью подчинен императору, дни игр и увеселений становились единственным временем, когда общественное мнение могло найти свое выражение, например, в подхваченном множеством голосов требовании к Тиберию вернуть лисиппова Апоксиомена* или к Гальбе — казнить Тигеллина. Императоры постепенно научились направлять народные чувства в нужное себе русло и, более того, часто перекладывали на толпу ответственность за репрессии, которые сами давно замыслили, но предпочитали представить как осуществление воли народа».

Присутствуя на играх, императоры должны были демонстрировать интерес к тому, что происходило на арене. Тиберий, наблюдая за играми, явно скучал, и это практически сводило на нет пользу от его присутствия в цирке. Юлий Цезарь имел обыкновение во время представления читать или отвечать на прошения, и современники отзывались об этой его манере с неодобрением. Август, наоборот, всегда высказывал искреннее восхищение играми и не сводил глаз с арены; если же дела вынуждали его уйти до окончания представления, то он извинялся и назначал кого-либо руководить празднеством вместо себя. Даже когда у него обострилась болезнь желудка, он нашел в себе силы отправиться в Неаполь, чтобы побывать на проводившихся там раз в пять лет празднествах. Калигула часто приходил в театр на рассвете. Он иногда уходил с игр, чтобы принять ванну или пообедать, но затем всегда возвращался. Для него, правда, посещение игр было не обязанностью, а скорее удовольствием, ибо он любил наблюдать за их ходом. Но если это только предположение, он, часто посещая игры, все равно составил бы себе определенный политический капитал. Траян, приходя в цирк, садился на обычное место, расположенное на одной высоте с остальными, и люди любили его за это.

Согласно традициям, император должен был, помимо всего прочего, лично являться в суд, если разбиралось дело, затрагивавшее его друзей. Нам и сейчас это кажется, пожалуй, наиболее странной чертой древнеримской жизни, ведь император был обязан заниматься таким трудным и утомительным делом, как вершить суд. «Поистине, — говорит

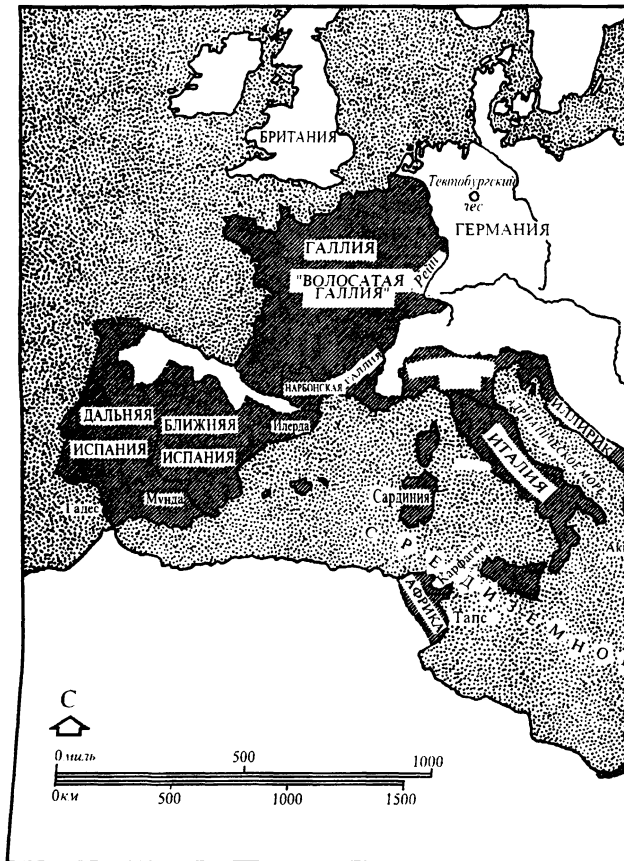
* Знаменитая статуя, которую Тиберий взял, вместе с еще одной, для украшения своей спальни. (Примеч. авт.)

Плиний Младший, — [это является] почетным долгом государя», его основной обязанностью. Императорам приходилось проводить немало времени за разбором судебных дел, выясняя, на чьей же — истца или ответчика — стороне правда. Когда Август, уже незадолго до смерти, собирался проводить Тиберия до Беневента, он был «задержан многочисленными судебными делами, удерживавшими его на месте». Несколько ранее, насколько мы знаем, Мецената видели пробивавшимся сквозь толпу людей, окруживших императора и требовавших от него вынести суждение по различным вопросам. Суд в империи, замечает Каркопино, «был, видимо, схож с судом какого-нибудь восточного паши, творящего правосудие сидя во внутреннем дворе своего дома в непринужденной обстановке, среди шума и криков... Мы не можем понять, как могли римляне мириться с существованием этой системы, требовавшей от человека огромного напряжения сил, даже не пытаясь изменить ее или сделать процесс разбирательства менее трудным. Должны ли мы предполагать, что римляне отличались от нас большей стойкостью и выдержкой?»

Возможно, ответ на этот вопрос должен быть утвердительным. Но даже если это действительно было так, римлянам, как мы постараемся показать в этой книге, все-таки не хватало выдержки. Того, что выпало на их долю, не вынес бы, пожалуй, никто.

Часть I
ОТ РЕСПУБЛИКИ
К ИМПЕРИИ

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

в 49 г. до н. э.

Глава 1

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Гай Юлий Цезарь родился в 100 г. до н. э. Его отец, не совершивший ничего выдающегося, принадлежал к древнему, но не особенно богатому патрицианскому роду. Тетя Цезаря по отцу была замужем за знаменитым полководцем Гаем Марием; позднее сам Цезарь женился на дочери преемника Мария, Цинны. Около 76 г. до н. э. она родила ему дочь, названную Юлией, но через восемь лет умерла сама. В период диктаторского правления Суллы, консерватора и врага радикалов Мария и Цинны (82—81 гг. до н. э.), Цезарь занимал ряд второстепенных постов на государственной службе. Известный как противник просенатской политики Суллы, Цезарь поддержал удачливого полководца Помпея и богача Красса и в 63 г. до н. э. занял первый в своей жизни важный пост — его избрали на должность понтифика. Через три года, униженный сенатом после своего наместничества в Испании, он заключил соглашение с Помпеем и Крассом об установлении диктатуры, неофициальный «первый триумвират». С помощью Помпея и Красса Цезарь в 59 г. до н. э. был впервые избран консулом. Получив власть, он безжалостно разгромил тех, кто выступал против него, и не считался с вето своего опиравшегося на сенат сотоварища. В 58—51 гг. до н. э. Цезарь подчинил Центральную и Северную Галлию, дойдя до Рейна и на короткое время переправившись на другой берег реки. В 55 и 54 гг. до н. э. он предпринял две не принесшие заметных результатов разведывательные экспедиции в Британию.

В этот период союз членов триумvirата, упроченный на встрече в Луке (ныне Лукка) в 56 г. до н. э., начал понемногу распадаться из-за соперничества между ними. Со смертью в 54 г. до н. э. сестры Цезаря Юлии, бывшей замужем за Помпеем, узлы между двумя политиками оказались разорванными, а через год, когда Красс погиб в войне с парфянами, противостоявшими в то время Риму на восточном направлении, конфронтация между ними еще более усилилась. После длительной подготовки в 49 г. до н. э. началась гражданская война, приведшая вскоре к краху римской республики.

10 января Цезарь, выступив из находившейся под его управлением Галлии и перейдя Рубикон, быстрым маршем прошел через всю Италию, чтобы не дать Помпею возможности перевести свои силы в Грецию. Отложив после этого на некоторое время преследование Помпея, он направился в Испанию, где разгромил верные своему противнику войска при Илерде (ныне Лерида). Вслед за этим Цезарь после короткого пребывания в Италии отправился на Балканы и 9 августа нанес Помпею решающее поражение при Фарсале в Фессалии. Помпей бежал в Египет, где был убит придворными малолетнего царя Птолемея XIII. Цезарь также переправился в Египет и провозгласил ставшую его любовницей единокровную сестру Птолемея Клеопатру царицей. В последовавшей за этим так называемой «Александрийской войне» (47 г. до н. э.) он разгромил силы Птолемея, который вскоре был убит. Вслед за этим Цезарь разбил в Малой Азии боспорского царя Фарнака, и об этом сражении гласит его знаменитое донесение: «Пришел, увидел, победил».

В том же 47 г. до н. э. Цезарь предпринял поход в Северную Африку, где после четырех месяцев военных действий разгромил при Тапсе (ныне Рас Димас) сыновей Помпея, Гнея и Секста. Вслед за этим он вернулся в Рим отпраздновать победу. Туда же вскоре прибыла из Египта Клеопатра. Но в столице Цезарь долго не задержался: уже в 45 г. до н. э. он направился в Южную Испанию, где при Мунде, восточнее Севильи, в последнем сражении в своей жизни разбил войска уцелевших сторонников Помпея. Старший сын Помпея Гней при этом погиб, но его брату Сексту удалось бежать.

Одновременно с военными действиями, Цезарь в этот период проводил важные административные реформы. В последние месяцы жизни он все более склонялся к диктатуре, что явно задевало интересы аристократии, стремившейся к реставрации олигархического режима республики. Противостояние между аристократами и Цезарем достигло своей высшей точки в феврале 44 г. до н. э., когда он был провозглашен пожизненным диктатором.

18 марта того же года Цезарь собирался выступить в грандиозный поход против парфян, чтобы отомстить им за гибель Красса. Но за три дня до выступления он был убит группой из шести заговорщиков, среди которых были Марк Брут, Гай Кассий и Децим Брут Альбин.

Внешне Цезарь был совершенно непохож на великого полководца.

Говорят, он был высокого роста, светлокожий, — пишет Светоний, — хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые.

Здоровьем он отличался превосходным: лишь под конец жизни на него стали нападать внезапные обмороки и ночные страхи, да два раза во время занятий у него были приступы падучей. За своим телом он ухаживал слишком даже тщательно, и не только стриг и брил, но и выщипывал волосы, и этим его многие попрекали. Безобразившая его лысина была ему несносна, так как часто навлекала насмешки недоброжелателей. Поэтому он обычно зачесывал поредевшие волосы с темени на лоб; поэтому же он с наибольшим удовольствием принял и воспользовался правом постоянно носить лавровый венок.

И одевался он, говорят, по-особенному: он носил сенаторскую туннику с бахромой на рукавах и непременно ее подпоясывал, но слегка: отсюда и пошло словцо Суллы, который не раз советовал оптиматам остерегаться плохо подпоясанного юнца¹.

Цезарь обладал удивительным обаянием, повергавшим в смятение окружающих его людей. Всякий раз когда он пускал его в ход, люди, в обществе которых он находился, были поражены великолепными манерами, прекрасным даром собеседника и блестящим чувством юмора этого безукоризненно вежливого, образованного и отменно воспитанного человека. Но главным даром Цезаря было даже не это, а энергия, с помощью которой он раз за разом добивался поставленной перед собой цели. Особенно ярко она проявлялась на войне, в искусстве ведения которой Цезарю не было равных.

Оружием и конем владел он замечательно, — читаем мы у Светония, — выносливость его превосходила всякое вероятие. В походе он шел впереди войска, обычно пеший, иногда на коне, с непокрытой головой, несмотря ни на зной, ни на дождь... реки преодолевал он вплавь или с помощью надутых мехов, так что часто опережал даже вестников о себе².

Во время похода Цезарь, передвигавшийся обычно в легкой четырехколесной, подсакивавшей на ухабах повозке, был в состоянии покрывать сто миль в день, в два раза больше других путешественников той эпохи. Находясь в пути, он всегда стремился использовать время с максимальной пользой. Мы знаем, что его двухтомный трактат «Об аналогии» был создан в дни перехода через Альпы, а поэма «Путешествие» написана во время изнурительного двадцатисемидневного марша из Рима в Южную Испанию. Если Цезарь писал сам, то мы не ошибемся, предположив, что он создавал свои произведения в дневное время, ибо ночью отсутствие света помешало бы ему работать. Но не исключено также, что он диктовал их: известно, что ночью он часто оставался в повозке или в паланкине, чтобы продолжать работу. «Я слышал, — сообщает Плиний Старший, — что Цезарь имел обыкновение писать или диктовать и читать одновременно, причем мог диктовать писцам

сразу четыре разных важных письма, а то и семь, если не был занят ничем другим»³. Много времени Цезарь проводил также за разбором судебных дел, верша правосудие с великолепной скрупулезностью и точностью. Но тем не менее, даже будучи занят, он всегда находил время, чтобы принять человека, желавшего поговорить с ним.

Тот факт, что у Цезаря хватало времени на все эти занятия, объясняется его способностью делать все неизмеримо быстро. Знаменитый оратор и ярый противник Цезаря Цицерон заметил, что в начале гражданской войны Цезарь действовал с ужасающей и даже чудовищной быстротой. В способности к быстрому действию Цезарь превосходил всех своих противников, что давало ему большое преимущество над ними и открывало простор для неожиданных поступков, которыми так восхищались его близкие друзья.

Наделенный такими качествами, Цезарь самоуверенно и, возможно, даже самонадеянно полагался на свою удачу (*fortuna*). «Жребий брошен!» — воскликнул он при судьбоносном переходе через Рубикон, и это сообщение источников кажется вполне правдоподобным. Многие императоры питали пристрастие к азартным играм, однако азарт Цезаря представляет собой нечто совершенно особое: полководец играл с самой судьбой, стремясь к господству над миром.

На первый взгляд, Цезарь излишне скромно приписывает все свои свершения удаче. Но это далеко не так. И самому Цезарю, и его современникам удача представлялась некоей невидимой силой, придававшей человеку истинное величие и создававшей вокруг его деяний ореол сверхъестественных подвигов. Однако Цезарь всегда стремился показать, что удача не приходит сама по себе, а благосклонность фортуны следует заслужить. Вспомним здесь слова ранних бенедиктинцев: «работа есть молитва», то есть моление должно быть подкреплено постоянным усердием. «Если не во всем бывает удача, — говорил Цезарь своим войнам в 48 году до н. э., — то на помощь судьбе должна приходиться личная энергия»⁴.

В большинстве поступков Цезаря — хотя и не во всех, как мы увидим далее — хорошо просматриваются его необычайная прозорливость, выдающийся ум и железная воля. Даже Цицерон признавал это, когда, обращаясь к Антонию, пытавшемуся пойти по стопам Цезаря, говорил: «Я могу сравнить тебя с ним разве только во властолюбии; во всем другом ты никак не можешь выдержать сравнения... Он (Цезарь) отличался одаренностью, умом, памятью, образованием, настойчивостью, умением обдумывать свои планы, упорством»⁵.

В том же фрагменте Цицерон признает, что свершения Цезаря на военном поприще, хотя и нанесли Риму катастрофический ущерб, но все же их можно назвать великими. Завоевание Це-

зарем Галлии действительно имело огромное историческое значение: Центральная Европа была открыта для проникновения средиземноморской цивилизации. Хотя римляне были воинственным народом, некоторые современники Цезаря полагали, что он сознательно развязал крупномасштабную, беспричинную и незаконную войну ради удовлетворения своих личных амбиций, вел ее с невиданными жестокостью и вероломством, перебив за один день, как он сам впоследствии, разумеется, несколько преувеличивая, утверждал, 430 тысяч германцев. Но нельзя отрицать, что завоевание Галлии было замечательным военным достижением. Боевые действия, конечно, не представляли собой одну сплошную череду побед, были и неудачи, и поражения, однако все трудности удалось в конце концов преодолеть. Выступив на войну с армией ветеранов численностью менее сорока тысяч человек, Цезарь одержал полную и блестящую победу. Сходным образом развивались события и во время гражданской войны — Цезарю пришлось воевать и в Эпире, и в Александрии, и на юге Испании, однако он снова вышел победителем. Стратегию и тактику полководца, добившегося таких побед, трудно критиковать со стороны.

Цезарь создал самую мощную, боеспособную и сознательную армию из всех существовавших к тому времени. Традиционные достоинства римской армии были подняты им на новую высоту. Цезарю удалось не только великолепно использовать доставшееся от предшественников наследие, но и внести немало нового во многие области военного искусства, такие как устройство лагеря, вооружение, тактику, осуществление разведки и руководства войсками. Как полководец он отличался большой гибкостью и непредсказуемостью, что делало его особенно опасным для неприятеля; враги Цезаря имели дело с противником не только искусным в военном деле и предпринимавшим маневры, которые они часто были не в силах разгадать, но и неутомимым, отчаянно храбрым и все подчинившим одной цели — достижению победы. По словам Лукана,

...а у Цезаря было не столько

Чести и славы вождя, сколь доблести той, не умевшей
Смирно стоять, был единственный стыд — не выиграть битву:
Неукротим и могуч, он вел легионы, куда их
Гнев или надежда влекли, никогда не зная пощады,
Множил успехи свои, божество вынуждал на подмогу,
Все разрушал, что ему на дороге помехой стояло,
И с ликованьем в душе свой путь пролагал меж развалин⁶.

Успехи Цезаря во многом обусловлены преданностью ему его воинов. Два мятежа, в 49 г. до н. э. в Плацентии (современная Пьяченца) и в 47 г. до н. э. в Кампании, во время которых Цезарь проявил замечательное умение говорить с войском, что являлось важной составной частью военного искусства древних, были лишь эпизодами на фоне длительного и прочного союза

между полководцем и его солдатами. Цезарь любил армию, и армия любила его. Цезарь хорошо знал, как надо обращаться с воинами, когда следует подтянуть дисциплину, когда, наоборот, можно ослабить ее, и легионеры год за годом следовали за ним, ибо восхищались его выдающейся личностью и глубоко уважали его как командира.

Прочность союза между Цезарем и его солдатами объяснялась также и тем, что они были необходим друг другу. Легионеры нуждались в Цезаре, ведь только он, после их ухода из армии, мог обеспечить им достойную жизнь. Цезарь же опирался на армию в борьбе против своих политических противников. Занимая в 59 г. до н. э. пост консула, он совершил немало злоупотреблений, однако его недоброжелатели были вынуждены молчать. Пока Цезарь был консулом или командовал войсками, они ничего не могли с ним поделать и потому терпеливо ждали его отставки. Только тогда они могли претворить в жизнь свое твердое намерение — разделаться с ним.

Во время гражданской войны Цезарь вполне искренне признавал, что борется против своих политических противников. В то же время он, разумеется, запускать в пропагандистский оборот другие, более возвышенные доводы, якобы побудившие его взяться за оружие, — необходимость защитить неприкосновенность народных трибунов, свободу и т. д. Помпей со своей стороны заявлял, что стремится не допустить ущемления прерогатив сената. Но Цезарь также признавал, что ведет войну за *свое собственное будущее*, ибо, как он говорил, после великой победы в Галлии не мог принять унижение, уготованное для него его противниками. Вскоре после перехода через Рубикон он еще раз остановился на своих личных целях в этой войне, на этот раз в беседе с посланцами Помпея. «Он всегда ставил на первом плане свою честь, — читаем мы в «Гражданской войне», — и ценил ее выше жизни; он был огорчен тем, что его враги оскорбительнейшим образом вырывают у него из рук милость римского народа и, насильственно сократив его проконсульскую власть на целых шесть месяцев, тащат его назад в Рим, тогда как народ повелел на ближайших выборах считаться с его кандидатурой заочно»⁷. Речь, таким образом, шла о его чести, а честь занимала исключительно важное место в духовном мире аристократов времен республики, к которым принадлежал и Цезарь. Правда, наблюдая за кровопролитным и в конечном счете завершившимся его победой сражением при Фарсале, он говорил уже не о чести, а о спасении собственной жизни. «Они сами этого хотели, — сказал он, — меня, Гая Цезаря, после всего, что я сделал, они объявили бы виновным, не обратись я за помощью к войскам».

Цезарь говорил правду. Но, как показала впоследствии сама жизнь, императору далеко не всегда следовало открыто призна-

вать, что он предпринимает какие-то действия из чисто эгоистических побуждений. Кроме того, не стоит забывать, что Цезарь в этот момент вновь поступал противозаконно. Как наместник Галлии, включавшей в себя и Цизальпинскую Галлию, то есть Северную Италию, он не имел права вступать на территорию собственно Италии, и, перейдя Рубикон, бывший границей подвластных ему земель, он превысил свои полномочия. Именно поэтому до перехода через реку Цезарь устроил религиозные церемонии, которые, учитывая предосудительность и незаконность его действий, должны были развеять опасения, что он совершает святотатство.

Но братоубийственная гражданская война, развязанная таким образом и обернувшаяся для Рима огромными потерями, вызвала у людей ужас. Здесь вина Цезаря была очевидной. Приблизительно через сто лет после гражданской войны Лукан, описывая сражение при Фарсале, изображает его главным виновником конфликта, приведшего к кровавой битве:

Цезаря войско спешит и врывается натиском буйным
В эту густую толпу: сквозь недруга, сквозь его латы
Путь прорубает оно, но панцири твердой преградой
Перед ударом стоят и надежно тела защищают.
Все же, пронзают и их — до сердца; сквозь эти доспехи
Каждый удар проходит лишь раз. Гражданскую битву
Войско одно — горячит, принимает — другое; хладея,
Здесь цепенеют мечи, а там они жарки от крови.
Дел столь великих весы не колеблет долго Фортуна,
И необъятный обвал в течении судеб несется⁸.

Однако пороки республиканской системы, против которой боролся Цезарь, были ничуть не менее, а возможно, даже более отвратительными, чем действия Цезаря. Поэт Лукреций, писавший в 50-х годах I в. до н. э., видел общество, в котором он жил, уставшим от длительных междоусобиц и насилия. Для современников римские аристократы той эпохи уже совершенно потеряли всякую способность управлять государством. Общественный строй, за сохранение которого они выступали, был неспособен сдержать амбиции властолюбцев, которым они поручали командовать войсками. Более того, сами аристократы были в большинстве своем довольно мрачными фигурами. Деятельность сената уже за несколько десятилетий до гражданской войны перестала приводить к значительным результатам, и в общественном мнении все более укоренялась мысль, что республике нужен вождь (*rector*). Речь, разумеется, не шла о реставрации монархии, однако Цицерон, например, в своем труде «О государстве» говорил, очевидно, о потребности общества в лидере. В написанном после мартовских ид письме к Цицерону Брут упрекает его и его единомышленников в том, что их разочарование в республиканском способе правления открыло дорогу осуществлению властных амбиций Цезаря.

Будучи сравнительно небольшой рекой, Рубикон приобрел большое историческое значение. Сам факт его перехода войсками Цезаря означал, что мечтания о республике с гражданским правлением и всевластием аристократов и сенаторов безвозвратно ушли в прошлое. На землях, занятых своими войсками, Цезарь осуществлял абсолютную диктаторскую власть, которая в последующие четыре года была распространена на всю остальную территорию империи. «Командуя армией римского народа, — говорил о нем Цицерон, — он подчинил себе и поработил сам римский народ».

Для придания своей власти законного юридического статуса Цезарь использовал различные методы. В отличие от Августа, который из осторожности всегда стремился избегать видимых проявлений своей власти, Цезарь принял целый ряд титулов и званий. Наиболее внушительным из них был титул императора; слово это, доселе обозначавшее командующего войсками, стало теперь относиться только к Цезарю и подчеркивать его диктаторские полномочия. Кроме того, уже обладая абсолютной властью, Цезарь еще несколько раз — в 48, 46, 45 и 44 г. до н. э. — принял должность консула, которой впервые удостоился еще в 59 г. до н. э.. Это также имело значительные последствия, ибо консулы были наделены большими полномочиями и располагали достаточным арсеналом средств для приведения своих решений в исполнение; вместе с тем, многократное пребывание на этом посту шло вразрез с устоявшейся практикой. Отличавшее Цезаря стремление иметь как можно больше титулов особенно ярко проявилось в 46 г. до н. э., когда сенаторы приняли решение, по которому он, отказываясь в течение года от консульства, получал право занимать почетное место между двумя консулами и, по желанию, выступать первым при обсуждении любого вопроса. Более того, объявив себя «блюстителем нравов», что скорее следует понимать как «хранителем обычаев, традиций и общественных институтов», Цезарь приобрел расширенные по сравнению со старыми временами полномочия республиканских цензоров, избиравшихся раз в пять лет. Эти должностные лица в течение восемнадцати месяцев пребывания на своем посту могли контролировать состав сената. Все это, однако, было второстепенным, а потому лишённым смысла и ненужным, по сравнению с главным титулом Цезаря, составлявшим основу его правления и всевластия, — титулом диктатора.

Должность диктатора существовала в Риме с древних времен. Но тогда диктаторы назначались сенатом по представлению одного из консулов не более чем на шестимесячный срок и только в самых экстремальных ситуациях. В обязанности диктатора входило «вести дела» и контролировать действия чиновников, причем закон ограждал его от любых вето и апелляций. В III в. до н. э. должность диктатора потеряла свое значение, и он вы-

полнял все более незначительные функции, как то организация выборов, народных увеселений или празднеств. Вторжение вестготов Ганнибалом карфагенян в Италию во время второй Пунической войны побудило римлян на некоторое время восстановить эту должность, но уже с 216 г. до н. э. диктаторам перестали предоставлять полномочия, которыми они пользовались вначале, ибо сенаторы боялись передавать власть в их руки, а после 202 г. до н. э. их не назначали вовсе. Так продолжалось до начала I в. до н. э., точнее, до 82 г., когда Сулла, разгромивший в кровопролитной гражданской войне сторонников Марка, организовал свое назначение на эту должность Народным собранием, получив тем самым право утверждать, что занимает ее с согласия народа. В отличие от своих предшественников, Сулла должен был «издавать законы и обеспечивать соблюдение в государстве правовых норм», причем его пребывание на посту диктатора не ограничивалось никакими сроками. Сулла развернул бурную законотворческую деятельность, но уже в конце 81 г. до н. э. он отрекся от должности диктатора и, пробыв еще год в ранге консула, удалился от общественной жизни и вскоре умер.

Будучи диктатором, Сулла стремился не покончить с властью сената, а, наоборот, дать ему время восстановить свое значение. Но в течение последовавших за его уходом трех десятилетий созданный им режим понемногу развалился, и некоторые, как Цицерон, говоривший о том, что республике нужен вождь, были уже готовы на время примириться со справедливым диктатором. Именно через должность диктатора собирался вначале прийти к власти и Цезарь, но свои замыслы он осуществил несколько необычным образом. В 49 г. до н. э. он, выиграв войну в Испании, решил стать консулом на следующий год. Занятие этой должности было его давней целью, и враги всегда делали все, чтобы не дать ему добиться такого успеха. Но провести выборы консулов было невозможно. Люди, занимавшие в то время эти должности и обязанные, следовательно, организовывать выборы, бежали к Помпею. Тогда Цезарь обратился к Марку Эмилию Лепиду, занимавшему следовавшую по рангу за консульской должность претора, с просьбой устроить его назначение Народным собранием на пост диктатора. Какими именно полномочиями был наделен в тот момент Цезарь, нам не вполне ясно, но совершенно очевидно, что его действия преследовали одну определенную цель: обеспечить проведение выборов консулов на следующий год, на которых он выступил бы одновременно в качестве организатора и кандидата. Победив на выборах, Цезарь в конце года сложил с себя полномочия диктатора.

Впоследствии Цезарь еще неоднократно становился диктатором — во второй раз в октябре 48 г. до н. э., после победы над Помпеем при Фарсале, в третий — в 46 г. до н. э., когда

он вернулся из Северной Африки. На этот раз Цезарь имел более четко определенные полномочия, напоминавшие полномочия Суллы; новым было то, что они давались ему на не менее чем десятилетний срок. Здесь, правда, была сделана определенная уступка общественному мнению: каждый год полномочия Цезаря формально продлевались, и на выбитых в роковом 44 г. до н. э. монетах он именуется *четырёхкратным* диктатором.

Между 20 января и 15 февраля 44 г. до н. э. Цезарь принял титул «пожизненного диктатора». Этот поступок также отличает его от Суллы: если последний, приняв титул диктатора, пусть даже на неограниченный срок, вскоре сложил его с себя, то Цезарь с самого начала дал понять, что делать этого он не намерен. Более того, он однажды заметил, что Сулла не знал и азов, если отказался от диктаторской власти.

Становясь пожизненным диктатором, Цезарь явно шел на разрыв с традицией. Никто из восьмидесяти трех человек, носивших титул диктатора до него, не претендовал на пожизненную власть, и действия Цезаря превращали этот пост в нечто совершенно новое. О чем думал Цезарь, принимая титул? Он, разумеется, понимал, что его поступки шокируют ревнителей старых порядков. Вероятно, он либо считал, что какой бы титул он ни принимал, диктаторская природа его власти будет очевидной для всех, либо полагал, что всего лишь деформирует государственное устройство, не разрушая его полностью. Эти расчеты, однако, не оправдались. Цезарь явно недооценил стремление римской аристократии любой ценой не допустить установления абсолютизма. То, что он сам для себя определял как деформацию государственного устройства, остальные считали попыткой его разрушения. Введение поста пожизненного диктатора было немыслимым, ибо с юридической точки зрения ущемляло суверенные права римского народа, а с практической — *навсегда*, или, по крайней мере, до смерти Цезаря, лишало аристократов возможности бороться с новым правителем и между собой за власть в государстве и связанные с ней привилегии. Как позже заявлял Цицерон, правление Цезаря было диктатурой, «которая уже приобрела мощь тирании».

Римляне, разумеется, не могли отрицать, что старых республиканских институтов было недостаточно для управления огромной и богатой империей, и что государственная машина нуждалась в реформах. Но путь, предлагавшийся Цезарем для ее усовершенствования, был совершенно неприемлем для других государственных деятелей той эпохи. Здесь Цезарю при всем его выдающемся уме неожиданно не хватило прозорливости, что впоследствии имело для него фатальные последствия. Он не замечал, или не желал замечать, что пожизненная диктатура была слишком грубой и претенциозной формой правления, чтобы быть принятой римской элитой с ее вековыми традициями

политической деятельности. Дион Кассий справедливо говорил, что, не отказавшись вовремя от титула пожизненного диктатора, Цезарь навлек на себя огромное несчастье. Эта ошибка в политическом расчете погубила Цезаря, ибо установление его пожизненной диктатуры стало одной из причин заговора сенаторов, в результате которого он был убит.

Признание Цезаря пожизненным диктатором не было, разумеется, единственной причиной его гибели. Многочисленные почетные титулы, которыми раз за разом награждал его сенат вне зависимости от желания или нежелания императора их принять, «были собраны, — как образно выразился историк Флор, — наподобие священной повязки для жертвенного животного, предназначенного к закланию». Действительно, многие сенаторы могли специально голосовать за наделение Цезаря все новыми титулами и званиями, чтобы представить его как человека, вознесшегося чрезмерно высоко, и тем самым ускорить его гибель.

Гибель Цезаря приближали и другие его действия. Особое место занимает здесь такой сложный и деликатный вопрос, как избрание помощников. Согласно правовым нормам того времени, диктатор мог иметь только одного помощника, носившего архаичный и уже ставший бессмысленным титул «начальника конницы». Этот чиновник, приравненный по рангу к преторам, получал свои полномочия непосредственно от диктатора и вместе с ним уходил в отставку.

При Цезаре «начальниками конницы» были Антоний (48—47 гг. до н. э.) и Лепид (46—44 гг. до н. э.). Нельзя сказать, что их действия принесли Цезарю большую пользу — Антоний часто поступал опрометчиво, а Лепид был посредственностью. Но даже если бы они блестяще справлялись со своими обязанностями, они вряд ли были бы в состоянии помочь Цезарю: слишком много государственных забот выпадало на его долю. Император не мог привлечь к своим делам и консулов с преторами, ибо те, продолжая существовать при диктатуре и служить ей, выполняли иные обязанности в государственной администрации. Пытаясь избавиться от этих трудностей, Цезарь однажды пошел на нововведение: отбывая в 45 г. до н. э. в Испанию, он назначил восемь командовавших когортами префектов в помощь Лепиду, которому на время своего отсутствия поручил управление Римом. Эта инновация вновь вызвала недовольство аристократов, почувствовавших себя обделенными. Но в основном и Цезарь, и замещавший его «начальник конницы» могли рассчитывать только на своих уполномоченных, которым поручали различные миссии. Прецеденты этому, правда, менее значимые, можно было найти в истории, ибо первые лица республики обыкновенно прибегали к услугам личных советников, а Помпей располагал даже небольшой группой до-

веренных лиц, на помощь которых он опирался. У самого Цезаря во время его пребывания в Галлии было полдюжины помощников, деятельность которых настолько раздражала республиканцев, что они обвиняли его в учреждении некоего тайного совета, или, вернее, двух тайных советов: одного при своей ставке, другого в Риме. Эти помощники служили Цезарю и после завершения войн в Галлии; некоторые из них переселились к нему, другие продолжали жить у себя. В итоге приближенные наместника Галлии действительно сформировали нечто похожее на теневое правительство, главной задачей которого было оказание помощи Цезарю.

Особым влиянием среди этих людей пользовались двое, Оппий и Бальб; оба они принадлежали к сословию всадников, следовавшему в римской иерархии непосредственно за сенаторами, никогда не были членами сената и отличались исключительной преданностью Цезарю. Гай Оппий происходил, по-видимому, из богатого рода римских банкиров; Цезарю он был обязан жизнью, ибо тот во время одной дальней экспедиции спас его от смерти. Подобно своему покровителю Оппий занимался и литературным творчеством, составив жизнеописание Сципиона и, как представляется, самого Цезаря; впоследствии он стал автором еще нескольких биографий. Однако большую часть своего времени он уделял политике, помогая Цезарю, от имени которого, например, вел переписку с Цицероном.

Луций Корнелий Бальб был более колоритной фигурой. Он родился около 100 г. до н. э. в Гадесе (ныне Кадис на юге Испании) и впоследствии некоторое время был фактическим правителем города. Происхождение его было скорее всего семитским — финикийским или карфагенским, а римское гражданство он получил в 72 г. до н. э. от Помпея, под знаменами которого служил во время войны в Испании. В 60 г. до н. э. он великолепно выступил в роли посредника между Помпеем, Крассом и Цезарем, когда их переговоры привели к созданию первого триумvirата. Приблизительно через год его усыновил приближенный к Помпею историк Феофан. На деньги, взятые из его обширного наследства, Бальб впоследствии скупал земельные участки в Тускуле и Риме. В последующие годы, однако, Бальб начал постепенно переходить в лагерь Цезаря, помощником которого он был в Испании и Галлии. Там, в Галлии, и затем в Риме он действовал как доверенное лицо Цезаря, ведя его переписку, принимая посетителей и участвуя в самых важных делах. В этот период, пожалуй, было сложно найти переговоры или интриги, в которых бы Бальб не участвовал. Во время гражданской войны он, сохраняя видимый нейтралитет, примыкал тем не менее к партии Цезаря, и после сражения при Фарсале он с Оппием стали его главными доверенными лицами, которым поручалось ведение государственных дел. Представление о том, чем занимался Бальб в этот момент, дает письмо Цицерона от

45 г. до н. э., согласно которому Цезарь целыми днями работал с документами, закрывшись в покоях вместе с Бальбом и никого не принимая.

Неутомимые и неразлучные, Оппий и Бальб никогда не оставляли дел. В 49 г. до н. э., например, когда Цезарь хотел обнародовать одно политическое заявление, он облек его в форму письма к ним. Через четыре года, когда Цицерон написал черновик послания Цезарю с советом вернуться к республиканскому способу правления, именно Оппий и Бальб, ознакомившись с текстом, порекомендовали автору еще раз тщательно перечитать его, ибо его мысли, так, как они были изложены в письме, не могут быть благосклонно приняты диктатором. Тацит с полным правом считал их первыми всадниками, то есть людьми, не принадлежавшими к сенаторскому сословию, «облеченными властью обсуждать условия мира и решать вопрос о войне». Можно сказать, что Оппий и Бальб были предшественниками могущественных секретарей позднейших времен.

Влияние, которым пользовались Оппий и Бальб, делало их в глазах сенаторов одиозными фигурами. Консерваторы были, несомненно, обрадованы, когда в 56 г. до н. э. Бальб должен был предстать перед судом по выдвинутому, не без их участия, обвинению в незаконном получении римского гражданства. Но на защиту Бальба встали Помпей, Красс и не упустивший возможности выслужиться Цицерон, и судьба обвинения была решена.

Когда Цезарь во время гражданской войны вел боевые действия в Северной Африке и Испании, именно действовавшие как его личные представители Оппий и Бальб, а не «начальник конницы» и не назначенные ему в помощь префекты, сосредоточили в своих руках реальную власть в Риме. Аристократам, с трудом примирившимся с необходимостью добиваться аудиенции у Цезаря, предстояло теперь новое унижение — ожидать в приемных этих вознесшихся на гребень волны всадников. Когда Цицерон в 46 г. до н. э. писал, что «Цезарь сам принимает решения, не полагаясь при этом на других», он скорее выдавал желаемое за действительное, ибо как только Цезарь уехал, ситуация изменилась. Когда в начале 44 г. до н. э. выяснилось, что Цезарь собирается отправиться в поход, который, вероятно, продлится около трех лет, стало понятно, что все это время Римом будут управлять Оппий и Бальб. Перспектива оказаться под их властью стала в конечном счете одной из причин заговора, в результате которого Цезарь был убит.

С помощью своих соратников Цезарь начал претворять в жизнь программу широкомасштабных административных реформ, за многими из которых ясно прослеживается его искреннее стремление достичь социальной справедливости. Одной из наиболее серьезных проблем того времени было резкое уве-

личение числа должников, вызванное трудностями и лишениями периода гражданской войны. Суровые законы, доставшиеся римлянам в наследство от предков, разрешали кредитору забирать практически все имущество несостоятельного должника. В течение нескольких лет Цезарь принял ряд мер, направленных на облегчение положения должников. В результате их осуществления кредиторы потеряли приблизительно четверть того, что им причиталось. Они, впрочем, рассчитывали на худшее, ибо диктатор, по слухам, планировал предпринять фронтальное наступление на частную собственность. Но эти опасения были напрасны. Законы Цезаря о долговых обязательствах, хотя и затрагивали интересы многих, но были все-таки довольно умеренными в политическом отношении. «Я не собираюсь отнимать у вас ваше имущество, — успокаивал Цезарь собственников, — но сделаю все для того, чтобы разбогатеть вместе с вами».

Другой проект Цезаря заключался в организации массового переселения римлян в провинцию, чего сторонники старых порядков никогда не принимали. По мысли Цезаря, римляне должны были селиться компактными поселениями; число таких колоний, созданных или существовавших в проектах, превысило три десятка, причем каждому поселению выделялись земли. Предоставление ветеранам земельных участков в Италии или за ее пределами было неотложной мерой, от ее успеха зависела судьба самого диктатора. Но Цезарь пошел еще дальше, пополнив ряды колонистов почти сотней тысяч обнищавших римлян, и в столице резко сократилось число получателей бесплатного хлеба.

Основывая колонии, Цезарь делал все от него зависящее, чтобы не допустить экспроприаций собственности провинциальных землевладельцев, за исключением лишь некоторых из них, незаконно присвоивших себе земли во времена Суллы. Как и другие начинания Цезаря, создание колоний было сопряжено со значительными расходами. Как впоследствии заметил Макиавелли, проживи диктатор еще некоторое время, ему пришлось бы сократить свои расходы, чтобы избежать катастрофы. Это утверждение представляется, правда, несколько сомнительным, ибо, хотя Цезарь и провел часть своей жизни в лихорадочных поисках денег, галльские войны обогатили его настолько, что он к тому времени обладал огромным состоянием и мог устраивать роскошные триумфальные шествия.

Результатом реформ Цезаря стало не только переселение римлян в провинции; общее количество граждан империи также возросло. При этом Цезарь действовал в своей обычной манере, то есть осторожно, избегая революционных потрясений и стремясь не поколебать исторически сложившегося положения, при котором люди, имевшие римское гражданство, составляли элиту населения империи.

В ходе реформ не обошлось и без коррупции. Личный писец Цезаря Фаберий, который разбогател настолько, что стал владельцем дворца на Авентинском холме, был лишь одним из многочисленных чиновников-лихоимцев, наживавших огромные состояния на предоставлении римского гражданства неримлянам. Широкомасштабные программы реформ неизбежно сопровождались коррупцией. Между тем реформы Цезаря, не прерви их его гибель, могли бы обеспечить для Италии и всей империи справедливое управление и экономический рост.

Диктатор был так загружен делами, что нам сейчас кажется удивительным, каким образом человеческий организм мог выдержать такую огромную нагрузку. Как впоследствии его преемники, Цезарь надеялся, что сенат поможет ему в решении ряда проблем. Но помощь не приходила, и Цезарь, чтобы обеспечить своим сторонникам большинство, ввел в сенат триста новых членов, увеличив таким образом число сенаторов с шестисот, как было при Сулле, до девятисот. По его собственному высказыванию, «если бы он был обязан своим достоинством разбойникам и головорезам, он и им отплатил бы такой же благодарностью». Новые сенаторы, даже если среди них и попадались уголовные элементы, происходили, однако, в большинстве своем из совершенно иной среды. В их рядах встречались чиновники, офицеры, негоцианты, а также политики из провинциальных итальянских городов. Все они были выходцами из Италии; всего лишь несколько аристократов из южной Галлии, мало чем отличавшейся от Италии по культуре, представляли остальную часть империи. Вполне возможно, что эти люди были не галльского, а латинского происхождения, однако их появление всколыхнуло предубеждение столичных консерваторов против провинциалов, и они начали отпускать язвительные шутки о пришельцах в мешковатых галльских штанах, ходивших по Риму взад и вперед и выпрашивавших у прохожих, где находится здание сената.

Подчинив себе сенат и сделав его орудием для осуществления своих планов, Цезарь попытался побудить его принять ряд решений, шедших в русле его политики. Между тем император был настолько загружен делами, что уговаривать сенаторов с соблюдением всех правил этикета удавалось не всегда. Так, Цезарь не мог присутствовать на всех заседаниях сената и потому предпочитал приглашать наиболее видных его членов к себе. Если же не все сенаторы являлись на заседание, на которое приходил Цезарь, он просто объявлял собравшимся свои решения, и они затем вступали в силу как постановления сената. Иногда сенаторов зачисляли в свидетели какого-либо акта без их ведома, и Цицерон жаловался, что незнакомые ему чужеземные правители благодарят его за участие в принятии выгодных им постановлений, о которых он даже не подозревал.

Когда кто-то, глядя на небо, предположил, что на следующую ночь покажется одно созвездие, он язвительно заметил: «Да, по указу»*.

Цезарь высокомерно и пренебрежительно относился к освященной традициями ежегодной процедуре выборов должностных лиц. За несколько лет его диктатуры высшие должностные лица избирались только летом или осенью того года, в течение которого уже занимали свой пост, то есть с опозданием на целый год. Когда в последний день 45 г. до н. э. один из консулов умер, император организовал избрание нового консула на несколько часов уходящего года, нисколько не заботясь при этом о процедурных формальностях. Целью Цезаря в этом случае было, без сомнения, назначить на должность консула одного из своих сторонников. По замечанию Цицерона, срок его полномочий был совершенно особенным, ибо за все время никому не удалось поехать, а сам новый консул ни разу не сомкнул глаз.

Но могущество Цезаря этим не ограничивалось. Согласно одному из вновь принятых законов, он получал право при выборах должностных лиц рекомендовать половину кандидатов на замещение вакантных постов. Исключение составляли лишь кандидаты на должность консула, но и на них, возможно, должна была вскоре распространиться подобная норма. Эти меры не только шли вразрез с республиканскими устоями; вообще говоря, их принятие не диктовалось необходимостью, ибо Цезарь всегда имел возможность влиять на ход и итоги выборов через своих сторонников. Как заметил Светоний, Цезарь мог раздавать любые должности и почести по собственному произволу. С точки зрения республиканцев, положение еще более усугубилось в 44 г. до н. э., накануне похода Цезаря на восток, когда было объявлено, что все решения, которые он примет в будущем, будут иметь силу закона. Цезарь получил также право назначить должностных лиц на три года вперед; выборы консулов на 43 и 42 гг. до н. э. прошли в спешке и заняли не более нескольких недель или даже дней.

Таким образом, сторонники старого режима были поставлены в невыносимое положение. Известный противник Цезаря Катон, человек склонный к пьянству и злопамятный, но вместе с тем отличавшийся безукоризненной честностью, покончил с собой в Утике, когда в 46 г. до н. э. сторонники партии, к которой он принадлежал, потерпели поражение в Северной Африке. Фигура Катона, самого видного республиканца, приобрела, однако, большую популярность, и когда Цезарь не без злорадства представил картину его смерти на своем триумфе, люди восприняли это с негодованием. Цицерон и Брут писали

---

* Речь идет о созвездии Лиры, см. Плутарх, Цезарь, 59, *Жизнеописание*, т. II, с. 196. (Примеч. пер.)

о Катоне хвалебные произведения, и его образ, увековеченный впоследствии Данте, стал приобретать героические черты. Рост популярности пусть даже мертвого противника был не по душе Цезарю, и в ответ на эти произведения он написал книгу «Против Катона», в которой высказывался о нем довольно резко.

В общем и целом, однако, выпады противников Цезаря не выводили его из равновесия. Уже в самом начале гражданской войны Цезарь неожиданно проявил милосердие к своим противникам из числа римлян, оно резко контрастировало с его былой беспощадностью к сопротивлявшимся галлам и германцам. Такую мягкую политику по отношению к людям, выступавшим против него, он проводил и в дальнейшем, что даже побудило сенат принять решение о посвящении одного из храмов милосердию Цезаря. Это было отражено и на монетах того времени. Уступив настойчивым призывам Цицерона, Цезарь объявил о помиловании всех выдающихся аристократов, все еще пребывавших в изгнании. После мартовских ид, однако, Цицерону уже не надо было заискивать перед диктатором. «То внушая страх, то проявляя терпение, — заявил он, — [Цезарь] приучил свободных граждан к рабству». Действительно, милосердие к противникам, проявление которого было, разумеется, мудрым шагом Цезаря, воспринималось в контексте того времени не как добродетель правителя республики, а скорее как снисходительность тирана, оскорблявшая самолюбие аристократов. Зная о том, что у него есть враги, Цезарь пытался смягчить их отношение к себе, прощая их. Однако снисхождение к противникам стало в конечном счете одной из ошибок, ускоривших его падение. Приблизительно через два столетия Септимий Север, выступая в сенате, назвал милосердие Цезаря к врагам неоправданным, и его слова повергли сенаторов в дрожь.

В последние месяцы жизни Цезарь все более возносился над людьми, ибо «принимал почести сверх всякой меры» и «допустил в свою честь постановления, превосходящие человеческий предел». Поклонение Цезарю было возведено в ранг государственного культа, и особый жрец, которым стал Антоний, занимался отправлением соответствующих ритуалов. Можно возразить, что речь шла скорее о воздаянии Цезарю почестей, чем об обожевлении его личности, но разница между этими понятиями была сравнительно незначительной, и напрашивалась аналогия с всевластными монархами греческих государств Востока, обычно признававшимися богоравными еще при жизни. Все это побудило немецкого историка Эдуарда Майера высказать мнение, что Цезарь стремился сделать из Рима нечто похожее на одно из этих государств. Гипотеза Майера, однако, не находит подтверждения в источниках. Конечно, Клеопатра, любовница Цезаря, родившая ему сына, была в 46 г. до н. э. в Риме; также вполне

возможно, что царица, яркая представительница греческой монархии с ее обожествлением повелителя, привезла с собой и египетских специалистов, помогавших Цезарю в осуществлении его административных реформ. Между тем нет оснований считать, что под влиянием Клеопатры Цезарь проникся идеями греческой абсолютной монархии. Самое большее, что Клеопатра могла сделать, — это побудить Цезаря относиться к своим противникам еще более милосердно, чем раньше, ибо такую политику она сама проводила в Египте.

Но даже если Цезарь избежал влияния греческих идеалов монархии, это еще не значит, что он не стремился к абсолютной власти. Уже в 49 г. до н. э. Цицерон писал своему другу Аттику: «И он уже не отвергает, но некоторым образом требует, чтобы его называли тираном, каковым он и является». Через три года он вновь с грустью замечал: «Вся власть сосредоточилась в руках одного человека». Действительно, Цезарь, пренебрежительно отзывавшийся о Сулле за то, что тот не объявил себя пожизненным диктатором, говорил, что республика — ничто, пустое имя без тела и облика, и люди должны произносить его имя с уважением, ибо теперь его слово — закон. Ходили слухи, что Цезарь всегда вынашивал планы установления автократии, а после пребывания на посту наместника Галлии был готов принять только единоличную власть. Проходя однажды через какую-то альпийскую деревню, он, как сообщают источники, заметил: «Я скорее предпочел бы быть первым среди этих невежественных горцев, чем вторым в Риме».

Но в описываемое время Цезарь уже был первым человеком в Риме, заметно возвысившись над остальными. «Больше всего я хочу, — сказал он тогда, — чтобы и я, и все остальные оставались верны себе». Историк Маколей считает эти слова самым метким высказыванием за всю историю человечества. Как бы там ни было, оно весьма точно отражает стремление Цезаря к превосходству над остальными. В начале гражданской войны он еще пытался действовать убеждением, склоняя сенаторов к союзу с собой. Но уже вскоре он заявил, что если сенаторы откажутся сотрудничать с ним, он будет править без них, а под конец жизни даже не встал, когда консулы и члены сената подошли к нему со славословиями.

Последний случай, столь оскорбивший достоинство сенаторов, произошел неподалеку от храма, строившегося Цезарем в честь Венеры, которую он считал своим божественным предком. Еще за двадцать пять лет до этого Цезарь заявлял, что в его венах течет кровь богов и царей. Последний царь был изгнан из Рима пятью веками раньше, и монархия для римлян представляла собой антитезу всему тому, на чем зиждилась их свободная республика. Но теперь статуя Цезаря стояла рядом с изваяниями этих древних полубогочеловеческих правителей. Более того, некото-

рые из введенных Цезарем эмблем и атрибутов напоминали символы старой монархии, а его изображение помещалось на монетах. Такой почести не был дотоле удостоен ни один римлянин.

В этих условиях действия Цезаря были закономерно восприняты как попытка реставрации монархии. В народе распевали сатирические куплеты, в них Цезаря обвиняли в стремлении стать царем. На основании статуи Луция Брута, который, как считалось, изгнал из Рима последнего царя, кто-то написал такие стихи:

Брут, изгнав царей из Рима, стал в нем первым консулом,
Этот, консулов изгнавши, стал царем в конце концов⁹.

Простые римляне, возможно, действительно воспринимали властные устремления Цезаря с иронией, однако для аристократов дело обстояло куда более серьезно. «Стремление Цезаря к царской власти, — писал Плутарх, — более всего возбуждало явную ненависть против него и стремление его убить». Подозрения, что Цезарь вынашивает планы возрождения монархии делали сенаторов еще более непримиримыми его противниками. Однако утверждать, что Цезарь действительно желал стать царем, было бы некорректно. Сосредоточив как пожизненный диктатор в своих руках всю мыслимую власть, он не нуждался в таком шаге, который, очевидно, не прибавил бы ему популярности. Одно дело было принимать самые высокие звания и почести, совершенно другое — провозгласить себя царем, и даже Цезарь, обыкновенно пренебрегавший такого рода формальностями, понимал это. Решив показать римлянам, что ходившие вокруг него слухи лживы, он устроил так, что 15 февраля 44 г. до н. э. Антоний попытался прилюдно возложить на него царскую диадему, а Цезарь, отвергнув ее, доказал всем, что не желает становиться царем.

18 марта Цезарь должен был отправиться на войну с парфянами, после окончания которой он намеревался разгромить могущественное государство даков, занимавшее в основном территорию современной Румынии. Как уже говорилось, вернуться домой он собирался только в 41 г. до н. э. К моменту выступления по настоянию Цезаря уже было принято большое количество важных законодательных актов, однако многое еще оставалось несделанным. В наши дни кажется довольно странным его решение внезапно отложить все дела. Но именно его намерение оставить столицу и на несколько лет уйти в поход наиболее четко раскрывает нам особенности мышления и характера Цезаря. Согласно Плутарху, Цезарь желал снискать новую славу, «как будто достигнутая его не удовлетворяла. Это было некое соревнование с самим собой, словно с соперником, и стремление будущими подвигами превзойти совершенные ранее». В то же время война была подлинной страстью Цезаря,

его любимым занятием, за которым он, избавляясь от вечно недовольных республиканцев, находил вдохновение в обожании воинов. Хотя Цезарю уже исполнилось пятьдесят шесть лет и перенесенные в жизни трудности начинали сказываться на нем, он всегда был готов вернуться во времена галльских войн, вырваться из душной атмосферы столицы на простор, где его способность управлять людьми и событиями проявилась бы в полной мере.

И тем не менее оставить Рим в такое время было верхом безответственности. Решение Цезаря показало, что, несмотря на все его величие как государственного деятеля, он мог допускать серьезные просчеты в политике.

Для римских аристократов отъезд Цезаря был еще одним очевидным свидетельством того, что теперь все они превратились в подданных пожизненного диктатора. Более того, своим отъездом Цезарь наносил по ним завершающий удар. Уже за год до этого известный юрист Сервий Сульпиций Руф писал Цицерону: «Только подумай, как безжалостно обошлась с нами судьба: мы лишились всего, что дорого и нам, и нашим детям, — родины, доброго имени, положения в обществе, карьеры». И вот теперь в прошлое уходили последние остатки бывшего всевластия аристократии. Тирания Цезаря становилась невыносимой.

Цезарь, разумеется, сознавал, что не пользуется любовью среди аристократов. Да и как могли они любить его, когда, по собственному замечанию Цезаря, даже такого прекрасного человека, как Цицерона, он не мог принять сразу, и тот должен был терпеливо дожидаться аудиенции. Не требовалось особой прозорливости, чтобы понять, что в среде аристократов зреет заговор. Но на все угрозы Цезарь реагировал весьма своеобразно. Если раньше у него была личная охрана из могучих испанцев, то теперь, несмотря на все рекомендации советников, настаивавших на увеличении ее численности, он распустил ее. Его убийство, заметил он, не принесет никому выгоды, ибо повлечет за собой лишь хаос. Ведь разве не он пытается установить в государстве справедливое и действенное правление? Кроме того, Цезарь никогда не испытывал страха перед смертью, а аристократическое пренебрежение ко всем мерам безопасности делает его в нашем восприятии похожим скорее на генерала Де Голля, чем на последующих императоров, живших в постоянной готовности к отражению нападения убийц. Сенат в полном составе поклялся оберегать жизнь Цезаря, однако эта клятва, разумеется, не могла заменить личной охраны. Но Цезарь не придавал этому никакого значения.

Итак, заговор начал вызревать. Покушения на жизнь Цезаря, реальные или известные только по слухам, были и раньше. Один из полководцев Цезаря, Гай Требоний, намекнул однажды Антонию, что создавшееся положение, возможно, по-

требуется изменить, прибегнув к насилию. Антоний не ответил. Теперь же о возможности решительного шага стали говорить всерьез.

Инициатива заговора исходила от Гая Кассия Лонгина, горделивого и упрямого аристократа, перешедшего в лагерь сторонников Цезаря после битвы при Фарсале. Брат жены Кассия Марк Брут, идеалист, отошедший от союза с Помпеем и ставший приверженцем Цезаря приблизительно в то же время, также примкнул к заговору, воодушевляясь примером Катона и своего собственного легендарного предка, когда-то изгнавшего из Рима царей. В число заговорщиков входил и Децим Брут Альбин, дальний родственник Марка Брута, один из наиболее видных и любимых Цезарем офицеров. Стоит отметить, что диктатору изменили и наиболее приближенные к нему военачальники — прежде всего Децим и Требоний, также участвовавший в заговоре.

На тайные собрания стали приходиться и другие люди, недовольные политикой Цезаря, и общее число заговорщиков достигло шестидесяти. Мы знаем имена двадцати из них. Девять человек воевали в годы гражданской войны на стороне Помпея, семеро служили под началом Цезаря в Галлии. Мотивы, двигавшие заговорщиками, были различны, но общую мысль выразил, по-видимому, Брут, заявивший: «Для меня рабство и унижения более ненавистны, чем все остальные несчастья».

Наступил день мартовских ид, и заговорщики нанесли удар. Когда они с кинжалами в руках обступили Цезаря, только двое из всех сенаторов, незадолго до этого поклявшихся оберегать жизнь диктатора, попытались вступить за него. Однако их старания оказались напрасными.

Пророчество Цезаря сбылось. После его гибели государство действительно погрузилось в хаос и анархию. Дискуссии о том, были ли правы заговорщики, начались уже в тот же судьбоносный для Рима день и продолжаются до настоящего времени. Как следует рассматривать убийство Цезаря — как благородное дело устранения тирана или как чудовищное преступление? Кем был Цезарь — всего лишь могильщиком старого порядка или, напротив, вдохновенным созидателем нового? На первый вопрос невозможно ответить однозначно: для аристократов диктатура Цезаря была невыносимой, но сами они до этого управляли страной намного хуже. Ответ на второй вопрос, как представляется, заключается в том, что, хотя Цезарь действительно уничтожил республику, предлагавшаяся им альтернатива была столь неприемлема для людей, на сотрудничество или хотя бы на благожелательный нейтралитет которых он рассчитывал, что ни о каком установлении нового строя не заходило и речи. Гибель Цезаря, таким образом, имела огромное значение для его преемников, ясно показывая им, чего именно они *ни в коем случае не должны* делать, если хотят остаться в живых.

Несмотря на всю уникальную одаренность Цезаря, наделенного самыми разнообразными талантами, его стремление к пожизненной диктатуре и принятое в самом конце жизни решение оставить столицу на длительное время показывают, что он не знал, где проходит граница возможного и невозможного в политической жизни Рима, или же не желал мыслить такими категориями применительно к себе. Более того, еще за два года до своей гибели Цезарь говорил: «Жизнь моя затянулась, и по годам, и по славе». Он, видимо, чувствовал приближение конца, и поход в Парфию был отчаянной попыткой направить ход событий в новое русло.

В конце жизни Цезарь был раздражителен и подвержен частым вспышкам гнева. Однажды, после своего триумфа в 46 г. до н. э. он схватил какого-то роптавшего воина за шиворот и сам отвел его на казнь; двое других были принесены в жертву богам. Несмотря на олимпийское спокойствие, с которым Цезарь смотрел на действия своих противников, он несколько раз приходил в бешенство от речей народных трибунов, впервые в 46 г., затем в 44 г. до н. э. Жестокое наказание, наложенное на них, хотя и было смягчено впоследствии, но показало, какое нервное истощение испытывал Цезарь.

Нервное истощение Цезаря было вызвано не страхом за свою жизнь, от которого страдали его преемники, а, скорее, общей для всех императоров постоянной и чрезмерной загруженностью делами на протяжении длительного времени. Более того, здоровье Цезаря в эти годы пошатнулось. Мы не говорим здесь о якобы преследовавших его кошмарах, ибо они традиционно приписываются всем тиранам. Но с 49 г. до н. э. Цезарь страдал от периодически повторявшихся приступов головокружения, заканчивавшихся судорогами и потерей сознания. Древние авторы, видимо, правильно считают эту болезнь эпилепсией. Когда Цезарь не поднялся с места, чтобы поприветствовать подошедших к нему сенаторов, его приближенные, поставленные перед необходимостью найти объяснение такому поступку, сослались на нездоровье императора. Недомогание испытывал Цезарь и в день своей гибели. Здоровье императора было основательно подорвано, что, наряду со случавшимися с ним в последние годы жизни большими и малыми просчетами и нервными срывами, еще более усугубляло положение.

Осенью 45 г. до н. э. Цезарь счел необходимым составить завещание. На монетах того времени он кажется намного старше своих лет, а сохранившиеся до наших дней изваяния представляют его усталым, изнуренным работой человеком. Возвратившись с семилетней войны, Фридрих Великий, которому к этому времени был пятьдесят один год, казался настолько одряхлевшим, что его часто называли «стариком Фрицем». Организм Цезаря был также истощен жестокими испытаниями, выпавшими на долю императора, и это, разуме-

ется, не могло не сказаться на его физическом и духовном здоровье.

Цицерон уже после убийства Цезаря писал Аттику, что, если бы император все-таки отправился с войском в Парфию, он вряд ли вернулся бы из похода. Это замечание, возможно, не лишено оснований. Дело не в том, выиграл бы Цезарь войну с парфянами или нет, ибо на этот вопрос невозможно ответить. Но силы покидали императора слишком быстро, и когда заговорщики с кинжалами в руках обступили его, они убивали человека, организм которого разрушало непосильное бремя взятой им на себя власти.

Глава 2

АВГУСТ

Гай Октавий, впоследствии получивший имя Август, родился в 63 г. до н. э. в семье всадника из Велитр (ныне Веллетри), недалеко от Рима. Его отец пользовался протекцией Цезаря и с ее помощью стал сенатором, а затем претором. После смерти отца Октавия воспитывала мать, которую звали Атия. Цезарь, приходившийся ей дядей, помог Октавию войти в политическую жизнь, а впоследствии усыновил его в завещании, сделав тем самым своим наследником. Когда после гибели Цезаря его завещание было обнародовано, Октавий или Октавиан, под каким именем он обычно предстает перед нами в период своего восхождения, принял имя Гай Юлий Цезарь в честь своего приемного отца и начал продолжавшуюся четырнадцать лет борьбу за власть. Первоначально он вступил в союз с сенатом против своего основного противника Антония и разгромил его в 43 г. до н. э. при Мутине (ныне Модена) в Северной Италии, однако затем, обидевшись на оскорбительные высказывания сенаторов, порвал с ними и вместе с Антонием и Лепидом создал Второй триумvirат, по указанию которого подверглись преследованиям и были казнены многие из его политических противников, в том числе оратор Цицерон. В октябре 42 г. до н. э. Октавиан и Антоний разбили в двух сражениях при Филиппах в Македонии войска Брута и Кассия; убийцы Цезаря пали на поле брани. Октавиан, правда, по причине плохого здоровья и, возможно, малодушия, почти не принимал участия в битвах.

В течение последующих одиннадцати лет римское государство было фактически разделено на две части — западную, где правил Октавиан, опиравшийся на помощь выдающегося флотоводца Агриппы и не менее талантливого в своей области дипломата Мецената, и восточную, власть в которой принадлежала Антонию и египетской царице Клеопатре. В 36 г. до н. э. Агриппа разгромил при Наулохе (ныне Венетико) на Сицилии занимавшийся разбоем на море флот Секста Помпея, сына Помпея. Потом Октавиан, заставив Лепида отойти от государственных дел, совершил

в 35—33 гг. до н. э. поход в Иллирик и Далмацию (современная Югославия)*.

Клятва на верность, принесенная Октавиану в Италии и западных провинциях империи в обход всех существовавших правовых норм, ознаменовала начало конфликта между ним и Антонием. Кульминационным моментом войны стало морское сражение при Акции (северо-западное побережье Греции), в котором Агриппа разбил флот Антония (31 г. до н. э.). Октавиан после самоубийства в следующем году Антония и Клеопатры стал единоличным правителем империи.

Хотя Октавиан, опираясь на армию, сохранял власть до конца жизни, сразу после битвы при Акции он начал готовить почву для видимой реставрации освященной традициями республиканского государственного устройства. В январе 27 г. до н. э., за три дня до принятия почетного имени Август, он, по его собственным словам, «передал государство в суверенное распоряжение сената и народа». Вместе с тем он продолжал занимать пост консула, удерживавшийся им к тому времени уже четыре года, и согласился взять под свое управление на десять лет Испанию, Галлию и Сирию (впоследствии срок его правления там неоднократно продлевался). Кроме того, в число подконтрольных Октавиану территорий входил и Египет, аннексированный им после победы при Акции. Именно в этих регионах была размещена основная часть войск; в Риме же императора охраняла преторианская гвардия. Преторианцы не раз выручали Октавиана, защищая его от реальных и мнимых заговоров, а также в моменты, когда ситуация становилась напряженной, ибо далеко не все были так верны Августу, как приближенные к нему литераторы. Первые годы после сражения при Акции прошли под знаком постоянной, частично реальной, частично надуманной угрозы захвата власти честолюбивыми военачальниками. В этих условиях слабое здоровье, полностью поправить которое Август так и не смог, ухудшилось, и в 25 и 23 гг. до н. э. он был серьезно болен.

В 23 г. до н. э. Август сложил с себя звание консула, но сохранил управление находившимися к тому времени под его властью территориями, а также, видимо, приобрел право в случае необходимости вмешиваться в дела других провинций, остававшихся под контролем сената. Он также принял трибунскую власть, бывшую неясным, но популярным у простых римлян отзвуком тех времен, когда народные трибуны защищали права низших слоев общества. Впоследствии престиж Августа еще более возрос с принятием им звания пон-

---

* Книга Майкла Гранта была впервые опубликована в 1975 году, поэтому не все упоминаемые им как современные реалии совпадают с реалиями наших дней. Под Югославией здесь подразумевается бывшая СФРЮ. (Примеч. пер.)

тифика (12 г. до н. э.) и почетного титула «отца народа» (2 г. до н. э.).

Управление восточными провинциями было в 23 г. до н. э. поручено Агриппе, за которого Август 21 августа того же года выдал замуж свою дочь Юлию. Несмотря на то, что закон не предусматривал возможности передачи власти по наследству, Гая и Луция, детей Агриппы и Юлии, усыновленных Августом после рождения последнего в 17 г. до н. э., со временем стали считать будущими правителями государства. Сам Август в эти годы занимался реорганизацией управления государством и проводил важные реформы во всех его областях.

Пасынки Августа Тиберий и Друз Старший (сыновья его жены аристократки Ливии от ее прежнего брака) участвовали в это время в войнах на западных окраинах государства. Когда в 12 г. до н. э. умер Агриппа, а через 3 года скончался и Друз, Тиберий остался фактически вторым человеком в государстве после Августа. Проведя несколько лет в добровольном изгнании на острове Родос*, он в 4 г. н. э. вновь был наделен властью, что означало его признание наследником престола.

Последние годы жизни Августа были омрачены семейными неурядицами, а также проблемами, связанными с подчинением Риму новых земель, прежде всего трехлетним восстанием в Иллирике (6—9 гг. н. э.) и поражением трех легионов под командованием Вара от германцев (9 г. н. э.). Но, несмотря на все трудности, Август оставался у власти еще пять лет, управляя страной с помощью Тиберия. Умер он в 14 г. н. э. в возрасте семидесяти шести лет.

Когда Цезарь написал в своем завещании, что, «если у него не будет собственного сына», его пасынком следует считать его совсем юного внучатого племянника Октавиана, он совершил замечательный поступок. Конечно, и в период Республики аристократы часто усыновляли чужих детей, если по каким-либо причинам не имели сына и наследника, однако случай с Октавианом совершенно особый. К моменту усыновления Октавиан был еще подростком, к тому же со слабым здоровьем, из-за которого он не смог принять участие в войне в Испании в 45 г. до н. э., прибыв туда лишь после сражения при Мунде. Однако Цезарь разглядел в нем выдающиеся способности. Официально, в политическом плане, Цезарь не мог иметь преемника, ибо его должности не могли передаваться по наследству. И все же человек, которого Цезарь назначил наследником, оставив ему три четверти всего своего обширного имущества, не мог не стать важной политической фигурой.

---

* О причинах, побудивших Тиберия удалиться на Родос, см. след. главу. (Примеч. авт.)

Весть об убийстве Цезаря застигла Октавиана в Аполлонии в Эпире (Албания). Узнав о том, что произошло в Риме, он решил немедленно возвратиться в Италию, чтобы вступить во владение наследством и всем, на что звание преемника Цезаря давало право. На первых порах Октавиан значительно уступал своему основному сопернику Антонию, весьма разочарованному завещанием Цезаря. Действительно, положение рода, отпрыском которого был Октавиан, не позволяло ему конкурировать ни с Антонием, ни с кем-либо другим из римской политической элиты той эпохи. Октавии, несмотря на всю свою зажиточность, представляли собой довольно скромный по меркам столицы род, который мог претендовать на славу лишь потому, что был связан брачными узами с домом Юлия Цезаря. Притязания Октавиана на высокое положение в обществе основывались лишь на его роли наследника императора.

Преимущества, которые давала эта роль, Октавиан использовал весьма умело. Хотя его противники были многочисленны и влиятельны, а сам он мог рассчитывать на поддержку лишь небольшого числа преданных друзей, он в середине июля 44 г. до н. э. устроил игры в честь победы Цезаря.

В те самые дни, когда я устраивал игры, в области неба под семи звездами в течение семи дней была видна комета. Она появлялась около одиннадцати часов дня, была яркой и видной на всей земле. В городе сочли эту комету знаком того, что душа Цезаря принята в число божественных существ бессмертных богов. Поэтому к изображению его головы, которое мы вскоре освятили на Форуме, был придан этот отличительный знак¹.

Восхождение Октавиана к власти началось. 2 ноября того же года Цицерон писал Аттику:

В календы вечером мне письмо от Октавиана; он замышляет большое дело; ветеранов, которые находятся в Касилине и Калации, он привлек на свою сторону. Не удивительно: дает по 500 денариев, думает объехать остальные поселения. Он имеет в виду именно, чтобы война с Антонием происходила под его водительством. Поэтому, предвижу я, через несколько дней у нас будут военные действия. Но за кем нам последовать? Прими во внимание имя, прими во внимание возраст...²

Имя и возраст Октавиана... Цицерон не случайно указывает на контраст между ними. Молодость Октавиана давала его противникам огромное преимущество над ним, однако принятое им имя Гай Юлий Цезарь было важным козырем в политической игре. Еще большую значимость оно приобрело в январе 42 г. до н. э., когда Октавиан вместе с двумя другими членами недавно созданного Второго триумvirата Антонием и Лепидом объявили погибшего от рук заговорщиков Цезаря богом и учредили его культ. Октавиан смог обратить в свою пользу и это, и на монетах той поры на одной стороне изображен его портрет с

надписью «Цезарь, сын божий», а на другой — портрет Цезаря с надписью «Божественный Юлий».

Учреждение культа нового божества, потомком которого считался Октавиан, давало ему некоторые политические дивиденды, особенно необходимые в начале карьеры, но одновременно и ставило его перед весьма трудной проблемой. Воспоминания о трагической гибели Цезаря были еще свежи, и Октавиан, который, подобно своему предшественнику, стремился стать единоличным правителем империи, должен был одновременно думать и о том, как избежать постигшего его конца. Прежде всего следовало, разумеется, изменить сам образ Цезаря. Поэты, симпатизировавшие Октавиану, такие, как Вергилий, Гораций и Проперций, дают нам хороший пример того, как это можно сделать. О совершенных Цезарем беззакониях предпочитали не говорить вообще или упоминали вскользь, без явного осуждения. Но всячески подчеркивалась божественная природа Цезаря, передаваясь и его наследнику.

Между тем полностью устранить угрозу заговора не удавалось. Несмотря на то, что государством правили теперь три человека вместо одного, режим Второго триумvirата был столь же деспотичен, сколь и диктатура Цезаря. Сознывая, что в такой ситуации они вряд ли будут пользоваться всеобщей любовью, триумvиры с самого начала попытались уничтожить всех своих политических противников. Октавиан первоначально колебался, но затем принял самое деятельное участие в репрессиях. Начавшийся с крови, период Второго триумvirата до самого конца оставался временем жестокости и беззакония. На всем его протяжении Октавиан целеустремленно, не обращая внимания на моральные принципы, шел к достижению своих целей, используя все — убеждение, подкуп, ложь, предательство, казни и, наконец, войну.

Уже с 42 г. до н. э. Октавиан, внешне демонстрируя приверженность союзу с Антонием, начал скрытую борьбу против своего коллеги по триумvirату. Главным преимуществом Антония была его финансовая мощь, основывавшаяся на богатстве подконтрольных ему восточных провинций и Египта, где правила Клеопатра. Для борьбы с таким противником требовались поэтому весьма неординарные решения, и одним из них стала присяга, якобы спонтанно принесенная Октавиану в Италии и западных провинциях. После этого Октавиан добился возвышения своей власти над всеми правовыми нормами, ибо теперь она основывалась фактически на культе его личности, а лояльность подданных обеспечивалась соединением военной присяги и традиционного римского института клиентуры, по которому многие простые люди были связаны наследственными взаимными обязательствами с магнатами; первые именовались клиентами, вторые — патронами. Еще раньше Октавиан принял принадлежавший Цезарю титул императора, причем использовал его в

особом, персональном смысле. Не отличаясь выдающимися способностями к управлению войсками, о чем мы поговорим позднее, он добавил тем не менее этот титул к своему имени как знак того, что будет выходить победителем из столкновения с любым противником.

На этом этапе отношения между Октавианом и Антонием стали напряженными, вина за что ложится скорее на Октавиана. Сенаторы занимали выжидательную позицию, не зная, кто окажется сильнее; буквально в последний момент многие встали на сторону Антония. Победу Октавиана при Акции многие поэты впоследствии пытались представить закономерной. Но это утверждение верно лишь в одном — на стороне Августа была удача, а кроме того, он не ошибся в выборе командующего флотом — Марк Агриппа и как стратег и как тактик был на голову выше любого флотоводца Антония.

Сам Октавиан также считал свою победу не случайной, однако объяснял ее тем, что боги в решающий момент дали Западу преимущество над Востоком.

Цезарь Август ведет на врага италийское войско,
Римский народ, и отцов, и великих богов, и пенатов;
Вот он ликуя стоит на высокой корме, и двойное
Пламя объемлет чело, звездой осененное отчей.
Здесь Агриппа — к нему благосклонны и ветры и боги —
Радостно рати ведет, и вокруг висков его гордо
Блещет роstralный венок — за морские сраженья награда.
Варварской мощью силен и оружием пестрым Антоний,
Берега алой зари и далеких племен победитель:
В битву привел он Египет, Восток и от края вселенной
Бактров; с ним прибыла — о нечестье — жена-египтянка!³

Слова Вергилия верны в том отношении, что после битвы при Акции в античном мире была установлена гегемония Италии, к чему стремился Октавиан, а представленная поэтом в несколько пародийном виде идея более равного партнерства между Востоком и Западом, носителями которой были Антоний и Клеопатра, потерпела крах. Действительно, то, чего пытался достичь и в конечном счете достиг Октавиан, было утверждение господства Запада. Нельзя, правда, отрицать, что Вергилий в «Энеиде», подобно многим другим писателям и поэтам того времени, отзывается об Октавиане со скрытой похвалой, приписывая ему установление долгожданного мира между Востоком и Западом. Именно эту цель преследовал Август в своей политике по отношению к искусству и религии, вводя в римскую мифологию греческие мотивы. Лучший пример этой политики — подчеркнутое упование Октавиана на помощь Аполлона, божества, считавшегося покровителем греческой культуры, но одновременно известного издревне и в Италии. Но даже несмотря на такую политическую линию, в которой, по выражению Дональда Эрла, воплотилось стремление к созданию «новой общности, в которой Запад и Восток поддерживали бы друг друга на взаимовыгодной

основе», Западу в планах Октавиана все равно отводилась роль старшего партнера. Даже Вергилий, при всем своем стремлении к миру между Западом и Востоком, передает эту мысль, вкладывая ее в уста тени Анхиза, с которым его сын Эней беседует в подземном царстве.

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движения неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды — не спорю.
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных⁴.

Приведенный фрагмент весьма показателен. Восточные провинции, населенные греками, намного превосходили все остальные по богатству, цивилизованности и уровню экономического развития. Вместе с тем греки не сумели полностью овладеть важнейшим искусством управления государством и обеспечить в своих землях стабильность и безопасность; следовательно, по мысли Августа, им должна быть отведена роль подчиненных, которую они играли еще при Республике. В результате политическая реабилитация восточной, греческой половины империи была отложена более чем на 350 лет, до перенесения Константином столицей государства в Константинополь.

Август совершенно сознательно прошел мимо возможности осуществления подлинной либерализации. Объяснение этому кроется не только в приверженности императора провинциальным нравам, но и в его видении возможного и невозможного. Август, разумеется, не мог не принимать в расчет взаимную неприязнь, которую греки и римляне питали друг к другу. Конечно, многие из римлян могли в то время заявлять «среди моих лучших друзей немало греков», со снисходительной похвалой отзываться о своих греческих рабах или писцах и, наконец, восхищаться эллинистической культурой далекого прошлого. Но вместе с тем многие фрагменты древних писателей показывают, что в отношениях между римлянами и греками царили взаимные ненависть и презрение. Сам Август, так до конца и не овладевший греческим языком, в своей обычной сдержанной манере преклонялся перед эллинистической культурой и никогда не изгонял ее живых носителей из своего круга. Но и он, очевидно, признавал, что антигреческие настроения были весьма сильны; во всяком случае он, как и все остальные, был убежден, что власть в Римской империи должна принадлежать латинам. В результате путь во властные структуры был для греков почти полностью закрыт. Для времени правления Августа мы не знаем ни одного сенатора греческого происхождения, а пост консула был впервые отдан представителю восточной части империи только через 120 лет после сражения при Акци. Современник Августа, греческий историк Тимаген, был известен столь критическими высказываниями в

адрес Рима и так часто подчеркивал живучесть антиримских настроений на востоке, что император в конце концов порвал с ним и перестал приглашать к себе. Тимаген ответил тем, что бросил написанное им произведение о деяниях Августа в огонь.

За время правления Октавиана как минимум в шести греческих городах произошли волнения и мятежи; в некоторых случаях они приводили к убийству сторонников Августа, за чем следовали суровые репрессии. Особенно сильная волна недовольства прокатилась в 6 г. н. э. По восточным областям империи уже давно ходили литературные произведения явно антиримской направленности.

Сначала на Рим падет неумолимый гнев,
И настанет время кровопролития и тягот.
Горе, горе тебе, Италия,
Великая варварская страна...

Со своими изваяниями из золота, серебра и камня
Будь готов, о Рим, настанут для тебя тяжелые дни,
И это явится твоей первой карой,
Созерцать страдания до скрежета зубового.
Ни греки, ни сирийцы, ни варвары, ни другие народы
Не подставят более выи под ярмо твое.
Ты же за совершенное тобой
Подвергнешься разграблению и разрушению,
И, громко крича от страха,
Отдавать будешь то, что имеешь, пока не заплатишь за все⁵.

Наверное, было бы неправильно преувеличивать степень недовольства жителей восточных провинций империи римской властью. При Августе многие тысячи греков жили как никогда зажиточно. Однако политика, проводимая Римом по отношению к Греции, была сродни политике «экономического решения проблемы», с помощью которой колониальные державы наших дней еще недавно пытались держать в повиновении Африку. Римляне надеялись и верили, что повышение жизненного уровня отвратит греков от самой идеи антиримского выступления, и Август, устраняя последних из высших эшелонов власти, позволял им одновременно самим управлять своими городами.

Поступая так, Август вместе с тем никогда не впадал в другую крайность, то есть не предполагал, что Рим в состоянии властвовать над миром в одиночку. Мысль о том, что центром мира Рим должен стать вместе с остальной Италией, была во многом новой. К описываемому времени Италия практически никогда не существовала ни как единая территория, ни как сколько-нибудь значимое понятие. Восстание италийских городов против Рима закончилось чуть более полувека назад, а богатые и густонаселенные районы севера (Цизальпинская Галлия) полностью вошли в состав Италии всего лишь за 11 лет до битвы при Акци. Долгое время Италия представлялась современникам страной с неинтересной и прозаичной жизнью, рассказы о ней не будили воображение. Но в описываемую нами эпоху ситуация

изменилась. Об Италии стали писать самые знаменитые поэты, и упоминания о ней внезапно появились в литературе. Еще до битвы при Акции Вергилий воспел свою родную страну в «Георгиках».

Крепких она и мужей, сабинских потомков и марсов,
И лигурийцев, трудом закаленных, и с копьями вольсков
Родина, Дециев всех, и Мариев, сильных Камиллов,
И Сципионов, столпов войны, и твоя, достославный
Цезарь, который теперь победительно в Азии дальней
Индов, робких на брань, от римских твердынь отвращает.
Здравствуй, Сатурна земля, великая мать урожая!
Мать и мужей!⁶

В другом произведении Вергилия, «Энеиде», главный герой Эней стремится в Италию, а боги запрещают ему жить где-либо еще: «там и любовь, и отечество там». У Горация победоносный правитель предстает как «бдительный страж Италии и имперского Рима». Такие идеи оказали, очевидно, большое влияние и на Августа, италийца, сознательно посвятившего себя делу возвышения Италии вместе с Римом. Предложенная Августом формула, наложившая свой отпечаток и на последующие столетия, показывает, что в деле либерализации был достигнут определенный прогресс, ибо доминирующая роль Рима в государстве распространилась наконец на всю Италию. Но дальше этого дело не пошло, ибо остальные провинции, в первую очередь восточные, были по-прежнему лишены возможности реально влиять на положение дел в государстве.

Политика повышения роли Италии в жизни империи, которую Август проводил, искусно балансируя между либерализмом и консервативной ограниченностью, привела к значительному, хотя опять-таки умеренному росту численности людей, пользовавшихся правами граждан Рима. «Особенно важным считал он, — пишет Светоний, — чтобы римский народ оставался неиспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови. Поэтому римское гражданство он жаловал очень скупой, а отпуск рабов на волю ограничил». Светоний, правда, видимо, несколько преувеличивает умеренность Августа: если в 28 г. до н. э. число людей, имевших статус граждан Рима, составляло 4 миллиона 63 тысячи, не считая женщин и детей, то в 14 г. до н. э. таковых насчитывалось уже 4 миллиона 937 тысяч. На одной недавно обнаруженной надписи для 14 г. до н. э. указывается иная цифра — 4 миллиона 100 тысяч 900 человек, однако она скорее всего иллюстрирует численность граждан Рима в одной Италии. Таким образом, число людей, имевших римское гражданство, увеличилось на 836 тысяч 100 человек — очевидно, за счет получивших его провинциалов. Август продолжил проводившуюся ранее Цезарем политику создания новых поселений римских граждан в Италии и других районах империи, однако отказался

от идеи высылки из столицы бедноты, но многочисленные ветераны по-прежнему получали земельные наделы, замененные впоследствии денежными выплатами. В те годы между государственными финансами и средствами самого Августа не существовало четкой границы, но в первые 37 лет после сражения при Акции выплаты ветеранам проводились исключительно за счет императора, состояние которого, к счастью, заметно увеличилось после присоединения Египта.

Обеспечить отставным воинам материальный достаток было одной из важнейших задач Августа, ибо от ее решения зависела его дальнейшая судьба. Хотя Август и стремился не походить на диктатора, его власть, как и власть Цезаря, практически полностью основывалась на поддержке армии, и, следовательно, воинов, надлежало вознаграждать за верность. Более того, войска надо было все время поддерживать в боеспособном состоянии. Август понимал, что на людей, призывавшихся в армию в случае необходимости, он вряд ли сможет опереться: призывы не пользовались популярностью в народе. Мобилизованные как правило на короткие сроки воины были более верны своим полководцам, нежели императору, кроме того, на их обучение никогда не хватало времени. Оставалось сделать ставку на регулярную армию с длительным сроком службы. Определяя численность этой армии, Август остановился на цифре в приблизительно 300 тысяч человек, из которых одну половину должны были составлять римские граждане, сведенные в 28 легионов, а другую — люди, не имевшие римского гражданства и получавшие его только по окончании службы; последние должны были служить во вспомогательных войсках.

По меркам того времени, армия из 28 легионов была сравнительно небольшой — после битвы при Акции, например, Октавиан располагал 60-ю или 70-ю легионами, и выделить из нее стратегический резерв главного командования было сложно. Да и примитивная аграрная экономика империи вряд ли позволяла содержать большее по численности войско. Август, как впоследствии его преемники, должен был думать не только о защите страны от нападения внешних врагов, но и о своей собственной безопасности. У него самого практически никогда не было времени командовать войсками, даже если он сам этого желал, и за последние четыре десятилетия своей жизни он так ни разу и не выступил в роли полководца. Эту роль, следовательно, должны были взять на себя другие. Здесь начиналась проблема: если из армии выделялся размещаемый в столице стратегический резерв, его командующий мог в любое время попытаться совершить государственный переворот; но и полководцы, в подчинении у которых находились сконцентрированные на границе значительные силы, также имели такую возможность. Август всегда отличался уникальной способностью к тонким политическим расчетам, и определение численности армии стало для него одним из самых

серьезных испытаний. Уровень численности армии, установленный в конце концов Августом, был, по его мнению, оптимальным для выполнения обеих главных задач: защиты страны от нападения и недопущения военного переворота.

Но опасность для императора могла исходить не только от полководцев. Будучи постоянно готовым к защите от покушения на свою жизнь, Август заметно увеличил свою личную охрану, бывшую дотеле, как у полководцев прежних времен, и превратил ее в регулярную, хорошо оплачиваемую преторианскую гвардию, состоявшую из девяти когорт по 500 пеших воинов в каждой, 90 всадников, а также особого конного отряда, непосредственно защищавшего императора. Кроме того, Август обладал и специальным отрядом личной охраны, сформированным из германцев.

Все это время Август правил как диктатор, и, следовательно, возможность, что его постигнет участь Цезаря, сохранялась, несмотря на все принимаемые меры. Сознывая это, он сразу после сражения при Акции принялся возрождать старые республиканские институты. Это было нелегкой задачей, ибо на деле Август, разумеется, не имел ни малейшего намерения расставаться с властью. Возврат к республиканским традициям был для него всего лишь ходом в большой игре, в некотором роде политическим трюком.

Но Август, возможно, сам верил в то, что делает. Слова императора: «Тот, кто не желает изменения существующего порядка, является хорошим человеком и хорошим гражданином», — звучат, принимая во внимание его многочисленные нововведения, несколько удивительно. Но не исключено, что Август говорил искренне. Перед ним стояла задача, с одной стороны, сохранить в империи необходимый ей жесткий военный режим, а с другой — создать видимость возрождения республики, что успокоило бы аристократов и они перестали бы думать о заговоре. Пройти, не оступившись, по узкому пути между повторным сползанием к анархии и открытой тиранией, сделать так, чтобы все, несмотря на происшедшие изменения, выглядело по-прежнему, казалось невыполнимой задачей. Но политические и дипломатические дарования правителя или *принцепса*, как он себя называл, были столь огромны, что он справился и с ней, создав систему, известную нам как принципат.

В год битвы при Акции Октавиан в третий раз носил звание консула, с которым не расставался еще семь лет. Вместе с тем, 13 января 27 г. до н. э. он пошел на видимое восстановление старых государственных институтов, получив, однако, в свое управление территории, на которых была расквартирована большая часть армии. Сам Август впоследствии говорил, что «авторитета (*auctoritas*) у него было больше, чем у остальных, тогда как

своими полномочиями он был равен другим государственным чиновникам». Идея авторитета правителя, основанного не на законах или правовых нормах, а на обычаях и традициях общества, была весьма характерна для римлян и одновременно напоминала конфуцианскую систему, в которой власть зиждилась не столько на юридической, сколько на социальной и моральной основе. Понятие авторитета включало в себя все качества правителя, внушающие к нему уважение, в том числе происхождение, богатство, свершения, способности и добродетели. Авторитет Октавиана подчеркивало и принятое им имя «Август», этимологически связанное со словом *auctoritas*; выбор этого имени был весьма удачным, ибо оно, указывая на сверхчеловеческое величие, не несло в себе одновременно ничего такого, что могло бы не понравиться сторонникам республики. Используя такие хитроумные приемы, Август, которого впоследствии считали первым римским императором, сумел на долгие годы утвердить свою власть в государстве, не затрагивая последовательно восстанавливавшихся им республиканских институтов.

Но наделенному политическим чутьем наблюдателю — а таких было достаточно много — вполне могло показаться, что Август все-таки вмешивается в функционирование республиканских органов власти. Он продолжал оставаться консулом, и аристократы, стремившиеся к этому посту и считавшие себя вполне достойными его занять, были, следовательно, лишены возможности это сделать. Понимая это, Август с 23 г. до н. э. прекратил занимать должность консула, но сохранил власть над отданными под его управление провинциями и расквартированными в них войсками. Тем самым произошло отделение реальной власти (*imperium*), которую Август удержал в своих руках, от оставленного им поста, что было весьма характерно уже для последних лет Республики. «Трибунская власть», принятая Августом опять-таки без занятия соответствующей должности, не давала ему практически никаких новых полномочий, однако в значительной степени обеспечивала поддержку народных низов, которых трибуны издавна защищали от произвола аристократов.

В последующие годы правления Августа созданная им система не раз претерпевала незначительные изменения. Так, в 19 г. до н. э. Август, не принимая официально звания консула, был наделен консульскими полномочиями в Италии и Риме, и его власть простерлась за пределы провинций, которыми он к тому времени управлял. Но однажды заложенный фундамент системы, созданной с учетом воззрений и склонностей римлян, остался неизменным. Отто Хиршфельд заявлял, что «мы не можем снять с Августа обвинение в стремлении к невозможному и установлении изменчивого в качестве постоянного». Продлившееся сотни лет правление римских императоров, преемников Августа, вряд ли можно охарактеризовать как нечто изменчивое. И все-таки, хотя императоры

один за другим занимали и оставляли трон, сохранить систему в неизменном виде было невозможно, ибо для этого нужен был человек со способностями Августа. Преемники Августа, среди которых было немало деятельных правителей, не обладали, однако, его уникальными дарованиями, и их неспособность сохранять созданный им тонкий механизм становилась со временем все более очевидной.

Идея, заложенная в основу принципата, заключалась в том, что правитель обладал значительной властью, но, осуществляя ее, должен был считаться с мнением общества, прежде всего сената. Конечно, далеко не все сенаторы верили Августу на слово. Многие из них были слишком упрямы, чтобы поддаться на уловки императора, и для них новый режим представлял собой одну сплошную фикцию. Она, однако, позволила им не только спасти свое достоинство, но и занять посты, когда-то принадлежавшие их предкам. Более того, окажись они волею судьбы не потомками старых аристократов, а выдвинутыми Цезаря или Августа, выяснилось бы, что именно благодаря новому политическому строю они получили возможность сделать казавшуюся прежде невыполнимой карьеру. Многие потому искренне поддерживали императора. Но от некоторых Август так и не сумел добиться лояльности, и в среде этих людей зрело недовольство и, по крайней мере по слухам, плелись заговоры.

Но Август находился в несравнимо более выгодном положении, чем любые заговорщики. К моменту битвы при Акции силы империи были истощены длившимися несколько десятилетий междоусобицами. В этих условиях, если бы римлянам предложили выбрать между свободой и порядком, они, вероятно, склонились бы скорее ко второй альтернативе. Даже для самых радикальных сторонников республики гражданская война была ужасным бедствием. До сражения при Акции Вергилий, с горечью писавший в своих «Георгиках» о попрании законов, запустении полей, разорении и обнищании народа, указывал одновременно на человека, видевшего путь к спасению от этих бедствий; человеком этим был Октавиан:

Боги родной земли! Индигеты, Ромул, мать Веста!
Вы, что тускский Тибр с Палатином римским храните!
Юноше ныне тому одолеть злоключения века
Не возбраняйте!

Август действительно принес империи мир, и поэты описывали его победы с чувством искренней благодарности. Общее мнение выразил Гораций:

Мне же этот день будет в праздник, думы
Черные прогнав. Не боюсь я смуты,
Ни убитым быть, пока всей землею
Правит наш Цезарь...

Хранит нас Цезарь, и ни насилие
Мир не нарушит, ни междоусобица,
Ни гнев, что меч кует и часто
Город на город враждой подымлет...

Безопасно бредет ныне по пашне вол;
Сев Церера хранит и Изобилие;
Корабли по морям смело проносятся,
Ни пятна нет на честности⁷.

Слова Горация были подхвачены многими, причем как на Западе, господство которого уже было очевидным, так и на Востоке. Традиция преклонения перед властелином существовала на Востоке с давних времен, и примером следования ей может служить следующее послание назначенного Августом наместника Азии к городам этой провинции, относящееся к 9 г. до н. э.

Божественное провидение, ведущее нас в жизни, показало свою заботу и благосклонность к нам, предназначив нам узреть самое совершенное добро, и послало нам Августа, наделив его всеми добродетелями во имя блага рода человеческого и сделав его спасителем для нас и наших потомков, ибо он положил конец войне и установил мир. Явившись к нам, он сотворил то, на что не могли надеяться все те, кто приносил ранее хорошие вести, и, превзойдя всех благодетелей, приходивших до него, не оставил тем, кто придет после, никакой надежды сравниться с ним, или достичь большего. День, когда этот бог появился на свет, является началом счастливых предзнаменований, принесенных им в этот мир⁸.

Знаменитый географ Страбон, также происходивший из Малой Азии, подчеркивает, что всеобщее процветание наступило именно благодаря установлению монархии Августа.

Что касается самой Италии (хотя ее нередко раздирала борьба партий, по крайней мере со времени установления власти Рима) и что до самого Рима, то совершенное государственное устройство и доблесть властителей помешали им дальше идти гибельным путем заблуждения. Трудное дело, впрочем, управлять такой обширной империей иначе, чем вверив ее попечению одного лица как отца. Во всяком случае, никогда раньше римляне и их союзники не наслаждались столь продолжительным миром и таким изобилием благ, как при Цезаре Августе, с того времени как он получил неограниченную власть⁹.

Такое же восхищение Августом видим мы и у александрийского иудея Филона:

...Август, достойный именоваться "отвращающий зло". Таков он, Цезарь: он успокоил бури, которые поднялись со всех сторон, он излечил болезни, которыми страдали равно греки и варвары... Таков он: избавил море от пиратских судов, пустив по нему великое множество торговых кораблей. Таков он: дал свободу всем городам, привел хаос

к порядку, укротил враждебные и дикие народы, обустроив их жизнь... Все это сделал он, страж мира, дающий всем по нуждам их. Он не скупился на добрые дела — берите все! он за всю жизнь не утаил ничего доброго или прекрасного¹⁰.

Чувство благодарности к Августу, которое испытывали жители империи, позволило ему создать кажущуюся подчас нереальной систему власти, навеки связанную с его именем. Восток, привыкший к деспотическому правлению, спокойно отнесся к установлению единоличной власти Августа. Но Запад, или, точнее говоря, высшие слои общества западной части империи, могли оказать императору активное противодействие. Используя овладевшее всеми после окончания гражданской войны чувство облегчения, Август смог установить режим своей личной власти, однако его абсолютизм был облечен в приемлемую для большинства римлян форму и скрывался за респектабельными республиканскими институтами. «Я выступаю за правление, основанное на согласии, не меньше остальных, — сказал однажды Кромвель, — но если вы спросите меня, как установить его, я честно отвечаю: не знаю». Август, даже если его действия не принимались некоторыми, подошел к решению этой задачи ближе, чем и Кромвель, и все остальные диктаторы.

Вкусы и склонности Августа были весьма простыми. Известный своей неприхотливостью, он предпочитал простую пищу, как например зеленые фиги, и, в отличие от своих преемников, не был склонен к пьянству. Часто устраивая пиры, он одновременно имел обыкновение есть понемногу до или после ужина. Август был любезен и открыт для общения, ничто в нем не напоминало традиционный образ тирана, заслоненного от людских взоров плотными рядами своей гвардии.

Не случайно он старался вступать или выступать из каждого города и городка только вечером или ночью, — пишет Светоний, — чтобы никого не беспокоить приветствиями и напутствиями. Когда он бывал консулом, то обычно передвигался пешком, когда не был консулом — в закрытых носилках. К общим утренним приветствиям он допускал и простой народ, принимая от него прошения с необычайной ласковостью: одному оробевшему просителю он даже сказал в шутку, что тот подает ему просьбу, словно грош слону... Со многими он был знаком домами и не переставал бывать на семейных праздниках, пока однажды в старости он не утомился на чьей-то помолвке. С сенатором Церринием Галлом он не был близок, но, когда тот вдруг ослеп и решил умереть от голода, он посетил его и своими утешениями убедил не лишать себя жизни¹¹.

Август «позволил всем, кто мог высказать полезные соображения, говорить открыто». Ему было присуще стремление избежать излишней помпы, то есть *civilitas*, качество, которое

римляне весьма ценили. Предпочитая роскоши простоту, он первоначально жил в заурядном квартале Рима рядом с Форумом, а затем переехал в скромный, но со вкусом обставленный дом на Палатинском холме (раскопанный археологами «дом Ливии»), в котором в течение 40 лет ночевал в одной и той же комнате. По словам одного из последующих императоров, Марка Аврелия, его известный своей скромностью предшественник Антонин Пий говорил, поучая его, что цезарь может жить почти как частное лицо. Такие воззрения были характерны и для Августа.

Простота императора в житейских делах контрастировала, разумеется, с его высоким положением в обществе, не говоря уже об имени «Август», указывавшем на нечто сверхчеловеческое. Но человеческие черты Августа проявлялись и тогда, когда он занимался государственными делами. Так, император ненавидел рано вставать и, если на следующий день должен был утром отправиться к кому-нибудь, ночевал обычно у одного из своих друзей, жившего поблизости от этого места, чтобы иметь возможность подольше поспать. Такая забота об отдыхе вполне понятна. Во сне Августа часто преследовали кошмары, особенно весной, и он просыпался по четыре или пять раз за ночь. Иногда его мучила бессонница, и он звал к себе чтецов или рассказчиков. Кроме того, дела могли востребовать императора и ночью, и на этот случай он обычно держал у себя в комнате тогу. Страдая от бессонницы, Август вместе с тем часто засыпал в носилках, когда его куда-либо несли.

Как оратор Август отличался «достойным императора красноречием», что давало великолепный пример писателям того времени. В его собственном понимании главная задача литературы заключалась в поучении.

Читая и греческих и латинских писателей, он больше всего искал в них советов и примеров, полезных в общественной и частной жизни; часто он выписывал их дословно и рассылал или своим близким, или наместникам и военачальникам, или должностным лицам в Риме, если они нуждались в таких наставлениях¹².

Нельзя сказать, что Август совершенно не отдыхал. После гражданской войны он оставил военные упражнения, но продолжал играть в мяч, хотя впоследствии довольствовался лишь верховой ездой и прогулками. Подобно многим другим императорам, он любил азартные игры, подтверждение чему мы находим в дошедших до наших дней и довольно скучных его письмах к Тиберию.

Милый Тиберий, — цитирует одно из таких писем Светоний, — мы провели время в Квинкватрии с полным удовольствием: играли всякий день, так что доска не остывала. Твой брат за игрой очень горячился, но в конечном счете проиграл немного: он был в большом

проигрыше, но против ожидания помаленьку из него выбрался. Что до меня, то я проиграл тысяч двадцать, но только потому, что играл, не скупясь, на широкую руку, как обычно. Если бы требовать все, что я каждому уступил, да удержать все, что я каждому одолжил, то был бы я в выигрыше на все пятьдесят тысяч. Но мне этого не нужно: пусть лучше моя щедрость прославит меня до небес¹³.

Согласно тому же Светонию, «для умственного отдыха он иногда удил рыбу удочкой, а иногда играл в кости, камешки и орехи с мальчиками-рабами. Ему нравились их хорошенькие лица и их болтовня, и он покупал их отовсюду, особенно же из Сирии и Мавритании»¹⁴. Любовь Октавиана к мальчикам не носила, однако, характера полового влечения, ибо император, несмотря на все утверждения о его постыдной связи с Цезарем и женоподобии, выразившейся, в частности, в манере прижигать себе икры скорлупой ореха, чтобы сделать волосы мягче, придерживался гетеросексуальной ориентации и жил со многими женщинами. Когда Август организовал пропагандистские нападки на Антония, упрекая его в связях с Клеопатрой, тот ответил письмом, в котором со статистической точностью привел факты, поставившие его в затруднительное положение:

С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты как будто живешь с одной Друзиллой? Будь я неладен, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титизенией, или со всеми сразу, — да и не все ли равно, в конце концов, где и с кем ты путаешься?¹⁵

Под Терентиллой Светоний скорее всего подразумевает жену Мецената Теренцию, бывшую, согласно распространенному в то время мнению, одной из любовниц Августа.

В распоряжении Августа были великолепные скульпторы, которые, в разной степени идеализируя императора, создали из его интересного внешнего облика легенду или, вернее, целую серию легенд, отобразив все черты его официального портрета. Более реально представляет облик Августа Светоний:

С виду он был красив и в любом возрасте сохранял привлекательность, хотя и не старался прихорашиваться. О своих волосах он так мало заботился, что давал причесывать себя для скорости сразу несколькими цирюльникам, а когда стриг или брил бороду, то одновременно что-нибудь читал или даже писал. Лицо его было спокойным и ясным, говорил ли он или молчал: один из галльских вождей даже признавался среди своих, что именно это поколебало его и остановило, когда он собирался при переходе через Альпы, приблизившись под предлогом разговора, столкнуть Августа в пропасть.

Глаза у него были светлые и блестящие; любил, чтобы в них чудилась некая божественная сила, и бывал доволен, когда под его пристальным взглядом собеседник опускал глаза, словно от сияния солнца.

Впрочем, к старости он стал хуже видеть левым глазом. Зубы у него были редкие, мелкие, неровные, волосы — рыжеватые и чуть вьющиеся, брови — сросшиеся, уши — небольшие, нос — с горбинкой и заостренный, цвет кожи — между смуглым и белым. Росту он был невысокого — Впрочем, вольноотпущенник Юлий Марат, который вел его записки, сообщает, что в нем было пять футов и три четверти, — но это скрывалось соразмерным и стройным сложением и было заметно лишь рядом с более рослыми людьми¹⁶.

Август был очень болезненным человеком. В истории, пожалуй, вряд ли найдется другой пример того, как столь слабый физически и склонный к болезням человек так долго нес огромное бремя ответственности и подвергал себя чрезмерным нагрузкам.

Тяжело и опасно болеть ему за всю жизнь случилось несколько раз, сильнее всего — после покорения Кантабрии: тогда его печень так страдала от истечений желчи, что он в отчаянии вынужден был обратиться к лечению необычному и сомнительному: вместо горячих припарок, которые ему не помогали, он, по совету Антония Музы, стал употреблять холодные...

Тело его, говорят, было покрыто на груди и на животе родимыми пятнами, напоминавшими видом, числом и расположением звезды Большой Медведицы; кожа во многих местах загрубела и от постоянного расчесыванья и усиленного употребления скребка образовала уплотнения вроде струпов. Бедро и голень левой ноги были у него слабоваты, нередко он даже прихрамывал; помогали ему от этого горячий песок и тростниковые лубки. А иногда ему не повиновался указательный палец правой руки; на холоде его так сводило, что только с помощью рогового наперстка он кое-как мог писать. Жаловался он и на боль в пузыре, которая ослабевала, лишь когда камни выходили с мочой...

Были у него и недомогания, повторяющиеся каждый год в определенное время: около своего дня рождения он обычно чувствовал ослабленность, ранней весной страдал от расширения предсердия, а при южном ветре — от насморка¹⁷.

Слова Светония свидетельствуют о том, что Август очень следил за своим здоровьем. Некоторые могут посчитать это ипохондрией, однако надо учитывать, что в те времена и воспаление легких было неизлечимой болезнью. Август, разумеется, прекрасно понимал это, и нельзя сказать, что он когда-либо рисковал здоровьем.

Свое слабое здоровье он поддерживал заботливым уходом. Прежде всего, он редко купался: вместо этого он обычно растирался маслом или потел перед открытым огнем, а потом окатывался комнатной или согретой на солнце водой. А когда ему приходилось от ломоты в мышцах принимать горячие морские или серные ванны, он только окунал в воду то руки, то ноги, сидя на деревянном кресле...

Зимой он надевал не только четыре туники и толстую тогу, но и сорочку, и шерстяной нагрудник, и обмотки на бедра и голени... Солнца не терпел он в зимнее время и даже дома не выходил на воздух с открытой головой¹⁸.

Люди, которым выпадала честь наблюдать за тем, как Август совершает свою дневную прогулку, видели, как он в конце каждого круга переходил с шага на бег вприпрыжку, завернувшись в одеяло или простыню.

Таков был человек, который в течение почти полувека полностью изменил империю в соответствии со своими воззрениями и потребностями, и которого, несмотря даже на болезнь, не позволившую ему принять участие в решающем сражении, Цезарь из всех римлян избрал своим наследником.

Характерная для Августа манера уклоняться от личного участия в битвах, ссылаясь на плохое здоровье, заставляет нас задаться вопросом, не возникали ли его болезни на почве нервного напряжения. Почему, например, в 42 г. до н. э., когда его войска вместе с войсками Антония в первый раз противостояли при Филиппах силам Брута и Кассия, он не принял участия в сражении? Сам Август утверждал, что отступил еще до битвы, так как его врачу приснился зловещий сон; по другой версии, он, поверив этому сну, поднялся с носилок и покинул лагерь до того, как туда ворвались одержавшие победу враги. В любом случае, даже друзья Августа не отрицали, что он бежал и скрылся на болоте. Август сказался больным и во время второго сражения при Филиппах, что после победы дало Антонию естественное преимущество при разделе империи.

Недуг одолел Октавиана и во время важного морского сражения при Наулохе (36 г. до н. э.), в котором его корабли разгромили флот Секста Помпея. Тогда про будущего Августа рассказывали, что он валялся как бревно, брюхом вверх, глядя в небо, и встал и вышел к войскам, лишь когда Агриппа уже обратил неприятельские корабли в бегство. История эта восходила к Антонию, и можно домыслить, что он, стремясь избавиться от своего соправителя, прибегал к разным уловкам и пытался представить его в смешном свете — в рассказе Октавиан выглядел как заурядный трус. Но для римских аристократов, особенно для тех из них, кто стремился к власти, даже намек на что-либо подобное бросал тень на репутацию. Желая развеять подозрения, Август лично руководил двумя походами — в Далмацию (35—33 гг. до н. э.) и в Испанию (27—25 гг. до н. э.). В обоих из них он был ранен; более того, из Испании ему пришлось уехать до окончания войны, ибо он вновь заболел. После этого Август никогда больше не принимал участия в войнах, хотя прожил еще 39 лет. Причина такого решения, вероятно, в том, что Август сознавал свою ущербность как полководца и, опасаясь, как бы его скрытое неодобрение тирании

Цезаря не вызвало в ответ замечания о том, что он значительно уступает последнему на военном поприще, предпочитал вообще не вмешиваться в эту область. Войны, в результате которых северные границы империи были продвинуты до Дуная и на некоторое время до Эльбы, велись по его поручению другими.

Отказавшись выступить в роли полководца, Август одновременно взялся за решение задач, показавшихся бы непосильными и для людей с намного более крепким здоровьем. В этих условиях многое зависело от его способности найти себе надежных помощников. Прежде всего император вряд ли смог бы чего-либо достичь, а судя по опыту Цезаря — даже остаться в живых, не сотрудничая с сенатом, члены которого были единственными людьми в империи, обладавшими навыками, опытом и репутацией, необходимыми для управления страной. Понимая это, Август с самого начала стремился заручиться поддержкой сенаторов. Такой способ правления Моммзен когда-то называл «диархией», имея в виду, что власть в государстве была поделена между императором и сенатом. Конечно, основные рычаги власти оставались в руках императора, однако он в значительной степени опирался на сенат, что показывает следующее послание, направленное им наместникам провинций:

Император Цезарь Август, понтифик, облеченный трибунской властью на девятнадцатый год, заявляет:

Во время консульства Гая Кальвисия и Луция Пассиена сенат принял одно постановление, при записи которого присутствовал и я. Ввиду того, что постановление затрагивает благосостояние союзников римского народа, я принял решение направить его в провинции, предварив своим собственным эдиктом, таким образом, чтобы этот документ стал известен всем, находящимся под нашей опекой. Из него все жители провинций поймут, как и я, и сенат заботимся о том, чтобы никто из наших подданных не стал жертвой плохого обращения или вымогательства¹⁹.

В приведенном документе император сознательно представляет сенат органом власти, играющим исключительно важную роль в сотрудничестве возрожденной Республики и правителя. Но для того, чтобы эта роль была действенной, сенат следовало реабилитировать и сделать достойным доверия императора. Три раза наделялся Август полномочиями, дававшими ему право пересматривать состав сената; впоследствии он получил такую возможность еще раз, но тогда была создана специальная комиссия. В результате сенат был полностью очищен от нежелательных и неблагонадежных элементов. Первая чистка сената, проведенная Августом совместно с Агриппой и увенчавшаяся вынужденной отставкой пятидесяти или шестидесяти и изгнанием ста сорока сенаторов, вряд ли прибавила императору популярности.

Говорят, что при этом он сидел на председательском кресле в панцире под одеждой и при оружии, а вокруг стояли десять самых сильных его друзей из сената. Кремуций Корд пишет, что и сенаторов к нему подпускали лишь поодиночке и обыскав²⁰.

В результате чисток число членов сената постепенно сократилось с тысячи до шестисот человек. Но отставок было намного больше, чем можно предположить на основании приведенных цифр, ибо из шестисот человек, заседавших в сенате при Августе, многие были введены туда самим императором. Последние были в основном поддерживавшими Августа представителями италийских городов. «Это внушительное собрание, — пишет Дональд Эрл, — состояло из суровых на вид и расчетливых людей, наживших себе состояния в годы гражданской войны и революции».

Сам Август довольно аккуратно посещал все заседания сената — до тех пор, пока позволяли годы. Но сенат был слишком велик, чтобы в нем можно было обсуждать все государственные дела, и император нуждался в более компактном государственном совете. Подобно вождям республики прошлых лет, он иногда обсуждал государственные дела в кругу друзей, однако при нем эти совещания стали более официальными, и появились даже записные «друзья императора». Из этих «друзей» и прочих своих приближенных Август составил небольшой комитет сенаторов, члены которого действовали в качестве советников императора и посредников между ним и сенатом, а также определяли, какие вопросы будут обсуждаться на заседаниях последнего. В состав этого комитета входили оба консула, по одному представителю от каждого ранга должностных лиц, а также пятнадцать сенаторов, определявшихся жребием и менявшихся через каждые полгода.

Но главное нововведение Августа в административной области заключалось в превращении всадников, занимавших вторую ступень в общественной и имущественной иерархии, в государственных служащих и армейских офицеров. Всадники уже давно выказывали замечательные способности к хозяйственной деятельности и административной работе, но никогда не занимали в государстве официальных постов, за исключением судейских, причем и в эту сферу сенаторы упорно не желали их допускать. Поддержка всадников была весьма ценна для Августа, ибо они представляли собой как в Италии, так и в провинциях, целый слой новых людей, не приверженных традиционным республиканским идеалам и, соответственно, более восприимчивых к идеям недавно установившегося режима. Привлечение этих людей на государственную службу, чего особенно стремился добиться выросший в провинции Август, означало важную победу тех слоев общества, которые прежде не участвовали в политической жизни, и, соответственно, конец чисто римской олигархии. Более того, освобожденные рабы, или вольноотпущенники, стояв-

шие в общественной иерархии на ступеньку ниже всадников, также получили определенные дивиденды; привилегии граждан Рима и занятие государственных должностей по-прежнему оставались для них недостижимыми высотами, однако признание за ними определенной роли в обществе подготовило почву для их последующего восхождения. Вольноотпущенники уже играли значительную роль в личном хозяйстве Августа, где без лишнего шума помогали ему вести дела.

К основной массе римских граждан Август относился с пренебрежением, возможно, понимая, как незначительно их влияние на политическую жизнь. Народное собрание, как и раньше, теоретически оставалось носителем суверенной власти и каждый год проводило выборы должностных лиц. Но даже в годы Республики власть имущие обычно оказывали решающее влияние на исход выборов, и можно смело предположить, что при Августе ситуация не изменилась. Да, Август воздерживался от прямого и систематического вмешательства в ход выборов, однако он и не нуждался в этом, ибо располагал большим арсеналом теневых средств для недопущения избрания неугодных себе кандидатов. Даже формальные представления, к которым часто прибегали его преемники, были необходимы не во всех случаях. В то же время, по замечанию Диона Кассия, Август «заботился о том, чтобы победа на выборах не досталась недостойным людям и не явилась следствием превосходства одной клики над другой или подкупа». Когда же император высказывал свое мнение относительно кандидатов, человек, удостоившийся его симпатии, оказывался впоследствии победителем. Следуя республиканской традиции, Август лично поддерживал симпатичных ему кандидатов, причем отошел от этой практики только в 8 г. н. э., то есть в самом конце своего правления. Правда, за три года до этого был принят новый закон, согласно которому избиратели практически были вынуждены голосовать за представленных им кандидатов, хотя их право на проведение выборов не отрицалось. Изучая сведения о людях, бывших в те годы консулами, мы видим, что Август весьма последовательно сохранял равновесие между представителями старой аристократии и своими собственными выдвинутыми. Чаша весов качнулась в сторону последних около 5 г. до н. э., когда на год стали назначать не одну, а как минимум две пары консулов, правивших одна за другой; такой порядок позволил большему количеству сторонников Августа побывать на этом важном посту.

Таким образом, Август явно не придерживался той ошибочной идеи, что в государстве можно допустить любую степень демократии. В конечном счете настоящей демократии в Риме никогда не было, а опиравшийся на армию режим единоличной власти Августа оставил для нее еще меньше места, чем было раньше. К тому времени умиротворение городской черни с помощью «хлеба и зрелищ» представляло собой уже известный и

опробованный на практике метод, однако именно Август стал использовать его систематически. В 5 г. до н. э. деньги от государства получило не менее 320 тысяч человек, а тремя годами позже — 200 тысяч. Народные увеселения в правление Августа проходили чаще и были более разнообразными и пышными, чем в прежние годы. Люди были счастливы и довольны, и политика Августа стала для его преемников хорошим примером того, как можно добиться спокойствия народа.

Подобно всем римским правителям, не пренебрегавшим своими обязанностями, Август проводил огромное количество времени за разбирательством судебных дел. В дополнение к обычным судам, по-прежнему продолжавшим функционировать, в правление Августа постепенно появились сенатский суд под председательством консулов и императорский суд, в котором в роли судьи выступал сам император. Что-то похожее существовало и в период республики, однако оба этих института представляли собой нечто совершенно новое. Август весьма серьезно относился к своей новой должности председателя императорского суда; мы, правда, не знаем, был ли он снисходителен или беспощаден, ибо данные источников на этот счет противоречивы. Решения императорского и сенатского судов не могли быть обжалованы. Но несогласные с приговорами других судов могли апеллировать и к сенатскому, и, что чаще бывало, к императорскому суду.

Не будучи праведником сам, Август в то же время предпринимал всяческие меры для поднятия общественной морали. Распущенность, с которой император пытался бороться, с горечью описывал Гораций, так рисуящий нам падение римской матроны:

При всех открыто — тайны от мужа нет —
Идет, велит ей следовать купец,
Зовет ли мореход испанский,
Срама ее покупатель щедрый²¹.

Подобно Горацию, Август придерживался унаследованного от древних ошибочного мнения, будто излечить падение нравов может более совершенное законодательство. Принятые императором меры не увенчались успехом, и даже чтившие его память преемники были вынуждены признать это.

Хотя политическая, социальная, военная и этическая программа Августа была составлена и подана столь умело, что господствующие классы, в которые теперь входили и выдвиженцы императора, в основном поддержали новый режим, значительная часть республиканской аристократии все еще не принимала его всерьез и яростно отвергала. Историю правления Августа можно представить как длинный рассказ о страхах и подозрениях императора, подогревавшихся инцидентами, не прекращавшимися даже несмотря на постоянное присутствие во дворце высокооп-

лачиваемых преторианских гвардейцев. Совет «взять на службу людей, которые бы следили за всем, что может угрожать власти императора», якобы данный Августу Меценатом, был на деле излишним. Август и так прекрасно понимал, что нуждается в преданных помощниках.

Меценат был одним из наиболее доверенных советников, которых достигший головокружительных высот Август призвал к себе на службу. Поручить выполнение обязанностей, которые он на себя взял, даже самому верному и преданному римскому аристократу из числа советников для Августа было невозможно, и знать, несмотря на все тщательно продуманные брачные союзы, курьезным образом осталась за пределами узкого круга наиболее приближенных к императору людей. К последним Август относился с уважением и привязанностью, ибо новых друзей заводил весьма тяжело. Но он безжалостно эксплуатировал их, ожидая от них такой же самоотдачи, какую проявлял сам, и с великолепной энергией ставил их способности себе на службу.

Меценат, происходивший из богатого рода, возводившего свое происхождение к этрускским царям, принадлежал не к сенаторам, а к всадникам, что, впрочем, его вполне устраивало. В течение многих лет он выполнял различные политические и дипломатические поручения императора, замещая его, когда тот уезжал из Рима, смягчая его решения, подавляя разговоры и, наконец, поддерживая выступления Вергилия и Горация, восхищавшихся установленным Августом миром. Изнеженный, экстравагантный и склонный к гомосексуализму, Меценат во всем был полной противоположностью Августу, и тот не раз насмехался над его любовью к драгоценным камням и вычурной манерой письма, называя употреблявшиеся им обороты «напомаженными завитушками». Вместе с тем император продолжал давать Меценату самые разные поручения. Стремление Мецената окружать себя роскошью и его пристрастие к мясу ослят вызывало отвращение у другого, еще более влиятельного приближенного Августа, Марка Агриппы. Союз с Агриппой стал настоящим подарком для Августа, который вряд ли сумел бы установить свою власть над империей без помощи этого талантливого военачальника. Агриппа отличался безграничной преданностью Августу и, более того, стремился только к служению ему. Принцепс, в свою очередь, доверял ему одно за другим самые важные поручения. Напрочь лишенный аристократизма суровый пуританин Агриппа, «склонный скорее к грубости, чем к утонченности», относился без всякой симпатии к изысканному языку Вергилия и Горация и предпочитал заниматься более практическими делами, как, например, строительство акведуков и общественных заведений (в число возведенных им зданий входил и Пантеон). Он существенно дополнил широкомасштабную программу строительства, выдвиг-

нутую Августом. В одной из своих докладных записок он предложил изъять произведения искусства у частных владельцев, сделав их достоянием всего народа. Пользовавшийся любовью и уважением простых людей, Агриппа был одиозной фигурой в глазах знати, и многие аристократы продолжали ненавидеть его даже после его смерти; на устроенные в его память игры они даже отказались прийти. Разумеется, эти люди никогда бы не приняли Агриппу в качестве императора. Именно сознание этого, очевидно, заставило Августа изрядно поволноваться, когда в 23 г. до н. э. он слег от казавшейся неизлечимой болезни. Однако императорская печать была передана тогда именно Агриппе. Август, конечно, понимал, что любая попытка установить власть Агриппы встретит на своем пути значительное противодействие, но полагал, что, если болезнь сведет его в могилу, кто-то все равно должен будет управлять государством. С юридической точки зрения статус Августа как правителя был неопределенным, и передать свою власть по наследству он не мог. Между тем было ясно, что рано или поздно он назначит себе преемника, и некоторые факты указывают на то, что эта роль отводилась девятнадцатилетнему Марцеллу, которого император женил на своей дочери Юлии. Можно предполагать, что в 23 г. до н. э. Август рассчитывал, что после его смерти Агриппа расчистит для Марцелла дорогу к трону, хотя многие полагали, что полководец, оставшись один, наоборот, попытается избавиться от молодого наследника. Но на практике дело, правда, так до этого и не дошло: Август выздоровел, а Марцелл умер в том же году, и шестнадцатилетняя Юлия была выдана замуж за сорокалетнего Агриппу, который ради этого брака развелся со своей прежней женой, бывшей племянницей императора. Сенаторы, однако, даже теперь не признавали Агриппу потенциальным наследником престола, и эта роль была впоследствии отведена его сыновьям Гаю и Луцию, матерью которых была та же Юлия.

В 12 г. до н. э., когда Гай и Луций еще были детьми, Агриппа, силы которого были изрядно подорваны участием в напряженных боевых действиях на границе, заболел и умер. Через четыре года скончался и Мecenат, прошедший последние пятнадцать лет своей жизни в частичной опале, которая, возможно, была вызвана тем, что он неосторожно раскрыл жене один политический секрет. Друза, младшего пасынка Августа бывшего полководцем и покрывшего себя славой в войнах с германцами, к тому времени также не было в живых, и роль наследника престола перешла к его старшему брату Тиберию, первоначально жившему в уединении на острове Родос, но в 4 г. н. э., после преждевременной кончины Гая и Луция, официально усыновленному Августом. С этого момента стало ясно, что вступление на трон Тиберия, каким бы незаконным оно ни было с юридической точки зрения, неизбежно.

В последние годы жизни Августа преследовали неудачи. Немало страданий причиняли ему семейные неурядицы. Дочь императора Юлия, выданная замуж в третий раз за не желавшего жить с ней Тиберия, была отправлена в ссылку; впоследствии так же поступили и с ее собственными детьми — дочерью Юлией и сыном Агриппой Постумом. Обеих женщин обвинили в распутстве, причем к старшей Юлии*, которую из политических соображений выдавали замуж большее количество раз, чем это допускали даже римские обычаи, поневоле испытываешь сочувствие. Но Август остерегался не их самих, а скорее их любовников, которые, как он считал, могли устроить смуту.

Другой причиной беспокойства Августа было начавшееся в 6 г. н. э. восстание в Иллирике. Римский военачальник того времени Веллей Патеркул так описывал эти события:

Римские граждане были уничтожены, торговцы перебиты; в области, наиболее удаленной от полководца, было истреблено большое количество знаменосцев, военными силами занята Македония; все и повсюду было опустошено огнем и мечом. Мало того, вызванный этой войной страх был настолько велик, что поколебался и ужаснулся даже стойкий, укрепленный опытом стольких войн дух Цезаря Августа.

Ввиду этого был произведен набор войска, а также повсюду и полностью призваны все ветераны. Мужчины и женщины в соответствии с имущественным цензом должны были выставить в качестве воинов вольноотпущенников. В сенате прозвучал голос принцепса: через несколько дней, если не быть настороже, враг может оказаться на виду у города²².

Вслед за этим, в 9 г. н. э., империи пришлось вынести еще один, очевидно, даже более сильный удар: три легиона под командованием Квинтилия Вара были наголову разбиты Арминием в Тевтобургском лесу возле Миндена. Такая катастрофа, вызванная тем, что Август не смог оккупировать земли, лежащие между Рейном и Эльбой, и установить там свою администрацию, вынудила римлян оставить эти территории.

Армия, прославленная своей доблестью, первая из римских армий по дисциплине и опытности в военном деле, попала в окружение из-за вялости своего полководца, вероломства врага и несправедливости фортуны. Воины даже не имели возможности сражаться и беспрепятственно производить вылазки, как они того хотели. Некоторые из них даже жестоко заплатились за то, что вели себя как подобает римлянам по духу и оружию; запертые лесами и болотами, попавшие в западню, они были полностью перебиты теми недругами, которых прежде убивали

---

* Когда кто-то с удивлением заметил, что дети Юлии похожи на своего законного отца, она ответила: «Я никогда не беру кормчего, если корабль не полон», имея в виду, что заводит любовника только в месяцы беременности. (Примеч. авт.)

как скот, так что их жизнь и смерть зависели от гнева или от милости римлян.

У военачальника хватило духа более для того, чтобы умереть, чем для того, чтобы сражаться: ведь он пронзил себя мечом по примеру отца и деда²³.

Известие о страшном поражении римских войск вызвало у Августа, которому к этому времени был 71 год, длительный нервный кризис. «Говорят, он до того был сокрушен, что несколько месяцев подряд не стриг волос и бороды и не раз бился головою о косяк, восклицая: “Квинтилий Вар, верни легионы!”, а день поражения каждый год отмечал трауром и скорбью»²⁴.

В том же злосчастном году власти стали более чувствительно реагировать на обращенные против них критику и пасквилы, выступление с которыми рассматривалось теперь как государственная измена; с меньшей терпимостью начали относиться и к инакомыслящим. Между тем для преодоления последствий недавней серии неудач были приняты все необходимые меры, и крушения режима удалось избежать.

В августе 14 г. н. э. Август простудился, проведя однажды ночь на корабле. Так началась его болезнь, от которой 19 августа он умер в Ноле в Кампании.

Начиная со 2 г. н. э., когда старшая Юлия была отправлена в ссылку, или, самое позднее, с 6 или 9 гг. н. э., когда римские войска терпели страшные поражения, Август явно стал сдавать. Его здоровье, и без того не особенно крепкое, было подорвано чрезмерной загруженностью делами, постоянной боязнью измены или заговора и, наконец, годами. Когда в конце пути перед ним неожиданно возникли новые трудности, он был уже слишком истощен, чтобы справиться с ними самостоятельно. В этих условиях только поддержка Тиберия, ставшего в конце фактическим соправителем Августа, спасла режим принципата от крушения. Прозорливость, с которой Август обеспечил себе запас прочности на трудные годы, была одним из главных его достоинств. Древние часто говорили, что он был суров в начале своего правления и мягок в его конце, когда как бы «устал от собственной жестокости». Но к такому описанию жизненного пути Августа следовало бы добавить и еще один, третий этап, на котором император уже не контролировал события, а сохранение его власти обеспечивал Тиберий.

Часть II
ДИНАСТИЯ
ЮЛИЕВ—КЛАВДИЕВ

Глава 3

ТИБЕРИЙ

Тиберий Клавдий Нерон родился в 42 г. до н. э. в семье, принадлежавшей к цвету римской аристократии. Когда ему было четыре года, его мать Ливия развелась с мужем, чтобы стать женой Октавиана, будущего императора Августа. В правление своего отчима Тиберий в течение двадцати двух лет командовал римскими армиями — в 12—9 гг. до н. э. и 6—9 гг. н. э. в Иллирике и Паннонии (современные Югославия и Венгрия), в 9—7 гг. до н. э. и 4—6 гг. н. э. в Германии, и снискал себе большую славу на военном поприще.

В 12 г. до н. э. Август заставил Тиберия развестись с супругой и жениться на Юлии, вдове недавно умершего Агриппы. Брак Тиберия и Юлии оказался несчастливым, но продолжался до 6 г. до н. э., когда Тиберий удалился на остров Родос. После смерти Гая и Луция, внуков Августа, он, однако, был вновь призван в Рим и усыновлен Августом (4 г. н. э.), став тем самым наследником престола. Тиберий в последнее, полное драматических событий десятилетие жизни Августа, как мы видели, играл исключительно важную роль в государстве и был еще раз официально признан преемником императора в 13 г. н. э.

После смерти Августа в 14 г. н. э. Тиберий автоматически стал императором. В первые годы своего правления он приложил немало усилий для подавления вспыхнувших после смерти Августа восстаний в Германии и Южной Паннонии (север Югославии), куда с войсками были направлены соответственно его пасынок Германик и сын Друз. Германик, пользовавшийся большой популярностью, предпринял три широкомасштабных, но не приведших к значительным результатам похода против германских племен (14—16 гг. н. э.), а вслед за этим был переведен на восток, куда за ним последовала и его жена Агриппина Старшая, дочь Агриппы. Гибель Германика в 19 г. вызвала всеобщую скорбь, а наместник Сирии Пизон, обвиненный в его убийстве, был вызван в Рим, где покончил с собой.

После смерти Германика наследником престола стал считаться Друз Младший, сын Тиберия. Но через четыре года умер и он, что открыло дорогу к трону для Нерона Цезаря и Друза Цезаря, сыновей Германика и Агриппины. В то же самое время значительно усилились позиции префекта преторианцев Луция Элия Сеяна. В 23 г. н. э. он добился того, чтобы части преторианской гвардии, ранее расквартированные в городах центральной Италии, были переведены в Рим. Обстановка в этот период была напряженной. Реальные и мнимые заговоры, для борьбы с которыми использовался закон о государственной измене, создавали во дворце атмосферу неуверенности и страха. Сеян первым стал обвинять своих противников в предательстве, и его влияние еще более возросло, когда Тиберий в 26 г. н. э. навсегда уехал из Рима и поселился на острове Капри.

На этом этапе подозрения в организации заговора пали на Агриппину и ее сыновей Нерона Цезаря и Друза Цезаря. В 29—30 гг. н. э. их казнили или вынудили покончить с собой. В то же самое время Тиберий обещал Сеяну породниться с ним; более того, командир преторианцев, начавший свою политическую карьеру простым всадником, получил в 31 г. н. э. должность консула вместе с самим императором. Но и падение Сеяна не заставило себя долго ждать. Получив информацию, что он замышляет государственный переворот, Тиберий тайно передал командование преторианской гвардией Макрону, который организовал контрудар: на одном из заседаний сената Сеян был схвачен и тут же приговорен к смертной казни. Вслед за ним репрессиям подверглись и его сторонники и друзья в провинциях, хотя вдали от Рима резонанс происходивших в столице событий почти не ощущался. 16 марта 37 г. н. э. 79-летний Тиберий умер в Мизене недалеко от Неаполитанского залива, и его преемником стал Гай Калигула, третий сын Германика, в свое время живший вместе с ним на Капри.

Когда Тиберию было два года, его отец, в честь которого он был назван, был вынужден из-за своей приверженности к Республике бежать от триумвиров. «Младенчество и детство было у него тяжелым и беспокойным, так как он повсюду сопровождал родителей в их бегстве». В эту пору Тиберий часто подвергался опасности, что, очевидно, сказалось на его характере. Когда мальчику не было и четырех лет, Октавиан, тот самый человек, который до этого превратил его родителей в нищих беглецов, сделал своей женой его мать Ливию, отняв ее у его отца. Но даже несмотря на это Тиберий впоследствии служил Августу с исключительными усердием и преданностью, и ни одному из современников не довелось командовать римскими вой-

сками в сражениях больше, чем ему. Похвала, с которой пишет о нем Гораций, более чем оправдана.

А вскоре старший в доме Неронов дал
Жестокий бой свирепым ретам,
Волей богов обратил их в бегство.
В пылу сражения стоило зреть его,
Как он без счета груды врагов дробил,
Что обрекли себя на гибель.
Словно бурливые воды ветер
Волнует южный, в пору, когда пляяд
Созвездье тучи режет, полки врагов
Без устали теснил Тиберий,
В самую сечу с конем врываясь¹.

Но требования Августа к Тиберию не ограничивались командованием войсками. После смерти Агриппы в 12 г. до н. э. император женил Тиберия на овдовевшей своей дочери Юлии, заставив его развестись с любимой женой Випсанией, которая в то время ждала ребенка. Брак, однако, оказался неудачным, и во 2 г. до н. э. Август расторг его, даже не спросив при этом согласия Тиберия. Сам Тиберий, правда, был в этот момент далеко от Рима: четыремя годами ранее он, не желая казаться препятствием на пути быстро продвигавшихся к трону Гая и Луция, старших сыновей Агриппы и Юлии и, вероятно, посчитав, что после всех его подвигов наблюдать за их возвышением будет слишком унижительно, удалился на остров Родос. Но и Гай, и Луций вскоре умерли, и Август усыновил Тиберия, назначив его тем самым своим преемником. При этом Тиберий должен был усыновить своего восемнадцатилетнего племянника Германика, бывшего сыном его брата Друза Старшего. Германик, таким образом, фактически становился преемником Тиберия, что, очевидно, унижало последнего, ибо его собственный сын Друз был всего на два года моложе нового наследника. Действия Августа показывают, что он не до конца доверял Тиберию. Еще принося клятву усыновить Тиберия, он заявил, что делает это лишь для блага государства, но бытовало мнение, что император не уверен, наделен ли будущий преемник всеми качествами, необходимыми правителю. Все знали, что Август сожалеет, что трон не смогут занять скончавшиеся Гай и Луций.

В сложившейся ситуации Тиберий был единственным человеком, кому можно было передать власть, и Август, понимая это, принял самое лучшее из всех возможных решений, дав указание поместить его имя и портрет на монеты и посылая ему в армию задушевные письма.

Будь здоров, любезнейший мой Тиберий, желаю тебе счастливо сражаться за меня и за Муз; будь здоров, любезнейший мой друг, и, клянусь моим счастьем, храбрейший муж и добросовестнейший полководец... Я могу только похвалить твои действия в летнем походе, милый Тиберий; я отлично понимаю, что среди стольких трудностей и при

такой беспечности солдат невозможно действовать разумнее, чем ты действовал... Приходится ли мне раздумывать над чем-нибудь важным, приходится ли на что-нибудь сердиться, клянусь, я тоскую о моем милом Тиберии... Когда я читаю и слышу о том, как ты исхудал от бесконечных трудов, то разрази меня бог, если я не содрогаюсь за тебя всем телом! Умоляю, береги себя: если мы с твоей матерью услышим, что ты болен, это убьет нас, и все могущество римского народа будет под угрозой².

По мере того, как Август старел, а проблем в государстве становилось все больше, роль Тиберия в поддержании стабильности режима неуклонно возрастала. Вместе с императором Тиберий руководил государственной машиной и, более того, даже пытался усовершенствовать ее, проводя не очень заметные, но полезные реформы, хотя, конечно, ужесточение закона о государственной измене, определившее характер тех трудных лет, было также заметно. На важных постах люди Августа все более заменялись друзьями Тиберия. Наконец, в 13 г. н. э. Тиберий как будущий наследник престола был наделен такой же властью над бывшими у него в подчинении войсками и провинциями, как и сам император.

Постепенная передача власти Тиберию создала все условия для того, что, когда в следующем году умер Август, он взшел на престол без всяких проблем. Уже располагая той же властью, что и Август, Тиберий стал теперь и верховным командующим преторианцев и, соответственно, назначал им пароль. Едва вступив на престол, он заставил население империи принести клятву на верность ему — нечто подобное в 32 г. до н. э. его предшественник устроил в западной части империи. Первыми присягали консулы, затем, в их присутствии, префект преторианской гвардии Луций Сей Страбон, префект, отвечавший за снабжение Рима зерном, за ними сенат и воины и в последнюю очередь население.

Одним из первых решений, принятых сенатом при Тиберии, стало подтверждение всех пожалований, данных Августом воинам: без поддержки армии об установлении стабильного режима не могло быть и речи. Между тем существовал консенсус в отношении того, что не войска, а только сенат может формально облечь Тиберия ненаследственной властью, которая составляла сущность принципата — это правило соблюдалось впоследствии на протяжении более двух столетий. Действительно, хотя к моменту смерти Августа Тиберий был уже наделен почти всеми полномочиями, составлявшими императорскую власть, считаться правителем он не мог, ибо не имел титула императора, который только теперь должен был получить.

Тацит особо подчеркивает замешательство, царившее на первом после смерти Августа заседании сената. Его члены, пожа-

луй, впервые столкнулись с подобной ситуацией. Но Тиберию удалось достичь своей цели — сенат по настоянию консулов провозгласил его верховным правителем империи, о чем Тацит, правда, забывает упомянуть.

Во время заседания Тиберий всячески демонстрировал нежелание занимать трон. В силу того, что альтернативного кандидата на престол не было, а возврат к республиканской форме правления вряд ли встретил бы одобрение армии, многие полагали, что Тиберий отказывается лишь для виду — сходным образом вели себя впоследствии и многие его преемники. Действительно, колебания Тиберия были если не надуманными, то, во всяком случае, беспочвенными, ибо именно он был тем человеком, которому следовало передать власть. Говоря о своих сомнениях, Тиберий скорее стремился дать сенаторам понять, что взваливает на свои плечи огромное бремя и обрекает себя на «тягостное рабство». Такое определение власти резко контрастировало в его устах со «славной службой» монарха в политических воззрениях греков. К тому времени он уже несколько десятилетий не знал отдыха, занимая различные ответственные должности, в том числе и в армии, ибо, как он однажды заметил в беседе с Германиком, только в Германию Август направлял его по меньшей мере девять раз.

Но Август не только изнурял Тиберия трудными заданиями. Долгое время он не обращал на него никакого внимания, приближая к себе юных Гая и Луция. Более того, именно Август разбил личную жизнь Тиберия, заставив его сменить любимую жену на женщину, которую он вскоре возненавидел. Этот брак, за которым стоял холодный и бесчеловечный расчет Августа, ожесточил Тиберия. «Великолепный успех, — заметил сэр Роберт Сайм, — пришел к нему испорченным и омраченным». И вот теперь, после всех полных горечи и тяжких трудов лет, Тиберию предстояло взвалить на себя еще более тяжелое бремя, доставшееся в наследство от Августа.

После похорон Август, как до него Цезарь, был провозглашен одним из римских богов. Тиберий заявил, что будет следовать его словам и примеру так, как если бы они имели силу закона. Он стремился дать понять, что будет продолжать политику недавно скончавшегося императора, однако эти слова, помимо его воли, прозвучали несколько иронично*. Более того, они заключали в себе и определенный парадокс, ибо Август не только безжалостно эксплуатировал Тиберия при жизни, но и оставил ему в наследство немало проблем. Отлично понимая, что ничего изменить невозможно, Тиберий в то же время никогда не принимал ни фактического уничтожения республики, хитроумно

---

* Август увековечил свое имя еще и тем, что «удочерил» в завещании свою жену Ливию, получившую после этого имя «Юлия Августа». (Примеч. авт.)

осуществленного Августом, ни той идеологической оболочки, в которую облакались действия его предшественника. В глубине души он даже был приверженцем республики, сторонниками которой были и его предки. В отличие от Октавиев, принадлежавших к средним слоям общества, Клавдии были знатным и древним родом, сохранявшим свое значение на всем протяжении истории республики. С течением времени, правда, они все более стали отличаться корыстолюбием и карьеризмом, однако Тиберию эти черты были совершенно несвойственны. Наоборот, сознавая себя потомком аристократического рода, он был скорее консерватором и скептически относился к тонким, но всеобъемлющим нововведениям Августа, против которых по долгу службы не должен был выступать. Теперь же необходимость скрывать свои истинные мысли и выказывать помимо воли верность императору исчезла. Вообще говоря, Тиберий никогда не умел притворяться: он был слишком прямым и искренним человеком, чтобы овладеть этим искусством. Американцы часто противопоставляют друг другу своих президентов Уильяма Мак-Кинли и Бенджамина Харрисона, говоря, что первый мог отказать человеку таким образом, что тот становился его другом, а второй, даже если соглашался, делал его своим врагом. Пользуясь этой аналогией, можно сказать, что Август был сродни Мак-Кинли, а Тиберий — Харрисону. Даже действуя с самыми добрыми намерениями, Тиберий часто попадал в затруднительные ситуации, которых другие, более изворотливые люди обычно избегали. Так, на Родосе с ним произошел следующий случай:

Однажды, обдумывая утром занятия наступающего дня, он сказал, что хотел бы посетить всех больных в городе; присутствующие неправильно его поняли, и был издан приказ принести всех больных в городской портик и уложить, смотря по тому, у кого какая болезнь. Пораженный этой неожиданностью, Тиберий долго не знал, что делать, и наконец обошел всех, перед каждым извиняясь за беспокойство, как бы тот ни был убог и безвестен³.

Подобные случаи происходили и когда Тиберий уже стал правителем империи. На упомянутом выше первом заседании сената один из его членов, Квинт Гатерий, вскричал, обращаясь к нему: «Доколе же, Цезарь, ты будешь терпеть, что государство не имеет главы?» Тиберий был задет за живое, и сенатору пришлось идти извиняться. «Рассказывают, что Гатерий, явившись во дворец, чтобы отвести от себя гнев Тиберия, и бросившись к коленям его, когда он проходил мимо, едва не был убит дворцовой стражей, так как Тиберий то ли случайно, то ли наткнувшись на его руки, упал»⁴.

Такие случаи происходили довольно часто, поэтому Тиберий не особенно любил принимать посетителей, что так хорошо в свое время удавалось Августу. В отличие от своего предшественника, он был полностью лишен дара общения с людьми, что,

вообще говоря, было для него большим недостатком как для императора. Как и подобало человеку, любившему греческую литературу и искусство и окружавшему себя учеными и писателями, Тиберий великолепно владел ораторским искусством, но его речи, пусть даже умело составленные и убедительные, отличались не только использованием старинных и чересчур изысканных слов и выражений, над которыми так насмехался Август, но и неясностью, а подчас и двусмысленностью. За прошедшие тяжелые годы осторожный, замкнутый и медлительный Тиберий научился скрывать свои мысли и чувства и обычно не распространялся о своих планах.

Он был особенным человеком, — пишет о Тиберии Дион Кассий. — Никогда во время беседы не говорил он прямо, чего хочет достичь, а к тому, о чем упоминал как о своей цели, обычно не стремился совершенно. Его истинные замыслы были противоположны словам; тем, к чему были направлены его устремления, он делал вид, что не интересуется вовсе, а то, что вызывало у него неприязнь, он часто настойчиво требовал. Он изображал гнев, когда не был даже рассержен, и отвечал любезностью, когда его оскорбляли, жалел тех, кого сурово карал, и таил злобу на тех, кого миловал. Случалось, что он принимал самых заклятых врагов как приятелей и, наоборот, обращался с самыми близкими друзьями как с посторонними людьми. Короче говоря, он считал, что государю не следует раскрывать свои мысли, ибо это, по его словам, часто ведет к неудаче, в то время как скрытность позволяет добиться намного больших успехов⁵.

Приведенный фрагмент хорошо показывает, каким образом Тиберий, несмотря на то, что его намерения были в основном честными, прослыл «лицемерным» человеком. Разрыв между словами и стоявшими за ними мыслями, которого Тиберий так и не научился избегать, часто приводил к затруднениям, ибо императора было очень сложно понять. Тиберий ожидал, что окружающие смогут читать его мысли и понимать, чего именно он добивается, но люди, по замечанию того же Диона Кассия, «часто попадали в беду, ибо одобряли то, что он говорил, а не то, что он на самом деле хотел сказать». Не добавляла популярности Тиберию и его манера выражаться, жесткая, саркастическая и язвительная. Тиберий был суровым человеком; по словам Плиния Старшего, более суровым, чем любой из его современников. Несмотря на всю свою сдержанность и скрытность, Тиберий мог внезапно сорваться и прийти в ярость. Август жаловался Ливии на невыносимо жестокий нрав Тиберия и не раз при его приближении обрывал слишком веселый или легкомысленный разговор. Ходили рассказы, что Август выражал сочувствие римскому народу, которому, по его словам, предстояло после его смерти попасть в медленные челюсти его преемника.

Тиберий никогда не был особенно любезен с людьми, или он сам к этому не стремился, или просто не мог вести себя

иначе. Он открыто показывал, что не разделяет любви римлян к играм и прочим увеселениям. «Пусть ненавидят, лишь бы соглашались», — сказал он однажды, демонстрируя чисто аристократическое презрение к льстецам и толпе. Затем, правда, он добавил, что готов потерпеть какую угодно обиду, если того требуют интересы государства.

В последней фразе отразился скорее идеал Тиберия, чем истинное положение дел. По складу характера император был не таким человеком, чтобы во всем следовать ему. Когда люди порицали его, он принимал их слова близко к сердцу и долго оправдывал свои поступки. Сохраняя в глубине души человечность, Тиберий остро реагировал на критику, что делало его болезненно сосредоточенным на самом себе и невнимательным к остальным; отсюда, в свою очередь, проистекала его жестокость, становившаяся еще более заметной из-за его чрезмерной подозрительности и осторожности. Но, глядя на римских императоров, постоянно сталкивавшихся с различными опасностями, угрожавшими трону, мы вряд ли можем осуждать в них подобные черты характера, и меньше всего упреков заслуживает в этом отношении Тиберий, подвергшийся таким испытаниям, которые ему как человеку едва ли было под силу вынести.

Придворные скульпторы, запечатлевшие в камне облик Тиберия, обыкновенно представляли императора в идеализированном свете, подобно тому, как до этого изображали Августа. Но присущая императору жестокость отразилась и в их творениях.

Подробный портрет Тиберия дает нам Светоний.

Телосложения он был дородного и крепкого, росту выше среднего, в плечах и в груди широк, в остальном теле статен и строен с головы до пят. Левая рука была ловчее и сильнее правой, а суставы ее так крепки, что он пальцем протыкал свежее цельное яблоко, а щелчком мог поранить голову мальчика и даже юноши.

Цвет кожи имел белый, волосы на затылке длинные, закрывающие даже шею, — по-видимому, семейная черта. Лицо красивое, хотя на нем вдруг высыпали прыщи; глаза большие и с удивительной способностью видеть и ночью, и в потемках, но лишь ненадолго и тотчас после сна, а потом их зрение вновь притуплялось.

Ходил он наклонив голову, твердо держа шею, с суровым лицом, обычно молча: даже с окружающими разговаривал лишь изредка, медленно, слегка поигрывая пальцами⁶.

В последние годы жизни Тиберий, по словам Тацита, «стыдился своего облика: он был очень высок, худощав и сутул; макушка головы у него была лысая, лицо в язвах и по большей части залепленное лечебными пластырями». Несмотря на свое пристрастие к пьянству, он отличался отличным здоровьем и практически никогда не прибегал к услугам медиков.

В самом начале правления Тиберия, когда сенат еще обсуждал вопрос о его провозглашении императором, войска, стоявшие в Паннонии и на Рейне, были охвачены волнениями. Причина недовольства солдат заключалась в том, что сроки службы и вознаграждение, дававшееся уходившим в отставку, были не такими, какие обещал Август. В Паннонию был послан сын Тиберия Друз Младший, быстро восстановивший в армии порядок. Меньший успех сопутствовал действиям направленного на Рейн Германика, сводного брата Друза и пасынка Тиберия; он пошел на слишком большие уступки солдатам, которые император был впоследствии вынужден отменить.

О Германике, красивом, хотя и слишком тонконогом (известно, что он ездил верхом после еды, пытаясь избавиться от этого недостатка) человеке, много пишет Тацит. Хотя имеющиеся у нас сведения о пасынке Тиберия неполны, можно предположить, что в его внешнем блеске было немало фальши. Но, несмотря на это, веселый, открытый и общительный Германик пользовался куда большей популярностью, чем угрюмый и замкнутый Тиберий.

После подавления мятежей Германик предпринял один за другим три похода против германских племен, пытаясь отвоевать территорию между Рейном и Эльбой, потерянную римлянами после разгрома войск Вара в 9 г. н. э. Совершив немало подвигов, он, однако, не смог выполнить поставленной перед собой задачи, хотя в его честь и было устроено впоследствии триумфальное шествие. Тиберий распорядился прекратить походы, и хотя говорили, что он сделал это из зависти к Германику, было ясно, что ожидать положительных результатов, способных принести долгосрочную стратегическую выгоду, не приходится. Тем не менее, когда Германик вернулся в Рим, ему устроили великолепный прием, что вряд ли могло понравиться Тиберию.

Обыкновенно императоры стремились иметь двух наследников престола одновременно. Август всячески возвышал Гая и Луция, а сам Тиберий — Германика, в чем следовал завету Августа, и Друза Младшего, не выказывая, однако, предпочтения ни одному из них. Причина такого стремления, возможно, в том, что, если один из потенциальных наследников престола умирал (следует сказать, что и в том, и в другом случае оба наследника ушли из жизни раньше самого императора), то ситуация не выходила из-под контроля. И Август, и Тиберий были окружены людьми, питававшими их подозрительности, и, если вокруг одного из наследников собиралась группа сторонников, это казалось опасным, считалось полезным восстановить политическое равновесие, содействуя усилению партии другого претендента на престол. И Германик, и Друз спланировали вокруг себя своих приверженцев, хотя, по крайней мере внешне, оставались друг с другом в хороших отношениях.

В описываемое время Друз командовал войсками на Дунае, а Германик был направлен на Восток. Вернуться в Рим Германику уже не было суждено: он умер в 19 г. н. э. после резкого и безобразного конфликта с назначенным Тиберием наместником Сирии Гнеем Кальпурнием Пизоном. После смерти Германика его жена, умная и решительная Агриппина, увезла его прах домой, а высшие чиновники римской администрации на Востоке приняли решение сместить Пизона и избрали из своей среды нового наместника провинции. Пизон, в свою очередь, отказался уехать и попытался изгнать его, но потерпел поражение. Вернувшись затем в Рим, он был обвинен сенатом в отравлении Германика, предстал перед судом и, не дожидаясь приговора, покончил с собой.

Германик, очевидно, умер своей смертью, и Тацит нигде не утверждает, что в его гибели виноват именно Пизон, хотя к последнему историк относится негативно, осуждая развязанный им мятеж. Однако многие считали, что еще до прибытия Германика на Восток Тиберий дал Пизону указание удерживать его от неразумных шагов, что, очевидно, наместник и пытался сделать, действуя прямолинейно и бесцеремонно, как истый республиканец старого закала. Такая гипотеза отнюдь не кажется невероятной. Пизон, правда, не утверждал, что получил от императора какие-либо инструкции, но такой шаг, очевидно, не принес бы ему ощутимой пользы, а наоборот, лишил бы его поддержки Тиберия.

После смерти Германика единственным наследником престола остался Друз Младший, но через четыре года скончался и он. Тиберий, таким образом, разделил участь Августа, оба наследника которого умерли еще при его жизни.

Друз Младший оставил после себя двух сыновей, но они были малолетними, и наиболее вероятными наследниками престола стали считаться дети Германика и Агриппины — семнадцатилетний Нерон Цезарь и шестнадцатилетний Друз Цезарь. Обоих юношей император, которому в ту пору было 65 лет, поручил опекать сенату.

Нельзя сказать, что отношения между Тиберием и сенатом были в описываемое время на должном уровне. Правда, Тиберий все время выказывал почти болезненное стремление к сохранению традиционного престижа ведущих сенаторов и высших должностных лиц. Когда, например, к нему подходил один из консулов, он вставал, чтобы поприветствовать его, а если он приглашал их на пир во дворец, то встречал у дверей и после приема провожал. С большой деликатностью относился Тиберий и к выборам, никогда не прибегая к прямым методам воздействия на их итоги. Малый совет сенаторов, существовавший при Августе, был заменен более широким собранием друзей императора и ведущих политиков. Это собрание имело менее офи-

циальный статус, чем прежде, и Тиберий, фактически льстя сенаторам, заявлял, что теперь в государстве остался один совещательный орган — сенат. Император регулярно присутствовал на заседаниях сената, вносил на его рассмотрение все государственные дела вне зависимости от степени их важности, выступал лишь тогда, когда злоупотребления делали его вмешательство необходимым и в конечном счете превзошел Августа в стремлении поднять авторитет сенаторов. О том, что такова была его политическая линия, Тиберий сказал в следующей, исполненной уважения к сенаторам, речи:

Я не раз говорил и повторяю, отцы сенаторы, что добрый и благодетельный правитель, обязанный вам столь обширной и полной властью, должен быть всегда слугой сенату, порою — всему народу, а подчас и отдельным гражданам; мне не стыдно так говорить, потому что в вашем лице я имел и имею господ и добрых, и справедливых, и милостивых⁷.

«Он даже установил некоторое подобие свободы, — продолжает далее Светоний, — сохранив за сенатом и должностными лицами их прежнее величие и власть». Но речь действительно шла лишь о подобии свободы. Мы можем предполагать, что Тиберий, имевший предков-республиканцев и сам придерживавшийся республиканских убеждений, не только с неприязнью относился к чрезмерному превозношению своего имени, но и пытался превратить сенат в серьезного политического партнера и заставить его членов серьезно относиться к своим обязанностям. Но эта попытка закончилась вполне закономерным крахом, ибо принимать какие-либо меры было уже слишком поздно. После полувекового правления Августа сенаторы были уже неспособны ни проводить какую-либо самостоятельную политику, ни даже сотрудничать в сколько-нибудь значительной мере с императором. Положение, в котором находился сенат, хорошо иллюстрирует процесс Марка Грания Марцелла. В 15 г. н. э. этот сенатор был обвинен в измене, выразившейся в том, что он делал оскорбительные замечания о характере императора, поставил дома свою собственную статую выше статуй цезарей и, наконец, отбив у изваяния божественного Августа голову, заменил ее головой Тиберия.

Выслушав это, — рассказывает далее Тацит, — Тиберий до того распалился, что, нарушив обычное для него молчание, заявил, что по этому делу открыто подаст свое мнение, подкрепив его клятвой, чтобы побудить и остальных поступить так же, как он. Но тогда еще сохранялись следы умиравшей свободы. И Гней Пизон на это сказал: «Когда же, Цезарь, намерен ты высказаться? Если первым, я буду знать, чему следовать; если последним, то я опасаюсь, как бы, помимо желания, я не разошелся с тобой во мнении»⁸.

Император был смущен этими словами, добавляет Тацит, что представляется вполне возможным, ибо Пизон затронул самую

суть проблемы. Несмотря на то, что сенаторы все еще могли, разумеется, в определенных пределах, свободно и беспрепятственно выражать свое мнение, даже наиболее тактичные выступления Тиберия (речь идет не о данном случае) сковывали их, подобно тому, как участие императора в судебных процессах в качестве заседателя парализовывало действия судей. Тиберий искренне стремился к тому, чтобы должностные лица чувствовали себя независимыми, но он желал невозможного, ибо такова была сама природа установленного Августом режима принципата, которую раблепный поэт Овидий выразил словами: «Государство — это Цезарь». Разочарование сенаторов, от которых требовали самостоятельности там, где они хотели, но были лишены возможности ее проявить, чувствовалось в произносимых ими славословиях. Не случайно Тиберий всякий раз, когда покидал курию, произносил по-гречески: «О люди, созданные для рабства!»

Тацит подробно описывает процессы по делам об оскорблении величия, придавшие правлению Тиберия столь отвратительный облик. Обвиняемые на них были в большинстве своем сенаторами, а дела, как правило, разбирались в сенатском суде. Понятие оскорбления величия, *maiestas*, не было четко сформулировано, а введение титула императора и появление правящей династии* еще больше усилило неясность. В результате понятие государственной измены, под которым ранее обычно подразумевался заговор, стало включать в себя даже самые неопределенные выражения враждебности или неуважения по отношению к императорскому роду. Сам Тиберий часто говорил, что в свободном государстве должны быть свободны и мысль, и язык, и сообразно с этим всегда пытался ориентировать сенатский суд на большую умеренность в суждениях, которой, судя по надписи MODERATIONI на выбивавшихся при нем монетах, он чрезвычайно гордился.

В начале своего правления Тиберий вряд ли посчитал бы выступление с порочащими его заявлениями антигосударственной деятельностью. Однако, подобно Августу, он не смог остаться верным своим идеям; более того, впоследствии он уже открыто заявлял, что закон о каре за государственную измену должен быть не только сохранен, но и ужесточен, ибо в противном случае каждому из последующих императоров будет угрожать опасность быть свергнутым. В стране, где не было прокуроров, юридическая машина действовала при помощи доносчиков, существование которых, бывшее старинной и не самой привлекательной особенностью жизни римского общества, приходилось терпеть. Принимал такую систему и сам Тиберий,

---

* Плиний Младший отмечал, что выпады в адрес божественного Августа (наподобие тех, которые приписывались Гранию Марцеллу) были основанием для обвинения в оскорблении величия. (Примеч. авт.)

хотя доносчики ему часто докучали, и он пытался обходиться без них. «Лучше вообще отменить законы, — говорил он, — чем устранить тех, кто стоит на их страже». Но существование доносчиков приносило императору пользу еще в одном, особом аспекте: при желании всю вину за репрессии можно было свалить на них.

С начала второго десятилетия правления Тиберия преследования за оскорбление величия ужесточились*. Частично это было вызвано, очевидно, обострившейся чувствительностью Тиберия к выпадам в свой адрес. Если бы император принимал выступления против себя не так близко к сердцу или находил в себе силы спокойно реагировать на них, сползание к жестоким репрессиям, возможно, удалось бы остановить. Но, как свидетельствует Сенека, повзрослевший в самом начале правления Тиберия, репрессии нанесли по аристократии сильный удар.

При Тиберии у людей развилась безумная страсть к выдвижению обвинений друг против друга, охватившая понемногу почти всех и принесшая гражданам больше зла, чем любая гражданская война. Пьяная болтовня и самые невинные шуточки были основанием для доноса. Доносили по любому поводу, и чувствовать себя в безопасности нельзя было нигде. Со временем обвиняемые перестали ожидать результатов разбирательства своих дел, ибо приговор суда всегда был одинаков⁹.

Можно ли назвать утверждения Сенеки преувеличением? Основываясь на дошедших до нас источниках, мы можем идентифицировать более сотни людей, представших в правление Тиберия перед судом. Только в 18 случаях речь не шла о государственной измене; в большинстве остальных именно она составляло содержание обвинения. Что касается людей, выступавших на этих процессах в роли подсудимых, то 19 из них были оправданы, а еще 12 отпущены на свободу без суда. В четырех случаях приговор был смягчен или не выносился вовсе, и, наконец, для 11 человек Тиберий, пустив в ход свое влияние, добился менее сурового наказания. Но многие все-таки были казнены или доведены до самоубийства. Возможно, в этом следует видеть побочный продукт созданной Августом системы, основанной на насилии. Вместе с тем нельзя отрицать, что, несмотря на попытки Тиберия спасти некоторых подсудимых, причины репрессий следует искать и в характере самого императора.

Проводившиеся при Тиберии репрессии действительно были бедствием, однако их масштабы не следует преувеличивать. Затронуты оказались только самые высшие слои общества, а по количеству жертв репрессии Тиберия намного уступают великим

---

* Смертные приговоры, выносившиеся по таким делам в конце правления Тиберия, были, как тогда полагали, нововведением сенатского суда, ибо по закону обвиняемый в случае, если его вина была доказана, должен был быть отправлен в ссылку. (Примеч. авт.)

бойням XX века. В то же время огромные территории, входившие в состав империи, управлялись умело и квалифицированно, а сам Тиберий ни на минуту не выпускал из рук бразды правления. Пожалуй, единственным недостатком действовавшей при Тиберии системы управления была ее малая подвижность, так как, с одной стороны, наместники провинций как правило оставались на своих постах очень долгое время, а с другой — приняв однажды решение по какому-либо вопросу, император не любил возвращаться к его обсуждению. Большое внимание Тиберий уделял финансам империи. Крупномасштабных и дорогостоящих строительных работ при нем не осуществлялось, а отказ от проводившейся ранее Августом политики умиротворения народа посредством «хлеба и зрелищ» дал возможность сократить ассигнования на игры и увеселения. В результате в год смерти Тиберия казна государства была полной.

Обращаясь к наместникам провинций, Тиберий однажды сказал, что хороший пастух стрижет овец, но не сдирает с них шкуры. В отличие от Тацита, представлявшего правление Тиберия в сугубо негативном свете, современник императора александрийский иудей Филон писал, что он «поддерживал благословенный мир до конца своей жизни доброй рукой и милостивым сердцем». «Наилучшим из императоров» назовут позже Траяна, однако следует помнить, что до него так величали Тиберия. И если взглянуть на императора глазами не нескольких сотен сенаторов, а всего многомиллионного населения империи, то такая характеристика не лишена оснований.

Пожалуй, одна из самых больших проблем в жизни Тиберия заключалась в окружающих его людях. Август в начале своего правления опирался главным образом на Агриппу и Мецената, умерших соответственно в 12 и 8 гг. до н. э.; заменивший последнего богач Гай Саллюстий Крисп служил и Тиберию*. После смерти Криспа в 20 г. н. э. ситуация изменилась, что было связано с выходом на политическую сцену префекта преторианской гвардии. Должность префекта, учрежденная во 2 г. до н. э. и первоначально отведенная не сенаторам, а всадникам, постепенно, но неуклонно становилась все более важной. Именно префекта преторианской гвардии решил Тиберий сделать своим главным советником. При Августе преторианцами командовали два человека, однако в момент его смерти был только один префект, Луций Сей Страбон. В скором времени вторым префектом был назначен его сын Луций Элий Сеян, который после последовавшей в следующем году отставки отца стал командовать гвардией один. Именно на Луция Элия Сеяна все больше и больше опирался впоследствии император.

---

* В 14 г. он, действуя по приказу Августа или Тиберия, казнил пребывавшего в изгнании Агриппу Постума, внука Августа. (Примеч. авт.)

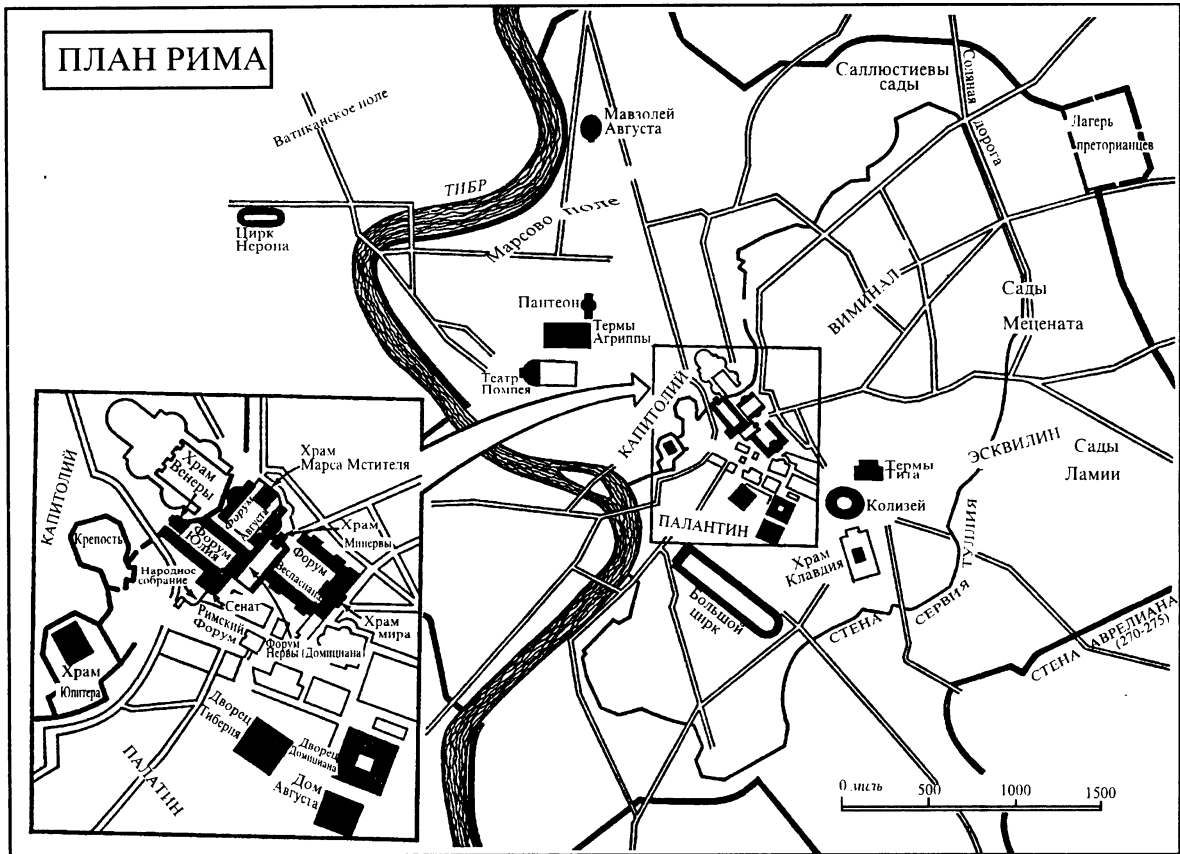
Должность, которую занимал Сеян, дала ему отличную возможность использовать свое политическое и социальное положение. Он отнюдь не был таким низким человеком, каким Тацит со своим аристократическим пренебрежением к всадникам пытается его представить. Через мать Сеян был связан с рядом наиболее знатных римских фамилий, а через отца — с женой Мецената. Вызывая восхищение у женщин, он был известен как весельчак и сердцеед, перед обаянием которого не смогли устоять жены многих знатных людей.

Около 23 г. н. э. Сеяну удалось убедить императора принять решение, значительно укрепившее его позиции. Первоначально из девяти когорт преторианской гвардии в Риме базировались только три, а остальные были расквартированы в разных городах Италии. Впоследствии они были стянуты в столицу, и вот теперь Сеян добился, чтобы все подчиненные ему когорты были размещены в недавно построенном у самой границы города на Виминальском холме лагере, стены которого сохранились и по сей день.

Оппозицию Сеяну представлял Друз Младший, недовольный ростом влияния префекта. Но вскоре после создания лагеря Друз умер, что привело к дальнейшему, причем весьма значительному возвышению Сеяна. В то время Тиберий не мог опереться ни на кого из своих родственников, ибо Нерон Цезарь и Друз Цезарь, считавшиеся тогда будущими наследниками престола, были еще молоды, и Сеян стал одним из крайне немногих людей, которые когда-либо могли считаться близкими друзьями императора. Тиберий называл префекта «мой Сеян», а выступая перед сенатом и Народным собранием, говорил о нем как о «соварище в делах». На тот момент Сеян, очевидно, представлялся несшему нелегкое бремя управления империей Тиберию своего рода новым Агриппой, память которого была увековечена, возможно, в те же самые годы на монетах с его портретом и именем.

Процессы по делам о государственной измене набирали обороты. Используя подозрительность Тиберия и его постоянный страх перед заговорами и мятежами, Сеян, сам полностью разделявший опасения императора, одного за другим убирал с политической сцены своих противников. В 25 г. н. э., например, историк Кремуций Корд был вынужден покончить жизнь самоубийством. Видимая причина гонений на Корда заключалась в том, что в своих произведениях он с похвалой отзывался о Бруте и Кассии, однако на самом деле роковую роль для него сыграл конфликт с Сеяном. Но префект преторианцев еще не достиг той высоты, к которой стремился. В том же году, согласно Тациту, Тиберий отказал Сеяну, просившему руки его племянницы Юлии Ливиллы Старшей, бывшей вдовой Друза Младшего, на том основании, что брак простого всадника с родственницей императора вызовет недовольство сенаторов.

ПЛАН РИМА

В следующем году, однако, Сеян получил возможность сделать еще один шаг к вершинам власти. Тиберий принял решение покинуть Рим и удалиться на остров Капри. На этом острове он провел весь остаток жизни, изредка направляясь в Италию, но так ни разу и не вернувшись в столицу.

Отъезд Тиберия из Рима объясняли по-разному. Идею о том, что император хотел быть подальше от своей умной и деятельной матери Ливии, именовавшейся в то время Юлией Августой, можно отбросить. Ливия действительно доставляла Тиберию немало хлопот, однако одного этого было недостаточно, чтобы заставить императора покинуть столицу; кроме того, после ее смерти в 29 г. н. э. он не вернулся назад. Наиболее вероятна комбинация двух причин. С одной стороны, Тиберию всегда было трудно общаться с людьми, особенно с сенаторами, и на Капри он прежде всего искал уединения, взяв с собой лишь нескольких друзей, в основном греческих ученых и астрологов. С другой — Тиберий продолжал опасаться за свою жизнь, а Капри был достаточно безопасным местом. На острове было всего две гавани, и подойти к нему незамеченным не представлялось возможным даже на лодке.

На Капри Тиберий поселился на вилле «Ио», расположенной в живописном месте среди гор в восточной части острова. Оттуда он со своей неизменной верностью долгу правителя продолжал управлять империей. Но отъезд императора из столицы повлек за собой целый ряд проблем. Общаться с сенатом Тиберий мог теперь только по переписке, что, естественно, вело к многочисленным недоразумениям, тем более, что император, как говорилось выше, выражался обычно довольно туманно. В то же время по поводу уединения Тиберия ходили самые разные слухи, в том числе и касавшиеся половых извращений, которым он якобы предавался на острове. Так, утверждали, будто Тиберию доставляет особое наслаждение купаться в бассейне вместе с мальчиками, которые плавали у него между ног и сосали интимные части тела. Такое было трудновыполнимо как для самого Тиберия, которому в это время было почти 70 лет, так и для мальчиков. Этим историям, как представляется, нет никаких оснований верить, даже не потому, что, как наивно заметил бы какой-нибудь современный издатель, участвуя император в подобных оргиях, ему вряд ли удалось бы сохранить хорошее здоровье до самых последних лет жизни, а прежде всего потому, что Сенека, обычно рассказывающий все известное ему о Тиберии, ни словом не упоминает о каких-либо извращениях. Для историка ценность подобных рассказов заключается не в том, что они проливают свет на характер Тиберия, а прежде всего в том, что на их примере можно увидеть, какой репутацией неизбежно начинал пользоваться император, если люди подолгу не видели его.

Удаление Тиберия на Капри еще более усилило позиции Сеяна. Именно он теперь решал, кто мог получить аудиенцию у

императора; более того, переписка между Тиберием и сенатом шла через его людей. Сеян до отъезда Тиберия, очевидно, всячески подогревал его опасения, указывая на возможность заговора; теперь, когда император находился на Капри, он не переставал играть на них. Вероятно, под влиянием Сеяна император уверился: основная опасность трону исходит от Агриппины Старшей и ее сыновей Нерона Цезаря и Друза Цезаря, считавшихся будущими наследниками; их предполагаемые притязания на власть основывались на славе дома Германика. Когда в 26 г. н. э. Агриппина спросила Тиберия, может ли она вступить в брак еще раз, император, для которого замужество внучки Августа означало бы появление нового опасного противника, был настолько поражен ее словами, что вышел из покоев, ничего не ответив. Через три года против Агриппины и ее сыновей были выдвинуты первые обвинения, сначала Сеяном, а затем и самим Тиберием. Нерон Цезарь был обвинен в половых извращениях, а Агриппина — в распутстве. Многие тогда публично выражали сочувствие Агриппине, в чем, как представляется, им негласно содействовал Сеян, стремившийся запугать императора как можно больше. Наконец Агриппина и Нерон Цезарь были схвачены и отправлены в ссылку на острова; впоследствии лишился свободы и Друз Цезарь. Через четыре года никого из них уже не было в живых. Сейчас довольно сложно судить, пытались ли Агриппина и ее сыновья организовать заговор или нет, однако популярность их рода среди солдат могла подтолкнуть их к выступлению.

В 31 г. н. э. Сеян и Тиберий стали консулами. В силу того, что император постоянно находился вне столицы, городом фактически управлял один Сеян, почести которому воздавались во всех концах империи. Когда в мае этого года Тиберий и Сеян сложили с себя консульские полномочия, префект, вероятно, был облечен высшей военной властью, которую сам император получил в свое время от Августа. Тиберий наконец дал свое согласие на его брак с Юлией Ливиллой.

В этот момент никто не мог даже предполагать, что блестящая карьера Сеяна приближается к концу. Возможно, некоторые сенаторы и наместники провинций, недовольные чрезмерным возвышением какого-то бывшего всадника, вступили в союз с Антонией, матерью Юлии Ливиллы, всячески противившейся браку своей дочери с Сеяном, и смогли постепенно подорвать доверие императора к префекту преторианской гвардии. Тиберий, как ни странно, вскоре убедился в том, что его ближайший друг и соратник не только не заслуживает доверия, но и вообще должен быть устранен с политической сцены.

Устранение Сеяна представляло собой, однако, довольно трудную задачу. Ее выполнение нельзя было поручить преторианской гвардии, ибо она находилась под его командованием. По-

этому император тайно вызвал на Капри Квинта Невия Корда Сутория Макрона, одного из тех людей, на кого он спокойно мог положиться, и, дав ему секретные инструкции, отправил в Рим. Прибыв в столицу, Макрон привлек на свою сторону префекта городской стражи (созданной при Августе пожарной команды, наделенной также рядом полицейских функций) и одного из консулов, которому передал послание Тиберия к сенаторам. Когда это послание зачитывалось в сенате, Сеян, присутствовавший на заседании, самонадеянно ожидал, что будет облечен трибунской властью и станет фактическим соправителем империи. Но по мере того, как читавший приближался к концу длинного послания Тиберия, становилось все более ясно, что император не только не собирается давать префекту преторианцев никаких новых полномочий, но, наоборот, обвиняет его. Сеян был немедленно схвачен и, будучи застигнут врасплох, не оказал никакого сопротивления. Ни сенаторы, даже те, кто считали себя его друзьями, ни преторианцы и не попытались его защищать. Видя это, сенаторы-противники Сеяна в тот же вечер предали его в руки палача, и он был удушен.

Падение Сеяна считалось и считается одной из наиболее увлекательных историй такого рода в истории человечества. В 1603 г. Бен Джонсон написал «Падение Сеяна», но первые нравоучительные произведения, посвященные этому трагическому эпизоду, стали появляться уже в древние времена. Те книги «Анналов» Тацита, в которых должно было рассказываться о падении префекта преторианцев, до нас, к сожалению, не дошли, однако Ювенал, современник Тацита, подробно рассказывает о прокатившейся по Риму волне уничтожения всего, что напоминало о Сеяне, когда тот, как об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней надписи, был объявлен «самым опасным врагом римского народа», а его статуи безжалостно разрушались.

Падают статуи вслед за канатом, который их тащит,
Даже колеса с иной колесницы срубает секира.
И неповинным коням нередко ломаются ноги;
Вот затрещали огни, и уже под мехами и горном
Голову плавят любимца народа... Сеян многомогущий
Загрохотал; из лица, что вторым во всем мире считалось,
Делают кружки теперь, и тазы, и кастрюли, и блюда¹⁰.

Но что заставило императора так резко изменить свое мнение о Сеяне? Уговоры сенаторов вряд ли возымели бы какое-либо действие на Тиберия, который, скорее всего, сам пришел к заключению, что глубоко заблуждался относительно истинных намерений своего советника. Об этой загадке пишет и Ювенал:

...Но от какого он пал преступленья?
Кто же донес? И какие следы? И кто был свидетель?
Вовсе не то: большое письмо пришло из Капреи,
Важное...¹¹

Тиберий впоследствии утверждал, что казнил Сеяна, «когда узнал, как тот свирепствовал против детей его сына Германика». Но доверять этому объяснению полностью вряд ли стоит. Нерон Цезарь не нуждался в защите императора, ибо его к тому времени уже не было в живых. А Друз Цезарь не был реабилитирован и после казни Сеяна; напротив, тюремщики всячески издевались над ним и в конце концов уморили его голодом.

После смерти Нерона Цезаря и Друза Цезаря в живых остался только один сын Агриппины — Гай Калигула. В момент казни Сеяна ему было девятнадцать. Согласно Тиберию, выражающемуся, правда, как обычно, весьма туманно, Сеян собирался убрать и его. Подозрения императора были во многом обоснованны, ибо приход к власти Калигулы, уже тогда считавшегося яркой личностью, представлял для префекта преторианцев, принявшего непосредственное участие в устранении его братьев, большую опасность.

Вряд ли имеет смысл утверждать, что Сеян стремился сам взойти на престол и планировал либо устранить Тиберия, такой замысел ему часто приписывали, либо просто дождаться его смерти, убрав предварительно со своего пути Калигулу. В строго иерархизированном римском обществе такой человек, как Сеян, который еще недавно даже не входил в число сенаторов, не мог всерьез претендовать на престол. Полагаем, что Сеян видел себя скорее в роли регента при более молодом и уступчивом, чем Калигула, императоре, который должен был занять трон после Тиберия. Этим императором вполне мог стать Гемелл, двенадцатилетний ребенок Друза Младшего, сына Тиберия.

Но ситуация внезапно резко изменилась. Ни с Гемеллом, ни с Калигулой ничего не произошло, но планы Сеяна потерпели крах, а сам он погиб. Подверглись преследованиям и родственники командира преторианцев. Его жена Апиката покончила жизнь самоубийством, написав перед смертью Тиберию, что восемь лет назад Друз Младший пал жертвой интриг Сеяна и своей жены Юлии Ливиллы, которая уже тогда была любовницей префекта. Не исключено, что это обвинение было ложным, однако Тиберий поверил в него, и Ливилла рассталась с жизнью.

Количество дел о государственной измене, за разбирательством которых наблюдал вновь назначенный префектом преторианской гвардии Макрон, резко возросло, и репрессии достигли своей высшей точки. Последние шесть лет правления Тиберия ведущие римские политики считали страшной порой безвременья.

Чувствуя приближение конца, Тиберий составил завещание, назначив своими наследниками Калигулу и Гемелла. Но Гемелл не пользовался большой любовью императора, ибо предсмертные откровения Апикаты поставили под сомнение отцовство Друза Младшего, и престолонаследником был объявлен один Калигула.

В марте 37 г. н. э. Тиберий, выехав, как он это иногда делал, на материк, скончался на семьдесят восьмом году жизни на Луккулловой вилле возле Мизена. Смерть императора была вызвана естественными причинами.

Тацит, много внимания уделяющий фигуре Тиберия, утверждает, что с течением времени его правление становилось все более невыносимым. В этом плане с ним нельзя не согласиться, хотя следует заметить, что ухудшение положения затронуло прежде всего римскую аристократию. Между тем Тацит, как и многие другие древние авторы, полагал, что характер человека остается неизменным на протяжении всей жизни, и, если он не всегда проявляется, это значит, что какие-то качества до времени подавляются или скрываются. Именно в свете этой теории, согласно которой глядя на ребенка, можно понять, каким будет взрослый человек, Тацит рассматривает фигуру Тиберия и приходит к выводу, что он был законченным злодеем. На формирование такого образа императора повлияли, очевидно, воспоминания историка о Домициане, который в определенном смысле стал прототипом тацитовского Тиберия. Тацит признает, что Тиберий сделал немало хорошего, но все добрые начинания императора предстают у него как попытки замаскировать свою порочность.

И нравы его в разное время также были несхожи: жизнь его была безупречна, и он заслуженно пользовался доброю славой, покуда не занимал никакой должности или при Августе принимал участие в управлении государством; он стал скрытен и коварен, прикидываясь высокодобродетельным, пока были живы Германик и Друз; он же совмещал в себе хорошее и дурное до смерти матери; он был отвратителен своею жестокостью, пока благоволил к Сеяну или, быть может, боялся его; и под конец он с одинаковою безудержностью предался преступлениям и гнусным порокам, забыв о стыде и страхе и повинуюсь только своим влечениям¹².

В данном фрагменте, как мы видим, Тацит показывает, что с течением времени Тиберий становился все более отвратительным человеком, отрицая одновременно, что в его облике когда-либо было что-то хорошее. Светоний и Дион Кассий описывают начальные годы правления Тиберия не в столь мрачных тонах, однако и они не чужды мнения, что изначальная порочность императора была на первых порах просто не столь заметна. Приверженность Светония или автора, которого он цитирует, такой трактовке проявляется в следующих строках:

Его природная жестокость и хладнокровие были заметны еще в детстве... всем не без основания казалось, что прорвавшаяся вскоре свирепость Тиберия сдерживалась дотеле лишь уважением к Германику и страхом перед ним...

Пользуясь свободой уединения, словно недостижимый для взоров общества, он разом дал полную волю всем своим кое-как скрываемым порокам¹³.

Дион Кассий не столь уверен в порочности Тиберия. В одном месте он, кажется, так удивляется противоречивости его натуры, что выделяет в его характере две стороны — хорошую и плохую: «Он был наделен многими добродетелями и многими пороками, и поступал в соответствии либо с теми, либо с другими, как если бы противоположностей в нем не существовало». В другом фрагменте он, говоря о том, что Тиберий после смерти Германика изменился в худшую сторону, сначала идет в русле рассуждений Тацита, но затем высказывает прямо противоположное мнение:

После смерти Германика Тиберий во многом изменился. Возможно, он с самого начала был таким, каким оказался впоследствии, и лишь скрывал свои недостатки, пока Германик был жив, зная, что тот тоже стремится к власти. Не исключено также, что он был хорошим человеком, но, не встречая более противника, стал предаваться пороку¹⁴.

Смысл последней фразы не вполне ясен. Хочет ли Дион сказать, что Тиберий *изменился*? Если это действительно так, то он фактически солидаризируется с мнением, появившимся уже во времена Тиберия и отраженным придерживавшимся, как мы видели, иных взглядов Тацитом в «Анналах», где оно выражено в словах одного из наиболее известных аристократов тех лет Луция Аррунция. «Тиберия, — говорит Аррунций, — при столь большой опытности в делах все-таки *развратило и изменило единовластие*»¹⁵.

Кажется, Аррунций здесь ближе к истине, чем Тацит и другие авторы, сторонники теории о неизменности человеческого характера. Характер человека может стать иным под воздействием обстоятельств, и именно это произошло с Тиберием, который явно изменился из-за бесконечных испытаний, выпавших на его долю. Бремя власти, которое он охарактеризовал как «невыносимое», еще всходя на престол, оказалось даже тяжелее, чем он ожидал и мог выдержать.

По выражению судьи Холмса, Франклин Делано Рузвельт* был человеком «средним по интеллекту, но выдающимся по темпераменту». Принимая такую характеристику, можно сказать, что Тиберий был полной противоположностью Рузвельту. Не уступая Августу в уме и работоспособности, Тиберий одновременно был лишен дара общения с людьми, бывшего одним из достоинств его предшественника. Дипломатичность, которой так славился Август, была ему чужда, и он не стремился перенять ее. Светоний, очевидно, правильно подмечает, что Тиберий часто

* Об изменениях в характере Рузвельта см. также Введение. (Примеч. авт.)

испытывал сильную тревогу; она однажды стала причиной отъезда императора на Капри и еще сильнее мучила его, когда произошла самая большая катастрофа за все время его правления, после которой положение начало неуклонно ухудшаться, — падение Сеяна. За восемь лет до этого император, правда, без особой надежды, молил богов даровать ему спокойствие души до конца жизни. Молитва, однако, не была услышана, и звучащее как крик отчаяния послание Тиберия сенату, направленное им сразу после казни Сеяна, пожалуй, один из наиболее печальных фрагментов во всей исторической литературе: «Что вам писать, почтеннейшие отцы-сенаторы, или как писать, или о чем в настоящее время совсем не писать? Если я это знаю, то пусть боги и богини нашлют на меня еще более тягостные страдания, нежели те, которые я всякий день ощущаю и которые влекут меня к гибели»¹⁶.

Хотя стареющий Тиберий уделял все больше внимания своей личной безопасности и все меньше — государственным делам, управление империей по-прежнему оставалось на должном уровне. О том, что в провинциях практически ничего не знали о страданиях Тиберия, свидетельствует удивительная неосведомленность Филона Александрийского, писавшего: «Можно ли найти другого царя или императора, который был бы более счастлив в старости?» Тиберий однажды сказал, что, покуда он будет в здравом уме, он останется таким, как есть, и нрава своего не изменит. Но мы видим, что характер Тиберия изменился, и именно потому, что император почти выжил из ума. Он был еще в состоянии решать обычные проблемы, связанные с управлением империей, но его рассудок был поколеблен страхом, жадностью к себе и постоянным стремлением уничтожить тех, кто, как он думал, пытался интриговать против него.

Поддержание установленного Августом политического равновесия было непосильной задачей для любого человека. Несмотря на свои выдающиеся способности, не справился с ней и Тиберий.

Глава 4

КАЛИГУЛА

Гай, третий сын Германика и Агриппины Старшей, родился в Анции (ныне Анцио на юго-западе Италии) в 12 г. н. э. В раннем детстве, живя с родителями в Германии, он носил маленькие солдатские сапожки, за что получил от воинов прозвище «Калигула» (сапожок). В семь лет Гай, потерял отца, который погиб при загадочных обстоятельствах, а на восемнадцатом и девятнадцатом годах жизни лишился матери и двух старших братьев. В ту пору он некоторое время жил у Ливии, а затем у своей бабушки Антонии. Впоследствии Тиберий вызвал Гая к себе на Капри, и было решено, что именно он в будущем взойдет на престол. Но личное имущество императора Гай должен был унаследовать вместе с восемнадцатилетним Гемеллом, внуком Тиберия и сыном Друза Младшего.

После смерти Тиберия в 37 г. н. э. Гай с помощью префекта преторианской гвардии Макрона был провозглашен императором. Завещание Тиберия сенат объявил незаконным, в результате чего Гемелл лишился своей доли наследства, хотя Калигула формально усыновил его. В первые годы правления Гай всячески почитал память родственников, ставших жертвами проводившихся при Тиберии репрессий, и оказывал особые почести своим трем остававшимся к тому времени в живых сестрам.

В октябре 37 г. н. э. Калигула перенес серьезное заболевание. В начале следующего года он вынудил Гемелла и Макрона совершить самоубийство. Важной вехой в его правлении стал январь 39 г. н. э., когда он по сути превратился в яростного противника сената. В сентябре того же года Калигула был вынужден срочно отправиться в Верхнюю Германию, чтобы подавить в зародыше заговор, организованный наместником этой провинции Гетуликом. Этот эпизод еще более усилил враждебность Калигулы к сенату. Ликвидировав заговор, император казнил не только Гетулика, но и своего двоюродного брата и вероятного наследника Марка Лепида, сестры которого Агриппина Младшая и Юлия Ли-

вилла Младшая, считавшиеся его сообщницами, попали в опалу и были отправлены в ссылку.

Отказавшись от своего первоначального намерения организовать вторжения в земли германцев и в Британию, Калигула в 40 г. н. э. вернулся в Рим и приступил к реализации масштабного плана превращения принципата в диктаторский режим. Хотя императору оказывались всевозможные почести, реальных и мнимых заговоров против него было столь много, что потребовалось принимать дополнительные меры безопасности. Но вскоре Калигула оттолкнул от себя командиров преторианцев, и 24 января 41 г. н. э. покушение на его жизнь, организованное группой гвардейских офицеров, привело его к гибели. После смерти Калигулы его жена Цезония и малолетняя дочь, их единственный ребенок, были казнены.

Калигула вступил на престол в неполных двадцать пять лет, но он уже успел перенести немало тяжелых испытаний, оказавших крайне отрицательное воздействие на формирование его личности. В то время, как его мать и братья подвергались страшным мучениям, Гай был вызван на Капри к своему старому и мрачному двоюродному деду Тиберию, человеку, который, как бы ни квалифицировать его действия, обрек его родственников на страдания. Самому Калигуле, как рассказывает Светоний, также пришлось нелегко, ибо его постоянно окружали люди, которых мы сегодня назвали бы провокаторами.

На Капри многие хитростью или силой пытались выманить у него выражения недовольства, но он ни разу не поддался искушению: казалось, он вовсе забыл о судьбе своих ближних, словно с ними ничего и не случилось. А все, что приходилось терпеть ему самому, он сносил с таким невероятным притворством, что по справедливости о нем было сказано: "Не было на свете лучшего раба и худшего государя"¹.

Несмотря на всю свою осторожность, Калигула, по словам Иосифа Флавия, однажды мог попасть в довольно затруднительное положение из-за несдержанности своего друга, сына иудейского царя Юлия Агриппы. На дознании, проводившемся в сентябре 36 г. н. э. на Капри, некий Евтих, бывший возницей и слугой Агриппы, рассказал, что однажды, управляя колесницей, в которой Калигула и Агриппа совершали прогулку по острову, он услышал речи, показавшиеся ему опасными. По утверждению Евтиха, Агриппа выразил желание, чтобы Тиберий поскорее умер и предоставил власть Гаю как наиболее достойному во всех отношениях.

Тиберий приказал префекту преторианской гвардии Макрону взять Агриппу под стражу, но на положении Калигулы инцидент

никак не отразился. Однако и назначений на важные должности, пребывание на которых подготовило бы его как наследника престола к управлению государством, Калигула также не удостоивался. За все это время он всего лишь по разу становился понтификом (в 31 г. н. э.) и квестором; эту малозначительную должность он получил двумя годами позднее.

Когда в 37 г. н. э. Тиберий умер, начали ходить слухи, что к смерти императора причастен Калигула. Одни утверждали, что он отравил своего двоюродного деда, другие — что уморил голодом, третьи — что задушил. Мы не склонны доверять этим сообщениям. Конечно, рассказ Сенеки Старшего, ритора и отца знаменитого автора, носившего то же имя, согласно которому Тиберий умер своей смертью, также вряд ли стоит считать достоверным, ибо во время правления Калигулы говорить по-другому было просто невозможно. Но в 37 г. н. э. Тиберий был уже на закате своей жизни, и его смерть все равно должна была наступить со дня на день.

Смерть Тиберия означала, что Римом впервые будет править прямой потомок Августа. Когда Калигула вернулся в столицу, члены сената, узнав, что Тиберий мертв, провозгласили его императором и, как представляется, предложили Народному собранию сразу наделить его всей полнотой власти. Таким образом, был совершен акт, сходный с тем, который позже был увековечен в знаменитой надписи *Lex de imperio**. Несмотря на видимое единодушие сенаторов, вступление Калигулы на престол они приняли без восторга, ибо ряды сторонников рода Германика, безусловно поддерживавших бы нового императора, заметно поредели из-за проводившихся Тиберием репрессий.

Но в армии Германик и его потомки по-прежнему пользовались любовью и уважением. Их посмертная реабилитация, во имя которой Калигула приказывал чеканить в их честь монеты, а однажды, несмотря на суровое зимнее время, сам направился на остров, где погибли его мать и старший брат Нерон Цезарь, чтобы перевезти их останки в Рим и похоронить там с почестями, произвела на солдат большое впечатление. До этого, правда, пышные похороны были устроены Тиберию. Более того, Калигула вначале даже потребовал обожествления своего предшественника, и лишь впоследствии, поняв, что ни сенат, ни народ не высказывают особых сожалений по поводу кончины Тиберия, отказался от этой идеи. Вскоре он стал обращаться с памятью о Тиберии достаточно вольно и разрешал другим следовать своему примеру.

Внешний облик Калигулы был скорее отталкивающим, чем приятным.

---

* Надпись посвящена воцарению Веспасиана. Некоторые из изложенных в ней подробных сведений могут относиться к правлению Калигулы. (Примеч. авт.)

Росту он был высокого, цветом лица очень бледен, тело грузное, шея и ноги очень худые, глаза и виски впалые, лоб широкий и хмурый, волосы на голове — редкие, с плешью на темени, а по телу — густые. Поэтому считалось смертным преступлением посмотреть на него сверху, когда он проходил мимо, или произнести ненароком слово «коза». Лицо свое, уже от природы дурное и отталкивающее, он старался сделать еще свирепее, перед зеркалом наводя на него пугающее и устрашающее выражение.

Здоровьем он не отличался ни телесным, ни душевным. В детстве он страдал падучей; в юности хоть и был вынослив, но по временам от внезапной слабости почти не мог ни ходить, ни стоять, ни держаться, ни прийти в себя. А помраченность своего ума он чувствовал сам и не раз помышлял удалиться от дел, чтобы очистить мозг².

Светоний рассказывает также, что жена Калигулы Цезония опоила его каким-то зельем, которое должно было возбудить в нем любовь, но вызвало безумие. Филон, в свою очередь, сообщает, что в самом начале своего правления Гай перенес тяжелую болезнь, вызванную чрезмерным потаканием своим страстям*. Известно, что Калигула страдал от бессонницы и обычно спал не более трех часов; кроме того, его преследовали кошмары, спасаясь от которых, он по ночам бродил по дворцу. Императора считали эпилептиком, шизофреником и даже хроническим алкоголиком. Тацит охарактеризовал Калигулу как человека беспорядочного и неуравновешенного, однако императора вряд ли можно назвать сумасшедшим в общепринятом смысле этого слова. Впрочем, основываться в отношении Калигулы на заключениях современных психиатров или психологов также неверно, ибо мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы произвести исследование.

Между тем Калигула обладал и определенными достоинствами, которые признает за ним даже Иосиф Флавий, отрицательно относившийся к императору за его плохое обращение с иудеями. В частности, Гай был великолепным оратором.

...Гай был отличным оратором, одинаково хорошо владевшим греческим и латинским языками. При этом он сразу понимал все; пока другим приходилось соображать и сопоставлять, он сразу находил, что ответить, и тем далеко оставлял за собой любого оратора в любом деле. Он развил свои природные дарования трудом и достиг силы в этом отношении благодаря усидчивому труду.

Будучи внучатым племянником Тиберия, преемником которого ему пришлось сделаться, Гай должен был особенно заботливо отнестись к требованиям образования, потому что сам Тиберий придавал образованию большое значение.

Повинуясь своему родственнику и подчиняясь требованиям императора, Гай старался угодить ему в этом смысле. Таким образом, он

---

* См. цитату 11.

занимал в этом отношении одно из первых мест среди своих сограждан; впрочем, плоды его образования не были в состоянии оградить его от гибели, надвигавшейся на него вследствие его произвола. Так тяжела добродетель самообладания для тех, которые могут не отдавать (никому) отчета в своих действиях и следовать личному своему желанию³.

На характер Калигулы повлиял также резкий контраст между той полной опасностью и самоуничтожением жизнью, которую он вел последние шесть лет до своего воцарения, и последующим периодом, когда он уже обладал абсолютной властью, а приближенные превозносили его до небес. Такая резкая перемена подействовала бы на любого, и Калигула не был в этом отношении исключением. Более того, для этого талантливого человека была характерна мания величия, усиленная невоздержанностью истинного самодержца. Гая сравнивали с германским императором Вильгельмом II, однако не меньшего внимания заслуживает и аналогия с последним австро-венгерским монархом, известным как «Карл Внезапный». Поведение Калигулы отличалось непредсказуемостью. Он мог быть то любезен, то пугающе холоден, то радовался многолюдной толпе, то искал одиночества. Иногда он приходил в возбуждение и раздражался гневными речами, будучи не в состоянии устоять на месте и повышая голос до крика. Обладая неистовой энергией, Калигула был лишен терпения и, берясь за какое-либо дело, редко когда доводил его до конца.

Помимо всего прочего, Калигула обладал злым языком, и его резкие высказывания постоянно повергали окружающих в смятение. Именно этого он часто и добивался, ибо испытывал ненависть к лживому официозу, который Август в свое время искусно создал сам, а Тиберий холодно и угрюмо принимал. В своих многочисленных эпиграммах Калигула выражался с необузданной и дерзкой прямоотой. Более того, он открыто проявлял неуважение к традиционному пантеону, не считая, очевидно, веру в римских богов полностью приемлемой для себя. Вне всякого сомнения, такие взгляды разделяли и многие другие императоры, однако свои мысли они предпочитали не выражать вслух. Калигула же прямо и откровенно говорил то, что думает.

Высказывания Калигулы повергали в дрожь и литераторов. Он осмелился заявить, что единственным человеком, воздавшем Гомеру по заслугам, был Платон, изгнавший поэта из своего идеального государства. Вергилия император бранил за отсутствие таланта и недостаток учености, а Тита Ливия называл историком многословным и недостоверным. О своем современнике Сенеке, сыне упомянутого выше ритора, начинавшем популярную в то время карьеру писателя и оратора, он заявил, что тот пишет жалкую бессмыслицу, назвав его труды «школярством чистой воды» и «песком без извести». Император, правда, жестоко

поплатился впоследствии за эти слова, ибо Сенека, не умерший от туберкулеза, как предполагал Калигула, после смерти императора изобразил его в своих произведениях в самых неприглядных тонах, создав ему ореол дурной славы на много лет вперед.

Калигула обладал огромным чувством юмора, но его экстравагантные шутки были призваны прежде всего шокировать окружающих, часто воспринимавших их слишком серьезно. Одной из таких шуток, наиболее известные и нелепые из которых легли в основу «Калигулы» Альбера Камю (1944), была, несомненно, и приписываемая императору идея сделать своего коня Быстроногого консулом. Вероятно, император всего лишь заметил, что скакун справился бы с обязанностями консула ничуть не хуже многих людей, носивших это звание в последнее время; но известно также, что Калигула порой даже посылал солдат наводить тишину, чтобы шум не нарушал покоя Быстроногого.

Иначе проявилось остроумие Калигулы в случае с Апонием Сатурнином. Для пополнения казны император часто устраивал распродажу имущества, оставшегося от народных зрелищ. На одной из таких распродаж Апоний задремал на скамье, и император посоветовал глашатаю обратить внимание на человека, который все время кивает головой. В итоге торг закончился не раньше, чем спящий сенатор против своей воли приобрел тринадцать гладиаторов, заплатив за них огромную сумму. Известен случай, когда какой-то всадник, внезапно поднявший шум, помешал Калигуле наслаждаться игрой его любимого актера Мнестера. Император тут же поручил всаднику отправиться с посланием в далекую Мавританию к царю Птолемею. Когда послание было доставлено, выяснилось, что оно состоит из одной-единственной фразы: «Человеку, который это привез, не делай ни добра, ни зла».

Насмешками встретил Калигула и посланцев иудейского царя. Когда они прибыли, он осматривал сады Мецената и Ламии.

Мы поспешали за ним — то вверх, то вниз, терпя насмешки и брань противной стороны, словно на представлении миров... Отдав ряд хозяйственных распоряжений, Гай задал нам самый значительный и важный вопрос: «Вы почему свинину не едите?» В ответ наши противники опять разразились таким хохотом (одни от удовольствия, другие по соображениям лести — мол, тонко сказано и остроумно), что кое-кто из свиты Гая был недоволен, усмотрев в этом непочтительность к Гаю, с которым и скрытая улыбка небезопасна, если только ты не входишь в круг ближайших друзей⁴.

В Лугдуне (ныне Лион во Франции) Калигула устроил состязание в красноречии. Участники должны были представить сочинение, написанное по-латыни или по-гречески; те, чьи произведения считались недостойными похвалы, должны были сти-

рать написанное языками, кто не соглашался, того били розгами или бросали в реку. Иногда затеи Калигулы были более жестокими. Так, целуя в шею свою жену или любовницу, он часто говорил: «Такая хорошая шея, а прикажи я — и она слетит с плеч!» Как и многие другие изречения, приписываемые Калигуле, эта фраза сильно отдает садизмом. Психолог Отто Кифер был, пожалуй, прав, когда говорил, что садизм был основной чертой характера Калигулы. Будучи сам весьма чувствительным к боли и оскорблениям в свой адрес, он одновременно наслаждался, причиняя страдание другим.

О сексуальных склонностях Калигулы ходили самые разные слухи. Наложников он не терпел, изгнал из города и даже пригрозил утопить в реке, однако известно, что молодой аристократ Валерий Катулл говорил, что изрядно утомился, удовлетворяя похоть императора. Полагали также, что Калигула слишком часто целовал актера Мнестера на виду у всех.

Несмотря на такие склонности, Калигула, как рассказывают источники, жил со свими тремя сестрами и даже предлагал их друзьям. За менее чем тридцать лет своей жизни он сменил четырех жен. Последний его брак с Цезонией, у которой к тому времени было уже три ребенка, оказался весьма удачным. Случалось, что Калигула наряжал ее в воинские доспехи или выводил к друзьям обнаженной, и все, без сомнения, громко и искренне смеялись, когда император заявлял, что собирается подвергнуть ее пыткам, чтобы узнать, почему она столь преданно любит его.

Все эти истории, разумеется, не более чем сплетни, но тон, в котором они выдержаны, показывает, что в них есть доля истины.

Правление Калигулы, особенно в самом начале, не было лишено и некоторых положительных черт. Гай проявлял уважение к сенату и готовность с ним сотрудничать; кроме того, сенаторы были довольны прекращением процессов по делам о государственной измене, наложивших столь отвратительный отпечаток на правление Тиберия. Не были обойдены вниманием и всадники: некоторые из них попали в сенат, куда также с тактичной умеренностью стали вводить и провинциалов; упоминания о представителях этого сословия впервые появились на монетах империи.

О том, какую реакцию вызвала в народе болезнь Калигулы, последовавшая за его воцарением, рассказывает Филон.

Когда повсюду узнали о Гаевом недуге (в ту пору суда еще ходили — было начало осени, когда купец пускается в морскую дорогу последний раз, стремясь вернуться к родным гаваням, где б он ни оказался, особенно если задумал не зимовать в чужих краях), люди оставили привычку к роскошествам и сделались угрюмы; в печальное раздумье

погрузился каждый дом и каждый город, и общая печаль равнялась весом недавней радости. Ибо весь мир занемог вместе с Гаем, страдая, однако, куда сильнее: ведь Гаева болезнь терзала лишь его тело, а общий недуг затронул все спокойствие души, покой страны, надежды, право на блага и вкушение оных. Ибо мысли вертелись вокруг одной оси: как много зла рождается безвластьем, и сколь оно ужасно — голод, войны, опустошенья, грабежи, потеря состояния, плен, страх рабства или смерти, и как неисцелимо это зло, если не прибегнуть к единственному снадобью — выздоровлению Гая⁵.

Такое описание любви народа к Калигуле не лишено оснований. Хотя новый император и отличался непредсказуемостью и тщеславием, были и некоторые признаки того, что он обратит свои несомненные способности на службу государству. Так, Калигула довольно серьезно относился к своим судебским обязанностям. Более того, он даже стал разбирать дела по апелляциям сенаторов, хотя на суде вел себя несколько необычным образом.

На успешные речи других ораторов он даже писал ответы, а когда видные сенаторы попадали под суд, он сочинял о них и обвинительные и защитительные речи и, судя по тому, что получалось более складно, губил или спасал их своим выступлением: на эти речи он приглашал эдиктами даже всадников⁶.

Но какое бы рвение ни проявлял Калигула на первых порах, его энергия вскоре начала иссякать. Дело было даже не в том, что император предавался пороку, хотя избежать этого можно было только постоянно и усердно занимаясь государственными делами. При всей активности Калигулы скоро стало ясно, что он отнюдь не собирается посвящать себя управлению государством. Намного больший интерес вызывали у него театр и цирк. Он часто ужинал в конюшне и мог даже оставаться там на ночь.

...Гай смотрел на иступленные пляски, порой и сам вступал в круг пляшущих, или потешался, как маленький, глумливыми или непристойными сценками, хотя подобало ему лишь улыбаться с достоинством, или подпевал кифареду или хору⁷.

Присутствуя на зрелищах, Калигула далеко не всегда довольствовался ролью зрителя. Часто полагают, что первым императором, лично принявшим участие в гонках колесниц и выступившим на сцене в качестве певца и танцора, был Нерон, но уже до него все это делал Калигула.

Плясал он иногда даже среди ночи: однажды за полночь он вызвал во дворец трех сенаторов консульского звания, рассадил их на сцене, трепещущих в ожидании самого страшного, а потом вдруг выбежал к ним под звуки флейт и трещоток в женском покрывале и тунике до поя, проплясал танец и ушел⁸.

Нам известно также, что император иногда сражался на цирковой арене вместе с гладиаторами, причем настоящим оружием.

Все эти увлечения отнимали много времени и, разумеется, отвлекали императора от государственных дел. Калигула, тем самым, первым среди императоров попробовал совмещать управление государством с другими занятиями. Но эта попытка с самого начала была обречена на неуспех.

Большим влиянием при дворе Калигулы пользовались его вольноотпущенники, которых он заметно приблизил к себе, — эта новая черта режима сохранялась и в дальнейшем. Среди этих людей наиболее заметную роль играли греки из Александрии, относившиеся с большой неприязнью к иудеям, которые составляли в этом городе многочисленную общину. Очевидно, именно они подтолкнули императора к проведению враждебной политики по отношению к иудеям. Интересные сведения о них сообщает Иосиф, посетивший Рим в составе иудейского посольства. Наиболее могущественным из этих людей был камердинер императора Геликон.

Ведь он с Гаем и в мяч играл, и упражнялся, и купался с ним, завтракал и даже сопровождал его отход ко сну... и потому Геликон один имел доступ к самодержцу в благоприятные часы его досуга, когда слух его был избавлен от внешних шумов и мог обратиться к тем предметам, которые и были ему приятнее всего⁹.

Одной из причин привязанности Калигулы к Геликону было то, что слуга, подобно своему хозяину, любил издевательства и насмешки. Другим известным приближенным императора был знаменитый трагический актер Аппеллес Аскалонский, также настроенный довольно враждебно по отношению к иудеям. Он тоже играл заметную роль при дворе, хотя впоследствии и попал в опалу. Император приказал высечь его и лично наблюдал за экзекуцией, заметив с издевательской иронией, что актер очень мелодично кричит от боли.

Калигула совершенно не помнил дружбы, какой бы тесной она в свое время ни была. Именно это, скорее всего, весьма беспокоило самого могущественного из всех вольноотпущенников, которых когда-либо к тому времени видел Рим — Каллиста. Уже тогда Каллист был достаточно богат, чтобы украсить столовую своего дома тридцатью колоннами из восточного алебаstra; в будущем же его ждала блестящая карьера писца, ибо он, вовремя отвернувшись от непредсказуемого Калигулы, сумел снискать любовь последующих правителей.

Усиление позиций приближенных императора за счет сената было одним из признаков того, что концепция принципата у Калигулы сильно отличалась от воззрений Августа и Тиберия. Становилось все более очевидно, что, если предшественники

Калигулы всячески стремились замаскировать автократический характер своего правления, то сам он, не будучи наделенным достаточным терпением, постоянно давал понять, что стремится к абсолютной власти. Такое стремление могло зародиться у Гая еще в то время, когда он еще жил у своей бабки Антонии, двор которой посещали восточные магнаты, бывшие носителями идей абсолютизма, как например сын иудейского царя Юлий Агриппа, ставший близким другом Калигулы. При этом следует заметить, что Антония была дочерью известного своей любовью к грекам Марка Антония, воспринявшего от своей жены Клеопатры некоторые идеалы монархии Птолемеев. Калигула, также не скрывавший своих симпатий к грекам, весьма гордился тем, что Антоний был одним из его предков, и даже прекратил на некоторое время отмечать годовщину битвы при Акции.

Следы греческого влияния можно обнаружить и на чеканившихся при Калигуле монетах. К числу наиболее удивительных произведений монетных дворов ранней империи относится медная монета Калигулы с именами и силуэтами трех его сестер, Агриппины Младшей, Друзиллы и Юлии Ливиллы, изображенных стоящими и с атрибутами богинь. Сожительство с сестрами, которое слухи приписывали Калигуле, было весьма распространено при дворе Птолемеев. Сестрам монарха оказывалось там большое почтение, сходное с тем, которое выказал император, отдав приказ о чеканке такой монеты. Умершая в 38 г. н. э. любимая сестра императора Друзилла была даже официально обожествлена, став первой из римских женщин, приравненных к богам, — заметим, что даже Ливия, вдова Августа, пользовавшаяся при жизни большим почетом, удостоилась такой чести только три года спустя.

Четыре из пяти лет своего правления Калигула провел в должности консула. От постоянного консульства он отказался, ибо традиционные атрибуты власти вообще мало интересовали его. Как правитель Калигула считал себя поставленным выше всех юридических фикций, бесспорным хозяином римского государства, сходным более не с Августом, а скорее с Цезарем. В отличие от Цезаря он, правда, не нуждался в титуле пожизненного диктатора, ибо уже был наделен соответствующей властью.

Хотя в жизни Калигула был довольно беспорядочным человеком, его видение императорской власти отличалось систематичностью и последовательностью. Сам он однажды многозначительно заметил, что лучшая черта его характера — невозмутимость. Эту свою черту характера он определил греческим словом, заимствованным у философов-стоиков, и оно, казавшееся странным людям, общавшимся с ним и знавшим непостоянство его характера, весьма точно отражало его стремление раз и навсегда избавиться от камуфляжа, прикрывавшего власть Августа, и стать абсолютным монархом.

Такое стремление Калигулы означало для него конец хороших отношений с сенатом. Впервые сенаторы должны были почувствовать себя неудобно в 38 г. н. э., когда Гемелл и Марк Силан, тесть самого императора, отец его первой жены Юнии Клавдиллы были доведены до самоубийства. Окончательный разрыв произошел в начале следующего года, когда на одном из заседаний сената Калигула сказал, что Тиберий в свое время порекомендовал ему не прекращать процессы по делам о государственной измене. Охарактеризовав далее этот совет как исполненный мудрости, император заявил, что процессы, приостановленные после его воцарения, должны быть возобновлены. Что вызвало столь резкий поворот в политике Калигулы, неизвестно, однако можно предполагать, что император был оповещен об угрожающем недовольстве аристократов.

Речь императора, которую сенаторы выслушали в изумленном молчании, повергла их в такое смятение, что в тот день они были не в силах что-либо сделать. На следующий день, однако, они с тягостным раболепием приняли решение о ежегодных жертвоприношениях в честь милосердия императора. В дни, когда эти церемонии будут проводиться, поспешили они добавить, золотую статую Калигулы поднимут на Капитолий, а мальчики из самых благородных семейств будут распевать гимны.

Такое постановление, однако, не умиротворило Калигулу, понимавшего, что некоторые злонамеренные сенаторы стремятся обмануть его, заставив принять невиданные прежде почести, чтобы потом выставить в смешном свете — так в свое время хотели поступить и с Юлием Цезарем. Он продолжал всячески унижать сенат. Вскоре римляне могли видеть, как пожилые уважаемые люди пробегают в своих тяжелых тогах целые мили, стремясь поспеть за повозкой императора.

В это время Калигула задумал еще раз продемонстрировать, что именно он — носитель высшей власти. Он принял решение устроить триумфальное шествие по морю. Часть Неаполитанского залива была перекрыта протянувшимся на две или три мили двойным рядом кораблей. На них был сооружен мост, по которому должна была пройти процессия. Погода во время шествия стояла хорошая, и Калигула шутливо заметил, что даже бог моря Нептун, по-видимому, признает его власть. Надев нагрудник Александра Македонского, специально привезенный из мавзолея царя-завоевателя в Александрии, император проехал по мосту верхом, сопровождаемый конными и пешими воинами. Спустя два дня он также по мосту пересек залив в обратном направлении, сидя в колеснице, в которую были запряжены две наиболее знаменитые беговые лошади; за ним следовала свита, состоявшая из его друзей и высоких иноземных гостей, и преторианская гвардия, численность которой была увеличена по его приказу. Наконец, ночью по всему берегу были зажжены огни,

и залив озарился светом пламени. Калигула, как было объявлено, таким образом, сначала превратил море в сушу, а затем ночь в день.

Такие мероприятия были, разумеется, дорогостоящими. На доходах государства уже негативно сказывалась отмена введенного Августом налога на продажи, мера, призванная снискать императору любовь народа, не раз отмечалась на монетах с 39 г. н. э. Но отменив этот налог, Калигула явно сделал слишком широкий жест, и для покрытия убытков вскоре были введены новые поборы. Налоги собирали с продажи съестного и судебных дел, ими были обложены носильщики, проститутки и сводники.

Сенаторы и наместники, многие из которых были недовольны даже куда более умеренными режимами Августа и Тиберия, явно не собирались терпеть открытые проявления единовластия Калигулы. Ходили слухи о нелояльности к императору должностных лиц; некоторые из них впоследствии подтвердились. Недавно вышедший в отставку наместник Паннонии, на которого пали такие подозрения, был вынужден покончить жизнь самоубийством. Вслед за этим Калигуле донесли, что заговор зреет и в войсках, стоявших в Германии. Император собирался возобновить походы за Рейн, ранее предпринимавшиеся его отцом Германиком, и, возможно, даже вторгнуться в Британию, которая, несмотря на то, что около ста лет назад там побывали солдаты Цезаря, все еще не подчинялась империи. Но еще до того, как Калигула выехал из Рима, чтобы направиться в расквартированные недалеко от Рейна войска, ему передали тревожное известие: командующий армией, стоявшей в Верхней Германии, знатный аристократ Гней Корнелий Лентул Гетулик собирается устроить покушение на него, как только он прибудет в Могонтиак (ныне Майнц). В случае успеха Гетулик, очевидно, намеревался передать трон Марку Эмилию Лепиду, мужу умершей к тому времени и обожествленной Друзиллы, сестры Калигулы и любовнику другой его сестры Агриппины Младшей; именно этого человека чаще всего называли вероятным преемником императора.

Получив такие известия, Калигула внезапно и раньше намеченного срока выступил из Рима в сентябре 39 г. н. э. с большим отрядом преторианцев. Его сопровождали Лепид, Агриппина и Юлия Ливилла Младшая. Прибыв в Германию, император приказал схватить и казнить Гетулика и Лепида. Первая в истории Римской империи попытка поднять стоявшую в провинции армию на выступление против императора, таким образом, полностью провалилась, однако происшедшее оказало заметное влияние на Калигулу, возбудимость, подозрительность и боязливость которого, свойственные ему от природы, значительно усилились. Агриппину император заставил отвезти в Рим прах Лепида, а затем отправил ее в ссылку на один из островов

Средиземного моря. Юлия Ливилла, обвинявшаяся в порочной связи с Лепидом, но бывшая, возможно, лишь доверенным лицом Агриппины, также была выслана. При этом Калигула не забыл объявить имущество сестер конфискованным за измену; по его распоряжению оно было распродано в Лугдуне.

Зиму император провел в прирейнских лагерях и в Галлии. В Германии все его действия свелись к проведению крупномасштабных маневров, призванных устроить варваров и подтянуть дисциплину в войсках, но до похода, о котором столько говорилось, дело так и не дошло. Весной следующего года было отменено и вторжение в Британию; ходили нелепые истории о том, будто бы император посылал солдат на берег собирать раковины. Между тем, как представляется, Калигула руководствовался иными соображениями — понимая, к каким угрожающим последствиям могла привести казнь Гетулика и Лепида, оттолкнувшая от него сенаторов, он хотел как можно быстрее вернуться в Рим. Он уже написал в столицу, приказывая начать преследования людей, примкнувших к заговору. Летом Калигула появился в предместьях Рима и, специально, чтобы унижить сенаторов, не сообщил им о своем прибытии. Сенат встретил императора с очевидным раболепием. Было принято решение, согласно которому ему разрешалось являться на заседания в сопровождении личной охраны и занимать отдельную, высокую и находившуюся вне пределов досягаемости присутствующих трибуну.

Вскоре Калигула пошел еще дальше, оставив позади и Августа, и Тиберия. Он принял решение немедленно, еще при жизни объявить себя богом. Иудеям было приказано поместить статую императора в обличье Зевса в свой храм в Иерусалиме. Вольноотпущенники, бывшие советниками Калигулы и враждебно настроенные по отношению к иудеям, убедили императора в том, что и иудеи должны следовать принятым в империи обычаям и продемонстрировать ему свою верность, поклоняясь его статуе в своем храме. Такое решение, не учитывавшее настроений иудеев, которые предпочли бы смерть его исполнению, могло бы привести к крупномасштабному восстанию, однако императора в последний момент уговорили отменить его.

Посвящение храма ныне царствующему правителю было весьма распространенным явлением в населенных греками восточных провинциях империи. В Риме, однако, идея прижизненного обожествления правителя была незнакома, и попытка императора объявить себя богом повлекла там за собой более серьезные последствия. Нарядясь каким-нибудь богом, богиней или даже самим Юпитером доставляло Калигуле немало удовольствия и ранее. Ответ галльского сапожника, что он считает бессмыслицей манеру императора изображать из себя повелителя богов, очевидно, только позабавил императора, ибо он не приказал казнить говорившего. Не веруя в богов, сам Кали-

гула тем не менее полагал, что его обожествление, подобное обожествлению греческих царей, даже в столице стало бы достойным и естественным завершением начатого им процесса установления абсолютной монархии. Претворяя в жизнь свои идеи, император предпринял беспрецедентное для Рима начинание — строительство двух посвященных себе храмов, один из которых возводился за его собственный счет, а другой, по специальному постановлению сената, за счет государства.

Такие действия Калигулы были столь явным выражением его неприемлемых для общества монархических идей, что почти незамедлительно вызвали самое меньшее три новых заговора с целью его убийства. Гнев императора обрушился на группу римлян, придерживавшихся принципов стоицизма — принимая монархию вообще, эти люди отвергали дурную монархию и, учитывая, что правление Калигулы не могло не представляться им дурным, считались неблагонадежными и даже склонными к мятежу. Намного большая опасность, если, конечно, подозрения императора были обоснованы, исходила от префектов преторианской гвардии Марка Аррецина Клемента и его коллеги, имя которого нам точно не известно. Предполагая, что префекты собираются организовать покушение на его жизнь, Калигула в своей обычной непосредственной манере бросил им это обвинение в лицо и предложил убить его на месте, если они действительно испытывают к нему такую ненависть. Префекты отказались, но столь неприятный разговор показал им, что они более не могут считать себя в безопасности. Как представляется, именно Клемент, возможно, вместе со своим коллегой, организовал в союзе с оскорбленными и запуганными сенаторами заговор, который в конечном счете привел к гибели Калигулы. Наиболее активная роль в этом заговоре принадлежала другому гвардейскому офицеру, военному трибуну или, говоря современным языком, полковнику Кассию Херее. Грубые шутки императора задевали Кассия за живое. Несмотря на то, что он был солидным, придерживавшимся старых традиций пожилым человеком, Калигуле нравилось дразнить его, шутливо обвиняя в половых извращениях. Когда Херея спрашивал, какой будет пароль, император всегда выбирал такие слова, как «любовь», «Венера» или «Приап», божество, изображавшееся в виде мужчины с большим восставшим членом. Такие поступки делали императора посмешищем в глазах солдат. Более того, протягивая Херее руку для поцелуя, Калигула для развлечения делал пальцами неприличные жесты.

Разъяренный насмешками императора, Херея примкнул к заговору. 24 января 41 г. н. э. в подземном переходе под дворцом он вместе с двумя другими офицерами совершил удачное покушение на императора — первое из многих, предпринятых преторианцами против тех, кого они были призваны охранять.

Несколько германцев-телохранителей попытались прийти на помощь императору, однако было уже слишком поздно. Вслед за этим один из преторианцев зарубил жену императора Цезонию. Схватили и его малолетнюю дочь. Когда она только появилась на свет, ее положили на колени изваяния Юпитера; кормить ребенка должна была Минерва. Но теперь, после убийства Калигулы один из офицеров разбил голову девочки о стену.

Заговорщики набросились на Калигулу, когда он направлялся в театр. На известие о гибели императора собравшиеся там люди, как пишет Иосиф Флавий, реагировали по-разному.

Когда в театр пришло известие о смерти Гая, всех охватило смятение и недоверие. Одни с удовольствием приняли весть о его гибели и считали ее великим для себя счастьем, но не верили ей из страха. Были и такие, которые, не желая подобного конца Гаю, не могли поверить этому и никак не хотели свыкнуться с фактом, так как не считали возможным, чтобы какой-нибудь человек мог отважиться на столь смелый поступок. К числу последних относились женщины, молодые люди, многие рабы и некоторые воины. Солдаты эти получали от него плату, поэтому поддерживали его тиранические наклонности, потворствовали его насилиям и, умерщвляя наиболее видных граждан, тем добивались личного почета и всяких выгод. Женщины и молодежь, как это обыкновенно бывает, увлекались даровыми зрелищами, гладиаторскими боями и массовыми истреблениями (зверей), которые производились как будто в угоду народу, на самом же деле служили лишь к удовлетворению сумасбродной жестокости Гая¹⁰.

Но поддержки этих людей было недостаточно. Калигула совершил роковую ошибку, оттолкнув от себя знать — сенаторов и высших офицеров-преторианцев. В результате его столь хорошо начавшееся правление закончилось полным крахом.

Упадок, пусть и не такой зрелищный, наступал в конце правления и у предшественников Калигулы. Август в течение нескольких десятилетий заботливо и деятельно управлял государством, однако под конец появились признаки кризиса, и трон был спасен лишь благодаря усилиям Тиберия. Сам Тиберий, став императором, также на долгое время обеспечил государству эффективное управление, но и его конец был трагичным. О недолгом правлении Калигулы мы имеем сравнительно мало сведений, ибо книги Тацита, речь в которых должна идти о нем, до нас не дошли, а истории, приводимые Светонием и Дионом Кассием, побудили Теодора Моммзена сделать резкое замечание относительно того, что эти авторы «распространяются о том, о чем следовало бы умолчать, и ничего не сообщают о том, о чем стоило бы упомянуть». Однако, можно сказать, что, хотя управление империей в общем и целом оставалось на должном уровне,

на определенном этапе положение Калигулы, равно как и его поведение, явно стали стремительно ухудшаться. По мысли Филона, этот решающий момент наступил в октябре 37 г. н. э., когда император серьезно заболел.

А на восьмом (месяце) Гай был поражен тяжелым недугом: здоровая умеренность, которой он еще недавно, при жизни Тиберия, был привержен, сменилась излишествами. Тут крепкое вино и лакомства, аппетиты, коих не утолить, хотя пустоты тела более не вмещают, и тут же горячее купанье, рвота, и снова вино без меры и новое алканье новых яств, и похоть, насытить которую могли и мальчишки, и женщины, тут было все, способное разрушить душу, тело и все их скрепы. Кто держит себя в узде, тому наградой сила и здоровье, а плата за распушенность — бессилье и болезни, идущие об руку со смертью¹¹.

Согласно Филону, именно эта болезнь оказала роковое влияние и на психику, и на правление Калигулы. Такое мнение, однако, не представляется обоснованным, ибо император управлял страной, не встречая серьезного противодействия, вплоть до 39 г. н. э. В этом году, однако, начались перемены к худшему. Прежде всего Калигула впервые продемонстрировал тогда свою беспрецедентную концепцию императорской автократии, несколько раз с излишней откровенностью выступив перед сенатом. Можно спросить себя, пришел ли он к таким убеждениям незадолго до этого времени, или, наоборот, всегда придерживался их, но раскрыл только тогда. Филон, бывший сторонником древней идеи о неизменности человеческого характера, основываясь на которой Тацит создал искаженный образ Тиберия, принимает вторую точку зрения. Действительно, Калигула проникся идеями абсолютной монархии если не в детстве, то, во всяком случае, в довольно раннем возрасте, ибо, как мы видели, заметное влияние оказали на него иудейские и восточные вельможи, с которыми он в юности общался у своей бабки Антонии. Но убежденным сторонником абсолютизма Калигула, очевидно, становился постепенно, осознавая, какие неограниченные возможности для удовлетворения любых желаний — особенно, по сравнению с его прежней угнетенной жизнью — дает императорская власть.

В 39 г. н. э. произошло и другое важное событие — были организованы первые заговоры с целью убийства императора. Некоторые из них были, возможно, мнимыми, но в реальности других не приходится сомневаться. Особое место среди них занимает заговор Гетулика, ставший поворотным пунктом как в биографии Калигулы, так и в истории его правления. Император, несомненно, и ранее стремился к деспотическому правлению, однако после подавления заговора эта тенденция еще более усилилась.

Между тем стремление Калигулы было в некотором смысле изначально обречено на неуспех. Даже для талантливой и деятельной Тиберии наследие Августа оказалось слишком тяжелой ношей. Новый император, молодой, неопытный, порывистый и не отличавшийся особым рвением, также вряд ли мог рассчитывать на какой-либо успех при решении связанных с этим наследием огромных проблем.

Глава 5

КЛАВДИЙ

Тиберий Клавдий Нерон Германик, последний сын Друза Старшего и Антонии, родился в Лугдуне (ныне Лион) в 10 г. до н. э. Постоянно преследуемый болезнями и неуклюжий до уродливости, он не привлекался на государственную службу ни при Августе, ни при Тибериусе, и вместо этого посвятил себя научным изысканиям. В 37 г. н. э. Калигула, бывший племянником Клавдия, назначил его консулом.

В 41 г. н. э., после убийства Калигулы, преторианцы провозгласили Клавдия императором. Высшие гвардейские офицеры, возможно, уже до этого видели в нем кандидата на престол. Между тем многие члены сената, который после гибели Калигулы даже обсуждал возможность реставрации республики, в следующем году поддержали поднятый Скрибонианом мятеж в Далмации. Подавление мятежа сопровождалось усилением мер безопасности, и некоторые другие реальные и мнимые антиправительственные выступления повлекли за собой процессы по делам о государственной измене.

В то же самое время Клавдий проявлял большую активность и в других областях. Римские войска под командованием Авла Плавция совершили поход в южную и центральную Англию, ставшую после этого римской провинцией Британия. Через некоторое время Клавдий направился в Британию сам; его поход увенчался взятием Камулодуна (ныне Колчестер), решившим исход войны. Во время отсутствия императора в Риме его замещал его главный советник Луций Вителлий.

Став императором, Клавдий обнаружил большие способности к управлению государством и уделял большое внимание своим судебным обязанностям. Во время его правления появившаяся при Калигуле практика использования греческих или эллинизированных вольноотпущенников в качестве советников и письмоводителей не только не прекратилась, но и приняла еще большие масштабы. Но на этом этапе Клавдий все еще держал своих наиболее влиятельных писцов

Нарцисса и Палланта под контролем, а его молодая жена Мессалина, родившая ему дочь Октавию и сына Британика, стремилась более к развлечениям, чем к власти. Ситуация изменилась в 48 г. н. э., когда Мессалину справедливо, как представляется, обвинили в стремлении передать престол своему любовнику Гаю Силию. Мессалина и Гай были казнены; репрессиями против них руководил Нарцисс.

Тогда Нарцисс занимал важное положение в государстве, но ситуация круто изменилась в следующем году, когда Клавдий женился на своей племяннице Агриппине Младшей. В течение последующих пяти лет стареющий, уставший от государственных дел, постоянно опасавшийся заговоров и ослабленный недугами и пьянством император стал понемногу терять контроль над ситуацией, и власть фактически перешла к Агриппине, опиравшейся на поддержку Палланта, который одобрил ее брак с Клавдием, и нового префекта преторианской гвардии Бурра. Расправившись с политическими противниками, Агриппина заставила Клавдия усыновить своего сына от прежнего брака Нерона, который, по ее плану, должен был в будущем стать наследником престола, отобрав это звание у Британика. Через четыре года император внезапно умер — по слухам, Агриппина накормила его отравленными грибами. После смерти Клавдия императором без каких-либо инцидентов был провозглашен Нерон.

Убийство Калигулы повлекло за собой неразбериху, и сенаторы посчитали, что впервые за много лет имеют реальный шанс управлять событиями. Приняв решение о переносе сокровищ государственной казны в безопасное место на Капитолии, они собрались на заседание, на котором консулы выступили с предложением о реставрации давно ушедшей в прошлое республики. Обсудив этот вопрос, сенаторы, однако, не приняли никакого решения, да и не могли принять, ибо армия, нуждавшаяся в едином главнокомандующем, способном обеспечить выплату легионерам жалования, безусловно, не приняла бы его; на позицию солдат никак не повлияло даже безумие Калигулы. Вряд ли нашло бы поддержку у воинов и другое обсуждавшееся тогда предложение — сделать принцепсом представителя какого-нибудь другого рода. Солдаты чувствовали слишком большую привязанность к Юлиям—Клавдиям, чтобы решиться на такой шаг.

Единственным остававшимся к тому времени в живых представителем Юлиев—Клавдиев был пятидесятилетний Клавдий. Именно его преторианцы, действуя по приказу своих префектов и не обращая никакого внимания на сенат, привели в свой лагерь и провозгласили императором. «Пока сенат рассуждал, — заметил по этому поводу Эдуард Гиббон, — преторианские гвардейцы приняли решение». Вряд ли подлежит сомнению, что пре-

фекты, из которых по меньшей мере один был, очевидно, причастен к убийству Калигулы, действовали в соответствии с заранее намеченным планом, известным также и Каллисту, самому влиятельному вольноотпущеннику императора. Отправившись на поиски Клавдия, преторианцы действительно вполне могли, как рассказывает Светоний, обнаружить его спрятавшимся во дворце за занавесью у дверей. Но далее Светоний явно вступает в область беллетристики, утверждая, что Клавдий был провозглашен императором потому, что эта блестящая идея внезапно пришла в голову обнаружившему его солдату.

Уступив требованиям преторианцев, сенат наделил Клавдия императорской властью. Клавдий, правда, так и не простил сенаторам их первоначальные колебания, но и те не могли забыть, что он оставил их не у дел. Впервые право сената назначать нового императора было грубо проигнорировано и оспорено; сам же новый правитель с искренностью, которой мы не встречаем у его преемников, распорядился начать чеканить монеты с надписью, возвещавшей о том, что на трон его возвела преторианская гвардия. Более того, взойдя на престол, Клавдий первым из императоров щедро одарил преторианцев.

Будучи братом Германика, Клавдий имел все возможности заручиться поддержкой армии. Он приложил немало усилий, чтобы снискать себе любовь солдат, и добился успеха. Прodelав длительное путешествие, он прибыл в Британию, где провел всего 16 дней, но был с войсками, когда они одержали окончательную победу. С этой же целью он как минимум 27 раз принимал почести как *imperator*, победоносный полководец — даже самого Августа чествовали на шесть раз меньше. Но он, подобно двум своим предшественникам, не добавлял слово *imperator* к своему имени, как в свое время делал Август, стремясь подчеркнуть, что именно он — победоносный полководец. Для Клавдия, который за пятьдесят лет своей жизни ни разу не участвовал в войнах, такой шаг выглядел бы смешным. Сенека, писавший уже после смерти Клавдия, с иронией говорит о полной некомпетентности императора в военных делах.

...он разбил возобновивших войну
Парфян и посылал вслед персам легкие стрелы.
Он мог твердою рукой натягивать лук.
Он наносил бежавшим врагам легкие раны¹.

Действительно, Клавдий не только производил впечатление до смешного гражданского человека, но более того, не внушал своим странным внешним видом никакого доверия. Император явно страдал от какой-то серьезной болезни.

Наружность его не лишена была внушительности и достоинства, но лишь тогда, когда он стоял, сидел и в особенности лежал: он был высок, телом плотен, лицо и седые волосы были у него красивые, шея

толстая. Но когда он ходил, ему изменяли слабые колени, а когда что-нибудь делал, отдыхая или занимаясь, то безобразило его многое: смех его был неприятен, гнев — отвратителен: на губах у него выступала пена, из носу текло, язык заплетался, голова тряслась непрерывно, а при малейшем движении — особенно².

Таким описанием Клавдия располагал Светоний. В дополнение к этому мы читаем у Плиния Старшего, что уголки глаз императора заросли кожей, покрытой тонкими прожилками, которые временами наливались кровью.

Какой болезнью страдал Клавдий? Сейчас, когда с того времени прошло много лет, а дошедшая до нас информация отрывочна и неполна, ответить на этот вопрос крайне трудно. Недуг Клавдия определяли как менингит, полиомиелит, врожденный энцефалит, склероз, алкоголизм и врожденный церебральный паралич. Как представляется, император страдал от какого-то вида паралича. В молодости болезнь причиняла ему немало мучений, но в последние годы жизни он нашел в себе силы перебороть ее и все время своего правления сохранял прекрасное здоровье, страдая лишь от болей в желудке и изжоги, столь сильной, как он жаловался, что он готов был покончить с собой лишь бы избавиться от нее.

В детстве Клавдий весьма огорчал свою мать Антонию, считавшую его уродом среди людей, которого природа начала создавать, но не довела дело до конца. Август тоже беспокоился о юноше и, признавая за ним некоторые достоинства, с неодобрением отзывался о многих чертах его облика и характера, в частности, о его манере приближать к себе недостойных людей. Понимая, какой обузой должен был быть Клавдий в политике, Август, тем не менее, относился к нему достаточно спокойно, хотя мнение, высказанное им о юноше в письме к Ливии, нельзя назвать благоприятным.

По твоей просьбе, дорогая Ливия, я беседовал с Тиберием о том, что нам делать с твоим внуком Клавдием на Марсовых играх, и оба мы согласились, что надо раз навсегда установить, какого отношения к нему держаться. Если он человек, так сказать, полноценный, и у него все на месте, то почему бы ему не пройти ступень за ступенью тот же путь, какой прошел его брат?

Если же мы чувствуем, что он поврежден и телом, и душой, то не следует давать повод для насмешек над ним и над нами тем людям, которые привыкли хихикать и потешаться над вещами такого рода. Нам придется вечно ломать себе голову, если мы будем думать о каждом шаге отдельно и не решим заранее, допускать его к должности, или нет³.

В конце концов было решено, что помочь Клавдию никак нельзя, и в 12 г. н. э. Август и Тиберий отстранили его от участия в общественной жизни. Тиберий, как рассказывают ис-

точники, через 25 лет отказался назначить Клавдия наследником престола, сославшись на то, что добрые намерения последнего не подкреплены достаточными умственными способностями. Калигула, бывший племянником Клавдия, назначил его в 37 г. н. э., то есть сразу после прихода к власти, своим сотоварищем по консульству. После этого, правда, Гай не уделял своему дяде никакого внимания, если не принимать в расчет грубых шуток, которыми он был столь известен. Но когда два зятя Калигулы были казнены, всем, в том числе и префектам преторианской гвардии, стало ясно, что, если с молодым императором что-либо случится, престол отойдет Клавдию. Именно так, не без участия префектов, и получилось.

Наряду с повергавшими людей в смятение внешностью и манерой держать себя, Клавдий отличался от своих предшественников еще одним — большой ученостью. Плиний Старший, который в своей «Естественной истории» ссылается на Клавдия четыре раза, считал его одним из ста наиболее видных ученых своего времени. Занятия науками на первых порах заменяли Клавдию государственную деятельность, посвятить себя которой он не имел возможности, и сам Тит Ливий, несомненно, по настоянию Августа, старался привить ему любовь к изучению истории. Написав памфлет в защиту Цицерона, Клавдий приступил к работе над историей Рима. Первоначально он собирался открыть свое повествование историей гибели Юлия Цезаря, но затем, под влиянием матери и бабушки, Антонии и Октавии, объяснивших ему, какой щекотливой является избранная им тема, отказался от этой идеи и начал с 27 г. до н. э., то есть с установления режима Августа, доведя свой рассказ до смерти последнего в 14 году н. э. Как мы знаем, Клавдий был автором еще двух книг — истории этрусков в двадцати томах и истории Карфагена в восьми; оба произведения были написаны по-гречески. Ни одна из этих книг не сохранилась, и утрата сведений, содержащихся в них, особенно касающихся истории этрусков, ценную и оригинальную информацию для которой Клавдий мог почерпнуть у своей первой жены, происходившей из этого народа, — для нас одна из самых больших потерь в античной историографии. Клавдий был большим поклонником греческого языка и культуры, но, как мы знаем из источников, манеры его от этого лучше не становились, и можно лишь посочувствовать жителям Александрии, так как «...он присоединил к старому александрийскому Мусею новый, названный его именем, и распорядился, чтобы из года в год по установленным дням сменяющиеся чтецы оглашали в одном из них этрусскую историю, в другом — карфагенскую: книгу за книгой, с начала до конца, как на открытых чтениях»⁴.

Наряду с упомянутыми произведениями, Клавдий написал также восьмитомную автобиографию, трактат по любимой им

игре в кости, а также книгу о латинском алфавите, в который, как он пытался доказать, следовало ввести три новых буквы. Позднее, став императором, он осуществил эту идею на практике, хотя после его смерти она была забыта.

Вступив на престол, Клавдий не оставил занятия науками и литературой. Он по-прежнему много писал и вызывал чтецов, чтобы те зачитывали его произведения людям.

Занятия наукой и уединение, в котором пребывал Клавдий, работая над своими произведениями, дают объяснение многим чертам его характера. В личности Клавдия как бы слились воедино два противоположных типажа историков той эпохи — ученый-антиквар и специалист по истории своего времени. Это отразилось и на том, как он управлял государством. Так, с одной стороны, император был убежден, что древние традиции, восходящие к тем славным временам, когда род Клавдиев играл в жизни Рима значительную роль, должны неукоснительно соблюдаться, и, исходя из этой идеи, намеренно возрождал элементы далекого прошлого. С другой, — изучая историю, он понял: жизнь не стоит на месте, а нововведения возможны и даже необходимы, хотя не следует при этом давать консерваторам повод чувствовать себя уязвленными. Августу, которым Клавдий, подобно многим другим императорам, искренне восхищался, удалось справиться с обеими задачами. При Клавдии дело приняло иной оборот, что было связано с его бескрайней любознательностью и научной точностью, которые помогли ему внести свой вклад в решение этой проблемы, но были частично сведены на нет другой, совершенно не свойственной Августу чертой — неуклюжестью ученого, пытающегося сделать что-то на практике. Вообще, во всех значительных событиях того времени прослеживается влияние характера Клавдия. Но установить, сколь умен был император в действительности, довольно сложно. В. М. Скрамуцца, занимавшийся историей жизни Клавдия, пришел под конец к заключению, что его личность представляет собой одну из самых больших загадок римской истории. Известный своей рассеянностью — мы знаем, например, что после казни Мессалины он спрашивал, где она, — Клавдий, однако, удостоился похвалы Сенеки за необычайно цепкую память. Даже Август, считавший, что Клавдию лучше не показываться на людях, с удивлением отметил, что тот, декламируя, мог говорить ясно и связно. Тацит, менее всего расположенный восхвалять Клавдия, также отмечает, что император неплохо произносил речи — если, конечно, использовал заранее подготовленный текст.

До нас счастливым образом дошли некоторые изречения Клавдия, сохранившиеся в надписях и на папирусах. Основываясь на них, мы можем сами дать оценку стилю императора. В этих документах отражаются все, как хорошие, так и плохие,

качества Клавдия, которые мы, зная о его занятиях науками, могли бы в нем предполагать, а также некоторые совершенно особые черты его характера. Так, мы видим, что, хотя Клавдия порой посещали хорошие идеи, ему было тяжело найти для них краткое и точное выражение. Свои речи Клавдий открывал туманными и неясными фразами, что показывает, каких трудов стоило ему начать говорить. Другой запоминающейся особенностью стиля императора было то, что он часто прерывался в середине речи, затем призывал себя к порядку и вновь пытался вернуться к теме выступления. Кроме того, на стиле Клавдия негативно сказывалось и характерное для ученых стремление представить аудитории самые изысканные плоды своих исследований. Однажды он издал двадцать эдиктов за один день, причем в одном из них приказывал лучше смолить бочки для обильного сбора винограда, а в другом сообщал, что против змеиного укуса нет ничего лучше, чем тиссовый сок.

Отдых также представлял для Клавдия проблему, ибо подолгу он никогда не спал. Ложась спать вечером, он, как правило, вновь просыпался еще до полуночи. Не отдыхая ночью, он часто засыпал днем, и выступавшие в суде ораторы, замечая, что он их не слушает, начинали говорить громче.

В разговоре Клавдий был вульгарен и многословен. Он постоянно пытался шутить, но его изречения, лишённые остроумия Калигулы, часто были совершенно не смешными. Однажды, когда на одном из заседаний сената речь зашла о мясниках и виноторговцах, он воскликнул: «Ну разве можно жить без говядины, я вас спрашиваю?»

Самому Клавдию это было бы не под силу. О том, как он любил поесть, рассказывает Светоний.

До еды и питья он был жаден во всякое время и во всяком месте. Однажды, правя суд на форуме Августа, он соблазнился запахом угощения, которое готовилось в соседнем Марсовом храме для салийских жрецов, сошел с судийского кресла, поднялся в храм и вместе с ними возлег за трапезу. От стола он отходил не раньше, чем отяжелел и взмокнув, и тут же ложился навзничь, чтобы во сне ему облегчили желудок, вставив перышко в раскрытый рот⁵.

Несмотря на то, что Клавдий, как казалось, постоянно пребывал в разобранном состоянии, он питал безмерную страсть к женщинам. Это, правда, еще не говорит о том, что он был полностью нормальным человеком, ибо он отличался злобностью и жестокостью, переходившей иногда, как и у Калигулы, в садизм. Так, Клавдий лично наблюдал за пытками и особенно любил древние жестокие казни.

Жестокость Клавдия, однако, во многом проистекала из робости, подозрительности и постоянной настороженности, бывших, пожалуй, наиболее существенными чертами его характера. Любой

император не без оснований опасался заговоров против себя, однако Клавдия сообщения о реальных и мнимых интригах просто повергали в ужас, что, с одной стороны, заставляло его отказываться даже от самых благих намерений, а с другой — давало возможность заинтересованным людям извлекать выгоду из его страхов. В правление Клавдия меры безопасности были усилены до фантастических пределов. Собираясь ужинать, он, например, довольно грубо требовал, чтобы за столом ему прислуживали преторианцы, а отправляясь навещать больных, приказывал обыскать и перетрясти их тюфяки и простыни.

Усиление мер безопасности стало следствием неудачной попытки поднять мятеж в Далмации, предпринятой Марком Фурием Камиллом Скрибонианом немногим более чем через год после воцарения Клавдия. Выступление было подавлено в зародыше, однако его вожди были тесно связаны с наиболее влиятельными римскими аристократами. Это событие повергло Клавдия в состояние перманентного оцепенения, сходное с тем, в котором после раскрытия заговора в Германии пребывал его предшественник Калигула. На обоих императоров пережитый страх оказал неизгладимое воздействие; Клавдий после этого все чаще вспоминал, что сенаторы первоначально вообще не желали передавать ему власть. Открытого разрыва с сенатом, к которому пришел Калигула, Клавдий не допустил, однако после мятежа Скрибониана ему пришлось бороться еще как минимум с шестью предполагаемыми заговорами, и количество сенаторов, ежегодно подвергавшихся преследованиям, было лишь немного меньшим, чем при его предшественнике. Когда Клавдий умер, Сенека с осуждением заметил, что по вине императора пострадали многие аристократы. Действительно, жертвами политики Клавдия стали самое меньшее 35 сенаторов и от 200 до 300 всадников. Данное им сенаторам обещание не заставлять их осуждать своих коллег на смертную казнь было для них лишь слабым утешением — император вершил суд сам.

Подвергая сенаторов репрессиям, Клавдий, как ревнитель традиционных порядков, в то же самое время постоянно оказывал им почести — какая бы ирония в этом ни чувствовалась. Несмотря на свою болезнь, он, подобно Августу, всякий раз вставал, если видел, что сенаторы поднимаются со своих мест или что к нему приближается один из консулов. Более того, Клавдий очень хотел, чтобы сенат приобрел большее значение как орган власти и начал играть ответственную роль в управлении государством. Это стремление императора отразилось в одной из дошедших до нас его речей, где он с подчеркнутой иронией говорит о бездействии сенаторов, которое, по его мнению, было достойно самого сурового осуждения.

Если вы принимаете эти предложения, скажите ясно и открыто, что вы согласны. Если они кажутся вам неприемлемыми, найдите пути

исправить положение, но здесь и сейчас. Если же для их обдумывания вам нужно время, думайте столько, сколько вам представляется необходимым, но помните, что, собравшись вновь, вы должны высказать свое мнение.

Действительно, отцы-сенаторы, не пристало вашему высокому собранию, чтобы выступал в нем только один человек, именно консул на следующий год (да и тот говорит то, что написано в предложениях консулов), а остальные лишь отвечают “Согласны”, а затем, уходя домой, говорят: “Мы высказали свое мнение”⁶.

Говоря так, Клавдий, несомненно, преследовал благородные цели, однако его стремление заставить сенат высказывать прежнюю инициативу и самостоятельность выглядело несколько наивно на фоне казней его членов, происходивших два или три раза в год. Кроме того, он сам часто поступал без оглядки на сенат в делах, входивших в компетенцию последнего, и управление государством все более сосредотачивалось в его неутомимых руках. По выражению наместника Асии Павла Фабия Персика, «он лично заботился обо всем роде человеческом». Такое замечание вполне обоснованно, из него следует, что император лично управлял провинциями, причем действовал столь тщательно и эффективно, что не мог где-то не наступить на права сената. Более того, по сообщению источников, он признавал, что оказывавшие ему содействие сенаторы вели себя скорее как *его собственные* помощники, чем как представители государства.

Со своей стороны, сенаторы тоже не оставались в долгу и, когда представлялась возможность, отваживались высказываться об императоре с затаенным сарказмом. Однако говорить так следовало весьма осторожно, ибо Клавдий не только отправлял сенаторов на казнь, но и более жестко, чем любой из его предшественников, контролировал состав сената. Однажды он даже открыто продемонстрировал, что считает необходимым наделить императора правом делать это, внося соответствующие изменения в законодательство. В отличие от Августа, который принял цензорскую власть, отказавшись от соответствующего поста, Клавдий, верный себе и здесь, возродил саму должность цензора.

Должность цензора, которую Клавдий занимал в 47—48 гг. н. э., помогла ему ввести в сенат ряд своих сторонников, заменивших репрессированных сенаторов. В этом отношении Клавдий поступал более либерально, чем его предшественники. Последние, вводя в сенат новых членов, ориентировались в основном на представителей италийских муниципиев и призвали всего несколько человек из муниципиев с гражданским правом в южной Галлии. Клавдий, в свою очередь, полагал, что в сенате должны быть представлены и римские граждане из других, менее романизированных областей Галлии. Речь, в которой Клавдий высказал это соображение, пересказывает Тацит, однако до на-

ших дней дошел и оригинальный текст, в котором хорошо отражается характерное для императора сочетание стремления к продвижению вперед и желания сохранить старые традиции.

Я отвергаю эту сразу приходящую на ум любому мысль, которая, как мне представляется, станет первым и главным препятствием на моем пути. Вам следует не тревожиться, как если бы в нашу жизнь действительно входило что-то новое, а лучше подумать о том, сколько нововведений уже видел наш город и сколько порядков сменилось в нашем обществе с момента основания Рима.

Одно время городом правили цари, которые, однако, не назначали наследников из своего собственного дома. К власти приходили не принадлежавшие к нему люди и даже чужестранцы: Нума, сменивший Ромула, был сабинянином, то есть, по меркам того времени, иноземцем, хотя сегодня его посчитали бы соседом; а преемником Анка Марция был Приск Тарквиний...

Разумеется, и мой двоюродный дед божественный Август, и мой дядя Тиберий Цезарь поступали по-новому, когда стремились сделать так, чтобы знатные и богатые люди из всех колоний и муниципиев, составляющие цвет их населения, заседали в сенате. Вы спрашиваете меня: "Не следует ли предпочитать итальянских сенаторов выходцам из провинций?" ...Я полагаю, что и провинциалов не следует игнорировать, если, конечно, они способны умножить величие сената⁷.

Доводы Клавдия заключались в том, что он призывал не к отходу от традиционных норм, а, наоборот, к их выполнению с естественным учетом изменившихся реалий. Даже если в предлагаемых мерах и можно найти какое-либо нововведение, как будто говорил он, то оно имеет свой прецедент в деятельности предыдущих правителей. Но во все времена, несмотря на периодические обновления состава сената, его члены быстро переходили на консервативные позиции своих предшественников, и предложение Клавдия, хоть и было принято, но вызвало волну ксенофобии. Появились ужасные рассказы, будто в сенат берут всех без разбора, после чего все громче стали раздаваться голоса тех, кто считал, что Италия в состоянии управлять империей в одиночку, без помощи чужеземцев. Так значит, спрашивали эти люди, мы должны теперь в огромных количествах ввозить к себе чужеземцев, как ввозят толпы пленников? Август никогда не делал ничего подобного. Клавдий, со своей стороны, утверждал, что лишь пожинает урожай, зерна которого были брошены в землю его великим предшественником. Правда, преувеличивать масштабы разногласий не следует: в конечном счете, значительных изменений так и не произошло. Для времени правления Клавдия и его преемника нам известно всего двенадцать консулов из провинции; все они представляли западные земли империи. При этом первый случай, когда оба консула были провинциалами, произошел лишь через сорок лет после смерти Клавдия.

Между тем не будь Клавдия, даже такой умеренный шаг в направлении социальной мобильности был бы сделан намного позднее. Сходный пример дает нам и политика Клавдия в отношении предоставления римского гражданства жителям провинций. В конце правления Августа общее число людей, имевших римское гражданство, достигало пяти миллионов человек, включая женщин и детей. В дальнейшем оно росло, хотя и довольно медленно, ибо при Клавдии, как об этом свидетельствуют данные переписи, правами граждан Рима пользовались почти шесть миллионов человек. При этом увеличение числа граждан произошло в основном за счет провинций, ибо жители Италии в большинстве своем уже имели к этому времени статус граждан Рима. Перемены действительно носили ограниченный характер, ибо Италия продолжала играть ведущую роль в империи, однако Клавдий ясно дал понять, что намерен прислушиваться к требованиям провинций. По выражению Кеннета Уэлсли, Клавдий считал Рим «камешком, брошенным в воды истории, которые всегда должны были двигаться в сторону других». Между тем проводимая Клавдием политика предоставления римского гражданства ограниченному числу провинциалов, равно как и его линия в отношении состава сената были неверно представлены как бездумное увеличение числа граждан. Говоря о предсмертных часах Клавдия, Сенека владыаует в уста Клоты, одной из парк, следующие слова: «Признаться сказать, я хотела прибавить ему немного жизни, пока он успеет дать право гражданства горсти его подданных, которые еще не имеют его. Клавдий решил сделать полноправными гражданами всех греков, галлов, испанцев и британцев»⁸. Эта произнесенная в шутку фраза точно отражает предрассудки, с которыми столкнулся Клавдий на своем пути. Они и сейчас мешают нам понять смысл происходящего в годы его правления.

Вряд ли подлежит сомнению, что Клавдий уделял своим судебским обязанностям больше внимания, чем любой из его предшественников. Раньше каждый или по меньшей мере почти каждый правитель, занимавшийся государственными делами, считал одной из своих главных обязанностей регулярно выступать в качестве судьи. Калигула перестал заниматься теми делами, которые считал неинтересными, и, как представляется, при нем эта обязанность императора начала забываться. Для Клавдия же отправление правосудия было истинным увлечением, и он посвящал ему много времени. Исправно посещая заседания сенатского суда, он, однако, уделял основное внимание делам, разбиравшимся в его собственном императорском суде. Обвинения в государственной измене составляли одну из многочисленных категорий дел, которые предшественники Клавдия, видимо, передали в компетенцию сенатского суда, однако император предпочитал разбирать их самостоятельно, с помощью

советников. Императорский суд стал заниматься многими видами дел, ранее не входившими в его компетенцию.

Бурная деятельность Клавдия в судебной области не могла не вызвать неодобрение сената, видевшего в ней проявление дальнейшего наступления императорской власти на его полномочия. Появились язвительные анекдоты, высмеивавшие императора.

Плачьте о человеке, не имевшем равного себе
В искусстве быстро решать процессы,
Выслушав одну только сторону,
А часто и ни одной⁹.

Источники Светония также утверждали, что в суде Клавдий вел себя непредсказуемо и опрометчиво, а иногда даже безрассудно. Споря с ним, какой-то греческий юрист потерял однажды терпение и крикнул: «А ты и старик и дурак!» Один римский всадник, представший перед судом по обвинению в распутстве, разгневался на императора за то, что он принимает показания проституток, и запустил ему в лицо грифель и дощечки и сильно поцарапал щеку.

Я даже слышал от стариков, — добавляет Светоний, — будто сутяги так злоупотребляли его терпением, что когда он хотел сойти с судейского кресла, они не только призывали его вернуться, но и удерживали его, хватая за край тоги, а то и за ноги¹⁰.

Терпение, с которым Клавдий разбирал всевозможные дела, играло уже ту положительную роль, что, показывая готовность императора взять на себя бесконечный труд разрешения тяжб, опровергали мнение о нем как о торопливом и вечно спешащем человеке. Хотя рассказы древних авторов о Клавдии выдержаны в основном в мрачных тонах, мы знаем и несколько историй, в которых выносившимся императором решениям дается высокая оценка. Стремясь ускорить рассмотрение судебных дел, защитить слабых и сделать так, чтобы каждому воздалось по заслугам, Клавдий увеличил число судей и сильно сократил судебные каникулы. При этом император мог решительно отказаться от выполнения буквы закона, если надлежало следовать его духу. «Я, конечно, знаю, — сказал он однажды, — что люди, выступающие с ложными обвинениями, всегда придумают какие-нибудь уловки. Но, я надеюсь, мы сможем найти средство борьбы против их интриг».

Последняя фраза хорошо иллюстрирует характер Клавдия. Император, правда, не без ворчания и жалоб, полностью ушел в дела. Даже в те дни, когда должны были отмечаться очередная годовщина его прихода к власти или день рождения кого-либо из близких, он предпочитал спокойно, как это он обычно делал, заниматься делами с утра и до ночи. Сенека с полным правом признавал за Клавдием осторожность и трудолюбие; правда, со-

ответствующий фрагмент относится ко времени, предшествующему смерти императора, когда автор еще не отваживался делать какие-либо выпады против него. С самого начала правления Клавдия на его монетах появилась надпись CONSTANTIA (последовательность), отражавшая качество, возведенное теперь в ранг достоинств правителей империи. О тех из своих предшественников, кто был лишен этой добродетели, Клавдий отзывался критически. Не в силах упрекнуть Тиберия за уклонение от занятий государственными делами, Клавдий тем не менее находил его отъезд на Капри достойным всяческого осуждения и говорил о его «упрямом затворничестве». Калигула отнюдь не отличался последовательностью в своих действиях, и, хотя Клавдий никогда официально не осуждал своего предшественника, он вполне мог прилюдно упомянуть о прискорбном «непонимании ситуации», характерном для последнего.

Между тем процесс превращения империи в абсолютную монархию, что в свое время было целью Калигулы, курьезным образом не только не остановился, но продолжал неумолимо идти вперед. Централизация власти незаметно прогрессировала, а возвеличивание императора продолжалось; во всяком случае, реально не отказались от льстивых и подобострастных выражений, столь часто употреблявшихся при Калигуле. Нельзя отрицать, что Клавдий прошел через ритуальное отречение от обожествления своей личности. Известно, что в письме к жителям Александрии он заявил, что не нуждается в посвященных своему культу храмах и жрецах. Но он позволил им нести его статуи во время шествий в дни, специально отведенные для почитания его личности; писателям было разрешено говорить о его священных руках и делах и даже называть его «нашим богом Цезарем».

Здесь, казалось, возникало одно любопытное противоречие. Семейные традиции и собственные интеллектуальные убеждения заставляли Клавдия тяготеть к республиканским идеям. В дополнение к длинному ряду предков-республиканцев отец императора, Друз Старший, был известен как один из самых влиятельных сторонников республиканского правления в окружении Августа. Сам Клавдий после углубленного изучения истории также проникся республиканскими идеями. Именно с этих позиций он, очевидно, собирался осветить историю гражданской войны, но мать и бабка убедили его отказаться от своего намерения. Но почти все, что делал Клавдий, будучи императором, вело к установлению абсолютизма, именно он, как казалось, может удовлетворить нужды и чаяния населения империи.

Поэтому некоторая ирония чувствуется в том, что одним из новых девизов, помещенных на первых монетах Клавдия, был LIBERTAS AUGUSTA (имперская свобода), то есть, свобода, допущенная и дарованная правителем. Август называл себя «охранителем свободы римского народа». Но слово *augusta*, пожалуй, более выразительно, ибо оно показывает, что для

Клавдия свобода была чем-то заложенным в природе имперского режима.

После убийства Калигулы сенат впервые за много десятилетий дал преторианцам пароль *Libertas*. Но для сенаторов, или по крайней мере для некоторых из них, это слово означало восстановление старого, ушедшего корнями во времена республики права вести между собой не ограниченную никакими рамками политическую борьбу за обладание государственными должностями и дававшимися ими огромными доходами, подкрепленного столь же безграничной свободой слова. Избранный Клавдием девиз означал, что такой путь ведет лишь назад, к хаосу, и что истинная свобода, обеспечить которую не в состоянии ни республика, ни тиран, наподобие Калигулы, может появиться лишь как дар его собственного добродетельного правления.

Хотя Клавдий по причине таких воззрений никогда не пользовался любовью сенаторов, он все же находил в их среде друзей и помощников. Первым среди них следует назвать Луция Вителлия, сын которого впоследствии стал девятым римским императором. Незнатное происхождение Луция (его отец был не сенатором, а всего лишь всадником из Луцерии — ныне Лучера, в Апулии) не помешало ему сделать одну из самых удачных политических карьер того времени. Своей репутацией Луций был во многом обязан успешной службе в Сирии, куда Тиберий назначил его наместником; не обошел его милостью и Калигула. Но наибольшего могущества достиг Луций при Клавдии, в правление которого он в третий раз стал консулом, — этой чести удостоились лишь крайне немногие, — а также был коллегой императора на посту цензора. Когда же Клавдий на время покинул Рим, направляясь в Британию, именно Луция он оставил управлять столицей.

Луций Вителлий, даже если сделать поправку на то, что сенаторы смотрели на него с завистью, пользовался дурной славой. Рассказывали, что он без зазрения совести льстил Калигуле, а затем Клавдию. Имя Вителлия, как сообщает Тацит, стало нарицательным для обозначения омерзительной лъстивости. Но сам Вителлий или его поклонники считали такое поведение скорее достойным похвалы; в надписи на мемориальной статуе Луция упоминается его «непоколебимая верность императору». Надо признать, что Вителлий действительно проявил почти невероятную ловкость — он снискал себе расположение трех императоров, бывших столь разными людьми, а также состоял в дружбе с императрицами.

Клавдий, в отличие от Калигулы, проявил себя как человек, умеющий ценить дружбу. Он никогда не упускал случая показать, что хорошо относится к своим соратникам и уважает их за опыт и способность давать мудрые советы. Хорошо понимая, насколько он зависит от рекомендаций своих приближенных,

Клавдий всячески подчеркивал свои особые отношения с ними, для чего разрешил им носить кольца со своим портретом, выполненным в золоте. Между тем преданных союзников у Клавдия было немного, ибо к моменту своего прихода к власти он никогда не имел никаких дел с сенатом, да и впоследствии его отношения с заседавшими там недоверчивыми и подозрительными людьми оставались весьма ограниченными.

В начале своей карьеры Клавдий был всадником. Хотя он и расширил полномочия некоторых всадников, действовавших от его имени в провинциях, друзей среди представителей этого сословия у него было меньше, чем у Августа или Тиберия. Более того, всадники пострадали от репрессий, которыми Клавдий боролся с предполагаемыми заговорами. Не исключено также, что активное участие всадников в экономике делало их противниками проводившейся Клавдием политики централизации, затронувшей хозяйственную жизнь и сказавшейся на их доходах; а недовольство всадников вызывало гнев императора.

Как бы там ни было, Клавдий нуждался в более преданных людях, чем сенаторы или всадники. Его потребность в них была даже большей, чем у его предшественников, ибо круг вопросов, которыми он занимался, был чрезвычайно широким. И Клавдий решил расширить полномочия своих приближенных, окружавших его во дворце, — греков и эллинизированных выходцев из восточных провинций империи, ранее бывших рабами, но теперь получивших статус вольноотпущенников. Использование таких людей в государственных делах не было чем-то новым — уже Август начал раздавать им различные должности, не допуская, однако, их заметного возвышения. Сходную политику проводил и Тиберий, хотя, учитывая, что он уехал из Рима и постоянно жил на Капри, можно предполагать, что вольноотпущенники из его окружения стали более влиятельными, ибо других советников у императора было мало. Калигула же переложил на вольноотпущенников значительную часть своих дел, и именно в его правление они вошли в число наиболее влиятельных деятелей империи.

Приближая к себе вольноотпущенников, Клавдий, как он не раз делал прежде, направил существовавшую до него тенденцию в нужное для себя русло. Нам известны три или четыре вольноотпущенника, которые не только помогали императору в различных делах, но и достигли самого высокого положения и самой большой славы, которых когда-либо к тому времени удостоивались люди их статуса. В источниках эти люди иногда изображаются как государственные секретари или министры, однако они никогда не руководили ничем, что могло бы сравниться с министерствами или ведомствами в современных западных странах. Враждебные Клавдию древние авторы и следующие за ними современные нам писатели представляют дело так, будто бы император был безвольной игрушкой в руках своих приближенных

и позволял им определять политику государства. Между тем такая трактовка не кажется нам оправданной. Речи Клавдия, тексты которых сохранились в надписях и на папирусах, явно написаны в одном и том же стиле, носящем на себе хорошо узнаваемый отпечаток личности императора. В действительности вольноотпущенники *не* управляли, а работали под начальством императора, и даже наиболее враждебные к Клавдию авторы не могут полностью этого скрыть. До самых последних лет жизни, когда он действительно стал выпускать бразды правления из своих рук, Клавдий оставался истинным правителем государства, выносившим вердикты и принимавшим решения.

Сказанное, однако, отнюдь не означает, что вольноотпущенники Клавдия не пользовались никаким влиянием. Несмотря на то, что Клавдий до конца жизни был слишком пронизательным и упрямым человеком, чтобы поддаться на лесть и обман, у этого правила, действовавшего в большинстве случаев, было и одно исключение. Как мы видели, играть на постоянно терзавших Клавдия страхах и подозрениях было довольно легко. Но хотя должности, которые занимали вольноотпущенники, не давали им власти, их влияние все же росло за счет близости к императору. Здесь важно заметить, что в источниках вольноотпущенники предстают не как служащие, выполняющие обязанности, определенные их должностями, а как люди, занимающиеся более широким кругом вопросов и выполняющие различные специальные поручения, в том числе, и связанные с разъездами. Такие поручения давали им возможность самим оказывать покровительство другим, свидетельства чему видим мы в рабелепном трактате Сенеки, написанном им для Полибия, вольноотпущенника Клавдия, а также в рассказе Светония о том, как приближенные правившего в более позднюю эпоху императора терпеливо ждали момента, чтобы походатайствовать перед ним (вероятно, они были выходцами из восточных провинций империи) за какого-нибудь купца или судовладельца с востока. Получая вознаграждения за такие услуги, вольноотпущенники Клавдия скопили огромные состояния, пользовавшиеся скандальной известностью. Решения по-прежнему принимал император, но расторопные вольноотпущенники могли переиначить или просто изменить их, пока они не вступили в силу.

Учитывая все вышесказанное, легко понять, почему историки и стоявшие за ними сенаторы относились к письмоводителям-вольноотпущенникам с такой неприязнью. Аристократов совершенно не интересовало, как приближенные императора выполняли свои обязанности, принесли ли они с собой что-то лучшее, чем ставшие притчей во языцех семейственность и коррупцию. Они испытывали отвращение, видя, как эти люди с Востока, да притом низкого происхождения, держатся столь надменно, причем возвышение этих выскочек было еще одним, ясным и оттого причинявшим им боль свидетельством, что власть

в государстве принадлежит отнюдь не сенату. Сенека был прав, когда сказал Полибию, что тот «всем обязан цезарю». Вольноотпущенники действительно были верны лишь императору, а на интересы сенаторов не обращали никакого внимания.

Первоначально самым заметным среди секретарей Клавдия был Нарцисс, помощник императора *ab epistulis*, то есть по письмам. Именно он помогал Клавдию вести переписку с наместниками, военачальниками и его агентами в провинциях. Занимаясь этой работой, Нарцисс узнал много личных секретов Клавдия. За годы службы он скопил значительное состояние; мы знаем также, что в 43 г. н. э. он был направлен в Северную Галлию с ответственным заданием руководить посадкой на корабли войск, готовившихся к экспедиции в Британию.

Нарцисс заявлял, что бесконечно благодарен и предан императору. Сомневаться в искренности этих слов нет никаких оснований. В 48 г. н. э., когда император явно начал сдавать, именно он, действуя практически в одиночку, подавил заговор, к которому, как тогда полагали, были причастны императрица Мессалина и ее любовник Гай Силий. Между тем, когда после казни Мессалины и Силия император собрался жениться снова, Нарцисс не поддержал его новую избранницу Агриппину Младшую, которая впоследствии добилась его увольнения со службы, а затем вынудила покончить с собой.

Главным советником Агриппины стал другой вольноотпущенник — Паллант. Занимаясь с самого начала делами *a rationibus*, то есть будучи чем-то вроде министра финансов, он имел хорошие возможности для возвышения. В личной жизни он был настолько высокомерен, что писал приказы на табличках, дабы не унижать своего достоинства общением со столь низкими людьми, как рабы и вольноотпущенники. В 52 г. н. э. сенаторы, в глубине души чувствуя себя глубоко оскорбленными, приняли по предложению одного знатного аристократа решение наградить Палланта за его труды высокими почестями и большой суммой денег.

...дабы Паллант, коему все они признают себя предельно обязанными, заслуженнейшим образом получил награду за свою исключительную верность и исключительное усердие. Для щедрости сената и римского народа не может представиться более удобного случая, чем возможность увеличить средства бескорыстнейшего и вернейшего стража императорского имущества¹¹.

Паллант, не нуждавшийся по причине своего богатства в средствах, отказался от предложенных ему денег, но принял почести. Возможно, он в некоторой степени был достоин их. В древнем мире чиновники часто обогащались за счет своего служебного положения, и если кто-то из них не только наживался, но и преданно служил императору, это считалось достойным поощрения. Между тем после смерти Клавдия Агриппина через

какое-то время потеряла свое влияние, и Паллант также попал в опалу. Когда в 62 г. н. э. он умер, ходили слухи, будто к его смерти причастен Нерон, перед которым он отчитывался весьма неохотно.

Еще один вольноотпущенник, Полибий, о влиянии и величии которого можно судить по льстивым словам Сенеки, занимался делами *a studiis*, что обычно трактуют как смотритель библиотеки Клавдия и советник императора по вопросам культуры. Однако слово *studia* в титуле Полибия означает скорее покровительство и поддержку. В таком случае именно Полибий занимался представлением к должности и непосредственным назначением людей, которых император хотел определить на службу или повысить в чине. Сенека особо отмечает, что Полибию приходилось иметь дело с огромным количеством прошений от разных людей. Рассматривая другие петиции, поступавшие от различных городов и общин империи, Клавдий, очевидно, прибегал к помощи другого вольноотпущенника, бывшего помощником *a libellis*, то есть секретарем. Этим человеком был Каллист, занимавший должность писца уже при Калигуле. Не исключено, что Каллист был также советником *a cognitionibus*, в обязанности которого входило помогать императору вершить правосудие и присутствовать с ним на заседаниях суда.

Не довольствуясь преувеличением влияния вольноотпущенников, древние авторы всячески раздували роль Валерии Мессалины, третьей жены Клавдия. Когда он в 39 или 40 г. н. э. женился на ней, ей было 19 или 20 лет (а не 14 или 15, как утверждают некоторые). Мессалина, бывшая внучатой племянницей Августа и по отцовской, и по материнской линии, казалась идеальной парой для императора. Клавдий оказывал жене пышные почести, вероятно, превзойдя всех своих предшественников, ибо постепенное превращение государства в абсолютную монархию предполагало большее почитание императрицы, равно как и императора. Мессалина часто появлялась на официальных мероприятиях, а статус императрицы давал ей значительную свободу действий. Не исключено, что она сыграла определенную роль в падении вольноотпущенника Полибия и префекта преторианской гвардии Катония Юста, а также стала инициатором обвинения в государственной измене и последующей казни видного сенатора из Галлии Децима Валерия Азиатика, хотя мы до сих пор не можем с уверенностью сказать, были ли правы те, кто утверждал, что Мессалиной двигало желание завладеть состоянием последнего. Такое поведение Мессалины дало некоторым основание насмешливо называть ее царицей. Между тем императрица так и не получила власти — ни полностью, ни частично. Государством по-прежнему правил Клавдий.

Поведение Мессалины было знаменательно в том отношении, что показало: не только императоры, такие, как, например, Ка-

лигула, но и императрицы могут с головой погружаться в море наслаждений. Книги, в которых Тацит должен был рассказывать о первых шести годах правления Клавдия, до нас не дошли, и поэтому большей частью его описания Мессалины мы не располагаем, однако, как представляется, мнение историка, что она долгое время была «побуждаема разнузданным своеволием», вполне правдоподобно. Став императрицей, Мессалина стремилась к жизни, более блестящей, чем у любой другой молодой женщины, то есть к роскоши, великолепным пирам и сексуальным наслаждениям, которые ее болезненный муж, каким бы распутным он ни был, вряд ли был способен ей доставить. Даже если только десятая часть рассказов, превративших Мессалину в закоренелую развратницу, соответствует действительности, следует признать, что она действительно была крайне развратной женщиной.

...послушай, что было

С Клавдием: как он заснет, жена его, предпочитая
Ложу во дворце простую подстилку, хватала
Пару ночных с капюшоном плащей, и с одной лишь служанкой
Блудная эта Августа бежала от спящего мужа,
Черные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась
В теплый она лупанар, увешанный ветхим лохмотьем,
Лезла в каморку пустую свою — и, голая, с грудью
В золоте, всем отдавалась...¹².

В 48 г. н. э. человек, которому было суждено стать последним в длинном ряду любовников Мессалины, принял участие в задуманной ею опасной политической аванюре. Этим человеком был Гай Силий, богатый, достаточно молодой и красивый аристократ, который в следующем году должен был занять пост консула. Когда император уехал в Остию, чтобы узнать, как идут работы в строившемся там по его приказу порту, Силий и Мессалина стали говорить о возможности свержения императора и своего прихода к власти. Для начала они заключили между собой некое подобие брака. Тацит дает интересное описание того, что они делали.

А между тем Мессалина, разнузданная более чем когда-либо, ссылаясь на осеннюю пору, устроила во дворце представление, изображавшее сбор винограда. Его выжимали в давилнях, в чаны струилось сусло, и женщины, облачившись в звериные шкуры, тут же плясали и прыгали как приносящие жертвы иступленные вакханки; сама Мессалина с распущенными волосами, размахивая тирсом, и рядом с нею увитый плющом Силий, оба в котурнах, закидывали голову в такт распевавшему непристойные песни хору. Передают, что в порыве веселости Веттий Валент взобрался на очень высокое дерево и, когда его спросили, что же он видит, ответил, что со стороны Остии надвигается страшная гроза¹³.

Гроза действительно вскоре началась, ибо Клавдий вернулся в Рим. Он не сразу смог овладеть ситуацией — пожалуй, ему

впервые явно изменило самообладание. Его близкий друг Луций Вителлий, пребывавший почти в такой же растерянности, пытался отделаться двусмысленными фразами. Но вольноотпущенник Нарцисс, на которого в это время была возложена власть над Римом, взялся покончить со смутой. Временно приняв на себя командование преторианской гвардией, он арестовал и казнил Силия. Мессалина, которая плакала и стонала, распростершись на земле в саду своей не особенно симпатичной матери, была убита гвардейским офицером.

Тацит, как он сам говорит, понимал, что эта запутанная история может показаться фантастической и не заслуживающей доверия. Между тем она предстанет в более реальном свете, если мы предположим, что речь шла не о сумасбродной выходке, а о попытке заговора. Целью заговорщиков было, вероятно, провозглашение императором Британика, семилетнего сына Клавдия и Мессалины; последняя, вместе с Силием, должна была стать регентшей.

От полученного удара Клавдий так и не оправился. Но даже такой инцидент не излечил его от женолюбия. Уже в следующем году у императора появилась новая жена, ставшая четвертой по счету. При содействии Палланта, сумевшего благодаря этому событию вытеснить Нарцисса с первого места среди вольноотпущенников императора, Клавдий женился на Агриппине Младшей. Агриппина, выросшая в ужасной атмосфере недоброжелательности, подозрений и преступного насилия, была в свое время приговорена Калигулой к ссылке. К описываемому времени она имела двенадцатилетнего сына, который, как она предложила Клавдию, должен был стать престолонаследником вместо Британика. По настоянию Агриппины ее сын был обручен с Октавией, дочерью Клавдия, а еще через год усыновлен императором под именем Нерон.

В этот период в истории Рима наблюдалось беспрецедентное явление — власть была сосредоточена в руках женщины.

...всем стала заправлять женщина, которая вершила делами Римской державы отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием, как Мессалина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке. На людях она выказывала суровость и еще чаще — высокомерие; в домашней жизни не допускали ни малейших отступлений от строгого семейного уклада, если это не способствовало укреплению ее власти. Непомерную жадность к золоту она объясняла желанием скопить средства для нужд государства¹⁴.

Приведенные слова Тацита — не преувеличение, об этом говорит тот факт, что Агриппина в двух отношениях поднялась выше Мессалины. Прежде всего она именовалась Августой, каковой чести до нее не удостаивалась ни одна императрица. Более того, ее портрет появился на золотых и серебряных монетах

империи, на которых она изображалась рядом с Клавдием и юным Нероном, — это также было беспрецедентным событием. На мероприятиях государственной важности Агриппина появлялась в великолепных нарядах или в одежде из золотых нитей. Однако она не останавливалась перед нанесением удара любому, кто мог бы представлять опасность для нее самой и ее сына.

Заявляя, что Агриппина по сути управляла государством, Тацит все же признает, что ей не всегда удавалось добиться желаемого. Так, сенат выразил однажды свое недовольство действиями императрицы, вынеся приговор одному из ее сторонников, Тарквитию Приску. Но в основном события действительно развивались так, как хотела Агриппина. Знаменитый писатель и оратор Сенека, в свое время пострадавший от Мессалины, был вновь приглашен в Рим и назначен воспитателем Нерона. Другой протеже Агриппины, Секст Афраний Бурр, происходивший из Вазiona (ныне Везон в южной Франции), получил должность префекта преторианской гвардии. Кроме них, на стороне Агриппины постоянно оставался Паллант.

Клавдий умер в октябре 54 г. н. э., в возрасте шестидесяти трех лет. Его смерть объясняли по-разному, но наиболее популярная версия сводилась к тому, что Агриппина накормила его отравленными грибами. Такое объяснение правдоподобно, но сказать, что оно единственно возможное, нельзя. Итальянцы и ныне часто умирают, спутав безвредный гриб *boletus edulis* с ядовитым *amanita phalloides*. Кроме того, Агриппина уже все подготовила для того, чтобы на престол после Клавдия взошел Нерон, и ей оставалось только дождаться смерти императора. Однако именно в промедлении заключалась для Агриппины наибольшая опасность: Нерону в то время было уже семнадцать, и, взожди он на престол хоть немного позднее, мать уже не понадобилась бы ему в качестве регентши.

Нет никаких оснований полагать, что после брака Клавдия с Агриппиной в управлении империи начались перемены к худшему. Ухудшение здоровья императора все же отразилось и на состоянии государственных дел — нечто подобное происходило и с предшественниками Клавдия. Наиболее проникательные древние авторы, те, кто не считал Клавдия марионеткой в руках своих приближенных, тонко подметили этот факт. Дион Кассий, например, обнаружил такое наблюдение в своих источниках. При этом и он, и Тацит очень точно указывают время, когда перемены к худшему стали заметны. Согласно Тациту, «брак принцепса (с Агриппиной) явился причиной решительных перемен в государстве».

Несмотря на то, что началом перемен следовало бы считать скорее заговор и падение Мессалины в предыдущем году, утверждение Тацита недалеко от истины. Клавдий очень болезненно воспринимал такие потрясения. Подобно многим другим импе-

раторам он жил в постоянном страхе, и его опасения не были лишены оснований. Вместе с тем, Клавдий был самым боязливым из всех правителей империи, и известия о заговорах надолго выводили его из душевного равновесия. Его физическая неполноценность, усугубленная чрезмерной занятостью, прожорливостью и пьянством, все более и более подрывала его способность управлять государством. Болезненная потеря Мессалины и женитьба на умной и предприимчивой Агриппине стали поворотным пунктом в этом процессе. Когда постаревший Август стал терять контроль над ситуацией, рядом с ним был надежный помощник и будущий император Тиберий, который не позволил режиму развалиться. Клавдий, находясь в еще более сложном положении, пошел на ставшее тревожным предзнаменованием нововведение, оперевшись на женщину, причем с ужасным характером. Таким образом, во главе Римской империи впервые за всю ее историю оказалась женщина.

Глава 6

НЕРОН

Луций Домиций Агенобарб, будущий император Нерон, родился в Анции (ныне Анцио) 15 декабря 37 г. н. э. Его отец, Гней Домиций Агенобарб, происходил из древнего и очень знатного рода. Матерью Нерона была Агриппина Младшая, дочь Германика и Агриппины Старшей. Когда мальчику было два года, Агриппину Младшую отправили в ссылку по распоряжению Калигулы. Еще через год умер Гней Агенобарб, наследство которого присвоил себе император. При Клавдии, однако, Агриппине было позволено вернуться из ссылки, и она смогла дать сыну хорошее образование. После ее брака с Клавдием в 49 г. н. э. воспитателем мальчика был назначен выдающийся писатель и оратор Сенека. Тогда же Луций был помолвлен с дочерью императора Октавией, ставшей в 53 г. н. э. его женой. Между тем в 50 г. н. э. он был усыновлен Клавдием, после чего принял имя Нерон Клавдий Друз Германик. После смерти Клавдия в октябре 54 г. н. э. притязания на престол Британика, собственного сына императора от Мессалины, были отвергнуты, и Агриппина с помощью префекта преторианской гвардии Бурра обеспечила передачу трона семнадцатилетнему Нерону.

Агриппина также добилась причисления Клавдия к лику богов и сама стала жрицей нового культа. Наряду с этим она некоторое время фактически управляла империей. Но уже с 55 г. н. э. ее положение стало быстро ухудшаться. Хотя Нерон к тому времени еще не оставил государственных дел, чтобы посвятить себя игре на сцене и другим развлечениям, бывшим его любимыми занятиями, управление империей в значительной степени сосредоточилось в руках Сенеки и Бурра, действовавших весьма эффективно и тесно сотрудничавших между собой. В 59 г. н. э. Нерон, опасаясь попытки мятежа, отдал распоряжение об убийстве матери. Неизвестно, были ли причастны к устранению матери Сенека и Бурр, но с этого времени им становилось все труднее сдерживать порывы Нерона.

Между тем римские войска под командованием лучшего полководца империи того времени Корбулона вели борьбу с

парфянами в Армении (58—60 гг. н. э.), а в Британии Гай Светоний Паулин разгромил яростно сопротивлявшихся участников восстания Боудикки (Боадицея). В 62 г. н. э. умер Бурр, и Сенека, чувствуя, что более не может занимать свою должность, ушел в отставку. Роль главного советника императора перешла к Тигеллину, ставшему вместе с Фением Руфом префектом преторианской гвардии. Тигеллин руководил возобновившимися процессами по делам о государственной измене, и знатных аристократов снова начали обвинять в причастности к заговорам и отправлять на казнь. Сам Нерон в это время развелся со своей женой Октавией, с которой, впрочем, уже давно не жил, и отдал распоряжение о ее казни. Новой супругой императора стала Пoppея, родившая ему в 63 г. н. э. дочь, которая умерла еще ребенком. В следующем году произошел великий пожар Рима; тогда же были начаты работы по строительству нового императорского дворца, получившего название «Золотой».

В 65 г. н. э., когда император дебютировал на римской сцене как певец, был раскрыт первый из многих заговоров, имевших целью его убийство. Знатный аристократ Гай Кальпурний Пизон был казнен. В ходе репрессий против заговорщиков лишились жизни также Сенека и Фений Руф. Освободившуюся после казни последнего должность префекта преторианской гвардии занял Нимфидий Сабин, сыгравший важную роль в подавлении заговора.

В следующем году поднялась новая волна репрессий. Ее жертвами стали несколько склонных к философии и стремившихся едва ли не к возрождению республики сенаторов, вождем которых был Тразея Пет. Вслед за этим было раскрыто еще несколько заговоров, и ведущие военачальники, в том числе великий полководец Корбулон и два брата, управлявшие Германией, были вынуждены покончить жизнь самоубийством (66 г. н. э.). Приказ об этом был передан им после того, как их вызвали в Грецию, где Нерон в это время проводил нечто вроде продолжительных гастролей, увенчавшихся показательным «освобождением» страны. В то же самое время Веспасиан, ставший впоследствии императором, выступил по приказу Нерона на подавление первого иудейского восстания, которое сами иудеи называли первой войной с римлянами. Но к тому времени уже ни один наместник или военачальник не мог чувствовать себя в безопасности. Нерон вернулся в Рим в январе 68 г. н. э., и уже через два месяца наместник Лугдунской Галлии Виндекс поднял восстание, закончившееся его поражением в мае того же года от наместника Верхней Германии Луция Вергиния Руфа в битве при Везонтионе (ныне Безансон). Через некоторое время легионеры Ближней Испании, поддержанные затем сенатом, провозгласили императором наместника этой про-

винции Гальбу. В решающий момент Нерона покинули Нимфидий Сабин и преторианцы, и 9 июня 68 г. н. э. он был вынужден покончить с собой.

От своих родителей, людей с тяжелым нравом, Нерон унаследовал невыносимый характер. Более того, в детстве он, как ранее Тиберий и Калигула, пережил немало неприятных событий, что наложило неизгладимый отпечаток на его натуру. Но в отличие от Калигулы он по крайней мере в последние годы до прихода к власти имел некоторую возможность подготовиться к ожидавшей его в будущем карьере.

С виду Нерон не был особенно красивым человеком. Будучи близоруким, он щурился и косил глазами. Рассказ о других деталях внешнего облика Нерона находим мы у Светония.

Росту он был приблизительно среднего, тело — в пятнах и с дурным запахом, волосы рыжеватые, лицо скорее красивое, чем приятное, глаза серые и слегка близорукие, шея толстая, живот выпирающий, ноги очень тонкие. Здоровьем он пользовался отличным: несмотря на безмерные излишества, за четырнадцать лет он болел только три раза, да и то не отказывался ни от вина, ни от прочих своих привычек. Вид и одеяния его были совершенно непристойны¹.

Нерон взошел на престол в возрасте семнадцати лет, то есть намного раньше, чем любой из его предшественников. Впервые за всю историю принципата император был на первых порах отстранен от управления государством из-за своей молодости.

Первые месяцы принципата Нерона были удивительным, не имевшим аналогов в римской истории временем, когда бразды правления находились в руках женщины. Речь идет об Агриппине Младшей, единственной женщине, по выражению Тацита, которая была дочерью знаменитого полководца, сестрой одного императора, женой другого и матерью третьего. Вступив на престол, Нерон в первый день своего правления дал преторианцам пароль «лучшая из матерей». Тогда же, как сообщает Дион Кассий, Агриппина стала «управлять за Нерона всеми делами империи».

Дошедшие до нас римские монеты того времени доказывают, что Дион Кассий не преувеличивает. Уже в конце правления Клавдия появились монеты с портретами Агриппины на одной стороне и самого императора — на другой. На первых монетах Нерона изображения юного императора и Агриппины помещены друг против друга на одной стороне. Но эти монеты говорят и о другом: Агриппина считалась более значительной фигурой, чем ее вступивший на престол сын. На золотых и серебряных монетах, отчеканенных, как свидетельствует надпись на них, в декабре 54 г. н. э., имя и титул Агриппины помещены на лицевой, более почетной стороне — аверсе, а Нерону отводится менее престижная оборотная сторона — реверс. При этом имя

Агриппины стоит в именительном падеже, что обычно для имен правителей, а имя Нерона — в дательном. Можно сделать вывод, что эти монеты только посвящены Нерону, но начеканены по приказу Агриппины. Во всей истории империи это был первый и последний случай, когда женщина объявляла себя стоящей выше императора.

Мы знаем и о других эпизодах, когда проявления беспрецедентного возвышения Агриппины шокировали окружающих.

...притаившись за недавно пробитыми позади их (сенаторов) сидений дверьми, Агриппина, скрытая от их взоров занавесом, могла слышать все, что они говорили. Больше того, как-то раз, когда Нерон принимал армянских послов, отстаивавших перед ним дело своего народа, она возымела намерение подняться на возвышение, на котором он находился, и сесть рядом с ним, что и случилось бы, если бы Сенека, когда все оцепенели, пораженные неожиданностью, не предложил принцепсу пойти навстречу подходившей к возвышению матери. Так под видом сыновней почтительности удалось избежать бесчестья².

Свое могущество Агриппина использовала для устранения всех потенциальных противников, в частности Марка Юния Силана, бывшего, как и Нерон, праправнуком Августа. Между тем головокружительное восхождение Агриппины к вершинам власти длилось недолго. Монеты второго выпуска, отчеканенные в 55 г. н. э., показывают, что уже в это время ее позиции начали ослабевать. На новых монетах изображения Агриппины и Нерона помещены не одно напротив другого, а одно на другом, причем лица обращены в одну и ту же сторону, а верхний портрет частично закрывает собой нижний. Верхний портрет — это портрет Нерона. Имена и титулы матери и сына также поменялись местами. Имя и титул Нерона помещены теперь на лицевой стороне монеты. Эти видимые изменения не случайны. После 55 г. н. э. изображение Агриппины более никогда не появляется на выпущенных государством монетах. Жить Агриппине оставалось еще четыре года, но она уже не находилась в центре политической жизни.

В начале 55 г. н. э. на пиру во дворце скончался Британик, сын Клавдия и Мессалины. В его гибели обвиняли Нерона, хотя доказать вину императора невозможно. Агриппина, как полагали некоторые, была потрясена случившимся, ибо, предположительно, собиралась возвести Британика на престол взамен своего неблагодарного сына. Вряд ли, однако, можно утверждать, что к тому времени Агриппина отчаялась настолько, что стала думать о передаче трона Британику, которого до этого сама отстранила от власти, чтобы сделать императором Нерона. Сознание того, что ее могущество постепенно уходит в прошлое, было столь невыносимо для Агриппины, что ее озлобленность вновь и вновь прорывалась наружу. Даже когда Нерон подарил ей великолепное платье, она с неприязнью заметила, что это только часть

из того, что ей причитается. Ослабление позиций Агриппины стало еще более очевидным после того, как Нерон удалил ее из императорского дворца и поселил в отдельном доме, положив тем самым конец устраивавшимся ею роскошным приемам на Палатине. Навещая мать в ее новом жилище, он приходил в окружении гвардейских офицеров, наскоро целовал и тотчас же удалялся. Такое обращение Нерона с Агриппиной было еще одним признаком того, что ее всевластие пришел конец.

Отстранение Агриппины от власти было большим успехом двух наиболее видных приближенных Нерона, Сенеки, превратившегося из воспитателя императора в его советника, и префекта преторианской гвардии Бурра. Вообще говоря, лишенное какого-либо соперничества сотрудничество между двумя ведущими советниками императора было само по себе замечательным явлением. Сенека и Бурр прекрасно ладили между собой, и, хотя источники преувеличивают их влияние и, наоборот, умаляют роль других придворных, следует признать, что именно они управляли империей в то время, когда Нерон был еще совсем молодым.

Ни Сенека, ни Бурр не были причастны к гибели Британика; более того, не исключено, что она поставила их в затруднительное положение. Но со всевластием Агриппины покончили именно они. Сделать это им было необходимо крайне быстро, ибо Нерон без всякого побуждения со стороны стал возмущаться ее поведением, а однажды со злостью назвал Бурра ее протеже. Демонстрируя верность императору, Сенека и Бурр попытались убедить озлобленную Агриппину перестать вмешиваться в государственные дела. Агриппина, однако, лишь посмеялась впоследствии над ученым языком Сенеки и назвала Бурра, у которого была повреждена рука, калекой.

Сенека, сын всадника, происходившего из консервативной италийской семьи, обосновавшейся в Кордубе (ныне Кордова в Испании), — один из наиболее интересных персонажей римской истории. В юности он увлекался оккультизмом, был подвержен сильным неврозам и постоянно страдал от болезней, мучивших его настолько, что он не раз помышлял о самоубийстве. Оратор и философ, автор очерков и трагедий, Сенека приобрел большую известность уже при Калигуле, с сестрой которого, Юлией Ливиллой Младшей, он, как утверждали, состоял в незаконной связи. За этот проступок Сенека был отправлен Клавдием в ссылку, но впоследствии Агриппина призвала его обратно в Рим и позволила занять место при дворе. Впоследствии Сенека отвернулся от нее и вместе с Бурром стал управлять империей самостоятельно.

Власть, которой пользовался Сенека, напрямую зависела, однако, от степени его влияния на молодого императора. Когда Нерон готовился выступить на первом после его воцарения за-

седании сената, Сенека составил для него речь, ставшую образцом скромности и корректности. Через год или два философ написал трактат «О милосердии», в котором красноречиво рекомендовал императору быть мягким и снисходительным к своим подданным, что впоследствии вызвало восхищение у Кальвина и Корнелия. Между тем милосердие — черта, присущая властелину, и Сенека играл с огнем, когда подчеркивал, какой огромной властью располагает Нерон.

Следует ли понимать, что именно меня избрали из всех смертных и сочли достойным вершить дела богов на земле? — такие слова вкладывает он в уста императора в одном из своих произведений. — Данной мне властью я могу решать вопросы жизни и смерти всех народов. Лишь от моего решения зависит жизнь и судьба всякого племени и человека³.

Указание бывшего воспитателя на неограниченную власть императора вскружило голову Нерону, которого уже тогда начало развращать его положение. Помимо рассуждений о власти, в произведениях Сенеки можно найти несколько интересных фрагментов, в которых он стремится оправдать взятую им на себя роль. Будучи в глубине души искренним сторонником философии стоицизма, он решил стать советником Нерона, следуя примеру Платона, который также пытался поучать монархов. Пребывание на посту советника императора и принадлежность к блестящему двору со всеми его преступлениями и причудами казались несовместимыми с принципами философа, но Сенека в своих произведениях смог примирить эти противоположности.

Не следует мне умножать власть его во зло, равно как не следует и укреплять в нем способность к разрушению. Но если дано мне вновь пробудить в нем доброту, причем без ущерба для общества, то я воспользуюсь этой возможностью. Если ребенок его будет погибать, я спасу его, ибо таким образом не сделаю ничего плохого людям, пострадавшим от жестокости правителя; в то же время, я никоим образом не буду помогать его приспешникам. Если он мечтает о мраморных изваяниях или красивых одеждах, которые не причинят никому никакого вреда, я буду поддерживать его в этом стремлении, но не дам ему ни воинов, ни оружия. Если же он попросит меня сделать ему одолжение и прислать актеров и женщин, которые вкупе с другими развлечениями могут смягчить его жестокий нрав, я охотно найду их для него⁴.

Наградой Сенеке стали огромные богатства, преподнесенные ему Нероном. В том, что философ принимает такие дары, читаем мы у Сенеки, нет ничего дурного.

Отказаться от подарка значит навлечь на себя гнев могущественного правителя, который может сделать так, чтобы ко всему, что он дает, относились с почтением. Независимо от того, отказываетесь ли вы подарить ему что-либо или, наоборот, принять его подарок, вы наносите

ему оскорбление, которое окажется более тяжелым во втором случае, ибо гордеца задевает скорее когда им пренебрегают, нежели когда его боятся⁵.

О Бурре, верном соратнике Сенеки, делившем с ним бремя власти, достоверно известно немного, ибо Тацит намеренно вводит нас в заблуждение. В его произведении Бурр изображается опытным военачальником, выражающимся с солдатской прямоотой, и предстает как полная противоположность своему ученому товарищу. Между тем представлять Бурра грубоватым служакой значит грешить против истины, ибо он, как гласит одна известная нам надпись, сделал себе карьеру на гражданской службе, выполняя личные и финансовые поручения сначала Ливии, затем Тиберия и Клавдия. Военачальником же он стал лишь незадолго до описываемых событий, когда был назначен префектом преторианской гвардии.

Находясь на этом посту, Бурр был ценным союзником для Сенеки, не пользовавшегося поддержкой военных. Но и он тоже сильно нуждался в Сенеке, ибо последний, ставший в 56 г. н. э. консулом, имел лучшие возможности обеспечить новым правителям империи хорошие отношения с сенатом, что сам Бурр, будучи всего лишь всадником, был неспособен сделать.

Сенека хорошо справился со стоявшей перед ним задачей, ибо как император, так и его администрация пользовались большой популярностью и в сенате, и где бы то ни было. Многие говорили тогда, что Нерон в лучшую сторону отличается от Клавдия, обожествление которого в условиях, когда Агриппина, бывшая его вдовой и жрицей его культа, уже не имела прежней власти, стало мишенью для насмешек и острот.

Основная идея первого выступления Нерона перед сенаторами заключалась в том, что сенату и консулам должны быть возвращены их прежние полномочия. Действительно, в первые годы правления Нерона сенат и сформированный императором из его членов консультативный совет действовали в условиях большей безопасности и проявляли большую инициативу, чем в предыдущие времена. Видимым проявлением этого стала надпись на чеканившихся с конца 55 до 60—61 гг. н. э. монетах *EX S(enatus) C(onsulto)* (по решению сената). Введение такой надписи было жестом, если и не имевшим никакого практического значения, то, во всяком случае, исполненным видимого почтения к сенату.

В первые годы правления Нерона, когда в государстве царил согласие, был осуществлен ряд важных административных реформ. Так, наместникам провинций и чиновникам было запрещено требовать с населения большие суммы денег на организацию гладиаторских боев. В самом Риме предпринимались меры по укреплению общественного порядка и недопущению

нию мошенничества, а также важные реформы, касавшиеся поступления денег в государственную казну. Более того, в эти годы сам император, выйдя из юношеского возраста, сделал немало хороших и полезных дел. Обещав в самом начале своего правления сенату стать честным и квалифицированным судьей, Нерон отказался от манеры Клавдия разбирать все дела самостоятельно и регулярно, в лучших имперских традициях, отправляясь в суд, решал только вопросы, входившие в компетенцию принцепса. Тогда же он пошел на некоторые конструктивные и целесообразные нововведения.

Правя суд, он отвечал на жалобы только на следующий день и только письменно. Следствия вел он обычно так, чтобы вместо общих рассуждений разбиралась каждая частность в отдельности с участием обеих сторон. Удаляясь на совещание, он ничего не разбирал открыто и сообщал: каждый подавал ему свое мнение письменно, а он читал их молча, про себя, и потом объявлял угодное ему решение, словно это была воля большинства⁶.

Но некоторые происшедшие тогда же события вызвали у Нерона глубокое разочарование, что впоследствии крайне негативно сказалось на его характере. Молодой император выдвинул несколько прогрессивных и либеральных идей, но в условиях римского общества того времени провести их в жизнь оказалось невозможным. Так, при проведении игр или зрелищ в цирках и театрах обычно стояли многочисленные караулы из преторианцев. Посчитав эту меру ненужной, Нерон в конце 55 г. н. э. распорядился более не выставлять их. Поступая так, император стремился не только предотвратить падение дисциплины среди преторианцев, но и «создать видимость большей свободы... и проверить на опыте, сможет ли простой народ соблюдать благопристойность и после удаления стражи». Несмотря на столь благие намерения Нерона, на практике его указ привел лишь к серьезным потасовкам между поклонниками разных танцоров, и в следующем году пост был восстановлен, а артисты, несмотря на нежелание императора пойти на такую меру, высланы из Италии.

Можно предполагать, что в необходимости принять эти трудные решения Нерона убедили Сенека и Бурр. Сходным образом, как представляется, развивались события и в другом случае, связанном, однако, с более важными делами. В 58 г. н. э. император предложил отменить сбор пошлин во всех частях империи. Побудил его к этому огромный поток жалоб на действия откупщиков, которые по традиции издавна занимались этим. Тацит пишет, что Нерон хотел «предоставить роду человеческому прекраснейший дар». В словах историка, однако, чувствуется сарказм, ибо, если бы идею императора начали претворять в жизнь, потери пришлось бы возмещать посредством соразмерного увеличения налогов, а надеяться на то, что отмена пошлин стиму-

лирует торговлю и делает это возможным, было весьма рискованно. Поэтому, восхваляя во весь голос аристократическую щедрость Нерона и действительно принимая некоторые меры для того, чтобы пресечь злоупотребления, советники императора в то же время убедили его отказаться от своей идеи.

Еще более болезненно отзывалось в сердце молодого императора противоречие между его вполне искренним желанием обойтись без кровопролития и прискорбными реалиями жизни римского общества, в котором оно не находило поддержки. Воздвигнув в 57 г. н. э. деревянное здание амфитеатра (этот амфитеатр был предшественником построенного впоследствии из камня Колизея), на арене которого гладиаторы должны были биться между собой или против диких зверей, Нерон, питавший отвращение к убийству во всех его формах, запретил вести схватки до смерти бойцов, даже если те были осужденными на казнь преступниками. Такое поведение императора хорошо согласуется с идеями Сенеки, который впервые в истории недвусмысленно выступил против убийства гладиаторов на арене, противного его стоическим идеалам братства людей. Но приказ Нерона так и остался на бумаге, а сам император вскоре должен был дать разрешение вести бой до смерти, и такие поединки возобновились. Целью, во имя которой Нерон отказался от своего первоначального замысла, было сохранение уважения к себе народных масс. Римские городские низы любили императора как правителя и переносили на него свои симпатии к правящей династии, а он, в свою очередь, никогда не забывал устраивать бесплатные раздачи хлеба и денег. Но лишать людей возможности насладиться зрелищем убийства гладиатора было бы все-таки слишком неосторожным политическим шагом. Можно спросить себя, какую позицию занял при обсуждении этого вопроса Сенека. Очевидно, подобная дилемма должна была не раз встать перед этим человеком, бывшим одновременно и философом, и советником римского императора.

Если Нерон считал, что кто-либо представляет для него опасность, он не задумываясь отправлял его на казнь. Во всех остальных случаях император негативно относился к решениям о лишении человека жизни — даже тогда, когда смертный приговор выносил суд. Когда однажды ему поднесли на подпись указ о казни какого-то преступника, он воскликнул: «О, если бы я не умел писать!» На Сенеку страшные римские казни также производили самое отталкивающее впечатление, даже если им подвергались рабы, которых он как стоик считал такими же людьми, как и все.

Нетрудно представить себе, каким ударом стало для Сенеки и императора убийство в 61 г. н. э. префекта города Рима Луция Педания Секунда, родом так же, как и Сенека, из Испании. Убийцей оказался один из рабов Луция, приревновавший к нему мальчика из его имени. Древний обычай, основанный на страхе

римлян перед бунтом, требовал карать в таких случаях смертью не только убийцу, но и всех других рабов, принадлежавших тому же хозяину.

Педаний владел четырьмя сотнями рабов, среди которых были женщины и дети. Их участь вызвала у римлян самое живое и непосредственное сочувствие. Пока вопрос о казни рабов обсуждался в сенате, на улице вокруг здания стояли сотни горожан, искренне желавших спасти от смерти ни в чем неповинных людей. Но в дебатах в сенате победили сторонники традиционной точки зрения, согласно которой отказ от применения силы для удержания рабов в повиновении мог повлечь за собой крах римского общества, и было вынесено решение о смертной казни. Люди, однако, не расходились и, вооружившись камнями и факелами, приготовились не дать привести приговор в исполнение. Нерон был вынужден издать особый эдикт, в котором осуждал их действия. Вслед за этим рабы были преданы казни.

Согласиться на казнь рабов было для Нерона и Сенеки мучительным испытанием. Но Сенека обладал более крепкими нервами или во всяком случае мог найти себе утешение и оправдание в философии или казуистике. На Нерона же случившееся оказало куда более серьезное воздействие. Постепенно он стал приобретать отвращение к государственным делам. Обязанности императора перестали интересовать его.

Занятия государственными делами никогда не были любимым времяпровождением Нерона. С куда большим удовольствием он ходил в цирк и театр, пел, выступал на сцене, танцевал и писал стихи. В этом отношении он был сходен с Калигулой, хотя последний предпочитал поэзии гладиаторские бои, к которым Нерон не испытывал особой любви. Но между ними было и одно значительное различие: эксцентричный Калигула, отличавшийся бившей через край энергией, наслаждался развлечениями и даже сам участвовал в них, но исключительно как любитель, а Нерон был всецело предан театру и цирку и мечтал полностью посвятить себя карьере артиста. Но как мог император, ежедневно сталкивавшийся с нескончаемым потоком больших и малых дел, заниматься которыми было его обязанностью, найти время и для выступлений на сцене? И мог ли он преодолеть отвращение и смятение, которые это его казавшееся невероятным стремление, несомненно, должно было вызвать у сенаторов?

Но, несмотря ни на что, Нерон пригласил к себе знаменитого в то время кифареда Терпна, чтобы научиться его искусству, а также стал упражняться в пении.

Он не упускал ни одного из средств, какими обычно пользуются мастера для сохранения и укрепления голоса: лежал на спине со свинцовым листом на груди, очищал желудок промываниями и рвотой, воздерживался от плодов и других вредных для голоса кушаний. И хотя

голос у него был слабый и сиплый, все же, радуясь своим успехам, он пожелал выступить на сцене: “Чего никто не слышит, того никто не ценит”, — повторял он друзьям греческую поговорку⁷.

Император хотел также стать поэтом, и нам не следует полностью принимать на веру слова Тацита, считавшего его стихи дурными. Утверждение историка о том, что стихи Нерона были составлены из строк, взятых им у других авторов, опровергает Светоний. Последний, возможно, тоже не совсем справедлив, когда называет голос императора «слабым и сиплым». Думается, что Нерон был не таким плохим певцом, как считали просенатски настроенные авторы: он не стал бы так увлекаться искусствами, если бы не имел к ним никаких способностей.

Время, свободное от артистических упражнений, Нерон посвящал удовлетворению собственных желаний и прихотей. В ранней юности он по ночам с шумом и криками носился по Риму. После таких походов он несколько раз возвращался домой покрытый синяками и, чтобы не допустить этого впредь, принял однажды решение выходить по ночам лишь в сопровождении телохранителей и гладиаторов. Очень много времени трагил Нерон на роскошные пиры, хотя и не был так неумерен в еде и питье, как его предшественник Клавдий. Иногда эти пиры длились по двенадцать часов, с полудня до полуночи, и прерывались лишь для того, чтобы император мог освежиться в купальне теплой или, если стояло лето, охлажденной снегом водой. Хотя здоровье Нерона оставалось хорошим, затяжные пирушки в значительной степени сводили на нет результаты его ежедневных вокальных упражнений, а кроме того, оставляли ему слишком мало времени для занятий государственными делами.

Немало времени отнимали у Нерона и любовные утехи — даже если только десятая часть ходивших о его увлечениях историй имела под собой какое-то основание. О личной жизни любого из императоров ходило множество слухов, однако Нерон в этом отношении явно выделяется среди всех остальных. Рассказы о похождениях Нерона приписывают ему самые разнообразные склонности; согласно им, император имел сношения не только с полностью нормальными и привлекательными молодыми женщинами, но и со своей матерью Агриппиной, мужчинами старше его самого, евнухами, а также мальчиками, одним из которых был Британик. Одна надпись на стене, открытая в Помпеях и сделанная рукой наложника, гласит, что Нерон удовлетворял с ним свою похоть четыре раза. Для психоаналитика наибольший интерес представляло бы, пожалуй, утверждение Диона Кассия о том, что император «привязывал обнаженных юношей и девушек к столбам, а затем, накинув на себя шкуру дикого зверя, набрасывался на них и удовлетворял свои низменные желания, делая вид, что пожирает их»⁸. Правда, определить, действитель-

но ли император вел себя таким образом или же приведенный фрагмент представляет собой плод разыгравшегося воображения безвестного автора, произведение которого использовал Дион Кассий, весьма не просто. На самом деле, в какой мере следует верить многочисленным историям о распутной жизни Нерона?

В литературной традиции образ Нерона как развратника держится упорно, и можно предположить, что рассказы о его любовных утехах не лишены оснований. Чувство вседозволенности, в конечном счете, было частью духа того времени. Сам император говорил друзьям, что на свете нет человека целомудренного и хоть в чем-нибудь чистого, и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки. Более того, даже наиболее видные советники Нерона в определенной мере потакали его склонностям. Писатель и поэт Петроний, занимавший в правление Нерона должность консула, а также бывший близким другом императора и законодателем изящного вкуса при дворе, писал:

Кто же не знает любви и не знает восторгов Венеры?
Кто воспретит согревать в теплой постели тела?⁹

О том, как реагировали на поведение императора другие влиятельные политики империи, мы знаем достаточно мало. Но вряд ли выходки Нерона вызывали у них серьезное беспокойство, за исключением, пожалуй, его идеи вступить в брак с вольноотпущенницей Актой, что, разумеется, было невозможно для человека, носившего титул императора. Значительно больше их тревожило то, что Нерон, увлекаясь скачками, театром и музыкой, уделял все меньше внимания государственным делам. Сенеку и Бурра даже обвиняли в том, что они негласно потворствовали этому, стремясь сосредоточить в своих руках как можно больше власти. Более вероятно, однако, что, убедившись в невозможности побороть склонности Нерона, советники попытались, по выражению Тацита, «направить прискорбные увлечения императора в допустимое русло», иначе говоря, не дать им приобрести скандальную известность.

Мать императора, однако, находила растущее увлечение сына искусством достойным лишь сожаления. Живя в заточении, которое, разумеется, само по себе порождало у нее неприязнь к Нерону, она не могла не чувствовать отвращения к его недостойному императора, даже противному традициям империи поведению. Поступки императора, в частности, то, как он одевался, казались нелепыми и чуждыми римским обычаям. Когда он завивал волосы рядами, становясь похожим на обычного колесничего, это еще можно было принять, ибо такая прическа была выражением грубой мужественности. Но Агриппина никак не могла примириться с любовью сына к утонченным греческим нарядам, похожим на одежду женщин. Так, Нерон часто появлялся на людях в ярком платье, напоминавшем широкоую, ниже

пояса тогу, и в тунике. Голову при этом он повязывал столь же ярким платком. Римляне временами одевались так, но только дома, когда были скрыты от глаз посторонних, и лишь женщины могли позволить себе выйти в таком наряде на улицу. Нерон фактически стал одеваться как женщина. Иногда он носил небольшую цветастую тунику, короткое платье без пояса с разукрашенным муслиновым воротником.

У Агриппины склонности Нерона вызывали, очевидно, самую резкую критику. На этом этапе мы уже подходим к пониманию того, что стало причиной ее убийства в 59 г. н. э., преступления, совершив которое, Нерон на долгие годы приобрел репутацию злодея.

Рассматривая историю правления Нерона, мы замечаем, что устранение видных деятелей в это время осуществлялось как бы по одной и той же схеме. Первоначально, когда по каким-либо причинам тот или иной человек начинал казаться подозрительным, его устранили с политической арены, причем не казнили, а лишь лишали должности или отправляли в изгнание. Только через несколько лет, в течение которых такие люди как правило не играли никакой заметной роли в политике, их казнили или заставляли покончить с собой. Причина этого заключалась в том, что люди, на которых возлагалась обязанность следить за попавшими в опалу, или просто недруги последних доносили императору, что они ведут подстрекательские беседы или даже пытаются организовать заговор. В большинстве случаев мы не можем сказать, действительно ли эти люди были неосторожны в своих высказываниях или вынашивали планы заговора. Но ни один император, даже Клавдий, не опасался за свою жизнь больше, чем Нерон, который, если его охватывал страх, мгновенно забывал все свои человеколюбивые намерения.

Нечто подобное произошло и в случае с Агриппиной. В 59 г. н. э. император, узнав о том, с каким осуждением говорит о нем мать в беседах с людьми, дружбу с которыми ей удалось сохранить решил, что речь идет не только о неприятии его увлечения искусством, но и о планах заговора. Возможно, в этом была какая-то доля правды, однако, даже если Агриппина действительно пыталась что-то предпринять в этом направлении, ее интриги вряд ли могли представлять для императора какую-то опасность, ибо она уже четыре долгих года не пользовалась никаким влиянием в политике. Но, как бы то ни было, отношение Агриппины к Нерону настолько вывело его из себя, что он в конце концов организовал ее убийство.

Хитроумный план, избранный императором для достижения своей цели и предполагавший гибель Агриппины в подстроенном кораблекрушении в Неаполитанском заливе, произвел на Тацита такое впечатление, что историк считает это убийство одной из самых лучших операций, которые Нерон когда-либо осуществлял. История, которую рассказывает Тацит, ужасает читателя

настолько, что Вольтер даже не хотел верить в ее подлинность. В общем и целом версию Тацита можно принять, хотя рассказ о причинах, побудивших Нерона решиться на убийство матери, кажется чересчур сентиментальным, но был ли причастен к этому его элегантный друг, будущий император Отон, и, если да, то какую именно роль он играл, существуют противоречия. Между тем первая попытка покушения была безуспешной: корабль, на котором плыла Агриппина, потерпел крушение, но ей удалось спастись вплавь и добраться до какой-то лодки, доставившей ее на берег. Однако, Агриппина была вскоре убита двумя посланными Нероном офицерами флота, которые умертвили ее ударами мечей.

Знали ли Сенека и Бурр о готовившемся покушении? Сейчас мы можем основываться лишь на сообщении Тацита о том, что неизвестно, были ли они посвящены в замыслы императора. Историк, очевидно, совершенно справедливо, добавляет, что, были ли Сенека и Бурр осведомлены о планах Нерона или нет, узнав о неудачной попытке покушения, они пришли к выводу, что Агриппина больше не должна жить.

После гибели матери Нерон опасался, что весть о ее убийстве вызовет брожение в стоявших на границе войсках, в которых Германик, отец Агриппины, по-прежнему пользовался большим уважением. Но ничего серьезного не произошло. Сохранялось спокойствие и в Риме. Приблизительно через неделю после убийства, 28 марта, арвалии — элитарная корпорация, в которую входили многие влиятельные аристократы — должны были устроить в городе одну из своих церемоний, периодически повторявшихся и сводившихся к принесению жертв во имя процветания императорского рода. Однако, как узнаем мы из одной дошедшей до нас надписи, на этот раз высокопоставленные жрецы были вынуждены отменить ритуал: не будучи осведомленными о том, что произошло, они боялись неверно расставить акценты. Но 5 апреля арвалии все-таки устроили жертвоприношение: к тому времени ситуация прояснилась, и сенат уже вынес постановление по поводу прошедших событий. Нерон сам проинформировал сенаторов о случившемся: «Я не могу поверить, что она мне больше не угрожает. Но радости по этому поводу я не испытываю». На самом же деле Нерон, разумеется, чувствовал большое облегчение. Сходные чувства владели и сенаторами; они ненавидели Агриппину и с радостью объявили ее врагом отечества, пытавшимся организовать покушение на императора, но поплатившимся за свои преступления жизнью.

Убийство Агриппины не привело к серьезному политическому кризису, ибо мать императора уже давно не пользовалась никаким влиянием. Между тем Тацит, как представляется, справедливо замечает, что после ее гибели Нерон сильно изменился. Пока мать была жива, ее крайне негативное отношение к увлечениям сына скачками и театром не давало ему возможности

предаться им полностью, что немало его раздражало. Теперь же все это было в прошлом, и поколебать стремление Нерона начать выступать в цирке и в театре не могло уже ничто. Более того, Нерон был готов подвести под свои желания солидную базу, ссылаясь на вековые традиции и обычаи.

Уже давно он был одержим страстным желанием усовершенствоваться в умении править квадригой на ристалище и не менее постыдным влечением овладеть ремеслом кифареда. Он говорил, что конные состязания — забава царей и полководцев древности: их воспели поэты, и они устраивались в честь богов. А музыке покровительствует Аполлон, который, будучи величайшим и наделенным даром провидения божеством, во всех изваяниях, не только в греческих городах, но и в римских храмах, изображен с кифарой в руках¹⁰.

Советники императора, как и раньше, делали все, чтобы увлечения Нерона нанесли как можно меньший урон его престижу. Они соглашались дать императору возможность выйти на арену, если ему так того хотелось. Но вместе с тем они были полны решимости ограничить число зрителей узким кругом избранных.

62 г. н. э. стал переломным в правлении Нерона. В этом году с политической сцены исчезли и Бурр, и Сенека. Первым ушел Бурр, который, вероятно, не был умерщвлен по приказу императора, как утверждают источники, а умер или от язвы в горле, или, возможно, от рака.

На место Бурра были назначены два новых префекта преторианской гвардии. Один из них, Фений Руф, пользовался большой популярностью, но был не опасен. Другой, Гай Софоний Тигеллин, сицилиец низкого происхождения, прошел к тому времени интересный, хотя и не вполне внушавший к нему доверие жизненный путь. В свое время Калигула, подозревая, что Тигеллин состоял в незаконных отношениях с самой меньшею двумя из его сестер, отправил его в ссылку. Какой-то срок Тигеллин прожил в Греции, где занимался рыболовством, а затем переехал в южную Италию и стал разводить скаковых лошадей, в чем добился большого успеха. Тацит, питавший неприязнь к людям, которых он считал выскочками, представляет его одиозной фигурой. Между тем Нерон, очевидно, опирался на Тигеллина не только потому, что последний разделял его любовь к шумным пирам и лошадям; новый командир преторианцев хорошо разбирался в тайных делах и мог защитить императора от угрозы заговора.

Посчитав, что не сможет ужиться с Тигеллином, Сенека попросил императора отпустить его на покой. Тогда Сенеку все чаще порицали за то, что, служа императору, он скопил огромные богатства, и Сенека чувствовал, что без надежного товарища уже не сможет действовать как прежде. Кроме того, ему становилось все труднее и труднее оказывать благотворное воздейст-

вие на поступки Нерона. Сенека всегда утверждал, что был искренен в своих отношениях с императором, и дошедшие до нас его произведения весьма достоверно отражают его позицию. Сотрудничество с диктатором, писал он, возможно лишь в определенных пределах. «Мудрец остерегается силы, которая может причинить ему вред; если в государстве разложение достигло такого уровня, что ничего нельзя исправить, и его захлестывает зло, философ должен прекратить стараться понапрасну». Сейчас, когда во власть пришел Тигеллин, а император уделял все меньшее внимание государственным делам, предпочитая тратить время на вызывавшие у сенаторов отвращение забавы, Сенека почувствовал, что стараться впустую более не стоит. Отойдя от дел, он уединился и стал вести едва ли не затворническую жизнь. При этом он хотел отказаться и от своих богатств, но император, без сомнения, не принял такого дара.

Новый режим скоро проявил себя. При попустительстве Тигеллина император отважился развестись с Октавией и жениться на очаровательной Поппее, супруге своего друга Отона. Устранение совершенно безобидной Октавии, дочери Клавдия и потомка жены и сестры Августа, должно было вызвать неприятный резонанс, особенно в армии, и Бурр, как утверждали, в свое время возражал против развода. Но Тигеллин выдвинул против Октавии грязное обвинение в распутной жизни, ее осудили и сослали на один из островов в Средиземном море, а вскоре казнили. Можно предполагать, что авторы этих мер считали небезопасным оставлять удаленную из дворца Октавию на свободе, ибо вокруг нее могли начать собираться потенциальные мятежники. Но жестокость, с которой бывшая жена императора была подвергнута унижительной казни, указывала на то, что Нерон уже не мог совладать со своими страхами и подозрениями.

Хотя Тигеллин весьма умело играл на опасениях императора, он не очень хорошо представлял себе, какие позиции занимает сенат, и, недооценивая вследствие этого вполне реальной опасности, которой подвергал себя Нерон, увлекаясь музыкой и театром, продолжал потакать его желаниям. Ограничение числа зрителей на выступлениях Нерона ушло в прошлое. В 64 г. н. э. народ был впервые допущен на представление, на котором выступил император.

Дебют Нерона на сцене общедоступного театра состоялся в Неаполе, городе, населенном греками. Нерон был большим поклонником эллинистической культуры, чем любой из его предшественников, и желал впервые выступить именно перед греками, ибо, как он говорил, «только они умеют его слушать, и только они достойны его стараний». Выйдя на сцену, Нерон исполнил свою песнь даже несмотря на землетрясение, от которого дрогнул театр, и зрители высоко оценили его исполнение. После этого император выступал еще нескольких дней, причем и тогда, когда давал себе отдых для восстановления голоса, яв-

лялся в театр вечером прямо из бани, устраивал многолюдный пир, и собравшиеся слышали, как он по-гречески объявлял, что, едва лишь промочит горло, громко споем что-нибудь.

Оставалось выступить в столице. Простые жители Рима уже давно могли наблюдать, как император на ристалище управляет колесницей, и это доставляло им удовольствие. В 65 г. н. э. Нерон впервые спел на римской сцене. Это выступление, состоявшееся на возобновленных и устроенных по греческому образцу Нероновых состязаниях, вызвало немало насмешек. Так, рассказывали, что, когда Нерон исполнял роль безумного Геркулеса, какой-то молодой новобранец, увидев императора одетым в лохмотья и закованным в цепи, бросился на сцену выручать его. Выступая на сцене, Нерон играл и женские роли, для чего использовал маски, напоминавшие лица женщин, бывших его любовницами и фаворитками. Одна из трагедий, в которых он играл женщину, была «Роды Канаки». С этой ролью был связан следующий анекдот: «Чем занимается император? — Рожает». Как утверждают источники, иногда действительно случалось так, что дети появлялись на свет прямо во время представления, ибо из-за строгих мер безопасности даже беременным женщинам не разрешалось выходить из театра. «Многие, — пишет Светоний, — не в силах более его слушать или хвалить, перелезали через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках».

Несмотря на свою любовь к музыке, Нерон испытывал сильное и даже смехотворное волнение, выходя на сцену.

При соревновании он тщательно соблюдал все порядки: не смел откашляться, пот со лба вытирал руками, а когда в какой-то трагедии выронил и быстро подхватил свой жезл, то в страхе трепетал, что за это его исключат из состязания, и успокоился тогда лишь, когда второй актер ему поклялся, что никто этого не заметил за рукоплесканьями и кликами народа¹¹.

Таково было положение в Риме к концу первого десятилетия правления Нерона. Но разыгрывавшиеся в столице трагикомедии практически не затрагивали периферию, ибо управление провинциями по-прежнему оставалось на должном уровне, а процветание, отраженное в «Обеде Трималхиона» Петрония, продолжалось. Лишь на дальних окраинах империи шли военные действия. В Британии расширение римских владений, отмеченное захватом Гаем Светонием Паулином оплота друидов на острове Мона (ныне Энглси) было на некоторое время приостановлено восстанием в восточной Англии народа иценов под водительством Боудикки. Восстание было вызвано действиями римских сборщиков налогов, а также нежеланием британцев возвращать с процентами заем, предоставленный им в свое время Сенеккой. В 60 г. н. э. восставшие взяли Камулодун (ныне Колчестер), Лондиний (Лондон) и Веруламий (Сент-Олбанс), пере-

бив 70 тысяч римлян, или романизированных британцев. Впоследствии, однако, войска Боудикки были разбиты при Этерстоуне (в нынешнем графстве Уорвикшир), после чего война за независимость Британии была практически закончена.

В то же время в Малой Азии большая римская армия под командованием Гнея Домиция Корбулона боролась с парфянами за контроль над Арменией. В 58—60 г. н. э. римляне смогли занять Армению, однако в 62 г. н. э. войска Цезенния Пета были разбиты при Рандее, недалеко от современного Элазига в восточной части Турции. В результате предпринятых Корбулоном действий, в следующем году влияние Рима в Армении было восстановлено. По заключенному с парфянами долгосрочному мирному договору их ставленник на армянском престоле Тиридат стал клиентом империи; в 66 г. н. э. он посетил Рим.

В самом Риме в это время политическая ситуация была далеко не самой лучшей. С уходом Сенеки и Бурра отношения Нерона с сенаторами ухудшились. Одним из первых мероприятий Тигеллина было возобновление процессов по делам о государственной измене; вслед за этим он послал убийц к двум римским аристократам, ибо те были более высокородными, чем сам Нерон. Новые опасения за безопасность императора появились в 64 г. н. э., когда распространились необоснованные подозрения, будто великий пожар, в результате которого множество горожан остались без крова, был инициирован самим Нероном, желавшим расчистить место для своего нового дворца, названного «Золотым». Вся ответственность за случившееся была возложена на небольшую христианскую общину Рима.

В том же 64 году н. э. были выпущены и самые прекрасные медные монеты, когда-либо чеканившиеся в империи. Яркий и выразительный портрет Нерона запечатлен на них с великолепной комбинацией помпезности и реализма. На реверсах монет помещены изображения и надписи, говорящие о благодеяниях, совершенных императором для римского народа. При этом на монетах можно увидеть даже завуалированное и выдержанное в духе респектабельной традиции указание на любовь Нерона к скачкам и театру — изображения военных действий и Аполлона, играющего на лире.

Но никакие пропагандистские меры, подобные упомянутым выше, не могли ликвидировать все более углублявшейся пропасти, разделявшей сенат и императора. В следующем году был раскрыт и подавлен новый заговор. Он известен как заговор Пизона, ибо, согласно Тациту и Светонию, его инициатором был Гай Кальпурний Пизон, представительный и красноречивый, хотя и довольно поверхностный аристократ. Но согласно версии, приводимой Дионом Кассием, в центре заговора стоял отнюдь не Пизон, а два других человека — один из префектов преторианской гвардии Фений Руф и Сенека. Ведущая роль в

заговоре принадлежала, по-видимому, Фению Руфу, недовольному тем, что его сотоварищ Тигеллин вышел на первый план, оттеснив его в тень. Фения Руфа поддерживали и некоторые гвардейские офицеры. Они вряд ли могли стать сторонниками Пизона, ибо его авторитет подрывала роднившая его с Нероном любовь к пению и игре на лире. В качестве кандидата на престол они, скорее всего, видели не Пизона, а Сенеку.

О роли Сенеки в заговоре можно встретить самые разнообразные мнения. В своих трактатах и трагедиях он, что немало важно, говорит о политике в самых мрачных тонах, уделяя много внимания таким темам, как одиозность тиранов, самоубийство как способ спасения от тирании и даже тираноубийство как «решение» вопроса. «Если, — писал Сенека, — я окончательно потеряю надежду на исправление правителя, я собственноручно одним ударом отплачу ему за все и сделаю тем самым доброе дело для всего рода человеческого»¹². Такое высказывание нельзя, однако, считать доказательством того, что Сенека замыслил убить Нерона — подобные мысли можно встретить у многих философов. Однако к 65 г. н. э. Сенека уже явно попал в опалу, и заговорщики, даже если он не входил в их число, хорошо знали об этом. В случае успеха они могли предложить ему стать одним из ведущих деятелей нового режима. Не исключено, что некоторые даже видели его в качестве будущего правителя или императора.

Заговорщики намеревались совершить покушение на Нерона в Большом цирке, во время игр. Но этот план им не удалось сохранить в тайне, и поэтому он так и не воплотился в жизнь. Среди обвиняемых, общее число которых достигало 51 человека, было 19 сенаторов, 7 всадников, 11 офицеров и 4 женщины. 19 человек были казнены или покончили с собой, 11 — отправлены в изгнание. В числе тех, кто в это время лишился жизни, были Пизон, Фений Руф и Сенека, а также племянник последнего Лукан, эпический поэт, которого личная обида на Нерона превратила из поклонника императора в одного из наиболее суровых его критиков. Погибла и Клавдия Антония, дочь Клавдия, младшая сестра Британика и Октавии, ибо заговорщики в случае успеха могли устроить ее брак с новым императором, чтобы придать власти последнего большую легитимность.

Раскрытие заговора было отмечено выпуском медных монет с надписью *SECVRITAS AVGVSTI* (безопасность императора). Золотые и серебряные монеты чеканились в честь Юпитера-Охранителя, защищавшего императора. Одним из главных защитников Нерона стал Тигеллин, в честь которого было воздвигнуто несколько статуй. Помимо него в подавлении заговора участвовал и высокий, решительный и жестокий офицер преторианской гвардии по имени Нимфидий Сабин. Сын проститутки-вольноотпущенницы и гладиатора, Нимфидий, утверждавший, впро-

чем, что его отцом является Калигула, был назначен вместо Фения Руфа префектом преторианской гвардии.

Все оставшееся время правления Нерона прошло под знаком подозрений и тревожных сигналов о новых заговорах. Только в 66 г. н. э. прокатились самое меньшее четыре волны репрессий. Жертвами первой из них стали несколько крайне консервативных сенаторов, склонявшихся, подобно тем, кого в свое время преследовал Калигула, к учению стоиков. Их лидер Тразея Пет из Патавия (ныне Падуя) демонстрировал свое неприятие действий Нерона, прибегнув к тактике пассивного сопротивления и самоустранившись от участия в деятельности сената. Такая позиция стоила ему жизни. Вслед за этим, как сообщают источники (хотя имеющаяся у нас информация неполна, ибо текст «Анналов» Тацита обрывается на рассказе об этих событиях), некий Анний Винициан, брат и друзья которого стали жертвами преследований участников выступлений Пизона и Тразеи, собирався поднять мятеж в Беневенте. Эту попытку, видимо, следует отождествить с «гнусным заговором», упоминаемым в записях арвалиев под 19 июня 66 г. н. э.; жрецы благодарят далее богов за то, что те дали возможность подавить выступление и сохранили жизнь императора.

Винициан был сыном знаменитого полководца Корбулона, который в течение большей части правления Нерона командовал войсками, защищавшими восточные рубежи империи. Репрессии вскоре коснулись и его. В конце года, явившись по требованию Нерона в Грецию, где в это время находился император, он получил письмо с приказанием покончить жизнь самоубийством. Прочитав его, Корбулон по-гречески воскликнул: «Я заслужил это!» Впрочем, его слова можно истолковать двояко: полководец мог и признать таким образом свою вину перед императором, и укорять себя в том, что прибыл по его приказу. Нерон вызвал к себе и братьев Скрибония Руфа и Скрибония Прокула, командовавших армиями, стоявшими в Верхней и Нижней Германии и составлявшими значительную часть войск империи; оба они также получили приказы покончить с собой.

Жестоким преследованиям сенаторы подвергались и при предшественниках Нерона. Но никогда еще столько видных членов сената и военачальников не становились жертвами репрессий всего за несколько месяцев. Или недовольство режимом Нерона действительно было сильным и охватило многих людей, или император и префекты преторианцев, идя на неоправданно жесткие меры, сами создавали почву для заговоров, с которыми пытались бороться. Но, как бы то ни было, ситуация быстро становилась катастрофической.

Между тем Нерон продолжал вести себя опрометчиво. Отправив, правда, Веспасиана на подавление восстания в Иудее, он по-

прежнему оставался в Греции, где выступал в театре и приобщался к эллинистической культуре. В этой поездке императора сопровождал Тигеллин. Нимфидий Сабин, видимо, оставался в Риме, хотя управлять городом во время своего отсутствия Нерон поручил двум влиятельным вольноотпущенникам Гелию и Поликтиту.

Для Нерона поездка в Грецию, жители которой, как он считал, были единственными людьми, способными оценить его старания, стала великолепным пиком его карьеры актера, певца и колесничего. Длинная серия выступлений в скачках и состязаниях певцов во многих городах Греции принесла ему миллион восемьсот восемь тысяч сестерциев, полученных в качестве призов, которые судьи подобоострастно присуждали ему. Иногда, правда, возникали инциденты, для разрешения которых приходилось прибегать к импровизации. На Олимпийских играх, во время скачек, когда Нерон правил упряжкой в десять лошадей, он внезапно был выброшен из колесницы. Императора тут же посадили обратно, однако при падении он ударился о землю столь сильно, что уже не мог продолжать состязание. Но судьи благоразумно объявили его победителем, и за такую вольную трактовку правил были вознаграждены огромной суммой денег.

Любовь Нерона к грекам, становившаяся еще более сильной после подобных случаев, в конечном счете вылилась в беспрецедентный жест: 28 ноября 67 г. н. э. император выступил на стадионе в столице одной из греческих провинций, Коринфе, с речью, в которой объявил Грецию свободной.

Нежданный дар, эллины — хотя всего можно ожидать от щедрот моих, — подношу я вам; столь велик он, что вы и просить о нем не могли. Все эллины, живущие в Ахайе и на земле, что до сегодняшнего дня называлась Пелопоннесом, объявляются отныне свободными и освобождаются от налогов. Даже в самые счастливые времена не знали вы такого, ибо подчинялись одни другим, или все вместе чужеземцам.

Хотел бы я одарить вас в то время, когда Эллада была на вершине своей славы, чтобы большего количества людей коснулось мое благодеяние. Обижен я на время, ибо погубило оно до поры часть моего дара. Но и ныне не из жалости, но из доброты одаряю я вас, желая отблагодарить богов ваших, хранивших меня, как я чувствовал, и на земле, и на море, за возможность сделать для вас такое великое благо.

И другие правители давали свободу отдельным городам, но лишь Нерон освободил целую провинцию¹³.

Слова Нерона об освобождении, разумеется, не следует понимать буквально. Греция была и оставалась частью Римской империи. Но освобождение от налогов стало для этой бедной страны действительно бесценным даром.

К началу 68 г. н. э. Нерон провел вне столицы больше времени, чем любой из его предшественников, исключая Тиберия. Сена-

торы, пережившие репрессии, унесшие в прошлом году жизни стольких их коллег, все еще не пришли в себя, и в городе было беспокойно. Вольноотпущенники Нерона, управлявшие Римом, находили секретные донесения об умонастроениях в столице столь тревожными, что один из них, Гелий, не обращая внимание на то, что была уже середина зимы, спешно переправился в Грецию, чтобы попросить императора вернуться. Нерон согласился, причем не выказал никакого беспокойства, ибо мучившие его страхи притупились из-за непрерывно обрушивавшихся на него потоков самой низкой лести. Вступление императора в Рим прошло с большой помпой. Чтобы отметить его победы на состязаниях в Греции, были устроены невиданные по роскоши торжества. Нерон пробыл в Риме совсем недолго и вскоре уехал в более близкий ему по духу Неаполь. Там у него возник новый замысел — совершить большой поход на Кавказ. Приближенные императора начали говорить, что, сделав это, он станет новым Александром Македонским.

Однако история правления Нерона неумолимо приближалась к концу. После того, как репрессии императора коснулись стольких сенаторов, наместников и военачальников, ни один провинциальный чиновник высокого ранга уже не мог чувствовать себя в полной безопасности. Гай Юлий Виндекс, правивший Лугдунской Галлией, был первым из не пострадавших к тому времени от репрессий наместников, кого опасения за свою судьбу побудили выступить против императора. Поднимая мятеж, он не имел в своем распоряжении ни одного римского легиона и был вынужден опираться на местную аристократию. Сознавая свою слабость, он обратился за помощью к своему намного более могущественному коллеге Сервию Сульпицию Гальбе, правившему Ближней Испанией и командовавшему одним легионом. Гальба, имевший серьезные основания беспокоиться за свою дальнейшую судьбу, ибо его отношения с представителями императора в провинции были весьма напряженными, открыто выступил против Нерона, не претендуя, однако, пока на титул императора.

В этой ситуации Нерон, который еще располагал достаточными военными силами и мог без труда овладеть положением, не предпринимал никаких мер, чтобы устранить грозившую ему опасность.

О галльском восстании он узнал в Неаполе в тот день, в который когда-то убил свою мать. Отнесся он к этому спокойно и беспечно: могло даже показаться, что он радовался случаю разграбить богатейшие провинции по праву войны. Он тут же отправился в гимнасий, с увлечением смотрел на состязания борцов; за обедом пришли новые донесения, еще тревожнее, но он остался холоден и лишь пригрозил, что худо придется мятежникам. И потом целых восемь дней он не рассылал ни писем, ни приказов, ни предписаний, предав все дело забвению¹⁴.

Когда постоянно поступавшие донесения побудили наконец Нерона вернуться в Рим, его склонность к уходу от проблем проявилась в самом неприглядном свете. Так, созвав на совещание своих главных советников, он почти целый день показывал им новые модели водяных органов. Не прибавила сторонникам Нерона уверенности и его идея направиться в Галлию, выйти одному без оружия к воинам Виндекса и долго плакать перед ними. Такая патетическая сцена, утверждал император, заставит их вновь признать его власть, после чего, уже на следующий день, он исполнит перед ними победную песнь, которую уже должен идти сочинять.

Когда до Нерона дошла весть, что о своем неподчинении заявил Гальба, он упал в обморок. Вслед за этим, правда, пришли хорошие известия: Виндекс был разбит наместником Верхней Германии Луцием Вергинием Руфом при Везонтионе (Безансон) и погиб в сражении. Нерон получил небольшую передышку, однако пытаться воспользоваться ей, даже если бы он начал действовать энергично и инициативно, было уже слишком поздно. 8 июня императору донесли, что один из двух полководцев, посланных им в Северную Италию, изменил ему, парализовав тем самым действия другого. Нерон принял решение бежать в Египет, который, как он — возможно, без всяких оснований — полагал, все еще сохранял ему верность. Но попытка бегства не удалась, ибо преторианская гвардия уже не подчинялась императору. Префекты, считавшие, что дальнейшее служение Нерону не сулит им ничего хорошего, отвернулись от него. Тигеллин практически ничего не предпринимал, возможно, потому, что был серьезно болен. Нимфидий выдал преторианцам большую сумму денег, подстрекая их к тому, чтобы они отреклись от Нерона и провозгласили императором Гальбу. Сходную позицию занял и сенат. Его члены объявили Нерона врагом отечества и приговорили к смертной казни; согласно древнему обычаю, его должны были засечь розгами до смерти. Нерон укрылся в расположенной в предместьях Рима усадьбе одного из своих вольноотпущенников, где и произнес свои знаменитые слова: *Qualis artifex pereo!* («Какой великий артист погибает!») или «Какая потеря для Национального театра!»*) Заслышав приближение всадников, он с помощью одного из своих писцов вонзил себе в горло меч и умер.

Правление Нерона пришло к столь трагическому завершению из-за того же негативного явления, от которого пострадали или вовсе пали и режимы его предшественников — катастрофического ухудшения отношений между императором и сенатом и его ведущими членами. Тацит с полным правом считает убийство Агриппины, смерть Сенеки и Бурра и заговор Пизона вегами этого ставшего роковым процесса.

---

* Этот перевод предложил мне г-н Энтони Пауэлл. (Примеч. авт.)

Вступив на престол, молодой император действовал поначалу с самыми добрыми намерениями, однако серия неудач сделала их осуществление невозможным. Разочаровавшись, Нерон стал все меньше заниматься государственными делами, всецело отдаваясь театру и скачкам, представлявшим для него намного больший интерес. Но император, не готовый уделить должное внимание управлению государством, не мог долго оставаться на троне. Кроме того, всякий раз, когда появлялись подозрения относительно существования оппозиции, Нерон впадал в панику и, не контролируя себя, наносил удары направо и налево, на которые остальные, стремясь защитить себя, были вынуждены отвечать.

В свете этих соображений кажется странным, что Нерон смог прожить столь долго. Дело в том, что войска оставались верны человеку, платившему им жалование и бывшему потомком Августа, и не переставали поддерживать его, даже несмотря на то, что он никогда не был полководцем. Большинство солдат сохраняли верность Нерону до самого конца, и падение императора было вызвано прежде всего изменой командиров преторианской гвардии, к которым с готовностью примкнули сенаторы.

Слишком занятый собой, чтобы попытаться остановить рост недовольства своим правлением, слишком увлеченный выступлениями на сцене, чтобы серьезно относиться к управлению государством, Нерон утратил связь с суровой действительностью и поплатился за это. Уход его эксцентричной фигуры означал, что мужская линия наследников Августа прервалась.

Часть III
ГРАЖДАНСКИЕ
ВОЙНЫ

Глава 7

ГАЛЬБА

Сервий Сульпиций Гальба родился около 3 г. до н. э. Род, к которому он принадлежал, был известен своими знатностью и богатством, однако не имел прямого отношения к дому Юлиев—Клавдиев, из которого происходили все правившие до того Римом императоры. Между тем о юноше с большой похвалой отзывались и Август, и три его непосредственных преемника; кроме того, Гальба стал фаворитом Ливии, с которой, возможно, состояла в родстве его мачеха. В 33 г. н. э. Гальба был избран консулом. Впоследствии он управлял провинциями Верхняя Германия и Африка, а в 60 г. н. э. Нерон назначил его наместником Ближней Испании (*Hispania Tarraconensis*), отдав под его начало стоявший там легион.

В марте 68 г. н. э., когда Гальбе было уже около семидесяти лет, к нему обратился за помощью Виндекс, поднявший мятеж против Нерона в Лугдунской Галлии. Через некоторое время пришло послание и от наместника Аквитании (юго-западная Франция), намеревавшегося выступить против мятежников. 2 апреля Гальба объявил в Новом Карфагене (ныне Картахена), что поддерживает Виндекса, и провозгласил себя командующим армией и представителем римского сената и народа.

С помощью Отона, ставшего впоследствии его преемником, а также Цецины, действовавшего в других провинциях Испании, Гальба набрал еще один легион, однако в конце мая получил известие о поражении и гибели Виндекса. В отчаянии Гальба укрылся в удаленном испанском городке, но, узнав о том, что сенат при поддержке преторианцев, щедро одаренных префектом Нимфидием Сабинном, предлагает ему занять трон, вновь вышел на политическую арену. Вскоре пришло известие о гибели Нерона.

Став таким образом императором, Гальба медленным маршем двинулся с войсками к Риму. Префект Египта Тиберий Юлий Александр признал его власть с готовностью, свидетельствовавшей о существовании между ними более ранних договоренностей. В столице Нимфидий Сабин, разочаровав-

шийся в Гальбе, которого он хотел сделать своим ставленником, попытался поднять мятеж, однако его выступление было быстро подавлено.

Когда Гальба в октябре того же года подошел к стенам Рима, его приближение ознаменовалось казнью вышедших ему навстречу моряков. Эта расправа, равно как и другие принятые им нецелесообразные меры, быстро подорвали его популярность. Не способствовало улучшению обстановки и соперничество между тремя его главными советниками: Титом Винием, новым префектом преторианской гвардии Лаконом и вольноотпущенником Икелом, борзовавшихся между собой за влияние на императора.

31 декабря 69 г. н. э. солдаты армии, стоявшей в Верхней Германии, сбросили статую Гальбы на землю и призвали сенат и народ Рима избрать ему преемника. На следующий день войска, расквартированные в Нижней Германии, провозгласили императором Вителлия, наместника этой провинции.

Узнав об этих событиях, Гальба, не имевший собственного сына, принял решение взять приемного, который, став таким образом его наследником, мог бы защитить трон и вселить в сердца людей надежду, что в управлении государством будет обеспечена преемственность. Его выбор пал на родовитого, как и он сам, молодого человека по имени Пизон Лициниан. Но назначение Гальбой своим наследником Пизона оскорбило Отона, который 15 января организовал успешное покушение на них обоих. В заговоре участвовали офицеры и солдаты преторианской гвардии, в число которых, однако, не входил ее командир Лакон, погибший наряду с Винием и Икелом.

Значение короткого правления Гальбы обусловлено прежде всего обстоятельствами, в которых оно началось. Эту мысль хорошо выразил Тацит во введении к своей «Истории»: «...разглашенной оказалась тайна, окутывавшая приход принцепса к власти, и выяснилось, что им можно стать не только в Риме». Открытие этой тайны привело к тому, что стоявшие в провинциях армии, увидев, какой силой они обладают, стали прибегать к ней в междоусобных конфликтах, что, в свою очередь, стало причиной бесконечных мятежей и революций последующих столетий.

Провозглашение Гальбы императором солдатами одной из провинциальных армий римские аристократы должны были воспринять как угрозу себе, ибо даже те остатки независимости, которые у них еще оставались, были теперь в опасности. Но тогда сенаторы и всадники были, видимо, так счастливы по поводу устранения с политической арены Нерона, что с радостью подтвердили решение легионеров, провозгласивших Гальбу императором.

Вступление на престол человека, который, несмотря на давнюю дружбу с прежним императорским домом, не был его членом, создало принципиально новую ситуацию. Перемена, правда, прошла достаточно плавно, ибо Гальба принадлежал к древнему и крайне аристократическому роду. Но то, что новый император никогда не состоял в родстве с Юлиями—Клавдиями, порождало немало неясностей и проблем.

Должен ли был Гальба, например, добавлять к своему имени слово *Imperator* и называть себя Августом и Цезарем? Именоваться так могли лишь представители императорской династии, ныне угасшей. Сам Гальба, очевидно, считал, что, называя себя *Imperator*, он оказывается в затруднительном положении*. В Новом Карфагене его приветствовали как императора; более того, это слово сначала появлялось и на его монетах, хотя позднее он постепенно перестал его использовать. После своего избрания сенатом Гальба принял имя Август, а затем, в июле или августе 68 г. н. э., встретившись в Нарбонне с делегацией сенаторов, он стал именоваться также Цезарем. Этот поступок Гальбы означал, что тенденция считать слова «Август» и «Цезарь» титулами, а не собственными именами, окончательно победила.

Тот факт, что мечта сената об императоре-аристократе наконец сбылась, объясняется исключительными обстоятельствами, при которых это произошло. Гальба был одним из крайне немногих видных аристократов, которым известный своей подозрительностью Нерон доверил важные командные посты в государстве. Назначая Гальбу заместителем, император полагал, что он слишком стар и нерешителен, чтобы поднять мятеж. Гальба действительно никогда бы не позволил связывать свое имя с каким бы то ни было бунтом, однако он был в крайне плохих отношениях с прокураторами, бывшими представителями Нерона в Испании, и опасался, что следующей жертвой репрессий станет именно он.

Лысый и страдавший от артрита, а, возможно, и от грыжи, Гальба, однако, все еще выглядел довольно представительным человеком с орлиным носом и резкими чертами лица. Последние в изображении обладавших особым даром мастеров, создавших портрет, помещенный на его монеты, стали воплощением старых республиканских и несвойственных Нерону суровости и нравственности, что, правда, контрастирует с сообщением Светония, утверждавшего, что Гальба был очень неумерен в еде и питал пристрастие к взрослым мужчинам. Реверсы монет Гальбы представляют нам большой и довольно изящный набор возвышенных лозунгов, включая упоминания о восстановлении в обществе обстановки доверия, свободы, равенства и согласия, а также заявление о возрождении Рима при новом режиме.

---

* Употребление термина *Imperator*, восходящее к Августу, было возобновлено в 66 г. н. э. Нероном. (Примеч. авт.)

Тацит по отношению к Гальбе был настроен весьма критично.

За свои 73 года он благополучно пережил пятерых государей и при чужом правлении был счастливее, чем при своем собственном. Семья его принадлежала к древней знати и славилась своими богатствами. Его самого нельзя было назвать ни дурным, ни хорошим; он был скорее лишен пороков, чем обладал достоинствами; безразличен к славе не был, но и не гонялся за ней; чужих денег не искал, со своими был бережлив, на государственные скуп. Если среди его друзей или вольноотпущенников случались люди хорошие, он был к ним снисходителен и не перечил ни в чем, но зато и дурным людям прощал все самым недопустимым образом. Тем не менее все принимали его слабость и нерешительность за мудрость, — отчасти благодаря знатности его происхождения, отчасти же из страха, который в те времена владел каждым. В расцвете лет и сил он снискал себе громкую славу в германских провинциях, проконсулом умеренно и осторожно управлял Африкой, уже стариком заставил Тарраконскую Испанию уважать законы Рима¹.

Этот фрагмент Тацит завершает одной из своих наиболее известных и сильных эпиграмм: «...когда он был частным лицом, все считали его достойным большего и полагали, что он способен стать императором, пока он им не сделался». Действительно, контраст между Гальбой-наместником и Гальбой-императором скоро стал очевидным.

Когда Гальба пришел к власти, он был уже слишком стар, чтобы нести тяжелое бремя управления империей. Поэтому он должен был в значительной степени опираться на своих советников, широкие полномочия которых показывали, что, несмотря на официальные заявления о восстановлении свободы, сенату так и не дали обрести былую власть.

...всевластие вольноотпущенников, — пишет Тацит, — жадность рабов, неожиданно вознесшихся и торопившихся, пока старик еще жив, обделая свои дела, — все эти пороки старого двора свирепствовали и при новом, но снисхождения они вызывали гораздо меньше.

Помимо всего прочего, могущественные советники нового императора не вызвали к себе доверия людей. Конечно, Тацит ненавидел гражданские войны и питал неприязнь к тем, кто благодаря им взошел наверх, однако справедливость его критики подтверждается всем ходом событий. Правда, следует признать, что один из советников Гальбы, Тит Виний, отнюдь не был бездарностью. Насколько можно судить, в самом начале карьеры он, служа в армии, совершил прелюбодеяние с женой своего начальника, причем прямо на главной площади лагеря, за что был закован в кандалы. Случившееся, однако, не помешало Винию в дальнейшем стать претором и даже успешно командовать легионом, хотя и здесь произошел скандал: его обвиняли в краже золотого кубка на пиру у Клавдия. Впоследствии Виний был

назначен наместником Нарбоннской Галлии и управлял этой провинцией с суровой и неподкупной честностью, однако во время правления Гальбы его осуждали за использование служебного положения в целях личного обогащения. Характеризуя двойственную натуру Виния, Тацит пишет: «Человек наглый, горячий и ловкий, он мог быть в равной степени легкомысленным и дельным в зависимости от цели, которую в данный момент преследовал».

В отличие от Виния, обладавшего некоторыми способностями, какого бы сомнительного достоинства они ни были, Корнелий Лакон, сменивший при Гальбе Нимфидия на посту префекта преторианской гвардии, практически не справлялся со своими обязанностями. Имея некоторый опыт работы в суде, но совершенно не разбираясь в военных вопросах, а также «не зная настроений солдат, относясь враждебно ко всякому предложению, даже самому дельному, если только не он сам его подал, этот человек упорно сопротивлялся всему, что советовали люди более опытные».

В число трех главных советников императора входил также его вольноотпущенник Икел, с которым, как утверждали, Гальба в свое время сожительствовал. Когда известие о мятеже Гальбы достигло Рима, Икел был взят под стражу по распоряжению Нерона, но, после того как сенат перестал поддерживать императора, его выпустили на свободу. Именно Икел издал письменное распоряжение, в котором разрешалось сжечь тело Нерона, а затем доставил Гальбе известие, что тот был провозглашен императором. Став впоследствии всадником и приняв имя Сервий Сульпиций Марциан, Икел, как утверждали, за исключительно короткое время сколотил огромное состояние.

Итак, эта не особенно симпатичная троица занимала господствующее положение в совете у императора. Но еще хуже было то, что ее члены ненавидели друг друга. Сила Сенеки и Бурра, советников Нерона, во многом заключалась в их дружбе и сотрудничестве. Распри между советниками не приводили к катастрофическим последствиям лишь тогда, когда император мог держать ситуацию под контролем; так, конфликты между Агриппой и Меценатом ни разу не помешали Августу управлять государством. Но Виний, Лакон и Икел преследовали каждый свои собственные цели, а Гальба не обладал ни достаточной силой, ни проницательностью, чтобы пресечь распри и проводить единую политику.

Такое положение дел создавало все предпосылки для катастрофы, и она не замедлила последовать. Но в самом начале дела Гальбы шли не так плохо. Еще до того, как он прибыл в Рим, его агенты предотвратили мятеж наместника Африки Клодия Макра, проводившего самостоятельную политику и не поддерживавшего ни его, ни Нерона. В Риме сторонниками Гальбы

было подавлено выступление Нимфидия Сабина, который необдуманно заключил, что прекращение династии Юлиев—Клавдиев открывает дорогу к трону для людей сомнительного происхождения, каким был он сам.

Между тем причины, по которым, как считал Нимфидий, его мятеж имел некоторые шансы на успех, должны были заставить Гальбу серьезно задуматься. Новый император начал претворять в жизнь программу финансового оздоровления государства, но его меры, будучи, безусловно, нужными после огромных трат Нерона, вызвали недовольство народа и армии. Преторианцы были возмущены отказом Гальбы раздать деньги, обещанные им от его имени Нимфидием. За эти посулы Гальба сместил Нимфидия с поста префекта, и тот, вполне естественно, пересмотрел свою политическую линию.

Хотя последовавшая за этим попытка мятежа провалилась, действия нового режима вряд ли могли надолго обеспечить ему поддержку преторианцев. Слова Гальбы о том, что он «набирает солдат, а не покупает», были, по замечанию Тацита, слишком идеалистичны и не соответствовали реалиям времени — даже если бы император сам всегда следовал этому правилу. Более того, это высказывание возмутило не только преторианцев, но и легионеров из стоявших в провинциях армий. Началось стремительное сползание к хаосу и анархии.

Мятеж, приведший к свержению Гальбы, начался в войсках, защищавших южный участок рейнской границы. Их командир Вергиний Руф в предыдущем году совершил со всеми тремя легионами, бывшими под его началом, поход в Галлию на подавление мятежа Виндекса. Вслед за этим, однако, он приказал своим легионерам присягнуть Гальбе, и те неохотно, ибо награды за разгром Виндекса ждать теперь не приходилось, подчинились. Но в январе 69 г. н. э., когда старый и больной Гордеоний Флакк, сменивший Вергиния на посту командующего, потребовал подтвердить присягу, как это обычно делалось в начале каждого года, солдаты двух легионов, стоявших в Могонтиаке (ныне Майнц), отказались выполнить этот приказ и сбросили статуи Гальбы на землю. Вслед за этим они согласились принести присягу, но уже не Гальбе, а сенату, заявив, что не будут подчиняться человеку, провозглашенному императором солдатами другой армии.

Проявление солдатами расквартированных в Германии легионов корпоративного духа было первым предвестником соперничества между армиями, стоявшими в разных провинциях, которое впоследствии наложило столь негативный отпечаток на историю Римской империи. Но тогда соперники еще соглашались в той или иной форме сотрудничать между собой: легионы Нижней Германии решили не избирать нового императора самим, а оставить решающее слово за преторианцами, которым было

предложено найти правителя, чья кандидатура получила бы поддержку всех армий.

События на Рейне, о которых в Риме узнали приблизительно через неделю, побудили Гальбу принять контрмеры.

Это событие ускорило решение Гальбы избрать себе наследника и разделить с ним власть, — замысел, который он уже давно обдумывал сам и обсуждал с близкими. В те месяцы по всему городу только и было речи, что об этом выборе, прежде всего из-за обычной страсти к такого рода разговорам и потому еще, что Гальба был уж очень стар и слаб. Людей, судивших здраво, или принимавших к сердцу судьбы государства, было мало; многие начинали питать нелепые надежды, каждый раз, когда друзья или клиенты называли их как возможных наследников и сеяли слухи, льстившие их тщеславию. Играла свою роль и ненависть к Титу Винию, возраставшая по мере того, как день ото дня крепло его могущество².

Случаи, когда императоры брали себе приемных сыновей, которые после этого рассматривались в общественном мнении как наследники престола, происходили и прежде. При Гальбе, однако, эта хорошо знакомая ситуация приобрела новый оттенок: у императора не было ни сына, ни подходящего для усыновления родственника, и он был вынужден искать себе преемника за пределами своего дома, приобщая тем самым другие роды к принципату.

Согласно Тациту, для обсуждения вопроса о наследнике Гальба созвал совет, на котором, помимо прочих, присутствовали Тит Виний, префект преторианской гвардии Лакон, один опытный государственный деятель, бывший кандидатом в консулы на следующий год, и префект города*. Виний считал самым лучшим кандидатом своего друга Отона, который, будучи на посту наместника Лузитании, был главным сторонником Гальбы, когда тот поднял мятеж в Испании. Эта кандидатура, однако, вызвала возражения Лакона и самого Гальбы, считавшего, что образ Отона чересчур напоминает развратный двор Нерона. По-видимому, по совету Лакона император принял решение сделать своим наследником некоего Луция Кальпурния Пизона Лициниана.

Пизон, которому к этому времени было тридцать лет, происходил из древнего знатного рода, изрядно пострадавшего от нероновских репрессий. Он был человеком безукоризненного поведения и строгих правил, именно такое впечатление производил он на окружающих. Характер Пизона уже давно вызывал у Гальбы восхищение. Но выбор императора имел катастрофические последствия, ибо Пизон не обратился за помощью к армии. Он никогда не командовал войсками, а легионеры знали о нем

* Речь идет соответственно о Марке Целзе и Дуцинии Гемине. См.: Тацит. История, 1914, Сочинения, т. II, с. 11. (Примеч. пер.)

лишь то, что его предки в свое время были причастны к заговорам против Нерона, которого многие из них любили. Понимая серьезность положения, Гальба попытался заручиться поддержкой преторианцев и с этой целью принял решение впервые объявить об усыновлении Пизона не в сенате или на Форуме, а в их лагере.

Поступок Гальбы вошел в историю. Даже если выбор императора оказался неудачным, он создал прецедент, повторявшийся затем большую часть следующего столетия. Династический принцип передачи власти, следование которому привело в недавнем прошлом к воцарению довольно экстравагантных личностей, был отринут, и своим преемником принцепс назначил самого достойного. Тацит жил в то время, когда этот новый принцип начал применяться на практике, и потому позаботился о том, чтобы сохранить текст речи, с которой Гальба обратился к Пизону, желая подготовить его к важной церемонии объявления наследником престола. Возможно, слова Гальбы историк привел не вполне точно, ибо находился под впечатлением другого аналогичного события, происшедшего уже в его время, когда Нерва в почти такой же критической ситуации назначил своим преемником Траяна. Между тем Гальба вполне мог произнести речь, которую ему приписывает Тацит, ибо употребляемые в ней выражения аналогичны девизам на монетах императора.

Если бы огромное тело государства могло устоять и сохранить равновесие без направляющей его руки единого правителя, я хотел бы быть достойным положить начало республиканскому правлению. Однако мы издавна уже вынуждены идти по другому пути: единственное, что я, старик, могу дать римскому народу, — это достойного преемника, и единственное, что можешь сделать для него ты, человек молодой, — это стать хорошим принцепсом. При Тиберии, при Гае и при Клавдии мы представляли собой как бы наследственное достояние одной семьи. Теперь, когда правление Юлиев и Клавдиев кончилось, глава государства будет усыновлять наиболее достойного. Разум не играет никакой роли в том, что человек родился сыном принцепса, но если государь сам избирает себе преемника, он должен действовать разумно, должен обнаружить и независимость суждения, и готовность прислушиваться к мнению других. Пусть стоит перед твоими глазами судьба Нерона, который так гордился происхождением из семьи, давшей Риму длинный ряд Цезарей. Его низвергли не Виндекс со своей безоружной провинцией, и не я с моим единственным легионом, а собственная чудовищная жестокость и собственная страсть к наслаждениям: неудивительно, что это первый принцепс, который заслужил официальное осуждение. Мы достигли власти войной и опираясь на признание разумных людей, но как бы благородно мы себя ни вели, злоба и зависть всегда будут сопровождать нас. И не следует тебе испытывать страха от того, что в этом охваченном потрясениями мире есть два легиона, которые все

еще никак не успокоятся: я ведь и сам принял власть, когда положение было нелегким. Зато теперь, как только распространится слух о твоём усыновлении, меня перестанут считать стариком, а ведь это — единственное, что мне ставят в вину³.

Став наследником Гальбы, Пизон Лициниан принял его имя, добавив к нему слово «Цезарь», ставшее теперь особым титулом наследника престола. Запись арвалиев от 10 января гласит, что они совершили жертвоприношения в честь усыновления Сервия Сульпиция Гальбы Цезаря.

Спустя день или два Пизон и Гальба получили новые тревожные известия из Германии. Легионы Верхней Германии уже вышли из подчинения 1 января, что и побудило Гальбу объявить о назначении преемника. Теперь же пришло сообщение, что через день после этого войска, стоявшие в Нижней Германии, изменили Гальбе и провозгласили императором наместника этой провинции Авла Вителлия. Офицеры преторианской гвардии, как бы они ни относились к Гальбе, были шокированы этой новостью. Легионеры из Верхней Германии тоже отреклись от императора, но они по крайней мере предложили преторианцам назначить ему преемника, и такая демонстрация уважения весьма импонировала последним. Но солдаты нижнегерманских легионов отвергли этот план и избрали нового императора сами. Подчиняться ставленникам провинциальных армий преторианцы не желали, а сами легионеры из стоявших в Германии войска отказались признать власть человека, провозглашенного императором одним-единственным испанским легионом.

Возмущение преторианцев, однако, не сделало их более верными сторонниками Гальбы. Прошедшая в их лагере церемония назначения наследника, на которой Гальба объявил о своём усыновлении Пизона, но не распорядился раздать по этому поводу никаких денег, явно провалилась. «Трибуны, центурионы и солдаты в передних рядах встретили его слова с одобрением; остальные стояли молчаливые и мрачные».

Кое-где усыновление Пизона вызвало и откровенно враждебную реакцию. Так, известие об этом потрясло Отона, который, многое сделав для прихода Гальбы к власти, надеялся сам стать наследником престола. Но мириться с поражением Отон не желал. Он уже не раз пытался заигрывать с преторианцами, и возвышение Пизона подтолкнуло его к решительным действиям. 15 января небольшая группа преторианцев втайне от Лакона провозгласила Отона императором и привела его в лагерь.

Приближалась развязка. В последний момент Гальба и Пизон решились наконец раздать преторианцам деньги. Но когда Гальба направился к Форуму, солдаты напали на него, выбросили из носилок и, в то время как собравшиеся люди разбежались, спасая свою жизнь, зарубили мечами. Потом Пизона вытащили из храма, где он находился, и обезглавили, а Виния, который,

возможно, знал о планах заговорщиков, пронзил мечом какой-то легионер. Ветеран, специально посланный Отоном, прикончил Лакона. Наконец, Икел, как вольноотпущенник, был подвергнут публичной казни.

Гальба оставался императором более семи месяцев. Уже лежа на земле и ожидая последнего удара, он воскликнул: «В чем моя вина?» Но уже с самого начала было ясно, что его правление должно было закончиться трагически.

Отказывать войскам в давно ожидаемых ими денежных выплатах и одновременно спокойно наблюдать, как приближенные обогащаются, само по себе означало подвергать себя большой опасности. Но Гальба к тому же предоставил своим советникам слишком большую свободу действий. Стареющий Август предотвратил надвигающуюся катастрофу, назначив Тиберия своим помощником и фактическим соправителем. Клавдий, начав утрачивать контроль над ситуацией, передал часть своей власти Агриппине Младшей, и это решение, пусть не самое удачное, позволило, однако, обеспечить непрерывное функционирование государственной администрации. Гальба, избрав наследником человека, не принадлежавшего к императорскому дому, поступил более разумно, даже если учесть, что он был вынужден решиться на этот шаг, ибо своего сына у него не было. Но поступок Гальбы не принес ему никаких дивидендов, так как, с одной стороны, положение к тому времени стало слишком тяжелым, а с другой — его выбор был в любом случае неудачен. При этом, как уже бывало не раз, негативное влияние на решение императора оказал его возраст.

Но и будь Гальба в момент вступления на престол помоложе, трудно сказать, оказалось бы его правление более успешным. Некоторые причины, по которым его падения можно было ожидать, лежали в прошлом. Род, из которого происходил Гальба, во время своего процветания при республике приобрел дурную славу, ибо его представители отличались суровостью и жестокостью. Эти качества много раз демонстрировал и сам Гальба. Его единственным искренним стремлением было возродить жесткую дисциплину старых времен, что в смутное время не могло снизить ему преданности солдат.

Гальба показал, что престол могли занимать и люди, не принадлежавшие к роду Юлиев—Клавдиев. Но их способность удерживать его стала очевидной лишь после того, как на римском престоле сменилось еще два императора. В то же время правление Гальбы дискредитировало притязания старых аристократических родов на власть в империи. После короткого, полного трагических событий периода его пребывания у власти дорога к трону для аристократов была закрыта навсегда.

Глава 8

ОТОН

Марк Сальвий Отон родился 28 апреля 32 г. н. э. Его дед стал при Августе сенатором, а отец получил от Клавдия звание патриция. Сам Отон состоял в тесной дружбе с Нероном, бывшим на пять лет моложе его. В 58 или 59 г. н. э. Нерон увлекся его женой Пoppеей, и Отон, несмотря на свою молодость и невысокое положение в обществе, был послан наместником в Лузитанию (Португалия и Западная Испания).

Когда наместник Ближней Испании Гальба поднял в 68 г. н. э. мятеж против Нерона, Отон одним из первых примкнул к нему и сопровождал его во время похода на Рим. Именно поэтому решение Гальбы усыновить Пизона Лициниана и сделать его своим наследником Отон посчитал для себя неприемлемым. 15 января 69 г. н. э. он с помощью офицеров и солдат преторианской гвардии организовал успешное покушение на Гальбу и Пизона.

После убийства Гальбы Отон, которому тогда шел тридцать седьмой год, был провозглашен императором. Его поддержали Египет, Северная Африка и легионы, стоявшие на Дунае и Евфрате. Правление нового императора, после того, как трагические события 15 января ушли в прошлое, обещало быть умеренным.

Между тем — и об этом в Риме должны были знать еще до прихода к власти Отона — за мятежом против Гальбы в Верхней Германии последовало провозглашение императором наместника Нижней Германии Авла Вителлия. Германские легионы под командованием верных Вителлию полководцев Валента и Цецины быстрым маршем двинулись на юг, перешли в начале марта через Альпы и были остановлены лишь на реке По, где их сдержали передовые части Отона. Сам Отон в ночь на 24 марта покинул Рим и направился на север.

Не дожидаясь подкреплений, которые должны были подойти с Дуная, Отон решил вступить в бой, но его войска были наголову разгромлены в решающей битве, известной

как первое сражение при Бедриаке. Несмотря на поражение, преторианцы хотели продолжать борьбу, но Отон, который сам не принимал участия в сражении, решил иначе: 16 апреля, после трехмесячного правления, он покончил с собой.

Утром того дня, когда Отон пришел к власти, Пизон Лициниан, которому оставалось жить всего несколько часов, обратился с лестницы дворца к преторианцам и весьма негативно отозвался о нем. «Чем заслужил он высшую власть, — спросил он, согласно источникам, — своими повадками, походкой, или тем, что всегда разряжен как женщина? ... Постыдные развлечения, пиры да женщины — вот что у него на уме». Пизон был убит, и Отон позволил себе отвратительно позлорадствовать по этому поводу.

Они вытащили Пизона из того места, где он скрывался, и убили его на пороге храма.

Рассказывают, что ни одно убийство не доставило Отону столько удовольствия и ни одну голову он не рассматривал с такой жадностью, — оттого ли, что только теперь он смог вздохнуть свободно и только теперь ощущал настоящую радость, а может быть, воспоминания о величии Гальбы, о дружбе с Титом Винием все же омрачали его безжалостную душу, тогда как радоваться смерти Пизона — врага и соперника — казалось ему справедливым и естественным¹.

Отон был лично причастен к убийству Пизона и Гальбы. Первоначально он стремился к тому, чтобы Гальба, с которым он хотел делить власть как наследник престола, усыновил его. Но когда приемным сыном Гальбы объявили Пизона, надеяться было более не на что. Отон впоследствии утверждал, что его силой заставили принять власть и увели в лагерь преторианцев, однако верить этим словам нельзя. Именно Отон принял решение об убийстве Гальбы, и именно он потворствовал людям, готовившим покушение, или даже организовал его сам.

В историю Рима Отон вошел как первый император, приведшим к власти новый род (мы не можем сказать того же об Августе, ибо он, будучи усыновленным Юлием Цезарем, вошел в род Юлиев). Его предки происходили из Ферентина (ныне Ференто) в Этрурии и вели свое происхождение от этрусских князей. Для римлян, однако, род Отона был «новым», ибо первым его представителем, вошедшим в сенат, был дед императора. Тот факт, что его возвышение началось сравнительно поздно, лишь во времена Августа, обнажил еще одну особенность имперского режима: император далеко не обязательно должен был принадлежать к римской аристократии, дискредитированной неудачами Гальбы, ибо Отон был выходцем из новой прослойки, шагнувшей вверх во времена принципата.

Отон приобрел влияние при Нероне, приобшив его к роскошной жизни светской молодежи. Его карьера при дворе, од-

нако, скоро закончилась, ибо Нерон ревновал к нему Пoppею. Рассказывая об этом эпизоде, Тацит временами противоречит сам себе, и поэтому ясной картины происшедшего у нас до сих пор нет, однако наиболее популярная версия сводится к тому, что Пoppея была женой Отона, но Нерон отобрал ее у него, а затем еще и осудил своего друга за то, что тот продолжал любить ее.

Хочешь узнать, почему Отон в почетном изгнание?
Сам со своею женой он хотел переспать!²

В конце концов Отон после тактичного вмешательства Сенеки был послан наместником в Лузитанию. Светоний относит данное событие к 58 г. н. э., однако его последующее утверждение, что Отон был в курсе замысла Нерона организовать убийство своей матери Агриппины Младшей, заставляет перенести эту дату на 59 г. н. э. Во всяком случае, когда Отон стал наместником, ему было всего двадцать шесть или двадцать семь лет, и, если исходить из обычных понятий о продвижении по службе, такое назначение было весьма почетным.

Между тем от прежней дружбы с императором не осталось и следа, и когда в 68 г. н. э. Гальба поднял восстание в Ближней Испании, Отон был первым наместником, поддержавшим его выступление. Но уже после свержения Гальбы он, пытаясь завоевать расположение людей, с тоской вспоминая о щедрых подарках последнего из Юлиев—Клавдиев, снова вспомнил о своей былой близости к Нерону. На некоторых из его грамот и посланий рядом с его именем ставилось и имя Нерона, и лишь недовольство сената заставило нового императора отказаться от этой практики. Изображения и статуи Нерона были восстановлены, а его прокураторам и вольноотпущенникам возвращены прежние должности. Своим главным писцом, однако, Отон назначил всадника, показывая тем самым, что ненавистное всевластие вольноотпущенников, характерное для правления Клавдия и Нерона, ушло в прошлое.

Был он, говорят, невысокого роста, — рассказывает Светоний, — с некрасивыми и кривыми ногами, ухаживал за собою почти как женщина, волосы на теле выщипывал, жидкую прическу прикрывал накладными волосами, прилаженными и пригнанными так, что никто о том не догадывался, а лицо свое каждый день, с самого первого пушка, брил и растирал моченым хлебом, чтобы не росла борода; и на празднествах Исиды он при всех появлялся в священном полотняном одеянии³.

Такое преувеличенное внимание Отона к своей внешности вызвало следующее язвительное замечание Ювенала:

Зеркало держит иной, — эту ношу миньона Отона, —
Будто добычу с аврунка Актора: смотрелся в него он
Вооруженный, когда приказал уже двигать знамена.

Дело достойно анналов, достойно истории новой:
Зеркало заняло место в обозе гражданских сражений!
Ясно, лишь высокий вождь способен и Гальбу угробить,
И обеспечить за кожей уход, лишь гражданская доблесть
На бедриакских полях и к дворцовой добыче стремится,
И покрывает лицо размазанным мякишем хлеба,
Как не умела ни лучник Ассирии — Семирамида,
Ни Клеопатра, грустя на судне, покинувшем Акции⁴.

Манеры Отона, а также его тесная дружба с Нероном породили слухи о том, что он не только любил Поппею, но и не был чужд мужеложству. Однако даже Тацит, считавший Отона посредственностью, вознесенной на гребень волны гражданской войной, признает, что, будучи наместником Лузитании, он «правил с безупречной честностью и показал себя столь же умеренным в пользовании властью, сколь разнузданным был ранее в частной жизни».

Характер и способности Отона остаются для нас в некоторой степени загадкой, с одной стороны, потому, что его правление было слишком коротким, с другой — потому, что древние авторы, любившие противопоставлять друг другу моральное и аморальное, уделяли особое внимание идеально подхोдившему для риторических примеров контрасту между его распутной жизнью и гибелью, которую они считали славной. В общем и целом Отон, видимо, не обладал особыми дарованиями; в одних случаях он принимал правильные политические решения, в других — допускал ошибки. Можно сказать, что он был человеком с хорошими связями и большим опытом, который раз за разом оказывался в нужное время в нужном месте.

Совершив преступление, приведшее его к власти, Отон не очень хорошо представлял себе ситуацию, в которой находился. Согласно отцу Светония, бывшему трибуном в одном из легионов Отона, он предполагал, что Вителлий не будет оспаривать у него власть и, услышав о его провозглашении императором, перестанет претендовать на трон. Сам Отон однажды сказал, что не выступил бы против Гальбы, если бы не надеялся достичь своей цели мирными средствами, ибо ничто не вызывало у него такой ненависти, как междоусобицы. Неоправданный оптимизм нового императора проявился в бодряческих надписях на его монетах, таких, как «безопасность римского народа» или «мир во всем мире».

Довольно быстро выяснилось, что за этими словами в действительности ничего не стояло. Мятежники из стоявших в Германии войск стали выпускать свои монеты, сначала без какого-либо упоминания о Вителлии, затем с его портретом и именем. Но еще до того, как Вителлий узнал о смерти Гальбы, два больших корпуса из его войск покинули прирейнские территории и выступили в поход на Италию и Рим. Самого Вителлия, правда, с ними не было, ибо он в это время собирал в

Германии новое войско, во главе которого рассчитывал выступить позднее. Надежды Отона не оправдались, и известия о гибели Гальбы не остановили Валента и Цецину. Отон пытался начать переговоры с Вителлием, но его старания не увенчались успехом. Столь же неудачной была и попытка организовать покушение на Вителлия, который впоследствии ответил тем же.

Из войск империи Отон главным образом рассчитывал на легионы, стоявшие на Дунае. Дух соперничества с войсками, стоявшими в других частях империи, а также неприятие претензий рейнских армий Вителлия заставлял служивших на Дунае легионеров испытывать чувство резкой враждебности к последним. Дунайские легионы стали готовиться к походу в Италию на помощь Отону. Но для организации такого похода нужно было время, а пока император находился в тягостной зависимости от преторианцев, составлявших его единственную опору. При этом на самих гвардейцев он не имел никакого влияния, и те даже сами избрали себе префектов, заменивших убитого Лакона. Более того, контролировать их самоуправство становилось все труднее. Узнав о тайной выдаче оружия одной из стоявших в городе когорт, направлявшейся защищать Остию, преторианцы, посчитав, что сенаторы замышляют убийство Отона, завладели оружием и с мечами в руках вломались во дворец, прервав императорский пир и ранив двух центурионов, пытавшихся встать на их пути. Плутарх, создавший ряд биографий императоров, из которых, правда, до нас дошли только жизнеописания Гальбы и Отона, так описывает то, что произошло вслед за этим:

У Отона в тот вечер обедали восемьдесят сенаторов; узнав об этом, солдаты решили, что им предоставляется счастливый случай перебить всех врагов императора разом, и помчались ко дворцу. В городе поднялся отчаянный переполох — все были уверены, что сейчас начнется грабеж, — люди во дворце лихорадочно заметались, забегали, а сам Отон оказался в тяжелейшем затруднении: страшась за своих гостей, он сам был им страшен, он видел их взоры, прикованные к нему в безмолвном ужасе, тем большим, что некоторые пришли с женами. Послав начальников охраны переговорить с солдатами и успокоить их, император в то же время выпустил приглашенных через другие двери. И едва успели они скрыться, как наемники вломались в залу и требовали ответа, куда подевались враги императора. Отон встал во весь рост на своем ложе, лишь ценою долгих уговоров, просьб и даже слез удалось ему заставить солдат уйти. На другой день, назначив каждому в награду по тысяче двести пятьдесят драхм, он отправился в лагерь и сперва хвалил всех вместе за преданность и верность, но потом сказал, что иные — немногие — со злым умыслом мутят войско, выставляя в ложном свете доброту императора и преданность ему воинов, просил разделить его негодование и помочь наказать смутьянов. Речь его была встречена дружным одобрением, все кричали, чтобы он поступал так,

как находит нужным, и Отон, схвативши всего двоих, чья смерть ни у кого не могла вызвать жалости, возвратился к себе⁵.

Для древних авторов описанный выше инцидент представлял собой пример того, как низко стали цениться власть, достоинство и безопасность римских императоров. Отон, узурпировавший власть с помощью заговора и убийства, показал солдатам, что императорский титул можно продать и купить, и что сами они имеют достаточно власти, чтобы убить одного цезаря и возвести вместо него на престол другого. Сейчас же он пожинал унижительные для себя плоды своих действий — отвратительные сцены борьбы властолюбцев, самоуправства черни и истерии, которые, согласно Тациту, были неизбежными последствиями междоусобиц.

Оказавшись в Риме в столь тяжелом положении, Отон, славившийся своей порывистостью, вел, однако, подготовку к отражению наступления Вителлия крайне медленно. Находившиеся в его распоряжении столичные войска были не только недисциплинированными, но и не приучены к боевым действиям, и некоторое время пришлось потратить на их подготовку. Кроме того, они были не слишком многочисленны, и Отон оказался вынужденным прибегнуть к непопулярным мерам, сформировав вспомогательный отряд из двух тысяч гладиаторов. На всю эту подготовку ушло два месяца, и пытаться перекрыть альпийские перевалы было уже слишком поздно. В сложившейся ситуации следовало сдержать врага на реке По, причем сделать это надо было без помощи дунайских легионов, часть которых, правда, уже выступила на помощь императору.

В распоряжении у Отона были замечательные военачальники, однако он, по замечанию Диона Кассия, совершил роковую ошибку, послав их на север во главе отдельных армий и не установив общего командования. Кроме того, он отправил флот в Южную Галлию, но эта ненужная экспедиция не привела к заметным результатам. Вскоре после отплытия флота Отон покинул Рим и направился в свои войска на север, доверив управление столицей своему брату Луцию Сальвию Отону Тициану, бездеятельному человеку, порядочность которого в денежных делах вызывала сомнения. Направляясь на север, Отон вызвал к себе симпатию тем, что шел пешком впереди боевых значков. Во время похода он перестал уделять слишком большое внимание собственной внешности и, следуя примеру солдат, пренебрегал баней и бритьем.

Когда Отон прибыл в войска, его полководцы стали давать ему взаимоисключающие советы. Не исправило положение и запоздалое назначение верховного главнокомандующего, ибо этот пост достался некомпетентному в военных делах брату императора, специально вызванному из Рима. Наиболее опытные со-

ветники призывали Отона не начинать битвы до прибытия подкреплений с Дуная. Но Отон и Тициан, видимо, не будучи уверенными в том, что войска будут сохранять верность им долгое время, решили дать сражение даже меньшими силами. Сам Отон, правда, не должен был участвовать в нем, ибо, согласно принятому на военном совете решению, ему предстояло отойти с большим отрядом в Брикселл (ныне Брежелло) и там дожидаться исхода битвы. Очевидно, совет не желал подвергать опасности жизнь императора и отправил его и его отряд в тыл, где он был бы в большей безопасности. Между тем это существенно подорвало боевой дух солдат, готовившихся к бою.

Решающее сражение, которое обычно именуют первой битвой при Бедриаке (ныне Кальватоне), произошло приблизительно в двадцати километрах к востоку от Кремоны. В гражданских войнах отличить друга от врага было весьма непросто, ибо противники носили одинаковые доспехи и сражались одним и тем же оружием. Уже после первых отдельных стычек положение стало меняться не в пользу войск Отона, особенно тогда, когда большой отряд союзников из армии Вителлия, разгромив прибывшие из Рима гладиаторские части, обрушился на них с фланга. В итоге отонианцы были наголову разбиты. На следующий день побежденные, покинутые многими из своих полководцев, капитулировали, и вскоре между бывшими противниками началось братание.

Узнав в Брикселле о разгроме своих войск, Отон, несмотря на все заверения, что с приходом дунайских легионов положение поправится, принял решение покончить с собой. Его смерть, как он заявил, должна была остановить кровопролитие. Этого не произошло, однако на древних самоубийство Отона произвело большое впечатление.

Хоть не решен был исход гражданской войны Энионой
(Мог бы, пожалуй, еще слабый Отон победить),
Предал проклятию он кровавые Марсовы битвы,
Твердой рукою насквозь грудь поразивши себе.
Пусть даже Цезаря был Катон превосходнее в жизни,
Смертью Отона, скажи, разве он мог превзойти?⁶

Тацит всячески превозносит прекрасную кончину Отона, следуя общепринятому мнению, согласно которому она стала искуплением за совершенные императором преступления, в том числе и убийство Гальбы. «Он увековечил память о себе двумя поступками, говорит под конец историк, — одним позорным, другим благородным — и приобрел у потомков и добрую, и дурную славу»⁷.

Хотя решение Отона добровольно уйти из жизни означало, что верные ему офицеры и солдаты оставлены на произвол судьбы, можно поверить, что император не желал проливать кровь римлян. Возможно, что причины, побудившие его совершить самоубийство, были не столь возвышенными. Секунд, который вел

переписку Отона и вполне мог знать его мнение, утверждал, что император руководствовался более приземленными соображениями. Согласно его рассказу, передаваемому Плутархом, император никак не мог решить, что предпочтительнее — продолжать борьбу или сдаться, и явно не выдержал нервного напряжения.

Таким образом, изначальная неспособность Отона управлять государством проявилась на деле. Однако те 95 дней, в течение которых он держал в руках бразды правления, имели большое историческое значение. Сам факт его прихода к власти продемонстрировал: римским императором может стать не обязательно представитель древнего знатного рода. «В то время, когда вопрос о том, кто взойдет на престол, решался в вооруженной борьбе, — отмечал сэр Рональд Сайм, — значимость родословных резко упала». Но Отон подал и куда более дурной пример, показав, что дорогу к трону себе можно проложить, убив императора. В течение многих последующих столетий этому примеру следовали снова и снова, и физическое устранение правителя стало одной из характерных черт кризисов престолонаследия, которые не-престанно потрясали Рим и всю империю.

Правление Отона дало и еще один негативный прецедент: правитель становится игрушкой в руках приведших его к власти преторианцев. Его быстрое падение было обнадеживающим, так как показало, что и могущество гвардейцев не безгранично. Между тем это событие вряд ли внушало значительный оптимизм, ибо единственным его результатом стал приход к власти императоров, которых возводили на престол войска.

Глава 9

ВИТЕЛЛИЙ

Авл Вителлий, родившийся в 15 г. н. э., был внуком всадника из Луцерии (ныне Лучера в Апулии), состоявшего одно время на службе у Августа, и сыном Луция Вителлия, близкого друга и советника императора Клавдия. Сам Авл занимал пост консула в 48 г. н. э., а впоследствии был заместителем Африки. Гальба назначил Вителлия заместителем Нижней Германии, и в ноябре 68 г. н. э. он вступил в эту должность.

2 января 69 г. н. э. солдаты, подстрекаемые Цециной и Валентом, приветствовали Вителлия как императора, а еще через день к ним примкнули легионы Верхней Германии, уже отказавшиеся подчиняться Гальбе. Выступление Вителлия поддержали также в Галлии, Реции*, Британии и Испании. Еще не получив известия о гибели Гальбы, Цецина и Валент выступили в поход на Италию. Продвигаясь вперед ускоренным маршем, они прошли через перевалы Большой Сен-Бернар и Мон-Женевр и в битве, известной как первое сражение при Бедриаке, разгромили войска полководцев Отона. Последний покончил жизнь самоубийством, и 19 апреля сенат провозгласил Вителлия императором.

Вслед за своими полководцами Вителлий, не торопясь, двинулся на Рим. Достигнув столицы в июле, он получил известие, что стоявшие в восточных провинциях империи легионы, которые, как казалось вначале, готовы были подчиниться ему, поддержали заместителя Иудеи Веспасиана, а войска, дислоцированные на Дунае, последовали их примеру. Вителлий начал готовиться к новой войне. Он распустил преторианскую гвардию Отона и заменил ее более многочисленным корпусом, составленным из верных ему солдат. Веспасиан действовал весьма осторожно, а его сторонник Прим, командовавший одним из дунайских легионов, предпринял с частью своих войск быстрый марш на Италию. Вителлий собирался сдержать врага на реке По, однако к тому времени

---

* Нынешние восточная Швейцария, Южная Бавария и Тироль. В описываемое время Реция была одной из римских провинций. (Примеч. пер.)

он уже не мог опереться ни на Валента, ни на Цецину, ибо первый из них был болен, а второй изменил ему и бежал. В конце октября, когда в Германии началось антиримское восстание Цивилиса, практически обезглавленная армия Вителлия была разбита Примом во втором сражении при Бедриаке. После битвы победители двинулись на столицу, а уцелевшие сторонники Вителлия стали разбегаться.

18 декабря брату Веспасиана Сабину, бывшему префектом города Рима, едва не удалось убедить Вителлия сложить с себя титул императора. Но сохранившие верность Вителлию войска и городские низы сорвали попытки Сабина, и он вместе с Домицианом, младшим сыном Веспасиана, был вынужден запереться в крепости на Капитолийском холме. На следующий день, однако, эта крепость пала, а храм Юпитера был уничтожен пожаром. Сабин погиб, но Домициану удалось бежать. В то же самое время в Рим ворвались войска Прима. На следующий день место, где скрывался Вителлий, было обнаружено, а сам он предан мучительной казни.

Выходец из того же сословия, что и Отон, начавшего играть важную роль в государстве в годы принципата, Вителлий имел отличные возможности сделать себе карьеру, ибо его отец Луций пользовался огромным влиянием при дворе Клавдия. Сам Вителлий состоял в дружбе со всеми императорами, начиная с Тиберия. Правда, если верить слухам, его отношения с ними не всегда были достойными: у Тиберия он был наложником, с Калигулой его сблизила любовь к скачкам, а с Клавдием — пристрастие к азартным играм; наконец, Нерон сделал его распорядителем представления, в котором впервые выступил в римском театре. Увидев людей, желавших послушать пение императора, Нерон оробел, и лишь вмешательство Вителлия помогло ему избавиться от волнения. Заседая в сенате, Вителлий выделялся тем, что ревностно превозносил Нерона. По замечанию Тацита, он «постоянно нападал с бранью на честнейших людей и, получив отпор, тотчас же смолкал, как это свойственно трусам».

Свое свободное время Вителлий проводил в довольно вульгарном обществе, посещая сомнительные заведения. Но главным образом он отличался обжорством. Он порядочно пил, причем и днем, и вечером, однако прежде всего стремился удовлетворить свое чудовищное чревоугодие — часто за счет остальных, ибо нередко напрашивался на угощение, особенно после того как пришел к власти.

Самым знаменитым был пир, устроенный в честь его прибытия братом: говорят, на нем было подано отборных рыб две тысячи и птиц семь тысяч. Но сам он затмил и этот пир, учредив такой величины блюдо, что сам называл его «щитом Минервы градодержщицы». Здесь

были смешаны печень рыбы скара, фазаньи и павлиньи мозги, языки фламинго, молоки мурен, за которыми он рассылал корабли и корабельщиков от Парфии до Испанского пролива¹.

Чтобы не умереть от постоянного переедания, Вителлий регулярно принимал рвотное. Его товарищам по пирам пришлось сложнее. Один из них, Квинт Вибиус Крисп, которого часто приглашали на эти грандиозные застолья, однажды заболел и в течение нескольких дней не появлялся на пирах. Но именно это, как он впоследствии признал в одной приватной беседе, спасло ему жизнь. «Не заболел бы я тогда, — сказал он, — я бы, наверное, умер».

Размышлять над причинами чрезмерного чревоугодия Вителлия — неблагодарное занятие, ведь мы слишком мало знаем о персонажах античной истории, и не можем дать объяснение таким ненормальным явлениям. Возможно, у Вителлия было непреодолимое влечение к пище, компенсировавшее слабость или отсутствие иных устремлений. Но не исключено также, что речь шла просто о считавшемся в старые времена пороком обжорстве, которому Вителлий, став императором, смог предаваться, не встречая на своем пути никаких препятствий. Но чем бы чревоугодие Вителлия ни объяснялось и каких бы огромных расходов ни стоило, оно тем не менее занимает лишь весьма скромное место среди совершавшихся в те годы отвратительных деяний. По замечанию Тацита, как порок оно было несравнимо с бесчеловечностью Отона, который организовал убийство Гальбы. Что же касается Вителлия, то он «своим обжорством и пьянством... (лишь) позорил самого себя».

Вителлий был человеком огромного роста, со слабым бедром, которое он когда-то разбил о колесницу, прислуживая на скачках Калигуле. От постоянного переедания и неумеренности в питье у него были огромный живот и красное лицо.

Между тем даже Тацит, настроенный весьма враждебно к Вителлию и объясняющий его возвышение исключительно славой отца, а приход к власти — личной ненавистью к Гальбе, признает, хотя и неохотно, что император был наделен некоторыми достоинствами.

Были в нем, правда, и простодушие, и широта, но ведь это свойства, которые, если не управлять ими, обращаются на погибель человеку. Он искренне думал, что дружбу покупают не верностью, а богатыми подарками, и поэтому окружали его не столько друзья, сколько наемники².

В несколько более позитивных тонах говорит о Вителлии Дион Кассий:

Хотя он и жил той жизнью, которой жил, но тем не менее сделал и кое-что хорошее. Так, он оставил в обращении монеты, отчеканенные при Нероне, Гальбе и Отоне, не выказав никакого неудовольствия по

поводу того, что на них помещены изображения его предшественников. Все сделанные ими пожалования он посчитал законными и не отобрал ни одно из подаренных ими владений. Недоимки от предыдущих лет он не собирал и имущества ни у кого не отнял.

Казнил он лишь немногих из тех, кто поддерживал Отона, причем имущество их отдал их родственникам. Родственникам же тех, кто был казнен ранее, он отдал все их средства, которые еще хранились в государственной казне. Не оспаривал он и завещания тех, кто сражался против него и погиб в бою³.

Тацит говорит о жестокости Вителлия, в том же самом он обвиняет и Отона. Между тем, учитывая сдержанность, с которой Вителлий относился к своим политическим противникам, можно сказать, что возвращение при нем на монеты надписи CLEMENTIA, не появлявшейся при пяти предыдущих императорах, было в некоторой степени обоснованным.

К несчастью для Вителлия, он совершенно не разбирался в военном деле. Несомненно, именно поэтому Гальба спокойно доверил ему командование большой армией. Но в обстановке гражданской войны такая некомпетентность была серьезным недостатком. В последние роковые месяцы правления императора «наиболее мрачное зрелище являл собой сам Вителлий. Невежественный в военном деле, неспособный что-либо предвидеть и рассчитать, он не умел ни построить войско, ни собрать нужные сведения, ни ускорить или замедлить ход военных действий. Он обо всем спрашивал совета у окружающих...»⁴.

И все же нельзя сказать, что Вителлий не пользовался любовью солдат. Его популярность отчасти объяснялась тем, что он совершенно не заботился о дисциплине, в результате чего поход на юг сопровождался многочисленными преступлениями и бесчинствами. «Мало кому удавалось, — писал Тацит, — действуя честно и благородно, добиться такой преданности солдат, какую Вителлий завоевал своей глупостью и беспомощностью». Здесь, правда, следует отметить, что Вителлий был хоть и грубоватым в обращении, но все же довольно обходительным человеком, и это качество завоевывало ему симпатии людей.

Войско, и без того враждебное императору и склонное к мятежу, встретило его с ликованием, простирая руки к небу: новый начальник, сын троекратного консула, сам в цвете лет, любезный и щедрый, казался даром богов. Это давнее мнение Вителлий подкрепил новыми доказательствами: по дороге он целовался при встрече даже с простыми солдатами, на постоялых дворах и в харчевнях был на диво любезен и с попутчиками и с погонщиками, а по утрам даже расспрашивал каждого, завтракал ли он, и рыгал, чтобы показать, что сам-то он уже позавтракал⁵.

Но способности рыгать, пусть даже в знак дружеского расположения, было недостаточно для того, чтобы выигрывать сра-

жения, и Вителлий, совершенно не разбираясь в военном деле, полностью зависел от Цецины и Валента, командовавших высланными вперед корпусами его армии.

Авл Цецина Алиен, родившийся в Вицетии (ныне Виченца), был молодым, высоким, красивым и подтянутым человеком, великолепно владевшим искусством говорить с людьми. Наделенным большим внешним обаянием, он любил облачаться в длинные германские штаны и яркий плащ, а его жена следовала за ним в пурпурном платье. Цецина пользовался репутацией крайне амбициозного человека. Будучи одним из помощников наместника Бетики (южная Испания), он примкнул к восстанию Гальбы, который в качестве награды назначил его командиром одного из стоявших в Верхней Германии легионов. Когда же Гальба приказал отдать Цецину под суд по обвинению в казнокрадстве, он решил принять самое активное участие в мятеже Вителлия.

Фабий Валент происходил из одного из всаднических родов Анагнии (ныне Ананьи в центральной части Италии). В изображении Тацита он предстает как развратник и корыстолюбец, который «предался распутству, дабы прослыть светским человеком. При Нероне, во время Ювеналовых игр, он неоднократно выступал в качестве мима, сначала делая вид, будто его к этому вынуждают, потом — не скрывая, что выступает по собственной охоте; игра на сцене принесла ему репутацию скорее умелого актера, чем порядочного человека». Командуя легионом в Нижней Германии, он стал сторонником Гальбы и даже убил наместника провинции Фонтая Капитона, заподозрив, что тот придерживается иной политической ориентации. Благодарность Гальбы, однако, оказалась меньшей, чем ожидал Валент, и он вместе с Цециной склонил Вителлия к тому, чтобы тот объявил себя императором. Хотя столь стремительное продвижение Валента и Цецина на юг заставляют предположить, что план мятежа созрел у них еще до того, как Вителлий появился на политической сцене.

Таковы были два человека, которые вели войска Вителлия: Цецина через современную Швейцарию, Валентс — через Францию. Поход ознаменовался многочисленными инцидентами, а в войсках Валента однажды начались беспорядки, однако обе армии успешно перешли через Альпы до зимних снегопадов. Соединившись около Кремоны, они впоследствии бились против отонианцев в первом сражении при Бедриаке.

После победы Вителлий сделал Цецину и Валента консулами, однако они, подобно советникам Гальбы, не справлялись со своими обязанностями, ибо относились друг к другу с завистью и неприязнью. Цецина говорил, что Валент человек подлый и грязный; а тот выставлял его гордецом и хвастуном. Согласно Тациту, предпочтение среди них отдать было некому, так как оба были одинаково низкими и неразборчивыми в средствах

людьми. Говоря так, историк, однако, стремился показать, каких недостойных людей вознесла на гребень волны гражданская война, но на самом деле Цецина и Валент могли быть и не такими откровенными личностями, какими он их изображает.

Вскоре после того, как Вителлий выступил из Нижней Германии во главе шестидесятитысячной резервной армии, ему доложили, что его полководцы одержали победу, а Отон покончил с собой. Сенат незамедлительно провозгласил его императором.

Приказав войскам продолжать двигаться вперед, Вителлий сел на корабль и по Соне добрался до Лугдуна (ныне Лион). Там он устроил парад победы, в ходе которого рядом с ним сидели Цецина и Валент. Во время церемоний произошел и один довольно значительный эпизод, ибо «Вителлий велел привести своего новорожденного сына, укутал его боевым плащом и приказал войскам дефилировать перед ребенком, которого держал прижатым к груди; он назвал сына Германиком и облек его всеми знаками императорского достоинства». Мальчику, которого Вителлию родила его вторая жена Галерия Фундана, было, очевидно, всего шесть лет, и он был столь косноязычен от природы, что почти не мог говорить. Между тем он был сыном человека, ставшего теперь императором, и Вителлий уже заявлял об основании новой династии.

Для достижения этой цели Вителлий, каковы бы ни были его недостатки, имел все-таки лучшие возможности, чем практически любой из его предшественников — хотя бы потому, что у него был свой собственный сын. Из всех восьми цезарей и семи императоров, правивших до него, так повезло самое большее двоим, однако один из них, Тиберий, лишился сына еще при жизни, а другой, Клавдий, не стал назначать своего отпрыска престолонаследником под давлением Агриппины. Гальба, пришедший к власти после падения Юлиев—Клавдиев, хорошо понимал, какое значение имеет династическая преемственность, столь высоко ценяемая солдатами, и, не имея собственного сына, взял себе приемного из другого рода. Имей Гальба своего сына, наследником он объявил бы именно его. У Вителлия сын был, и он так и поступил. Более того, он открыто продемонстрировал свое стремление установить власть новой династии, когда распорядился начать чеканить монеты с портретами сына и дочери и надписью «дети императора Германика».

Приняв имя Германик и дав его также своему сыну, Вителлий пошел на нововведение. Это имя впервые получил Друз Старший, пасынок Августа, и тогда оно означало «покоритель Германии». Присваивая его Друзу, сенат постановил, что носить его должны и потомки полководца, в память о его завоеваниях. Германик, Клавдий и Нерон с гордостью называли себя этим именем. Между тем применительно к Вителлию оно означало нечто совсем иное — «ставленник германских легионов». Назы-

вая себя так, Вителлий совершал роковой шаг, неосторожно признавая, что он — лишь выдвигенец одного из крупных пограничных корпусов, а не выразитель интересов всей армии в целом.

Потерпевшие поражение легионеры Отона попытались передать власть наместнику Верхней Германии Луцию Вергинию Руфу, однако он уклонился от оказанной ему чести, прибегнув к испытанному ранее способу — вышел из дома через заднюю дверь, избежав таким образом встречи с угрожавшими ему посланцами армии. Через некоторое время Вителлий, изменив своей обычной склонности к всепрощению, распорядился отправить на казнь нескольких наиболее влиятельных центурионов Отона, что нанесло сильный удар по его престижу в дунайских легионах. Он также распустил преторианскую гвардию Отона, бросив тем самым ее солдат и офицеров в объятия своих врагов, и сформировал новый, более многочисленный корпус охраны из легионеров германских армий и воинов вспомогательных отрядов.

Когда Вителлий приблизился к воротам Рима, советники порекомендовали ему не въезжать в город в полном убранстве, а войти пешком, облачившись в гражданскую тогу. Между тем Рим вскоре заполнили солдаты победившей армии, которые вели себя так же разнузданно, как и во время похода. Для того, чтобы отвлечь внимание населения от их бесчинств, были выпущены новые монеты с девизами пропагандистского характера. На одной из монет мы видим надпись TVTELA AVGVSTI (покровительство императора народу). Забота о народе всегда считалась одной из обязанностей императора, однако на монетах это никогда прежде не отражалось. Нововведением Вителлия стало и провозглашение им принципа LIBERTAS AVGVSTI (свободы, данной императором), кажущегося более ясным и связанным с личностью правителя, чем выдвинутый Клавдием девиз LIBERTAS AVGVSTA (свобода, заложенная в имперском режиме).

На римлян, страдавших от бесчинств победителей, такая концепция свободы вряд ли произвела большое впечатление. Но выдвигая ее, Вителлий обращался прежде всего к сенату, с которым он, как и большинство его предшественников, с самого начала стремился иметь хорошие отношения. Желая заручиться расположением сенаторов, он тактично вел отсчет времени своего правления не со 2 января, когда его провозгласили императором в Германии, а с 19 апреля, даты официального подтверждения сенатом его вступления на престол. Он регулярно присутствовал на заседаниях сената, спокойно относился к инакомыслию и лично поддерживал своих кандидатов на должности консулов. Продолжая политику Отона, Вителлий не назначал вольноотпущенников на важные секретарские должности. Полезность таких примирительных жестов по отношению к сенату

стала особенно очевидной в конце правления Вителлия, когда император, находясь в критической ситуации и стремясь вознаградить своих сторонников, устроил выборы консулов на десять лет вперед, чем задел чувства сенаторов.

В эти критические месяцы Вителлий показал, что не особенно стремится называть себя «Цезарем» и «Августом», ведь эти имена были тесно связаны с правителями прошлых лет, соперничать с которыми он пока не мог. Хотя император с удовольствием оказывал посмертные почести своему бывшему покровителю Нерону, что когда-то делал и Отон, он тем не менее воздерживался от заимствования титулатуры старой угасшей династии, ибо стремился основать новую, приведя к власти дом Германика. Отказ от старых титулов был даже слишком подчеркнутым. Уже была одержана решающая победа, но Вителлий все еще не желал называть себя цезарем. Впоследствии, когда положение стало отчаянным, император принял-таки этот помпезный титул, который, правда, так и не появился на монетах, в суеверной надежде, что такой шаг поможет ему изменить ситуацию. Первоначальное нежелание императора именоваться Августом было преодолено уже сразу после вступления в Рим. Тацит презрительно замечает, что этот «титул никак не пристал Вителлию, независимо от того, соглашался он принять его или нет». Очевидно, Вителлий стал и пожизненным консулом. Три четверти века назад Август сложил с себя исполнявшиеся им к тому времени не один год обязанности консула, чтобы освободить этот пост для жаждавших занять его аристократов. В 58 г. н. э. предложение стать пожизненным консулом отклонил Нерон. Но Вителлий, видимо, считал, что должен укреплять свой авторитет. Консулы, приступавшие к исполнению своих обязанностей в начале каждого года, до сих пор номинально стояли во главе государства, и он, не принадлежавший ни к Юлиям—Клавдиям, ни к старой аристократии, не мог позволить себе пренебрегать такими видимыми знаками власти. Если бы режим Вителлия устоял, пожизненное консульство стало бы, возможно, одной из главных черт государственного устройства империи.

Но если Вителлий, как казалось, имел собственные представления, каким должен быть политический строй империи, воплотиться в жизнь им не было суждено, ибо уже летом войско, набранное Антонием Примом, сторонником Веспасиана, из недовольных новым императором солдат дунайских армий, перешло через Юлиевы Альпы и вторглось в Италию. Перед лицом опасности Вителлий действовал слишком медлительно. К провозглашению Веспасиана императором он ранее отнесся с непонятым спокойствием; сейчас же он укрылся в тени садов на своей вилле в Ариции, по замечанию Тацита, «подобный бес-

смысленным животным, которые, едва насытятся, погружаются в оцепенение». Как в свое время Отон, промедливший с выступлением против полководцев самого Вителлия, император слишком много времени потратил впустую.

Но Вителлий понял хотя бы то, что неприятеля необходимо задержать на реке По. В силу того, что войска Прима надвигались с востока, особое стратегическое значение приобретала Гостилия (ныне Остилья), возле которой, как считалось, они должны были попытаться переправиться через реку. Валент был в то время болен, и приказ занять прочную позицию возле этого городка получил Цецина. Последний, однако, счел, что противник скорее всего одержит победу, и решил перейти на его сторону. Легионеры отказались последовать за Цециной и взяли его под стражу. Оставшиеся без командира войска должны были отойти к Кремоне. Именно там и произошла битва, известная как второе сражение при Бедриаке.

Противники яростно сражались, и исход боя был неясен до ночи, когда появившаяся луна начала светить вителлианцам в лицо, и они стали хорошо видны противнику. Вскоре они дрогнули и побежали, а Прим, дойдя до Кремоны и отдав город на разграбление своим воинам, поспешил продолжить марш на юг. В пути он получил ободряющее известие: Валент, посланный после выздоровления в Галлию, чтобы собрать там новое войско, не смог справиться со своей задачей и был заключен под стражу. Через некоторое время его казнили.

Получив известие о поражении своих войск, Вителлий двинул большую часть оставшихся у него в распоряжении сил к Мевании (ныне Беванья), расположенной в восьмидесяти километрах к северу от Рима, в месте, где дорога вступает на Апеннины, а затем выступил за ними сам. Узнав, однако, что стоявший в мизенском порту флот перешел на сторону противника, он отвел войска к Нарнии (ныне Нарни) в тридцати километрах к северу от Рима, а сам поспешно вернулся в столицу. Там Сабин, брат Веспасиана, бывший префектом города Рима, попытался убедить Вителлия сложить с себя власть, однако их переговоры, подобные которым ни один римский император никогда дотол не вел, были сорваны солдатами и горожанами. Взяв приступом Капитолий, они убили Сабина, но племяннику последнего Домициану удалось бежать. Когда в город вошли войска Прима, Вителлий был убит с исключительной жестокостью. Его страшную гибель Тацит посчитал достойным завершением ужасного «года четырех императоров».

Изображать Вителлия злодеем было бы неправильно. Вместе с тем его неумеренность в еде и питье усилилась после прихода к власти, а сохранить только что завоеванный трон ему помешало не невезение, а собственная бездарность. Вызванная пьянством тупость, неопытность в военных делах и опора на двух

враждовавших между собой советников закономерно привели к падению императора.

Возможно, по прошествии более чем двух тысяч лет такие суждения следует высказывать осторожно. Все три недолго стоявших у власти императора — Гальба, Отон и Вителлий — на страницах этой книги были заклеены как неспособные управлять государством. Да, ни один из них не задержался на троне больше чем на несколько месяцев. Но если мысль Гегеля, что Воля Божья проявляет себя только в исторических событиях, понимать, будто добрые и знающие люди всегда побеждают, а злые и невежественные терпят поражение, то она в некоторых случаях оказывается неверной. Так, тех из правителей поздней империи, кто не мог ничем подкрепить свои притязания на престол, обычно называют «узурпаторами», а те, кто продержался у власти более длительный срок, именуется «императорами», но все они — узурпаторы в равной мере.

Можно задаться вопросом, были ли Гальба, Отон и Вителлий более посредственными и бездарными, чем, скажем, правившие дольше Калигула и Нерон. Но даже если бы Калигула или Нерон пришли к власти в том катастрофическом 69 г. н. э., они вряд ли наделали бы более грубые ошибки, чем те, которые умудрились совершить императоры, правившие в то время. Последние бросили в почву отвратительные семена и немедленно пожали урожай.

Одержавший победу в гражданской войне Веспасиан казался ничуть не лучше своих предшественников. Впоследствии, однако, он к всеобщему изумлению превзошел и Вителлия, и всех остальных императоров, продержавшихся у власти лишь короткое время. Причины этого мы попытаемся рассмотреть ниже.

Часть IV
ДИНАСТИЯ
ФЛАВИЕВ

ВЕСПАСИАН

Тит Флавий Веспасиан, основатель династии Флавиев, родился в Реате (ныне Риети в центральной части Италии) в 9 г. н. э. Отец Веспасиана, сборщик налогов из земли сабинян, был всадником, однако дядя будущего императора по материнской линии удостоился звания сенатора. Сам Веспасиан начал свою карьеру благодаря протекции приближенных Клавдия — вольноотпущенника Нарцисса и советника Луция Вителлия, сын которого позднее занял престол. В 43—44 гг. н. э. он, командуя легионом, отличился во время вторжения в Британию, в 51 г. н. э. стал консулом, а затем был назначен наместником провинции Африка (нынешний Тунис). Впоследствии, однако, Веспасиан жил в бедности. В 66 г. н. э., сопровождая Нерона в путешествии по Греции, он едва избежал казни, ибо засыпал во время пения императора. В феврале следующего года Веспасиан был направлен наместником в Иудею с заданием подавить Первое иудейское восстание, которое сами иудеи называли Первой войной с римлянами. Согласно иудейскому историку Иосифу Флавию, повстанцы надеялись и верили в успех своего дела:

«Это, как я уже сказал, величайшее потрясение нашего времени произошло, когда сам Рим пребывал в состоянии смуты. Еврейские мятежники воспользовались всеобщим смятением, чтобы поднять восстание; в людях и деньгах у них не было недостатка, и беспорядки достигли такой степени, что, в зависимости от положения дел на Востоке, одни были полны надежды на победу, а другие — страхом поражения. В самом деле, евреи, что по ту сторону Евфрата, все как один жаждали случая присоединиться к восстанию, в то время как римлян беспокоили соседние им галлы, да и кельты тоже проявляли признаки волнения, ибо после смерти Нерона беспорядок царил повсюду. Многие склонялись к тому, чтобы воспользоваться обстоятельствами для захвата императорской власти, в то время как войска использовали переход власти из рук в руки в целях собственной наживы»¹.

Тем не менее к июню 68 г. н. э. Веспасиану удалось подчинить власти Рима почти всю Иудею, за исключением

Иерусалима и нескольких отдаленных крепостей. Но, получив известие о гибели Нерона, он приостановил военные действия и, признавая на словах власть каждого из последующих императоров, вступил в союз с наместниками Сирии и Египта Муцианом и Александром, согласившимися помочь ему взойти на престол.

В июле войска, стоявшие в Египте, Иудее и Сирии, провозгласили Веспасиана императором. Немного погодя к ним присоединились и дунайские легионы. Союзники стали разрабатывать планы вторжения в Италию. Сам Веспасиан остался в Египте, чтобы перекрыть путь, по которому в Рим доставлялось зерно, а на запад с главными силами должен был отправиться Муциан. В это время, однако, командир одного из дунайских легионов Прим вторгся в Италию, выиграл второе сражение при Бедриаке и в ночь с 19 на 20 декабря вошел в Рим. Там он узнал, что брат Веспасиана Сабин, занимавший при Вителлии должность префекта города Рима, погиб в охваченной пожаром цитадели, а Домициану, младшему сыну Веспасиана, удалось бежать. Вителлий был растерзан солдатами Прима, и сенат провозгласил Веспасиана императором.

Через неделю или две в Рим прибыл Муциан. Он пресек амбиции Прима, сократил численность преторианской гвардии до того уровня, на котором она была до Вителлия, и замещал Веспасиана на троне приблизительно до октября 70 г. н. э., когда новый император прибыл в столицу. Вскоре после этого полководец Цериал подавил восстание в Германии под руководством Цивилиса. Иерусалим к этому времени был уже взят войсками старшего сына нового императора Тита, вместе с которым Веспасиан устроил в следующем году великолепное триумфальное шествие.

С помощью Муциана (умер между 75 и 77 гг. н. э.) Веспасиан с огромным усердием взялся за восстановление государственной машины империи, пострадавшей в годы гражданских войн. В 73—74 гг. н. э. он возродил должность цензора, с помощью которой не только устроил новую чистку сената, но и ввел в него много новых людей, происходивших как из Италии, так и из провинций.

Сотоварищем императора по должности цензора был Тит. Веспасиан назначил его префектом преторианской гвардии, открыто показав тем самым, что собирается основать новую династию. Будучи первым императором, имевшим сына, достаточно зрелого и уже отличившегося в государственных делах, Веспасиан, здоровье и силы которого были уже основательно подорваны (следует сказать, что в то время ему было далеко за шестьдесят), смог с помощью Тита частично избежать негативных последствий чрезмер-

ной загруженности делами и постоянного страха за свою жизнь, от чего страдали большинство его предшественников. Так, по прошествии некоторого времени, в течение которого императору приходилось сталкиваться с серьезной политической оппозицией, Тит в последний год жизни отца решительными действиями пресек попытку государственного переворота.

Это произошло в 79 г. н. э. 23 июня того же года Веспасиан умер, по-видимому, своей смертью, застудив себе живот чрезмерным купанием в холодной воде в Акве Кутилие (ныне Бани ди Патерно), недалеко от того места, где он появился на свет. После смерти Веспасиана на престол, не встретив на своем пути никакого сопротивления, вступил Тит.

Обстоятельства, в которых начался мятеж Веспасиана, предстают перед нами в неравномерном освещении его пропаганды, ибо победители излагали впоследствии ход событий в соответствии со своей собственной точкой зрения. Так, согласно Флавия, Веспасиан не хотел принимать на себя власть и лишь подчинился желанию войск, причем только после того, как Вителлий стал совершать злоупотребления. Тацит совершенно правильно не принимает это мнение на веру и утверждает, что план мятежа родился у Веспасиана и других наместников намного раньше.

В последние годы жизни Нерона, когда Веспасиан был наместником Иудеи, а Гай Лициний Муциан управлял Сирией, отношения между ними были далеко не безоблачными. Причина этого заключалась в том, что если ранее Иудеей правил второразрядный наместник из всаднического сословия, обязанный с почтением относиться к наместнику Сирии, то после иудейского восстания в распоряжении Веспасиана оказались большие и никому, кроме него, не подчинявшиеся военные силы, и это было не по душе Муциану. После самоубийства Нерона, однако, Веспасиан и Муциан забыли былое соперничество. Приводя, как и было положено, своих солдат к присяге быстро сменявшим друг друга на троне императорам, они продолжали внимательно следить за развитием событий. Приход к власти Гальбы не потревожил их, ибо Сабин, брат Веспасиана, был назначен при нем префектом города Рима. Скорее всего, помышлять о мятеже наместники начали, когда престол с помощью насилия занял Отон.

Веспасиан и Муциан тайно заручились поддержкой Тиберия Юлия Александра, влиятельного иудея-рenegата, бывшего в то время префектом Египта. Правда, ни Александр, ни Муциан не стремились занять трон сами. Александр не мог этого сделать, ибо происходил из всаднического, да к тому же иудейского рода, а Муциан не имел такого намерения — отчасти потому, что у него не было сыновей, с помощью которых можно было бы ос-

новать новую династию. Поэтому союзники решили, что престол должен отойти Веспасиану, у которого было два сына.

Победа Вителлия лишь укрепила решимость заговорщиков, хотя его отец был в свое время покровителем Веспасиана, а сам он провозглашен императором. Муциан, Александр и породнившийся с ним Агриппа II, иудейский царь, помогавший римлянам в борьбе против своих соотечественников, признали власть Вителлия. Между тем Агриппа, бывший в то время в Риме, получил секретное донесение о том, что Веспасиан замышляет мятеж, и спешно вернулся на Восток, чтобы встать на его сторону.

1 июля 69 г. н. э. Александр привел египетские войска к присяге на верность Веспасиану. Через несколько дней легионы, стоявшие под началом Веспасиана в Иудее, провозгласили его императором, и уже до середины месяца к ним примкнули сирийские войска Муциана. Было решено, что Муциан с двадцатитысячным войском выступит на Запад, а Веспасиан еще на некоторое время останется на Востоке, переместившись в Александрию. Принимая такое решение, Веспасиан полагал, что, контролируя жизненно важные для Рима поставки зерна из Египта, он с помощью своего брата Сабина, бывшего префектом столицы, сможет заставить Вителлия сдаться без боя.

Впечатляющие заявления о поддержке получил Веспасиан и от дунайских армий, которые впервые попытались возвести на престол своего ставленника, сыграв тем самым роль, ставшую одной из определяющих черт истории поздней империи. На Дунае инициативу взял в свои руки Марк Антоний Прим, командовавший одним из легионов, стоявших в Паннонии. Опередив Муциана, он вторгся в Италию и разбил вителлианцев во втором сражении при Бедриаке. Вслед за этим он сам, а затем Муциан, Веспасиан (спустя девять или десять месяцев) и Тит, который был оставлен в Иудее с заданием взять Иерусалим, один за другим прибыли в Рим, и новая династия Флавиев смогла приступить к лечению ран, нанесенных стране гражданской войной.

Веспасиан представлял собой новый тип правителя. Он принадлежал к более низкому сословию, чем Отон и Вителлий, и стал первым императором, на монетах которого были помещены изображение и имя богини Фортуны с особым добавлением AVGVSTI, что символизировало фортуна правителя и напоминало о выдающейся судьбе человека сравнительно незнатного происхождения, поднявшегося на самую вершину власти. Такую судьбу предрекали Веспасиану многие астрологи, а также его пленник, а впоследствии помощник, иудей Иосиф. Приход к власти человека, принадлежавшего в начале своей карьеры к людям сравнительно низкого звания, стал в течение последующих столетий примером для целого ряда кандидатов на престол, показав им, что и они могут завоевать трон. Действительно, в

годы поздней империи многие с разной степенью успеха пытались пробиться к заветной высоте, взойти на которую они, глядя на Веспасиана, считали себя вправе.

Веспасиан сознательно подчеркивал свою незнатность и соответствовавшую ей простоту нравов.

Во всем остальном был он доступен и снисходителен с первых дней правления и до самой смерти. Свое бывшее низкое состояние он никогда не скрывал и часто даже выставлял напоказ. Когда кто-то попытался вознести начало рода Флавиев к основателям Реате и к тому спутнику Геркулеса, чью гробницу показывают на Соляной дороге, он первый это высмеял. К наружному блеску он нисколько не стремился, и даже в день триумфа, измученный медленным и утомительным шествием, не удержался, чтобы не сказать: "Поделом мне, старику: как дурак, захотел триумфа, словно предки мои его заслужили или сам я мог о нем мечтать!"²

Веспасиан обладал простонародным выговором, и предания заботливо сохранили образ плебея-правителя, который своими руками вытаскивал обломки из храма Юпитера на Капитолии, когда здание начали отстраивать после пожара. В юности он не желал идти на государственную службу, однако впоследствии нужда заставила его заняться торговлей мулами и заложить все свое имущество. Но даже теперь, когда Веспасиан стал обладателем огромного состояния, он, по выражению Тацита, больше всего способствовал возвращению к простоте нравов, держась старинного, скромного образа жизни.

Веспасиан был очень умерен в питье, хотя намечавшаяся подагра в любом случае не давала ему злоупотреблять алкоголем. Новый, приземленный образ императора проявился и в его прозаической личной жизни. Его жена Флавия Домицилла, бывшая столь незнатного происхождения, что даже ее прошение о предоставлении римского гражданства вызвало дискуссию, умерла еще до того, как он пришел к власти. После ее смерти Веспасиан стал жить с Ценидой, любовницей своей молодости, которая более чем за тридцать лет до этого была вольноотпущенницей и письмоводительницей Антонии, матери Клавдия. Младший его сын Домициан не считал, что должен относиться к Цениде с почтением, однако она уже стала влиятельной и богатой, а работа письмоводительницей развила у нее цепкую память. Веспасиан жил с Ценидой в любви и согласии до ее смерти в 75 г. н. э. Впоследствии император, отправляясь вздремнуть после обеда, стал брать с собой наложницу. Все это, даже несмотря на красивую прическу, какими были известны Флавию, делало Веспасиана крайне не похожим на императоров предыдущей династии с их очаровательными фаворитками.

Добродушный и любезный, Веспасиан очень любил в сложной ситуации снять напряжение шутовской остротой, нередко касавшейся секса или испражнений. Но он, в отличие от большинства

своих современников, получал удовольствие и когда подтрунивали над ним. Человек крепкого и плотного телосложения, Веспасиан одновременно отличался «натужным выражением лица», которое мы видим и на некоторых из его изваяний. Скульпторы питали большое пристрастие к его грубоватому лицу и часто, — несомненно, с одобрения императора — изображали его правдиво, без приукрашивания. Сам Веспасиан и скульпторы понимали, что обыкновенные и прозаичные предусмотрительность и здравый смысл, проявлявшиеся в выражении лица и образе жизни императора, традиционная основательность, характерная для римского народа того времени, являются именно теми качествами, с помощью которых новый правитель может завоевать доверие людей после всех ужасов гражданской войны.

Веспасиан и его главный сторонник Муциан были очень разными людьми.

Веспасиан обычно сам шел во главе войска, умел выбрать место для лагеря, днем и ночью помышлял о победе над врагами, а если надо, разил их могучею рукой, ел, что придется, одеждой и привычками почти не отличался от рядового солдата, — словом, если бы не алчность, его можно было бы счесть за римского полководца древних времен. Муциан, напротив того, отличался богатством и любовью к роскоши, привык окружать себя великолепием, у частного человека невиданным; он лучше владел словом, был опытен в политике, разбирался в делах и умел предвидеть их исход. Какой образцовый получился бы принцепс, если бы можно было, отбросив пороки, слить воедино достоинства того и другого!³

Более колоритной фигурой был Муциан.

Это был человек, равно известный своими удачами и своими несчастьями. В молодости он из честолюбия искал дружбы с людьми знатными и богатыми и тщательно поддерживал эти отношения. Когда же вскоре состояние его оказалось расстроеным и положение безвыходным, когда над ним готов был разразиться гнев Клавдия, его отправили в один из захолустных городов Азии, и он жил чуть ли не на положении ссыльного в тех самых местах, где позже пользовался почти неограниченной властью. В нем уживались изнеженность и энергия, учтивость и заносчивость, добро и зло, величайшая доблесть в походах и излишняя преданность наслаждениям во время отдыха; его поведение в обществе и на службе вызывало похвалы, о тайных сторонах его жизни говорили много дурного; с подчиненными, близкими, коллегами, — с каждым он умел быть обаятельным по-своему; власть он охотнее уступал другим, чем пользовался ею сам⁴.

Муциан «был искусен в делах и словах, и на всем, что он говорил или делал, всегда лежала печать какого-то артистизма». Людей, не восхвалявших его, он считал несносными, осыпал почестями тех, кто оказывал ему даже самую незначительную по-

мощь, и ненавидел любого, кто этого не делал. «При сборе денег, — добавляет Тацит, — он исходил только из величия задач, перед ним стоявших, и не считался ни с правом, ни с реальными возможностями провинций». Считая людей, помогавших Веспасиану прийти к власти, предателями, историк не признает за ними никаких патриотических побуждений и полагает, что при новом императоре в свите «поменялись скорее люди, нежели взгляды» Но несмотря на холодное отношение Тацита, Муциан все равно предстает перед нами как исключительно предприимчивый и искусный дипломат.

Но на первом этапе и Муциана, и Веспасиана опередил Марк Антоний Прим, галл приблизительно пятидесяти лет от роду из Толосы (ныне Тулуза). Действуя от лица Флавиев, но не дожидаясь их предписаний, он самостоятельно организовал поход на Рим и выиграл решающую битву. Этот авантюрист, прозванный «петушиным клювом», представлялся Тациту одним из наиболее отвратительных порождений времени смуты и беспорядка.

Этот человек, не уважавший законы, осужденный при Нероне за подлог, был возвращен в число сенаторов, — как будто и без того война принесла нам мало бедствий. Поставленный Гальбой во главе седьмого легиона, Антоний, если верить молве, много раз писал Отону и вызывался возглавить его сторонников. Отон пренебрег его предложениями, и во время отонианской войны Отон остался не у дел. Когда положение Вителлия только начало колебаться, он перешел на сторону Веспасиана, и этот переход имел тогда большое значение. Антоний был лихой рубака, бойкий на язык, мастер сеять смуту, ловкий зачинщик раздоров и мятежей, грабитель и расточитель, в мирное время нестерпимый, но на войне небесполезный⁵.

Незадолго до того, как победоносные войска Прима вошли в Рим, произошло событие, казавшееся трагедией для дела, которому он служил. На Капитолийском холме разъяренные вителлианцы убили Сабина, старшего брата Веспасиана, занимавшего пост префекта города Рима. Сабин, которому в то время был шестьдесят один год, имел за плечами долгие годы безупречной службы государству. Он отличался многословием и с годами потерял часть былой энергии, но пользовался репутацией честного человека. Но его гибель не стала катастрофой, ибо, наоборот, сняла одну проблему личного характера, которая могла появиться в политической жизни, изобиловавшей сложностями. Хотя Сабин служил под началом Веспасиана в Британии, он не только был старше и богаче своего брата, но, когда тому грозило банкротство, согласился ссудить ему деньги, правда, только под залог имения и земель. Крайне маловероятно, чтобы Веспасиан не помнил об этом. Более того, согласно распространенному тогда мнению, между Сабиним и Муцианом неизбежно должно было начаться соперничество.

Муциан прибыл в Рим вскоре после гибели Сабина, и с этого момента Прима стали все более отеснять на второй план. В вину ему вменяли многое: он не сумел предотвратить бесчинства, совершенные своими солдатами в Кремоне, а затем четырехдневное разграбление Рима, а также, как стали утверждать в это время, подстрекал вождя германцев Цивилиса к выступлению против вителлианцев, давая тем самым толчок к восстанию против власти империи. Самым большим промахом Прима стало его заявление о том, что война была выиграна им, а не Муцианом. Вообще говоря, он был прав, ибо утверждать, что достичь бескровной победы помешала лишь его горячность, было невозможно. Между тем похвальба Прима «породила ненависть, которую Антоний высказывал открыто, а Муциан, хитрый и безжалостный, — лелеял в глубине души» Войдя в столицу, Муциан стал понемногу отстранять Прима от дел, и тот уехал на Восток жаловаться Веспасиану. Новый император принял его ласково и наградил знаками консульской власти. Впоследствии, однако, Прим ушел в частную жизнь, а затем уехал в родную Толосу, где спокойно дожил до старости.

Муциан в это время управлял Римом. К младшему сыну нового императора, восемнадцатилетнему Домициану, после успешного бегства из охваченного пламенем Капитолия почивавшему на лаврах, он относился внешне уважительно, хотя и не без подозрительности. Как временный глава государства, Муциан не мог оставить без внимания и всплеск свободомыслия в сенате, члены которого стали открыто выяснять отношения между собой, припоминая друг другу давние обиды. Муциан считал за благо прибегнуть к жестким превентивным мерам. Одной из жертв этих мер стал молодой и красивый Кальпурний Галериан, сын Пизона, участвовавшего в свое время в заговоре против Нерона. Причиной казни Галериана стала его аристократическая родословная, резко контрастировавшая с незнатным происхождением Веспасиана и дававшая людям основание считать его потенциальным кандидатом на престол. Казнили и семилетнего сына и наследника Вителлия — вокруг него также могли начать собираться оппозиционеры.

После того как Веспасиан осенью 70 г. н. э. прибыл в Рим, Муциан сохранил за собой исключительно важную роль советника императора, которую он продолжал играть вплоть до своей смерти, последовавшей пятью или семью годами позже. В последний период он уже не обладал огромным влиянием на императора. Хотя Муциан с самого начала сознательно отказался претендовать на престол, по складу характера он не мог довольствоваться ролью верного помощника. Незадолго до вступления в Рим он направил сенату послание, в котором недвусмысленно заявлял, что Веспасиан пришел к власти благодаря ему, да и после прибытия императора его манера превозносить себя вызвала удивление. Муциан, написавший книгу о чудесах света,

был серьезным литератором. Веспасиан считал его увлечение роскошью и изнеженность малопримлемыми. Август в свое время находил в себе силы мириться с экстравагантностью Мецената, но Веспасиан, обсуждая как-то сексуальные склонности Муциана с одним из своих друзей, заметил: «Я-то ведь все-таки мужчина!»

Муциан, очевидно, рассчитывал достичь значительно большей власти, чем та, которую он в конце концов получил. В 72 г. н. э. он удостоился исключительной чести стать консулом в третий раз. Почести оказывались ему до конца жизни. Причина этого заключается в том, что Веспасиан, несмотря на критические высказывания в частных беседах, стремился, по выражению Тацита, «умалять не достоинства своих друзей, а их недостатки».

Веспасиан принес империи мир, который после гражданских войн стал поистине бесценным даром. Великолепный храм Мира, напминавший потомкам об этом свершении, Плиний Старший считал одним из чудес света. Именно в правление Веспасиана появилось его знаменитое изречение о «грандиозном величии римского мира». Успешное окончание Веспасианом затянувшейся гражданской войны, раздиравшей империю и подвергавшей опасности само ее существование, дало ему широкую и прочную поддержку в народе. Император постоянно апеллировал к ней, используя помещавшиеся на монетах девизы. Хотя отношение к нему было в общем и целом хорошим, он нуждался в помощи и сочувствии людей. Проблемы, стоявшие перед Веспасианом, были довольно серьезными. Многочисленные раны, нанесенные гражданскими войнами, еще кровоточили; каждый из трех предыдущих императоров оставался у власти лишь считанные месяцы, поэтому можно было ожидать, что и нового принцепса постигнет та же участь. Ни один из предшественников Веспасиана не смог основать новой династии — так почему же он, происходивший из намного менее знатного рода, чем они, должен был оказаться удачливее?

Между тем власть императора покоилась на тех же устоях, что и ранее, главным из которых по-прежнему была поддержка армии. Обращаясь с войсками, Веспасиан проявлял твердость в разумном сочетании со справедливостью. Поэтому в его правление мы не видим ни одного вооруженного выступления, подобного тем, которые происходили в предыдущие годы. Перегруппировав легионы, чтобы не дать недовольным вителлианцам возможности посеять смуту, Веспасиан добился не только признания своей власти войсками, стоявшими на границах империи, но и полного отстранения их от участия в политической жизни. Именно ему, таким образом, принадлежит заслуга установления на долгий срок внутренней стабильности, остававшейся непоколебимой на протяжении почти всего следующего столетия.

Но войска не оставались без дела, завоеывая для империи территории, расположенные между верховьями Рейна и Дуная. При этом Веспасиан не давал солдатам забыть и о собственных военных заслугах, разрешив им приветствовать себя как *imperator*'а не менее двадцати раз.

В отличие от Вителлия Веспасиан вел отсчет времени своего правления не с момента признания своей власти сенатом, а с 1 июля 69 г. н. э., когда войска впервые провозгласили его императором. Подчеркивая тем самым, что своим воцарением он обязан солдатам, император одновременно давал понять сенаторам: старые времена, когда с притязаниями республиканцев еще приходилось как-то считаться, навсегда ушли в прошлое.

Надо, правда, сказать, что Веспасиан всячески пытался представить себя ревнителем старых традиций. Это хорошо видно по его монетам; кроме того, он регулярно посещал заседания сената и выносил на его рассмотрение все меры, которые собирался принять. Действительно, отношения с сенаторами были у него лучше, чем у любого из его предшественников. Вместе с тем Веспасиан отнюдь не собирался предоставлять сенату даже самую ограниченную автономию. Гражданские войны показали, что общество нуждается в сильной монархии, и именно ее император собирался установить. Если на первых монетах Веспасиана можно увидеть надпись *LIBERTAS RESTITVTA* («восстановление свободы»), то после 71 г. н. э. она исчезает навсегда. С уважением отзываясь об Августе, восстановившем внешние атрибуты республики, Веспасиан одновременно более склонялся к централизаторской политике Клавдия, пойдя даже дальше его. Возродив для себя в 73—74 гг. н. э. с помощью Тита должность цензора, которую из императоров занимал лишь Клавдий, Веспасиан намного более открыто, чем тот, использовал ее для того, чтобы контролировать состав сената. При этом мысль Веспасиана, что именно так и должно быть, была сознательно отражена в надписи *CENSOR* на его монетах, тогда как Клавдий в годы своего правления так открыто не заявлял о своем контроле над сенатом.

Мероприятия Веспасиана привели к тому, что в сенате стало меньше аристократов и коренных римлян и больше италийцев и представителей муниципиев, чем в прошлые годы. Процесс обновления сената заметно облегчили кровавые события, происшедшие в правление предшественников Веспасиана, в том числе и длившаяся многие месяцы гражданская война; великие патрицианские дома прошлого практически вымерли, и лишь тридцать сенаторских родов могли теперь возводить свою историю ко временам республики. Будучи не прочь укрепить свои позиции брачными узами с оставшимися в живых представителями старой аристократии, Веспасиан одновременно заполнял бреши в рядах сенаторов всадниками. Последние, происходившие зача-

стую, как и сам император, из италийских городов, были его верными сторонниками и дали ему немало превосходных помощников.

Сенат, появившийся в результате происшедших изменений, был в значительной степени творением Веспасиана. Из ста сорока восьми членов сената, как римлян, так и италийцев, происхождение которых мы можем установить, по меньшей мере пятьдесят пять были введены в него самим императором. Возросло и число сенаторов из провинций; мы знаем двадцать восемь человек (все они, за исключением четырех, происходили из западной части империи), половина из которых была назначена Веспасианом. Действительно, после гражданских войн рационально обосновать приверженность старым республиканским идеалам было уже невозможно. Между тем симпатии к республике все еще были живы, и люди, сохранявшие их, высказывались о Веспасиане с неодобрением.

К числу критиков императора относилось несколько странствующих моралистов, называвших себя киниками, проповедовавших отказ от принятых в обществе норм поведения и анархию. Они вызывали особую неприязнь у Муциана. Но, кроме них, существовали и небольшие группы сенаторов и представителей других сословий, придерживавшихся разных воззрений, но единых в неприятии власти Флавиев. Среди последних особое место занимал Гельвидий Приск, бывший в 70 г. н. э. претором. Зять Тразеи, ставшего жертвой нероновских репрессий, Гельвидий однажды прилюдно выступил против Вителлия, а затем, после установления власти Веспасиана, с которым он когда-то дружил, стал все более яростно нападать и на него. Разочарование Гельвидия вызвало прощение новым императором людей, бывших при Нероне доносчиками. Гельвидий углубленно изучал философию, и его неприятие власти Веспасиана частично основывалось на его мировоззренческих принципах. Согласно Диону Кассию, Гельвидий разработал целую программу социальной революции, предполагавшую полное разрушение имперского политического строя. Между тем, если бы он, как утверждают источники, был стойком, он, подобно киникам, не отрицал бы монархию, а восставал бы лишь против дурных правителей. Нам сейчас Веспасиан кажется лучшим из всех монархов, которых когда-либо видел Рим. Но Гельвидий рассуждал иначе. Можно предполагать, что он следовал не столько теории стоицизма, сколько примеру стойков прошлого, боровшихся против деспотов своего времени, — Катона или даже тираноубийц Брута и Кассия, дни рождения которых он, как было известно, отмечал каждый год. Не исключено, что более всего Гельвидий противился планам Веспасиана передать трон Титу и основать новую династию, хотя, если он надеялся, что сенат сможет избрать альтернативного престолонаследника, его никак нельзя назвать реально мыслящим человеком. Гельвидий выступал против

Веспасиана столь яростно, что тот был вынужден сначала отправить его в изгнание, а затем, приблизительно в 75 г. н. э., отдать приказ о его убийстве. Веспасиан, правда, весьма сожалел, что ему пришлось так поступить, а в последний момент даже попытался отменить свое распоряжение, однако к этому времени Гельвидия уже не было в живых.

Другому своему оппоненту, Деметрию, неистовость которого привела в 71 г. н. э. к изгнанию философов, император заявил: «Ты делаешь все, чтобы заставить меня казнить тебя, однако я не убиваю собак, когда они лают». Шуметь республиканцы и квазиреспубликанцы не прекращали, однако им приходилось постоянно повышать голос, ибо люди становились все более и более равнодушными к их воззваниям.

Намного большая опасность крылась за сообщением — если, конечно, его стоит принимать на веру — о том, что в 79 г. н. э. два влиятельных сенатора, бывших ранее, по всей вероятности, приверженцами Веспасиана, Авл Цецина Алиен и Тит Клодий Эприй Марцелл замыслили убийство императора. После осуждения сенатом они покончили с собой. Происшедшее показало, что даже такой чуждый деспотизму правитель, как Веспасиан, не мог рассчитывать, что заговоры сенаторов когда-нибудь прекратятся.

Угроза, которой подвергался император, была тем большей, что он, стремясь вести скромную жизнь, значительно ослабил меры безопасности. Обыскивать всех, кто приходил к нему, прекратили. Большую часть времени Веспасиан проводил в Саллюстиевых садах, где любой человек, желавший поговорить с ним, мог получить аудиенцию.

Открытость Веспасиана для общения вызывала похвалы у его друга Плиния Старшего, который вместе с другими близкими друзьями и советниками императора приходил к нему ранним утром. Веспасиан говорил с ними, одеваясь. Для императора это не было началом дня, ибо к моменту прихода советников он обычно уже успевал просмотреть письма и изучить доклады чиновников. Остаток дня он усердно заседал в суде. Серьезное отношение императора к своему долгу проявлялось во всем, и именно оно, пусть без особой зрелищности, привело его к успеху. Хотя Веспасиан и позволял себе каждый день совершить прогулку или поспать, все остальное время до последней минуты он посвящал делам, относясь к своим занятиям с исключительной добросовестностью.

Чувствуя приближение смерти, Веспасиан попытался подняться на ноги и заявил друзьям, что император должен умереть стоя. Такая идея весьма характерна для его концепции принципата: император не должен отрываться от исполнения своих обязанностей. Тиберий называл жизнь императора жалким рабством. Веспасиан был менее склонен жаловаться, хотя придер-

живался сходной точки зрения, согласно которой долг императора — постоянное служение обществу. Эту мысль Вителлий выразил в запечатленном на его монетах девизе TVTELA AVGVSTI, предполагавшем, что император должен выполнять по отношению к народу роль бдительного стража. Веспасиан перенял этот девиз и показал своими действиями, какое содержание он в него вкладывает.

Следует также сказать, что понятие народа, служить которому был призван император, включало в себя для Веспасиана и население всех провинций империи. Несмотря на то, что в сенате по-прежнему доминировали уроженцы Италии, значение провинций, жителям которых в разумных пределах предоставлялось гражданство, быстро росло. Веспасиан, хорошо знакомый с положением дел на периферии, мыслил в масштабе всей империи. Со времени его правления история Рима все более очевидно превращается из дворцовой хроники в повествование о большой общей цивилизации. Заслуга в этом в значительной мере принадлежит кажущемуся лишенным воображения основателю династии Флавиев. Постоянно и без внешних эффектов занимаясь делами всей империи, он на долгие годы установил принципы, которым затем следовали лучшие из его преемников. Большую часть следующего столетия римской империей, в которой теперь царил мир, управляли не чувственные и эксцентричные люди, вроде Юлиев—Клавдиев, а усердные и деятельные слуги общества, подобные Веспасиану.

Между тем стремление Веспасиана избежать какой бы то ни было демонстративности легко могли истолковать неверно. Так, многие порицали императора за скарედность. Жадность, которой, как предполагалось, отличался Веспасиан, стала мишенью для множества добрых и злых шуток и насмешек, причем многие из них принадлежали самому императору. Так, когда ему сказали, что его чиновники наживаются, он ответил, что пользуется ими как губками: сухим дает намокнуть, а мокрое выжимает.

В дороге однажды он заподозрил, что погонщик остановился и стал перековывать мулов только затем, чтобы дать одному посетителю время и случай подойти к императору; он спросил, много ли принесла ему ковка, и потребовал с выручки свою долю.

Тит упрекал отца, что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прибыли, поднес к его носу и спросил, воняет ли она. “Нет”, — ответил Тит. “А ведь это деньги с мочи”, — сказал Веспасиан⁶.

Вряд ли можно упрекнуть в скаредности человека, который выделил деньги на строительство множества зданий в Риме, включая не только храм Мира, но и первую сцену амфитеатра Флавиев или Колизея. Следует также сказать, что Веспасиан

стал первым из императоров, начавшим выплачивать латинским и греческим риторам жалование из казны.

Унаследовав от своих предшественников разоренную гражданской войной империю, Веспасиан был готов напомнить людям о тяжелом финансовом положении, вызванном пережитыми бедствиями, и попытаться исправить его, подняв налоги. Правда, прибегать к крутым мерам император желал менее всего. Так, он всячески стремился не обременять провинции чрезмерными податями, связанными с функционированием государственной почты. Но он решительно боролся с попытками уклониться от уплаты налогов.

Скрупулезность Веспасиана в финансовых вопросах, вызывавшая такую волну насмешек, была весьма далека от щедрости, которая, согласно традиционным представлениям, должна быть присуща монарху. Принимавшиеся им меры экономии вызывали в народе недовольство. Но негодование людей и близко не приближалось к тому уровню, за которым оно стало бы представлять опасность для императора. Веспасиан был слишком умен, чтобы повторить ошибку Гальбы и позволить скаредности погубить себя. Подобно Августу, он был мастером тонкого политического расчета и прекрасно видел границу между возможным и невозможным.

Веспасиан умер в 79 г. н. э., не дожив всего пяти месяцев до семидесятилетия. Тяжелые нагрузки, которым он ежедневно подвергал себя, уже некоторое время сказывались на нем. Тацит говорит, что Веспасиан был единственным римским государем, кто, став принцепсом, изменился к лучшему. Это связано с тем, что император находился в исключительно благоприятном положении по сравнению со всеми девятью цезарями, правившими до него. У Веспасиана был сын, достигший к тому времени зрелого возраста и помогавший ему, когда его собственные силы стали иссякать. Тит представлял отца в сенате и на некоторых государственных мероприятиях; кроме того, имея большой опыт в военных и административных делах, он выступал как заместитель и сотоварищ Веспасиана. При Августе, семьюдесятью годами ранее, такую же роль играл Тиберий, однако эти два человека сильно отличались друг от друга характерами. Веспасиану больше повезло с сыном, помощь которого дала ему возможность контролировать ход событий до самого конца своего правления.

Глава II

ТИТ

Будущий император Тит, сын Веспасиана, названный в честь отца Титом Флавием Веспасианом, родился в 39 г. н. э. Его мать Домицилла умерла еще до того, как Веспасиан стал императором. Тит воспитывался вместе с Британиком, сводным братом Нерона, а затем занимал ряд постов в армии. В 67 г. н. э. он в качестве командира легиона был направлен вместе с отцом в Иудею на подавление иудейского восстания.

После смерти Нерона в следующем году Тит был послан к Гальбе, чтобы передать ему поздравления Веспасиана. В Коринфе, однако, он получил известие о гибели Гальбы и вернулся на Восток. Там он активно содействовал примирению Веспасиана с наместником Сирии Муцианом. Примирение расчистило дорогу их союзу, и они успешно выступили против власти Вителлия. Поднимая мятеж, Веспасиан поручил Титу вести боевые действия против иудеев, и он в сентябре того же года овладел Иерусалимом.

Веспасиан принял участие в триумфе Тита, назначил его своим сотоварищем на нескольких постах в государственной администрации, а также поставил под его начало преторианскую гвардию. Вслед за этим он открыто провозгласил Тита своим помощником и будущим преемником. Это решение стало, очевидно, причиной заговора Эприя Марцелла и Цецины, который Тит подавил в год смерти отца.

Ранее Тита порицали за связь с иудейской царицей Береникой, сестрой Агриппы II. Около 75 г. н. э. она вместе с братом приехала в Рим и некоторое время открыто жила с Титом. Вскоре, однако, Тит отослал ее назад. В 79 г. н. э., когда он вступил на престол, Береника снова явилась в Рим, но Тит почти немедленно выслал ее, и они расстались навсегда.

Прав Тита на престол никто не оспаривал, однако некоторые стороны его характера и биографии породили в общественном мнении кривотолки, которые он впоследствии успешно развеял. Добиться этого ему удалось отчасти за

счет больших расходов, например, на завершение строительства Колизея. Из провинций Тит уделял особое внимание Британии, где римляне под предводительством Агриколы продвинулись вплоть до реки Тэй и укрепили линию между Фортм и Клайдом.

В сентябре 81 г. н. э., на сорок втором году жизни, Тит умер на вилле, где двумя годами ранее скончался его отец.

Служа в молодости в Германии и Британии, Тит снискал себе немалую славу, и в память о его подвигах впоследствии воздвигли немало статуй. Позже, уже находясь в Иудее, он на время покинул эту провинцию, чтобы доставить недавно ставшему императором Гальбе послание, в котором Веспасиан заявлял о признании его власти. Ходили рассказы, что Тит, направляясь на Запад в обществе своего союзника, иудейского царя Агриппы II, вынашивал планы снискать расположение и Гальбы, и шедшего к власти окольным путем Веспасиана, и стать таким образом наследником престола. Такая версия представляется маловероятной, но, если Тит действительно имел подобные намерения, он, должно быть, предварительно заручился поддержкой отца. Тит помог Муциану замирииться с Веспасианом и произвел на него такое впечатление, что тот впоследствии отказался претендовать на престол, заявив, что у его союзника есть два сына, старший из которых обладает большим опытом в военных делах. «Если бы я был императором, — сказал он Веспасиану, — я сам бы выбрал его в наследники; поэтому я поступаю разумно, с самого начала уступая тебе императорскую власть».

Когда летом 69 г. н. э. легионы, стоявшие в восточных провинциях империи, провозгласили Веспасиана императором, он поручил Титу завершить подавление иудейского восстания. К тому времени под контролем восставших оставались лишь несколько отдаленных крепостей и Иерусалим, все еще не подчинившийся власти Рима. В мае 70 г. н. э. Тит подступил к городу и после четырехмесячной осады взял его. Падение Иерусалима сопровождалось множеством отталкивающих сцен. Расин так описывает эти события в пьесе «Береника»:

Осада кончилась. Он, грозный, раздавил
Остатки жалкие былых мятежных сил.
Доделали свое огонь, раздоры, голод,
И стены древние разрушил римский молот¹.

Во время штурма храм Иерусалима сгорел дотла, и напоминанием об этой трагедии служит ежегодно соблюдаемый евреями постный день 9 аба. Иудейский историк Иосиф Флавий, попавший в плен к римлянам, а затем ставший их союзником, утверждал, что Тит сделал все возможное, чтобы предотвратить катастрофу.

Кто-то бросился сообщить о случившемся Титу, который как раз в это время отдыхал после сражения в своей палатке. Он вскочил на ноги и в том виде, в каком находился, бросился бежать к Храму, чтобы предупредить пожар. За ним следовали все военачальники и переполошенные легионы. Беспорядочное движение такого числа людей сопровождалось неопишуемым шумом и гамом. И криком, и знаками Цезарь пытался дать понять сражающимся, чтобы они тушили огонь. Однако те не слышали его криков, тонувших в общем шуме, и не обращали внимания на подаваемые Цезарем знаки — одни потому, что были поглощены сражением, других же ослепляла ярость... Те, кто был ближе к Храму, притворялись, что не слышат приказаний Тита, и передавали впереди стоящим, чтобы те поджигали внутренности Храма... Вокруг жертвенника громоздились горы трупов, а по ступеням Храма лились потоки крови и скатывались тела убитых наверху.

...Цезарь увидел, что не в силах сдержать порыв впавших в неистовство воинов, и что огонь одержал победу... Ничто из внутренностей Храма еще не было затронуто пламенем, пожирившим пока лишь храмовые пристройки, и Тит, правильно оценив, что здание еще может быть спасено, выскочил наружу, чтобы попытаться заставить воинов погасить огонь. Чтобы достичь этой цели, он пустил в ход и свои собственные увещевания, и прибег к помощи одного из своих телохранителей, центуриона Либералия, которому было приказано усмирять ослушников палочными ударами. Однако и почтение к Цезарю, и страх перед наказанием были побеждены яростью, ненавистью к евреям и неким неистовым воинственным порывом. Кроме того, многих вдохновляла надежда на добычу, так как они, судя по наружной золотой отделке, полагали, что внутри все ломится от сокровищ. Однако после того, как Цезарь выскочил наружу, чтобы удержать воинов, кто-то из проникших вовнутрь успел под покровом темноты подложить огонь под поворотные крюки ворот... Так против воли Цезаря Храм был предан огню².

Согласно другому автору, Сульпицию Северу, приведенный выше рассказ о попытках Тита спасти храм от начала и до конца — вымысел, ибо полководец совершенно сознательно руководил разрушением святилища. Сульпиций Север писал довольно поздно, в V веке, однако предположение, что его изложение в большей степени соответствует действительности, может быть подкреплено двумя соображениями. С одной стороны, Иосиф, убежденный сторонник Тита, вел пропаганду в его поддержку и, естественно, стремился защитить его от страшных обвинений, выдвигавшихся иудеями. С другой — Сульпиций, возможно, основывался на источнике, почти современном описываемым событиям — «Истории» Тацита, главы которой, посвященные падению Иерусалима, до нас не дошли.

Как бы то ни было, разрушение Иерусалима, о котором напоминают воздвигнутая в Риме триумфальная арка Тита, а также ряд надписей, стало событием, отозвавшимся в веках. Хотя

Тит, разоряя город, даже не думал оказать тем самым милость христианам, которых он, согласно Сульпицию, считал вредоносной ветвью худого дерева, христианские писатели с похвалой отзывались о его действиях, видя в них кару, посланную на иудеев за распятие Христа. Авторы Талмуда, в свою очередь, видели небесную кару в преждевременной смерти Тита, который не только разрушил Иерусалим, но и крайне жестоко обращался с плененными им иудеями.

Во время своего пребывания в Кесарии Тит пышно справлял день рождения своего брата и в его честь предал смерти множество евреев из тех, которые подлежали наказанию. Число погибших в битвах со зверями, сожженных и павших в сражениях друг с другом превышало 2500 человек. И все эти неисчислимые способы казни казались римлянам незаслуженно легким наказанием. После этого Цезарь прибыл в Берит (этот город, колония римлян, находится в Финикии)* и оставался там более длительное время, обставляя день рождения отца с еще большей пышностью как в великолепии зрелищ, так и в отношении других изобретений всевозможных трат. И множество пленных погибали там той же смертью, что и их предшественники³.

После взятия Иерусалима Тит удостоился на Востоке многочисленных почестей. Во время поездки в Египет он, принимая участие в одном традиционном обряде в Мемфисе, выступил в диадеме. На выпускавшихся на востоке монетах к его имени добавлялся титул *imperator*, носить который имел право лишь принцепс. Как сообщают источники, легионеры, боготворившие Тита, первоначально даже колебались, кому отдать трон — ему или Веспасиану.

Оценив успехи молодого полководца в Иудее, сенат наградил его триумфом, который, однако, вылился в чествование и Тита, и Веспасиана, так как общее дело было доведено до конца и положение начало стабилизироваться. Своим возвышением Тит очень гордился и, считая, что новая династия пришла к власти именно благодаря его усилиям, не замедлил высказать это мнение вслух. Вместе с тем он отнюдь не собирался вести себя нелояльно по отношению к отцу. Увидев в начале 71 г. н. э., какую опасность могут представлять для него слухи о его амбициях, он поспешил в Италию.

...На грузовом судне Тит добрался до Регия (Реджо Калабрия) и до Путеол (Позцуоли), оттуда не мешкая бросился в Рим и, словно опровергая пустые о себе слухи, приветствовал не ожидавшего его отца: “Вот и я, батюшка, вот и я!”⁴

С самого начала своего правления Веспасиан осыпал Тита почестями, показывая, что он — его ближайший помощник и, если не принимать в расчет внешние атрибуты власти, факти-

---

* Ныне Бейрут. (Примеч. авт.)

ческий соправитель. Вместе с Титом император справил триумф, а затем назначал его своим сотоварищем в должности понтифика, консула (начиная с 70 г. н. э.) и цензора (73 — 74 гг. н. э.). Так же вместе были они облечены и трибунской властью (с 71 г. н. э.). Памятуя о том, что во время гражданской войны в престолонаследии не было никакой преемственности, Веспасиан твердо решил, что после него на трон должен взойти Тит. Это решение с невиданной прежде ясностью отразилось на монетах 71 г. н. э., на которых Тит именуется *designatus imperator*. *Imperator* здесь имеет значение не «полководец», а именно «император»; смысл всей надписи заключается в том, что трон должен в будущем отойти Титу. «Наследовать мне, — говорил Веспасиан, — будет либо мой сын, либо никто».

Такое заявление Веспасиана было вызвано яростными нападениями Гельвидия Приска, погибшего впоследствии из-за своей враждебности к императору. Как мы уже видели, наибольшее возмущение у Гельвидия вызывало ярко выраженное стремление Веспасиана к основанию новой династии. Для консерваторов претворение этих планов в жизнь действительно означало бы катастрофу, ибо не оставляло никаких, даже самых слабых надежд на то, чтобы последнее слово в выборе нового императора принадлежало сенату. Кроме того, неизвестно, было ли заметное усиление позиций Тита благосклонно принято Муцианом, ибо роль последнего как главного помощника Веспасиана оказывалась под угрозой. Нельзя исключать, что одним из мотивов, побудивших Тита в 71 г. н. э. спешно вернуться в Рим, было стремление найти противовес влиянию Муциана.

Если Тит ставил перед собой именно эту цель, он достиг ее, ибо Муциан, по-прежнему пользовавшийся большим влиянием, понял, что не в состоянии с ним состязаться. Веспасиан назначил Тита префектом преторианцев. Преторианская гвардия была по сути создана заново, ибо император стремился избавиться от людей, служивших ранее Вителлию, и лишь некоторые из них были опять приняты на службу. Численность гвардии была сокращена до размеров, изначально установленных Августом. Значение должности префекта преторианцев, очевидно, возросло, ибо с самого начала правления Веспасиана на нее назначались не всадники, обычно занимавшие этот пост раньше, а сенаторы. Человек, командовавший преторианской гвардией до Тита, был его шурином, то есть родственником Веспасиана. Теперь же на эту должность был назначен старший сын императора.

Опесечивая безопасность двора, Тит действовал жестко, а подчас даже жестоко. «Против людей, ему подозрительных, он подсылал в лагеря и театры своих людей, которые словно от имени всех требовали их наказания, и тотчас с ними расправлялся»⁵. Крутые меры сделали Тита непопулярным в глазах народа, однако самим преторианцам и их офицерам льстило, что ими командует человек, определенно являющийся правой рукой

императора и его будущим преемником. Legionеры одобряли и планы Веспасиана относительно престолонаследника, о которых император столь открыто заявлял, не только из обычно выдвигавшихся в подобных ситуациях соображений, что таким образом выплата им жалования и денежных вознаграждений будет гарантирована, но и потому, что Титу удалось завоевать их симпатии.

Единственная потенциальная угроза положению Тита исходила в этот период от его любимой женщины. Тит питал глубокую привязанность к иудейской царице Юлии Беренике, бывшей дочерью царя Иудеи Агриппы I и сестрой и соправительницей Агриппы II, который владел южной Сирией и северной Палестиной и находился в вассальной зависимости от Рима. В 66 г. н. э. Береника сначала одна, а затем с помощью Агриппы II попыталась предотвратить восстание своих единоверцев, заранее предвидя, к каким трагическим последствиям оно приведет. Когда в следующем году в Иудею прибыл Тит, между ними вскоре начался роман. Титу к тому времени шел двадцать восьмой год, Беренике — тридцать второй, она была богатой, красивой и хорошо разбиравшейся в политике женщиной, сменившей трех мужей и по меньшей мере трех любовников, а также, если верить ходившим тогда о ней слухам, состоявшей в кровосмесительной связи со своим сидевшим на троне братом. Ювенал впоследствии так описывал подарок Агриппы II своей сестре:

...алмаз драгоценный, тем знаменитый,
Что красовался на пальце самой Береники: когда-то
Дал его варвар блуднице, — сестре он подарен Агриппой
Там, где цари обнажением ног отмечают субботу,
И по старинке еще доживают до старости свиньи⁶.

Береникой интересовался не только Тит, но и сам Веспасиан. Поддержка иудейской царицы и ее брата много значили для него в то время, когда он начинал борьбу за власть. Веспасиан рассчитывал использовать огромные богатства Береники; кроме того, она когда-то была женой наместника Египта Тиберия Юлия Александра, теперь одного из наиболее активных его сторонников.

К описываемому времени Тит состоял в браке уже дважды. Но его первая жена, отец которой был префектом преторианцев во времена Калигулы, умерла, а со второй, родившей ему его единственного ребенка, Юлию, он развелся приблизительно в 64 или 65 г. н. э. Ходили слухи, что Тит питал пристрастие к наложникам и евнухам. Ныне, однако, он казался влюбленным в Беренику, причем некоторые утверждали, что его внезапное возвращение на Восток в 69 г. н. э. вызвано не какими-то политическими соображениями, а желанием быть вместе с ней снова.

Когда Веспасиан утвердился в Риме, Береника не потеряла своего влияния при дворе. Сохранив связи с Александром, став-

шим, возможно, на некоторое время сотоварищем Тита на посту префекта преторианской гвардии, она, вероятно, могла рассчитывать также на моральную поддержку Цениды, любовницы Веспасиана, покровительница которой Антония состояла в свое время в тесных дружеских отношениях с ее отцом. Иудейская царица, без сомнения, рассчитывала, что Тит, вернувшийся в Рим в 71 г. н. э., призовет ее к себе. Но этого не последовало, и Беренике пришлось ждать. Можно предположить, что ее поездке в Рим препятствовал Муциан, которого, когда она в 75 г. н. э. наконец получила приглашение приехать в столицу, уже, возможно, не было в живых. Одновременно с Береникой приглашение получил и ее брат Агриппа II, и во время поездки они удостоились множества почестей за помощь, оказанную римлянам во время иудейского восстания. Агриппа получил знаки преторской власти, а Беренику разместили в императорском дворце, где она, не таясь, жила с Титом. Тацит успокаивающе заявляет, что «юноша и в самом деле не был к ней равнодушен, что, однако, нисколько не мешало ему вести свои дела разумно и осмотрительно». Между тем столь необычное решение вызвало волну критики, на которую Тит ответил суровыми карательными мерами, их так описывает Дион Кассий:

Береника рассчитывала выйти замуж за Тита и вела себя так, как если бы уже стала его женой.

Но когда Тит увидел, что это не по душе римлянам, он выслал ее.

Ведь, в добавление ко всем прочим сплетням, в город каким-то образом проникли некоторые из софистов-киников. Сначала Диоген, появившись в театре, когда он был заполнен людьми, выступил с длинной оскорбительной речью, в которой осудил (Беренику и Тита), за что был бит розгами. Вслед за ним Герант, надеясь, что его наказание будет не более суровым, разразился множеством бессмысленных выкриков, как это обычно делают киники, и был обезглавлен⁷.

Довольно трудно определить, как скоро Тит «выслал» Беренику из Рима в первый раз; возможно, до этого она на протяжении нескольких лет оставалась его любовницей. Между тем неприятие римлянами их близости было более сильным, чем можно заключить из текста Диона Кассия. Историк предпочитает говорить о нападках «философов», придерживавшихся нетрадиционных направлений и враждебных всякой элите, однако за их спинами скорее всего стояли некоторые сенаторы, разделявшие аналогичные взгляды. Правящая верхушка совершенно не желала терпеть императора или престолонаследника, состоявшего в близких отношениях с восточной царицей. Сожительство Антония с Клеопатрой дало их врагу Октавиану, ставшему впоследствии императором Августом, сильнейший аргумент в его пропаганде, и он без особого труда смог вызвать волну ненависти к ним. Эта ситуация во многом повторялась и сейчас Моммзен с полным правом называл Беренику «уменьшенной копией Клеопатры».

Береника вызывала у римлян даже большую антипатию, чем когда-то Клеопатра. Если греков римляне лишь недолюбливали, то вера иудеев была намного более чуждой их традиционным представлениям и морали; кроме того, у всех были свежи в памяти ужасы иудейского восстания, которое они совсем недавно подавили. Да, Береника сотрудничала с римлянами, помогая им против своих единоверцев. Но восстание привело к тому, что римляне стали испытывать ненависть ко всем иудеям без исключения. Многие влиятельные политические деятели Рима ужасались, очевидно, при мысли о возможном союзе Тита и Береники. Перспектива такого союза ставила под сомнение способность Тита занять престол.

Во главе противников Береники стоял, как можно предполагать, Тит Клодий Эприй Марцелл, один из главных советников Веспасиана. Человек незнатного происхождения, уроженец Капуи в Кампании, ставший впоследствии консулом, Марцелл был неистовым и фанатичным карателем. В свое время он был одним из тех, кто выступил с обвинениями Тразея, сторонника республики, и Нерон щедро вознаграждал Марцелла за оказанную услугу. Заявляя о своей готовности служить любому императору, кем бы он ни был, он, однако, оказался впоследствии в рядах сторонников Веспасиана. Это привело его к столкновению с Гельвидием Приском, критически отзывавшимся о правлении нового императора. Нет никакого сомнения, что в гибели Гельвидия сыграл свою роль и Марцелл. В 73 г. н. э. Марцелл во второй раз удостоился звания консула, а после смерти Муциана стал играть ведущую роль среди друзей императора.

Впереди у Марцелла было столкновение с Титом, который в последний год жизни отца нанес ему с помощью преторианцев решающий удар. В одно время с Марцеллом с политической сцены был устранен и Цецина, который десятью годами ранее изменил Вителлию. Тогда Веспасиан оказал ему радушный прием, а с Титом он подружился настолько, что однажды в земле сабинян, то есть на родине Флавиев, устроил с ним дружескую схватку. Теперь же Тит решил, что Цецина больше не должен жить. Согласно Светонию, «его он сперва пригласил к обеду, а потом приказал умертвить, едва тот вышел из столовой. Правда, тут опасность была слишком близка: он уже перехватил собственноручно составленную Цециной речь к солдатам»⁸.

Дион Кассий также полагал, что Тит решил на это убийство, «чтобы предотвратить переворот, который должен был состояться вечером того же дня. Ведь у Цецины уже было много воинов, готовых к выступлению». Пособником Цецины был объявлен и Эприй Марцелл. Его привели в сенат и осудили; вслед за этим он покончил с собой, перерезав себе горло бритвой.

Заговор, видимо, был не придуманным, хотя обстоятельства, связанные с ним, до сих пор остаются неясными. Один поздний

автор утверждал, что Тит отдал приказ об убийстве Цецины потому, что подозревал его в любовной связи с Береникой. Безусловно, разногласия вокруг Береники были так или иначе связаны с предполагавшимся заговором. Не исключено также, что Цецина был не любовником, а врагом Береники, как и Марцелл. При этом возможно, что в момент убийства Цецины и Марцелла иудейская царица была еще в Риме, и, поняв, какую антипатию она к себе вызывает, Тит принял решение отправить ее обратно на Восток.

Дело, конечно, не в том, какое положение занимала Береника во дворце. Главным мотивом, побудившим заговорщиков решиться на выступление, было, очевидно, нечто совершенно иное — именно нежелание Марцелла и Цецины признавать Тита преемником стареющего Веспасиана. Можно предположить, что они думали: если к власти пришли выходцы из такого незнатного рода, как Флавии, почему то же самое не можем сделать и мы?

Между тем после смерти Веспасиана 23 июня 79 г. н. э. прав Тита на престол никто не стал оспаривать. Странным образом, одиннадцатый из двенадцати цезарей стал первым, унаследовавшим престол от отца; более того, впоследствии, на протяжении более чем ста лет, престол по наследству не переходил.

Император Адриан полагал, что Веспасиана убил Тит, который уже давно помышлял о свержении отца. Подобные слухи, однако, ходили вокруг смерти любого правителя, и удивительным кажется скорее то, что такой неправдоподобной версии придерживался человек, сам занимавший императорский трон. Следует сказать, что Светоний, личный секретарь Адриана, несмотря на любовь к сплетням, не посчитал эту историю достойной упоминания.

Новый император обладал внушительной внешностью.

Телесными и душевными достоинствами блистал он еще в отрочестве, а потом, с годами, все больше и больше: замечательная красота, в которой было столько же достоинства, сколько приятности; отменная сила, которой не мешали ни невысокий рост, ни слегка выдающийся живот; исключительная память и, наконец, способности едва ли не ко всем военным и мирным искусствам.

Конем и оружием он владел отлично; произносил речи и даже сочинял стихи по-латыни и по-гречески с охотой и легкостью, даже без подготовки; был знаком с музыкой настолько, что пел и играл на кифаре искусно и красиво. Многие сообщают, что даже писать скорописью умел он так проворно, что для шутки и потехи состязался со своими писцами, а любому почерку подражал так ловко, что часто восклицал: “Какой бы вышел из меня подделыватель завещаний!”⁹

Несмотря на свои дарования, Тит в момент вступления на престол пользовался не самой лучшей репутацией. Людям не

импонировала суровость, которую он проявил будучи префектом преторианцев, а недавняя расправа с Эприем Марцеллом и Цециной оставила неприятный осадок. Кроме того, Тита считали расточительным и алчным, каким, казалось, и должен был быть человек, проведший юность при дворе Нерона, а близость нового императора с Береникой вызывала в общественном мнении тревогу.

Тит, по-видимому, хорошо понимал, что, вступив на престол, он должен предстать перед людьми в совершенно ином свете. Стремясь развеять сложившийся вокруг него образ жестокого организатора репрессий, он принял беспрецедентно суровые меры против доносчиков и прекратил рассматривать дела по обвинению в государственной измене. Однажды на двух патрициев пало подозрение в организации заговора с целью его убийства, но он никак не стал их наказывать.

В скором времени Тит расстался и с Береникой, обманув тем самым ее надежды, вновь появившиеся после его прихода к власти. Сразу после того, как Тит вступил на престол, Береника вновь прибыла в Рим, рассчитывая, что он сделает ее императрицей.

А если верить в то, что говорят друзья,
Что от него всегда сама слыхала я,
То вскоре с этими тремя соединится
Четвертый мой венец — венец императрицы.
Сказать об этом мне он сам придет сюда¹⁰.

Расин, автор этих строк, с полным правом замечал, что его «Береника» была создана практически на пустом месте. Действительно, весь сюжет этой прекрасной пьесы, как и появившейся тогда же драмы Корнелия «Тит и Береника», построен на состоящей из семи слов фразе Светония «*Berenicen statim ab urbe dimisit invitus invitam*». Для перевода этого короткого латинского предложения на английский язык Филемону Холланду потребовалось двадцать пять слов: «*As for Queen Berenice, he sent her quickly away from the city of Rome, but full loath they were both of them to part asunder*»*.

Высылка из Рима означала для Береники крах всех ее устремлений.

Не надо больше слов. Итак, прощай навек.
Навек! Подумай же, как страшно, как сурово
Для любящих сердец немислимое слово!
Да сможем ли терпеть неделю, месяц, год,
Что между нами ширь необозримых вод,
Что народится день и снова в вечность канет,
Но встречи нашей днем он никогда не станет
И нас соединить не сможет никогда?¹¹

* Царицу Беренику он быстро выслал из города Рима, хотя им обоим не хотелось расставаться.

По словам Светония, разлуку болезненно переживала не только Береника, но и Тит. Но женитьба императора на восточной царице нанесла бы страшный удар по его отношениям с правящей элитой и поставила бы его правление, да и саму жизнь под угрозу. Сколько после этого прожила Береника, нам неизвестно. Но хорошей эпитафией ей послужили бы слова Стюарта Пероуна: «Только Береника может претендовать на корону, состоящую из четырех частей — Библии, Палатинского холма, зала Ришелье и Ковент Гардена».

Высылка Береники дала Тациту основание заметить, что «в молодости он [Тит] был действительно склонен к утехам и развлечениям и еще в годы правления своего отца вел себя далеко не столь сдержанно, как позже, когда сам сделался императором». Между тем в одной области он сознательно не ограничивал себя слишком сильно. Тит очень хотел, чтобы упреки в скаредности, которые когда-то бросали Веспасиану, не выдвигались против него, и с этой целью стремился как можно чаще проявлять щедрость, издавна считавшуюся достоинством монархов.

Когда домашние упрекали его, что он обещает больше, чем сможет выполнить, он ответил: «Никто не должен уходить печальным после разговора с императором». А когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные: «Друзья мои, я потерял день»¹².

День потерял я! Принц, издавший благородный возглас сей,
Некоронованным был императором¹³.

Щедро раздавая свои и казенные деньги, Тит сделал все, что мог, чтобы помочь жертвам крупных бедствий, ставших черными пятнами в короткой истории его правления, — извержения Везувия, погубившего Помпеи и Геркуланум в 79 г. н. э., и моровой язвы и пожара Рима в 80 г. н. э. В июне того же года он устроил великолепные гладиаторские бои, чтобы отметить завершение начатого при Веспасиане строительства Колизея и терм, названных в его честь. Тит, правда, не отличался особой расточительностью, ибо в ряде случаев, сталкиваясь с экономическими проблемами, следовал примеру отца, например, требовал возврата земель, незаконно захваченных поселенцами. Одновременно он не жалел средств на мероприятия, призванные повысить его популярность, и поэтому трудно согласиться с Дионом Кассием, согласно которому, для правления Тита характерна большая умеренность в расходах.

У Диона Кассия мы, помимо всего прочего, читаем, что в последний день празднеств по случаю открытия Колизея и терм Тит внезапно не выдержал и зарыдал на виду у людей. Можно ли считать, что он плакал, так как знал о своей неизлечимой болезни? Такой вывод согласуется с дальнейшим утверждением

Диона Кассия о том, что, хотя император прожил еще пятнадцать месяцев, он «не совершил более ничего важного».

Осенью 81 г. н. э., когда Тит направился в то самое сабинское имение с купальней, где умер его отец, его здоровье резко ухудшилось.

На первой же стоянке он почувствовал горячку. Дальше его понесли в носилках; раздвинув занавески, он взглянул на небо и горько стал жаловаться, что лишается жизни невинно: ему не в чем упрекнуть себя, кроме разве одного проступка¹⁴.

Более поздний поэт Авсоний писал: «Ты, умирая, сказал: “На мне лишь одно преступленье!” Но ни один человек этому веры не дал»¹⁵. Между тем Тит, очевидно, на что-то намекал. Стремясь понять, что именно он имел в виду, специалисты подвергли скрупулезному изучению каждое более или менее значительное событие его жизни. Вероятнее всего, фраза, в которой Тит сожалеет о своем преступлении, так или иначе связана с самой серьезной из стоявших перед ним проблем — плохих отношений с младшим братом Домицианом. Хотя Домициану по указанию Тита воздавались достойные почести как неоспоримому наследнику престола, никакой реальной власти он не имел. Некоторые, в том числе и сам Домициан, полагали, что Тита мучают угрызения совести, ибо он пограл волю отца, оставившего трон обоим сыновьям. Дион Кассий, однако, больше соглашался с теми, кто утверждал, что Тит сожалел о том, что не отдал вовремя приказ об убийстве Домициана, неотвратимый приход к власти которого он считал катастрофой. Эта версия, возможно, наиболее близка к истине.

13 сентября того же года Тит скончался.

Смерть императора, как обычно, сопровождалась слухами о его убийстве. Утверждали, что Домициан дал ему поесть отравленной рыбы. Безусловно, смерти брата Домициан был только рад, однако утверждение, что в случившемся есть его вина, можно отбросить, равно как и другие рассказы, в которых он предстает в заведомо невыгодном свете. Согласно Плутарху, непосредственная причина смерти Тита заключается в том, что он простудился, принимая ванну в Акве Кутилие. Несмотря на то, что такое чрезмерное и обернувшееся фатальными последствиями для обоих доверие отца и сына к водам родного имения кажется несколько странным, эта версия, вне зависимости от того, был Тит смертельно болен или нет, вполне может оказаться правильной. Кроме того, по словам Плутарха, именно переохлаждением в купальне объясняли смерть императора люди, служившие ему в то время.

Тит скончался на сорок втором году жизни, спустя всего лишь два года и два месяца после того, как вступил на престол. Светоний с явным сожалением говорит о его смерти, называя

его «любовью и отрадой рода человеческого». Но более убедительно суть проблемы, связанной с его правлением, выразил Дион Кассий.

Утверждают, что Августа никогда не стали бы любить, проживи он меньше, а Тита — проживи он дольше. Ведь Август, бывший в начале своего правления довольно жестоким вследствие войн и междоусобиц, смог впоследствии снискать себе добрую славу хорошими делами. Что касается Тита, то он был снисходительным и добрым правителем и умер, находясь на вершине славы. Однако, если бы он прожил долгую жизнь, то, возможно, оказалось бы, что теперешней славой своей он обязан скорее удаче, чем собственным достоинствам¹⁶.

Неуверенность Диона Кассия вполне понятна. Даже Нерон вошел бы в историю как прекрасный правитель, если бы ушел из жизни через два года после вступления на престол. Более того, в античной традиции восхваление Тита часто связано с его излишне схематизированным и прямолинейным противопоставлением ненавистному древним авторам Домициану. И не отдает ли стремлением произвести впечатление на окружающих изречение, которое Светоний находит столь достойным похвалы, — «Друзья, я потерял день?»

Наиболее верное суждение о Тите высказал, пожалуй, Авсоний. Считаю неправдоподобным, чтобы император мог в чем-то себя упрекнуть, поэт одновременно заключает, что он был «счастливым тем, что недолго правил».

ДОМИЦИАН

Тит Флавий Домициан, сын Веспасиана и младший брат Тита, родился в Риме в октябре 51 г. н. э. 18 декабря 69 г. н. э., во время гражданской войны между сторонниками Вителлия и Флавиев, он вместе со своим дядей Сабинном укрылся на Капитолийском холме. Но крепость, где они находились, взяли приступом войска Вителлия. Сабин был убит, а Домициану удалось бежать и скрыться.

Через два дня, когда Вителлий погиб, Домициана приветствовали как Цезаря, однако он правил лишь номинально, в то время как всеми государственными делами управлял Муциан, действовавший от имени Веспасиана. Такое положение сохранялось до октября следующего года, когда Веспасиан прибыл в столицу. При нем, а впоследствии и при Тите младший брат удостоился некоторых почестей, однако не получил никакого значительного поста в государстве.

Вступив на престол в 81 г. н. э., Домициан проводил хорошо продуманную политику установления полного абсолютизма, заметно отличающуюся от показной верности традициям республики, присущей Августу и его преемникам. С течением времени эта политика и в особенности принятие Домицианом титула «пожизненного цензора» начала повергать сенаторов в смятение.

Для того, чтобы создать противовес сенату и удовлетворить свои личные амбиции, Домициан стремился добиться популярности в армии и покрыть себя славой на военном поприще. Однако за расширением римских владений в Германии (83 г. н. э.) последовали два поражения в Дакии (Румыния), и положение на этом театре военных действий улучшилось лишь позднее.

В 89 г. н. э. Антоний Сатурнин, наместник Верхней Германии, поднял мятеж против императора. Это выступление, жестоко подавленное, породило у Домициана значительно большую подозрительность к сенаторам. Были возобновлены процессы по делам о государственной измене, и в числе их многочисленных жертв оказались и несколько

видных приверженцев философии стоицизма. Домициан не без оснований все более опасался заговоров, и последние три года его правления (93—96 гг. н. э.) стали для сенаторов тяжелой порой безвременья.

Легионеры продолжали поддерживать Домициана. Между тем он оттолкнул от себя префектов преторианской гвардии, которые в конце концов вступили в заговор с его женой Домицией и некоторыми придворными. В результате 18 сентября 96 г. н. э. император, которому к тому времени исполнилось сорок пять лет, был убит.

Новым императором в тот же день провозгласили Нерву, который, очевидно, был причастен к заговору. Гибель Домициана вызвала такое негодование в войсках и особенно среди преторианцев, что Нерва в следующем году был вынужден согласиться на казнь убийц. Сразу после этого он, стремясь сохранить власть, объявил своим сыном и наследником выходца из другого рода, видного и популярного военачальника Траяна. В 98 г. н. э., после смерти Нервы, Траян, как и ожидалось, вступил на престол.

Детство и юность Домициана были полны невзгод. Когда он подрастал, родители не имели денег, чтобы дать ему образование или обеспечить сносные условия жизни, хотя его старший брат Тит, юность которого пришлась на те годы, когда семья была более зажиточной, провел свою молодость в роскоши. Приблизительно в это же время умерла Домицилла, мать Домициана.

Незабываемая перемена произошла в жизни Домициана, когда его, восемнадцатилетнего юношу, только что с трудом избежавшего гибели на охваченном пламенем Капитолии, объявили перед преторианцами Цезарем. Муциан, по настоянию которого это было сделано, поселил Домициана во дворце, и он стал в глазах людей представителем своего отца, недавно провозглашенного императором. При этом официальные письма и эдикты открывались именем юного Домициана, а не Муциана. Когда же Домициан пришел к власти, он позаботился о том, чтобы память о его приключениях в те годы была увековечена в рельефных скульптурах и стихах. По выражению Марциала, «обладая уже властью Цезаря, он отказался от нее, и в мире, принадлежавшем ему одному, стал лишь третьим — после Веспасиана и Тита».

Между тем в первые месяцы правления Веспасиана, когда император все еще находился на Востоке, реальная власть в значительной степени принадлежала Муциану. Последний славился своей дипломатичностью, но даже если бы он проявил ее в полной мере, трения с Домицианом все равно начались бы в самом скором времени. Так, Домициан хотел включить в свою свиту Прима, одержавшего победу во втором сражении при Бедриаке, однако Муциан, завидовавший славе последнего, не до-

пустил этого. Сместил он и Аррия Вара, первого человека, командовавшего в правление Веспасиана преторианской гвардией, ибо тот был слишком близок к Домициану. На место Вара, правда, был назначен другой человек, состоявший в дружбе с юношей. Домициан был полон решимости направиться в Германию, чтобы лично командовать легионами, сражавшимися против мятежного Цивилиса. Вместе с Муцианом он выступил на север и, дойдя до Лугдуна (Лион), отправил послов к Цериалу, под началом которого находились стоявшие на Рейне войска, и попытался убедить его передать ему командование. Цериал ответил уклончиво, и Домициан дальше Лугдуна на север так и не продвинулся. Между тем о его намерениях ходили самые разные слухи. «Так и осталось неясным, — пишет Тацит, — что было у Домициана на уме: готовился ли он к войне с отцом или собирал силы для борьбы с братом». О восстании против отца Домициан вряд ли мог помышлять, однако на Тита он смотрел с завистью и хотел одержать несколько побед, чтобы противопоставить их триумфу брата в Иудее. Неприятные известия об амбициях Домициана дошли и до находившегося на Востоке Веспасиана, и Тит сам потом пытался убедить отца в том, что в этих рассказах нет ни капли истины.

Во время правления Веспасиана Домициану оказывались должные внешние почести. При выпуске монет, например, его имя явно не обходили вниманием. У Тита не было сына, поэтому все понимали, хотя об этом официально и не заявлялось, что престол теперь должен перейти от брата к брату. Между тем Домициан был сотоварищем Веспасиана по консульству всего лишь однажды, а Тит удостоился такой чести шесть раз. Но хуже всего было то, что Домициан не занимал никакого поста, дававшего бы ему значительную власть или влияние в государстве, и отец так ни разу и не позволил ему отправиться на войну.

В итоге Домициан нашел для себя новое поле деятельности — литературу. Он писал поэмы об осаде Капитолия и иудейском восстании и зачитывал их перед слушателями. Из слов Плиния Старшего можно заключить, что, хотя Тит тоже сочинял стихи, как поэт он значительно уступал Домициану.

Комментарий Тацита, как и все, что он говорит о Домициане, проникнут неприязнью.

Видя, что его юный возраст вызывает презрение у людей пожилых, Домициан перестал выполнять даже те немногие государственные обязанности, которые на себя принял, прикинулся скромным, простоватым и, удалившись в уединение, сделал вид, будто всецело предался изучению литературы и сочинению стихов. Он хотел таким образом скрыть свои подлинные намерения и избежать соперничества с братом, чью мягкую душу, столь непохожую на его собственную, он никогда не был в состоянии понять¹.

Разумеется, Домициан, находившийся в трудной ситуации, был вынужден избрать лучшее из возможных решений и попытаться при этом не создать впечатления, будто соревнуется с братом. Между тем то, что, внезапно вырвавшись в 69—70 гг. н. э. из мрачной поры юности, он затем на столько лет отошел от дел, показывает, как его жестоко угнетало разочарование. Не улучшилось положение и во время правления Тита, когда, несмотря на то, что Домициану по-прежнему оказывались почести, наследником престола его официально не объявляли. Подозрения Домициана, что Веспасиан хотел оставить престол обоим своим сыновьям, но Тит, умевший блестяще подделывать любой почерк, исключил это положение из завещания отца, были, по всей вероятности, необоснованными. Между тем Тит, зная, что брат когда-нибудь сменит его на троне и огорчаясь по поводу плохих отношений с ним, должен был, конечно, дать ему набраться большего опыта в управлении государством.

Несмотря на то, что согласно некоторым не вполне правдоподобным рассказам, Домициан помог Титу уйти из жизни, — основной для них послужил, видимо, тот факт, что он запретил проводить игры, посвященные памяти своего покойного брата по его дню рождения, — он должным образом организовал его причисление к лику богов и распорядился выпустить в честь этого события монеты. Упрочить престиж дома Флавиев было крайне важно. Дело не только в том, что сам Домициан, не имевший до этого практически никакой возможности отличиться, пользовался меньшим авторитетом, чем его отец и брат; уважение римлян к Веспасиану и Титу был также несравнимо с почитанием, с которым когда-то относились к Августу, а после него — к Юлием—Клавдиям. Это, по-видимому, было источником беспокойства и для придворного эпического поэта Валерия Флакка, который отважно взялся утверждать, что Флавии превосходят Юлиев.

Даже Плиний Младший, ненавидевший Домициана, признавал, что тот обладал приятной внешностью. Светоний, как всегда, добавляет к портрету императора интересные детали.

Росту он был высокого, лицо скромное, с ярким румянцем, глаза большие, но слегка близорукие. Во всем его теле были красота и достоинство, особенно в молодые годы, если не считать того, что пальцы на ногах были кривые; но впоследствии лысина, выпяченный живот и тощие ноги, исхудавшие от долгой болезни, обезобразили его².

Домициан написал книгу «Об уходе за волосами», однако знания в этой области не помогли ему избавиться от лысины, что причиняло ему немало страданий; если кого-либо при нем попрекали плешью, он считал это оскорблением себе. Так во всяком случае утверждают источники, хотя, если Марциал, безудержно восхвалявший императора, одновременно насмехался над лысыми людьми, Домициан вряд ли на самом деле принимал

такие высказывания столь близко к сердцу. Характер болезни, поразившей его ноги, нам не вполне ясен; возможно, император страдал от искривления больших пальцев на них. Румянец на лице, упомянутый Светонием, изображается у Тацита как склонность краснеть, которую древние считали признаком хорошего воспитания, особенно если речь шла о молодежи.

Домиция, жена Домициана, дочь полководца Нерона Корбулона, пользовалась большим политическим влиянием и удостоилась имени Августы. Впоследствии Домициан развелся с ней, но через некоторое время позвал к себе вновь. Теперь, правда, любовь императора была разделена между Домицией и его племянницей Юлией, дочерью Тита, которую он безумно любил. Некоторые утверждали, что Юлия погибла впоследствии по вине Домициана, ибо он заставил ее сделать аборт.

Домициан отличался безмерным сладострастием. Свои непрекращавшиеся соития он называл «постельной борьбой». Ходили рассказы, что Домициан любил водить с собой в купальню проституток, и его многочисленные прелюбодеяния резко контрастируют с суровыми законами, с помощью которых он считывал умерить распущенность остальных. Такое противоречие между публичными заявлениями императора и его поступками в личной жизни нашло свое отражение и в любви Домициана к евнухам, ибо это извращенное пристрастие, которым отличался и Тит, не помешало ему наложить запрет на операции по осклоплению. Домициану приписывали и другие эксцентричные увлечения; утверждали, например, что он сам выщипывает волосы у своих любовниц. Император с удовольствием наблюдал за гладиаторскими боями между женщинами или карликами; ему нравилось также отрывать у мух крылышки и наслаждаться их мучениями.

Не отличаясь, по утверждениям современников, особым усердием в занятиях государственными делами, Домициан в то же время обладал холодным и ясным умом. Он явно тяготел к строгим теоретическим построениям и отличался любовью к неуклонному соблюдению законов. В 83 г. н. э. император приговорил трех весталок, которые вели распутную жизнь, к смертной казни, бывшей традиционным наказанием за преступления такого рода. В 90 г. н. э., следуя другому древнему обычаю, он приказал похоронить заживо в одном из подземелий главную весталку Корнелию, приговоренную к смертной казни за аналогичное преступление; ее любовников засекали до смерти розгами. Такие жестокие меры выглядели курьезной антитезой утверждениям, согласно которым Домициан питал отвращение к кровопролитию, особенно в начале своего правления, когда он даже собирался запретить принесение в жертву быков.

Но, карая весталок, Домициан в то же время с почтением относился к традиционной римской религии и исполнял старин-

ные обряды с большой помпой. Он глубоко, едва ли не одержимо чтит Минерву, древнюю италийскую богиню, культ которой был особенно популярен в его родной сабинской земле. Именно Минерва, изображавшаяся в четырех разных обликах, появляется в основном на монетах того времени; кроме того, ее храм должен был стать центром архитектурного ансамбля нового Форума, строительство которого началось при Домициане*. Эту италийскую богиню, отождествлявшуюся с Афиной Палладой, Домициан сделал покровительницей своего глубокого увлечения греческой культурой, устраивая на вилле в Альба Лонге (ныне Кастель Гандольфо) многолюдные собрания, участники которых могли не только понаблюдать за традиционной для римлян травлей диких зверей, но и насладиться театральными представлениями и состязаниями ораторов и поэтов, проводившимися в соответствии с греческими канонами. Такие представления в эллинистическом стиле, повторявшиеся затем и в провинциях, вызывали осуждение консерваторов, считавших их разлагающими веяниями, — точно так же в свое время выступали ревнители традиций и против подобных игр, когда их устраивал Нерон. Тот факт, что Домициан одновременно преклонялся перед греческой культурой и сохранял верность римским традициям, указывает на еще одно, более глубинное противоречие в его характере. Ведь такие увлечения жили в сердце человека, образование которого, данное ему отцом, бывшим в такой же степени лишенным средств, в какой он сам — культуры, отличалось бессистемностью. Когда Домициан вступил на престол, это стало причиной одного из многих постигших его разочарований, от которых ему предстояло с трудом избавляться.

В отличие от Нерона, Домициан никогда не руководствовался в своих действиях литературными или артистическими амбициями. По замечанию Моммзена, он был одним из лучших администраторов, когда-либо управлявших империей, — твердым, дальновидным и педантичным. «Столичных магистров и провинциальных наместников, — замечает Светоний, — он держал в узде так крепко, что никогда они не были честнее и справедливее». В значительной степени Домициан опирался на совет своих приближенных, в котором сенаторы и всадники были представлены в равной мере. Первоначально круг ближайших советников императора претерпел лишь незначительные изменения, и Домициана окружали люди, служившие ранее Титу и Веспасиану. Видное место занимал среди них Квинт Вибий Крисп, который в последние годы правления Веспасиана соперничал с Эприем Марцеллом, но, в отличие от него, был наделен дипло-

---

* Форум Транситорий, известный впоследствии как Форум Нервы. (Примеч. авт.)

матичностью и тактом, столь необходимыми для того, чтобы не погибнуть в дворцовой борьбе.

Прибыл и Крисп — приятный старик, которого нрав был Кроткой природы, подобно тому, как его красноречье. Кажется, где бы уж лучше советник владыке народов Моря и суши, когда бы под гнетом чумы той на троне Было возможно жестокость судить, подавая советы Честно; но уши тирана неистовы: друг приближенный Речь заведет о дожде, о жаре, о весеннем тумане — Глядь, уж повисла судьба говорящего на волосочке. Так что Крисп никогда и не правил против течения: Был он совсем не из тех, кто бы мог в откровенной беседе Высказать душу, готовый за правду пожертвовать жизнью. Много уж видел он зим в свои восемь почти что десятков, — Даже при этом дворе его возраст был безопасен³.

Впоследствии Домициан не особенно полагался на советников, чего вполне можно было ожидать от человека, о котором говорили, что он никогда и никого искренне не любил, за исключением нескольких женщин.

Большой размах получили при Домициане строительство и другие общественные работы. Началось возведение нового Форума, полностью отстроен был храм Юпитера на Капитолии. В дополнение к уже существовавшим императорским дворцам Домициан воздвиг себе на Палатинском холме новую великолепную резиденцию, которая в большей степени соответствовала его возвышенным представлениям о величии государя. Кроме того, он устраивал великолепные игры и не скупился на подарки городской бедноте.

Такие действия, сопряженные со значительными затратами, предполагали большой объем государственных расходов. Поэтому Домициан должен был уделять неослабное внимание сбору налогов, и о его злоупотреблениях ходило множество рассказов.

Имущества живых и мертвых захватывал он повсюду, с помощью каких угодно обвинений и обвинителей: довольно было заподозрить малейшее слово или дело против императорского величества.

Наследства он присваивал самые дальние, если хоть один человек объявлял, будто умерший при нем говорил, что хочет сделать наследником цезаря. С особой суровостью по сравнению с другими взыскивался иудейский налог: им облагались и те, кто открыто вел иудейский образ жизни, и те, кто скрывал свое происхождение, уклоняясь от наложенной на это племя дани. Я помню, как в ранней юности при мне в многолюдном судилище прокуратор осматривал девяностолетнего старика, не обрезан ли он⁴.

Некоторые из этих сообщений можно не принимать в расчет. Так, Домициан вряд ли проявлял большую строгость при взимании налога на иудеев, именовавшегося *fiscus Judaicus*, чем Веспасиан, впервые введший эту подать после подавления восстания в Иудее. Но Веспасиан оставил о себе после смерти на-

много более добрую память, чем Домициан, поэтому в негативном свете чаще изображали последнего.

Вспыльчивый, но в то же время коварный и скрытный, Домициан относился к окружающим с угрюмой настороженностью, что внушало им страх — прежде всего наиболее культурным людям, которых император, не получивший должного образования, с трудом терпел. Не могли развеять опасения и манеры Домициана. Согласно Плинию Младшему, он обильно ел в одиночестве до полудня, а затем, будучи уже сытым, сидел на вечернем пиру между приглашенными подобно зрителю, в то время как перед ними небрежно опускали блюда.

Немало страданий доставляли приближенным Домициана и его злые шутки и розыгрыши.

Вот какой прием оказал он однажды самым знатым сенаторам и всадникам. Он распорядился приготовить залу, в которой все, то есть и потолок, и стены, и пол, было выкрашено в черное, и поставить в ней на непокрытый пол ложа того же цвета. Затем он позвал своих гостей, велел им прийти вечером, одним, без слуг.

(Когда приглашенные собрались), он приказал поставить возле каждого из них плиту с его именем, сделанную в форме могильного камня, и небольшую лампу, подобную тем, что помещаются в склепах. Вслед за этим обнаженные красивые мальчики, также выкрашенные в черный цвет, вошли в залу как привидения и, окружив гостей, исполнили перед ними зловещий танец, после чего расположились у их ног. Затем перед гостями поставили все то, что обычно приносится в жертву духам усопших. Все эти вещи также были черного цвета и выносились на черных же блюдах⁵.

Гости молчали, а Домициан говорил о смерти и убийствах. Когда же они, не помня себя от страха, вернулись в свои дома, к каждому из них вскоре прибыл посланник императора, но не с приказом покончить жизнь самоубийством, чего все ожидали, а с драгоценными подарками, в числе которых был и прислуживавший на пиру мальчик, «помытый и разукрашенный».

Домициан находил время не только для мрачных и грубых шуток. Больше всего он хотел стать императором, одерживающим победы на поле брани. Жена Домициана была дочерью величайшего полководца того времени, и ничто не упрочило бы престиж императора так, как военный успех, достичь которого ему мешали сговорившиеся между собой отец и брат. Понимая не менее остальных, насколько любой император зависит от армии, Домициан сделал для себя должные выводы и проводил в войсках больше времени, чем любой из его предшественников. Солдаты получили прибавку к жалованью. Плата воинам была увеличена впервые со времен Августа, и эта мера потребовала дополнительных крупных государственных расходов.

В 83 г. н. э. Домициан лично руководил военными действиями в Германии и довершил начатое отцом завоевание Декуматских полей, территории, расположенной между верховьями Дуная и Рейна, на которой проживало могущественное племя хаттов. Восторг, который проявляли по этому поводу стремившиеся выслужиться поэты, был не совсем необоснованным, как это изображали более поздние историки.

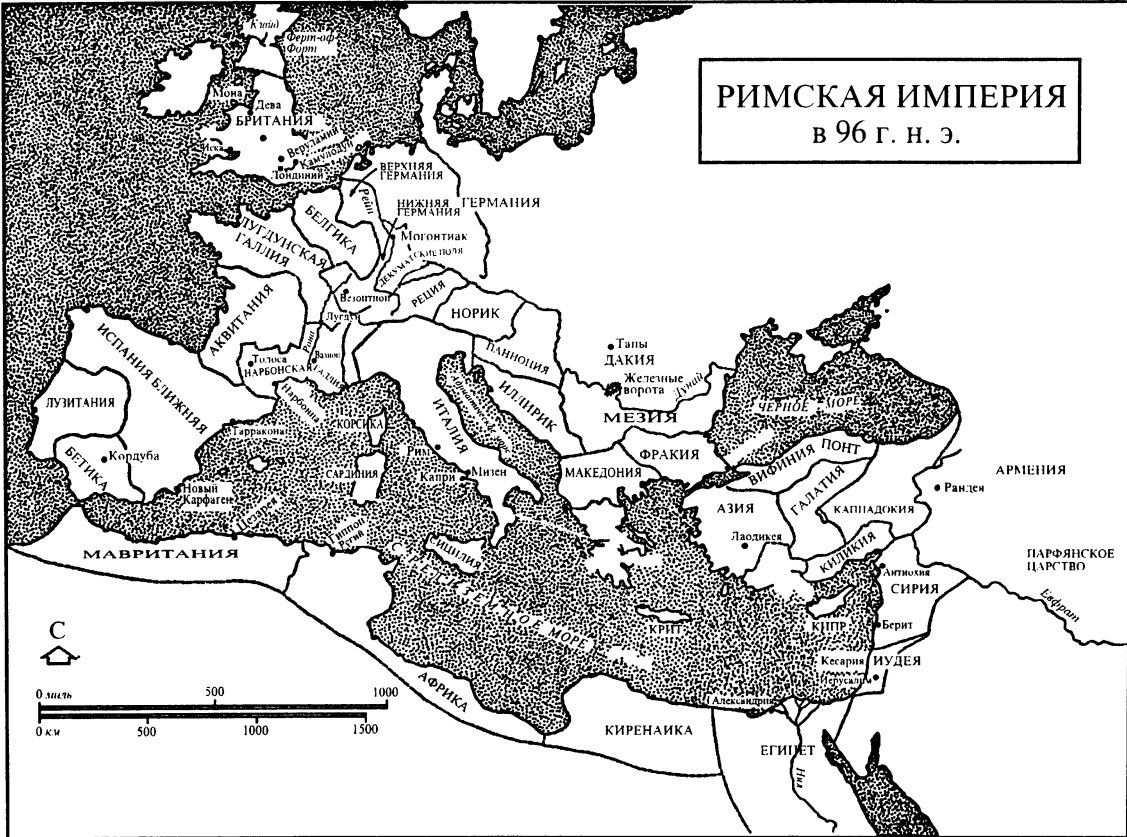
Имя громкое Крит, еще громче Африка имя
Дали вам, Сципион, и победитель Метелл,
Но укротившего Рейн почтила Германия высшим
Именем, Цезарь, тебя в юности ранней твоей.
Вместе с отцом заслужил твой брат триумф идумейский,
Лавр же от хаттов тебе принадлежит целиком⁶.

В то же время Гней Юлий Агрикола, ставший наместником Британии в последнем году жизни Веспасиана, воевал в Каледонии (Шотландия). К 84 г. н. э. он предпринял уже несколько сезонных кампаний. Дочь Агриколы была замужем за Тацитом, который, демонстрируя верность тестю, заявил в своем хвалебном жизнеописании последнего, что Домициан отозвал его преждевременно и, движимый завистью, не воздал ему за его свершения надлежащие почести.

Известие о таком положении дел, хотя Агрикола в своем донесении ничего не преувеличил и в словах его не было никакой похвалы, Домициан по своему обыкновению принял с внешним выражением радости, но с досадою в сердце. Ведь ему было известно, что недавно справленный им мнимый триумф над германцами вызвал бесчисленные насмешки, ибо, приобретя покупкой рабов, он распорядился привести их одежду и волосы в соответствующий вид и выдал за пленников; а теперь — подлинная и решительная победа с истреблением стольких тысяч врагов, так восторженно отмечаемая молвой. Особую опасность для себя он усматривал в том, что имя его подчиненного ставится выше его имени, имени принцепса: стоило ли принуждать к молчанию гражданское красноречие и душить почетную деятельность на общественном поприще, если другой стяжает себе военную славу, — все остальное так или иначе можно стерпеть, но честь слыть выдающимся полководцем должна принадлежать императору. Тревожимый такими заботами и удовольствовавшись, что было признаком зловещих намерений, вынашиванием в себе этих мыслей, он счел за лучшее приберечь свою ненависть до того времени, когда пойдут на убыль превозносящие Агриколу толки и любовь к нему войска, — ведь тогда тот еще управлял Британией⁷.

Домициан действительно поступил по отношению к Агриколе несправедливо. На посту командующего британскими армиями он держал его дольше обычного. При этом, несмотря на выигранное Агриколой сражение при не поддающейся идентификации «горе Гравпий», находившейся, возможно, неподалеку от Инвернесса, его действия не привели и не казались способными при-

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ в 96 г. н. э.

вести к каким-либо долгосрочным территориальным приобретениям за созданной при Тите линией между Фортум и Клайдом.

Достичь другой цели — завоевать Дакию, раскинувшуюся к востоку от Трансильванского плоскогорья, — оказалось еще труднее. Объединившись под водительством царя Децебала, воины этого могущественного государства наголову разгромили две римских армии (85—87 г. н. э.). В 88 г. н. э. положение стабилизировалось после того, как один из полководцев Домициана одержал победу при Тапах, недалеко от Железных ворот. Но нанести дакам решающий удар римлянам так и не удалось, ибо в этот момент их внимание было приковано к серьезной угрозе, исходившей от живших несколько западнее, в среднем течении Дуная, германцев.

Вознаградив войска, император вернулся в Рим. Вскоре, однако, он получил известие, подобное тем, что в свое время потрясли Калигулу и Клавдия и стали началом конца для Нерона и Отона, — известие о мятеже в провинциальной армии. Слухилось то, чего боялись в 39 г. н. э., и что привело к катастрофе в 69 г. н. э., — один из командующих войсками, стоявшими в Германии, поднял восстание.

Этим человеком был Луций Антоний Сатурнин, наместник Верхней Германии. Причины, подтолкнувшие его к выступлению, были отчасти личного характера, ибо он, будучи склонным к мужеложству, опасался пуританского гнева императора. Кроме того, он, безусловно, поддерживал связь с другими недовольными из числа наместников и сенаторов.

Захватив сбережения солдат двух легионов, стоявших в Могонтиаке (ныне Майнц), Сатурнин фактически вынудил их провозгласить себя императором. Но в сложившейся ситуации Домициан действовал с молниеносной быстротой. Приказав командующему единственным дислоцированным в Испании легионом, будущему императору Траяну выступить походом в прирейнские земли, он немедленно покинул Рим и спешно направился туда, где начался мятеж. Сатурнин был провозглашен императором 1 января 89 г. н. э. К 12 января Домициан уже выступил против него, а 25 января арвалии праздновали подавление мятежа.

Планы Сатурнина провалились. Германцы, которые собирались перейти замерзший Рейн и усилить его войска, должны были отказаться от этой идеи, ибо на реке внезапно тронулся лед. Наместник Нижней Германии Лаппий Максим Норбан вместо того, чтобы поддержать мятежников, выступил против них во главе своих легионов. В итоге войска Сатурнина были разгромлены, а сам он погиб в сражении.

Прибыв на место, Домициан безжалостно казнил изменивших ему офицеров. Он также попытался найти архив командования мятежников, чтобы выяснить, кто из видных деятелей империи был с ними в сговоре. Но к тому времени Лаппий

Максим уже успел уничтожить все документы. Зная характер Домициана, можно сказать, что Лаппий шел на большой риск, однако он, очевидно, правильно рассчитал, что его, только что одержавшего блестящую победу, не станут наказывать. Уничтожение архива еще более вывело императора из душевного равновесия, и подозрения, что у мятежников были высокопоставленные сообщники, более не оставляли его.

Римская политическая элита уже успела с болью осознать, что Домициан в меньшей степени, чем любой из его предшественников, заботился об установлении диалога с сенаторами — исключение составляли лишь те, кто верно служили ему в качестве армейских офицеров. Абсолютистские тенденции были заметны уже в правление Веспасиана, но при Домициане, который не считал существенным даже создавать видимость сотрудничества с сенатом, они значительно усилились. Домициан действительно немало сделал для того, чтобы защитить достоинство сенаторского сословия, что было одним из элементов его политики упрочения статуса различных традиционных общественных групп в иерархизированном римском государстве. Вместе с тем его стремление обсуждать административные вопросы с ближайшими приближенными уравновешивалось нежеланием спрашивать мнение сенаторов, которых он, обращаясь к ним крайне надменно, обычно просто заставлял голосовать за удобные себе решения, даже не пытаясь при этом скрыть свое намерение добиться абсолютной власти.

Стремление императора к безграничной власти снова проявилось в 85 г. н. э., когда он совершил беспрецедентный акт, приняв титул пожизненного цензора, упоминание о котором заняло впоследствии важное место среди надписей на его монетах. Предшественники Домициана также иногда принимали цензорские полномочия, чтобы ввести в сенат новых членов и изгнать из него некоторых старых; Клавдий и Веспасиан некоторое время даже носили звание цензора. Но принятие Домицианом титула пожизненного цензора указывало на то, что он собирался контролировать и сенат, и его состав до самой смерти; вскоре выяснилось, что его намерения были самыми серьезными.

Домициан проводил холодно и тщательно продуманную политику. Каждый из его предшественников когда-то, если не имел иного выхода, правил, опираясь лишь на силу. При этом все они заверяли общество в обратном; Домициан же, почувствовав, что настала пора избавиться от этих набивших оскомину отговорок, сознательно начал представлять себя автократом, кем и был полон решимости стать. До некоторой степени то же самое делал когда-то Калигула, однако он, при всей своей любви к монархии восточного типа, отличался эксцентричностью и не проявлял большой настойчивости в преследовании поставленных перед собой целей. Домициан собирался действовать намного бо-

лее последовательно. Более того, выказывая живой интерес к эллинистической культуре и невиданное прежде желание, чтобы его, подобно греческим царям, открыто почитали как бога, он одновременно стремился облекать свою монархическую власть в чисто римские формы.

Эта тенденция к абсолютизму обозначилась еще более резко после мятежа Сатурнина, в результате которого природная склонность императора к жестокости заметно усилилась. Первым последствием мятежа стало возобновление процессов по делам о государственной измене. Не случайно, разумеется, любимым чтением Домициана были записки Тиберия: столкнувшись с враждебностью сенаторов, оба императора были вынуждены начать такие процессы. Домициан находился в ином положении, нежели Тиберий, ибо он сам вызвал к себе враждебное отношение, планомерно продвигаясь к абсолютной власти.

Возобновление процессов по делам о государственной измене означало и появление доносчиков. Император, правда, отнюдь не собирался ставить их в привилегированное положение по сравнению с другими представителями высших слоев общества.

Настолько он был вероломен даже по отношению к тем, кто оказал ему какую-либо услугу или был сообщником в самых отвратительных его преступлениях, что, если люди снабжали его большими деньгами или давали ложные сведения о многих других, он обязательно расправлялся с ними, особенно стараясь покарать рабов, свидетельствовавших против своих хозяев.

Таким образом, эти люди, получая деньги, почести и назначения на посты, на которых они были сотоварищами императора, не пользовались тем не менее большим уважением или безопасностью, чем остальные. Напротив, те самые преступления, совершить которые их подговаривал Домициан, обычно становились основанием для расправы с ними, ибо он хотел, чтобы вина легла только на них.

С той же целью объявил он однажды, что правитель, не наказывающий доносчиков, несет ответственность за их действия⁸.

Столь жесткие меры против доносчиков, однако, не принесли облегчения их недругам из правящей элиты, ибо то, как обращался с ними император, становилось все более невыносимым. Падение сенатора влекло за собой в скором времени и конфискацию его имущества, хотя репрессии были вызваны не алчностью Домициана, как говорили в народе, а его подозрительностью.

Уже в 89 г. н. э. начались гонения на считавшихся неблагонадежными свободомыслящих философов. В последние три года правления Домициана, когда принимались самые разнообразные меры безопасности, сенаторы подвергались более жестокому обращению, чем при любом из его предшественников, что посеяло в их сердцах панический страх. Домициан сидел запершись в своем хорошо защищенном Альбанском дворце, а

казни знатных людей в столице участились как никогда прежде. В числе жертв этих репрессий был и Гельвидий Приск Младший, отец которого, носивший то же имя, был казнен по приказу Веспасиана. Обвинение, выдвинутое против него, заключалось в том, что он написал сатиру, в которой высмеял брак императора. Не исключено, впрочем, что Гельвидий был причастен к какому-нибудь заговору, ибо Домициан редко бил наугад.

Не имея детей, Домициан очень боялся попыток возвести на трон другого человека. В 95 г. н. э. репрессии приобрели еще больший размах. На этот раз их жертвой пал и его двоюродный брат Клемент, сыновья которого считались наследниками императора; с этого времени у нас нет более о них никаких сведений. Тогда же император совершил и роковой шаг, приведший ранее к гибели Калигулу и Нерона, — оттолкнул от себя префектов преторианской гвардии, которых он начал преследовать и устранил с политической сцены. Назначенные вместо них Петроний Секунд и Норбан быстро поняли, что их положение отнюдь не безопасно. При попустительстве жены императора, а также его спальника и письмоводителя, они привлекли на свою сторону вольноотпущенника Стефана, который, вручая Домициану записку, ударил его кинжалом в пах. «Император, сцепившись со Стефаном, долго боролся с ним на земле, стараясь то вырвать у него кинжал, то выцарапать ему глаза окровавленными пальцами». В этот момент подоспел еще один заговорщик, и вместе они наконец одолели и убили императора. Стефан, правда, тоже погиб на месте, ибо люди, пришедшие с опозданием на выручку Домициану, набросились на него и закололи кинжалами.

После смерти Домициана сенаторы, такие, как Тацит или Плиний, заставшие последние годы его правления, наконец-то смогли дать волю долго сдерживавшимся чувствам и начали яростно нападать на покойного императора. Их подстегивало то, что при Домициане они занимали высокие государственные посты; сознание своей причастности к жестоким репрессиям заставляло их чувствовать за собой вину. Тацит весьма полно охарактеризовал дилемму, стоявшую тогда перед ним. С одной стороны, он ненавидел тиранию императора и знал, с какой храбростью противостояли репрессиям ее жертвы, такие, как Гельвидий Приск, но с другой — по его мнению, реагировать на нее надо было иначе, а не возмущаться и пытаться оказать противодействие. Похвалу Тацита вызывали люди, которые, как его тесть Агрикола, неукоснительно выполняли свои служебные обязанности даже во время деспотического правления Домициана. Именно так поступали и он сам, и Траян, бывший императором в то время, когда историк писал свою книгу.

Придерживающиеся такой ориентации авторы ничего не говорят о том, что все это время Домициан не переставал пользоваться любовью солдат. Более того, управление империей

продолжало оставаться на высоком уровне — рассказы о всевластии вольноотпущенников и фавориток императора лишь немногим отличаются от сплетен. Правление Домициана являло собой превосходное подтверждение одной из главных теорий Тацита, согласно которой человек, становясь императором, изменялся обычно в худшую сторону. То, как Домициан управлял государством, имело свои достоинства, однако его отношения с сенатом и правящей элитой несколько раз заметно ухудшались. Основными вехами этого процесса были 89 г. н. э., когда после мятежа Антония Сатурнина император понял, какую ненависть питают к нему сенаторы, и 93 год н. э., в котором начатые им репрессии против последних достигли наибольшего размаха. Вместе с тем исходная позиция Домициана, вызвавшая неприязнь сенаторов, то есть, его стремление стать во главе монархии с ярко выраженным абсолютистским характером, оставалась неизменной с самого начала его правления, на всем протяжении которого он планомерно, шаг за шагом продвигался к достижению этой цели.

Для Домициана, человека, наделенного незаурядным умом, было нелепой ошибкой рассчитывать на успех. Он не понимал, что своей политикой по отношению к сенату лишь провоцирует его членов и побуждает их к выступлениям против себя. Заговоры влекли за собой репрессии, а те, в свою очередь, приводили к новым заговорам, в результате чего создавался порочный круг, в котором однажды должен был погибнуть и сам император.

Домициан со своими воззрениями на сущность принципата опередил время. Императоры, пришедшие к власти сразу после него, склонялись к более осторожной и мягкой, хотя все же авторитарной манере правления Веспасиана. Лишь через столетие после того, как оба цезаря ушли из жизни, идеи Домициана стали господствующими. Начиная с установившегося военную монархию Септимия Севера, императоры беззастенчиво наделяли себя абсолютной властью, как когда-то делал Домициан. Условности, которые он так презирал, были окончательно отброшены. Но, нельзя сказать, что идеи Домициана оправдали себя на практике. Хотя сам Север оставался у власти на три года больше, чем Домициан, очень немногие из его преемников смогли продержаться на троне хотя бы половину этого срока; часто императоры правили совсем недолго. Их свергали с такой же жестокостью, с какой когда-то убили Домициана, причем по той же самой причине: установление неприкрытого единовластия порождает ответную реакцию и борьбу за престол.

Заключение

УСПЕХИ И НЕУДАЧИ ЦЕЗАРЕЙ

Едва ли не каждый из первых двенадцати цезарей оставил свой заметный след в истории цивилизации, на которой в значительной степени основывается наша собственная. Юлий Цезарь завершил целую эпоху в мировом развитии и заложил основы для наступления следующей, хотя сложная формула ее установления ускользнула от него. Эту формулу открыл Август, который, приняв во внимание ставший для него предупреждением опыт Цезаря, создал модель более искусно замаскированной автократии и воплотил ее в жизнь, осуществив одновременно одно из наиболее глубоких переустройств, когда-либо происходивших в великих государствах.

Между тем Тиберий, несмотря на все свои дарования, показал, что следовать примеру Августа весьма сложно. Вслед за этим Калигула поплатился жизнью за преждевременную попытку отбросить покров, которым при Августе была облечена власть принцепса. Клавдий с помощью своего могучего, хотя и не лишнего странностей интеллекта попытался внести свой вклад в формирование монархии с эффективно работающим бюрократическим аппаратом. Нерон продемонстрировал, что правитель, предпочитавший занятия искусствами управлению государством, не может рассчитывать остаться в живых.

Когда империя была охвачена гражданской войной, приход к власти Гальбы показал, что на трон может взойти ставленник одной из провинциальных армий. Отон стал первым правителем, организовавшим убийство своего предшественника и обязанным своим возвышением преторианской гвардии. Вступление на престол Вителлия доказало способность крупных армий, защищавших границы империи, приводить к власти своих ставленников.

После года, прошедшего в обстановке сумятицы и неразберихи, Веспасиан сумел основать новую династию и восстановить в империи стабильность. Он стал прототипом просвещенных и деятельных автократов II в. н. э., подобно тому, как Домициан, пришедший к власти после загадочного промежуточного периода, во время которого империей правил старший сын Веспасиана Тит, стал предшественником военных диктаторов III в.

Двенадцать цезарей оставили неизгладимый след в истории, свершив великие деяния и преподав потомкам серьезные уроки. Каждый из них так или иначе приходил к заключению, что взял на себя слишком тяжелые обязанности. Правление любого императора — если не считать тех, чье пребывание у власти длилось совсем недолго — заканчивалось деградацией его личности. Для одних это было связано с наступлением старости, у других деградация наступала задолго до старости.

Лорд Эктон в приложении к своим «Историческим очеркам и исследованиям» писал: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Могушественные люди всегда безнравственны».

Вторая часть этого изречения содержит в себе немалую долю истины. Занять важное место на политической сцене или удержать его, не действуя при этом некрасиво, или хотя бы эгоистично, невозможно. Как пишет Перегрин Уорсторн о современной нам политике, «всегда что-то тщательно скрывается, все время происходят случаи, в которых даже самые прославленные герои не проявляют полной честности или правдивости». В Римской империи, где сдерживающих факторов в политике было намного меньше, это было бы весьма мягким выражением для описания того, что следовало делать, чтобы победить и остаться в живых.

Слова Эктона: «абсолютная власть развращает абсолютно» — не отражают всей правды о первых двенадцати цезарях. Разумеется, огромная, почти неограниченная власть играла свою роль, но в ином плане. Она развращала вступавших на престол людей не столько во время их правления, сколько до этого, когда стремление к обладанию ей побуждало большинство из них начать борьбу за титул принцепса. Ввиду того, что продвижение к вершинам власти было сопряжено с большими опасностями, стремление стать правителем империи может показаться непонятным. Между тем известных нам случаев нежелания занять трон немного. Даже в III в., когда потенциальному узурпатору было совершенно не нужно углубляться в подсчеты, чтобы заметить, что средняя продолжительность правления императоров резко упала, кандидатов на престол хватало везде, причем не все они пытались взойти на него только потому, что к этому их вынуждали солдаты.

Большинство из двенадцати цезарей, несомненно, стремились управлять государством. Нежелание занимать трон проявил только Тиберий, который взял на себя обязанности императора, исходя из вполне обоснованного убеждения, что справиться с ними может только он, и никто другой. В ряде других случаев это чувство долга заставляло императора оставаться на троне. Но намного чаще основным побудительным мотивом была простая жажда огромной власти и поразительных возможностей, которые она давала.

Но приход цезаря к власти не всегда приводил к его развращению. Да, различные признаки такового можно обнаружить у Юлия Цезаря, Вителлия и Домициана, однако, если взглянуть на остальных, только двух из них можно охарактеризовать как испорченных властью — Калигулу и Нерона. Вступив на престол молодыми людьми, после полных волнений и опасностей детства и юности, они обнаружили, что власть дает им безграничные права для удовлетворения своих желаний. Стремясь использовать свои возможности, они отвлекались от входивших в их обязанности дел, совершить которые они должны были еще и для того, чтобы выжить — и как политики, и просто как люди.

Труды, которым человек, успешно преодолевший путь к трону, должен был посвятить себя, были не только сопряжены с ужасающей ответственностью, но и огромны по масштабам и нескончаемы. Бремя власти было невыносимо, особенно если император отличался слабым здоровьем, как Юлий Цезарь, Август или Клавдий, или был уже в годах, как Август, Тиберий, Клавдий, Гальба и Веспасиан; нести это бремя приходилось в атмосфере непрестанного страха и подозрений. Один за другим императоры, за исключением тех немногих, кому удавалось найти лучшее решение, предпринимали ставшие со временем обычными шаги — сначала пытались договориться со старой правящей элитой, затем осознавали тщетность своих попыток и, наконец, вступали в стадию, казавшуюся последней, — стадию враждебных и исполненных взаимных опасений отношений с теми, кого они не смогли привлечь на свою сторону. Применительно к римским императорам фраза шекспировского Генриха IV: «не знает сна лишь государь один», — звучит весьма сдержанно.

Таким образом, цезарей приводила к деградации не столько абсолютная власть, сколько чрезмерная загруженность делами и постоянные опасения за свою жизнь. Эта формула, правда, не вполне применима к Юлию Цезарю, который действительно страдал от перенапряжения, но, очевидно, не терзался страхами, — хотя в его случае положение усугубляло также слабое здоровье. Хронически больным человеком был и Август, подвергавший себя чрезмерным нагрузкам в течение значительно более долгого времени, чем Цезарь. При этом его непрестанно мучили подозрения, не беспокоившие его предшественника. В этих условиях неизбежная нравственная деградация Августа не стала явной лишь благодаря тому, что император избрал себе близкого помощника и потенциального преемника, призванного заняться тем, на что его собственных изрядно подорванных сил уже не хватало, и не допустить катастрофы. Когда же этот помощник, Тиберий, сам стал императором, он дал еще более яркий пример того, какой вред наносит человеку чрезмерная занятость делами в сочетании со страхом и подозрениями. В старости он не смог

найти человека, на которого мог бы опереться, и его правление закончилось трагически.

Калигула быстро испортил отношения с сенатом и преторианской гвардией, и это привело его к краху. Клавдий, подобно Тиберию, находился в состоянии постоянного нервного напряжения и отдавал государственным делам слишком много сил, причем все это усугублялось отклонениями в его физическом развитии. Когда чрезмерные нагрузки начали сказываться и на нем, он также стал нуждаться в человеке, который помог бы ему управлять империей, а с течением времени взял бы на себя это бремя целиком. Стремясь найти выход из создавшегося положения, Клавдий обратился к своей жене Агриппине Младшей, и Рим впервые, без особого удовольствия, почувствовал, что значит находиться под властью женщины.

Нерон вообще не стал обременять себя такими проблемами, и, пока Сенека и Бурр обеспечивали эффективное управление страной, отсутствие у него интереса к государственным делам не причиняло империи большого вреда. После их ухода, однако, он потерпел неудачу, попытавшись начать выполнять свой долг, и в результате утерял контроль над ситуацией. Последовавшее за этим ухудшение отношений с сенатом значительно усилило склонность Нерона поддаваться паническому страху и в конце концов привело его к гибели.

Гальба, Отон и Вителлий быстро сменяли друг друга на троне не по воле случая, а вследствие допущенных ими грубых ошибок. Не было случайностью и то, что дольше их у власти задержался Веспасиан, сумевший не повторить их промахов и управлявший государством намного более эффективно. Не мучаясь подозрениями и страхами, от которых страдали столь многие его предшественники, Веспасиан в то же время занимался государственными делами в намного более напряженном ритме, чем любой из них, и ему не удалось бы успешно править до семидесяти лет, не пользуясь он услугами абсолютно надежного помощника. Подобно Августу, он сделал этим помощником своего будущего преемника, добившись даже лучшего результата, ибо счастливым образом у него был собственный сын, на которого он мог опереться в старости.

Тит, сын Веспасиана, занявший трон после смерти отца, умер слишком рано и как император полностью раскрыть себя не успел. Его брат и преемник Домициан в полной мере проявил ставшее для цезарей обычным сочетание подозрительности и боязливости. Страх, отравивший его отношения с сенаторами, закономерно привел его к гибели.

Двенадцать цезарей были очень разными людьми. Между тем их, во всяком случае, тех, кто правил достаточно долго, чтобы создать о себе довольно ясное представление, объединяло одно: все они считали взятое на себя бремя почти невыносимым. Не-

смотря на то, что абсолютная власть действительно в некоторых случаях развращала императоров, лорд Эктон мог бы для большей пользы, хотя и в ущерб элегантности, переписать свое утверждение, сформулировав его следующим образом: «Чрезмерная нагрузка в сочетании со страхами приводит к деградации, а постоянная чрезмерная нагрузка в сочетании с постоянными страхами — к абсолютной деградации; старость или слабое здоровье ускоряет этот процесс».

Хотя цезари были людьми — как бы ни старались их подданные представить это иначе, — причем людьми, вынужденными выносить огромные нагрузки, они выполняли едва ли не сверхчеловеческую задачу, управляя многими миллионами людей, живших на огромной территории. В общем и целом они, действуя с помощью эффективно работавшей государственной машины, справлялись с ней довольно хорошо. Несмотря на политические катаклизмы, потрясавшие немногочисленную столичную элиту и наносившие ей значительные потери, обширные территории, входившие в состав Римской империи, управлялись великолепно. Более того, несмотря на все недостатки и пороки социальной структуры древнего мира, там, где действовали правовые нормы империи, в значительной степени обеспечивалась законность, по крайней мере среди свободных людей.

Все это относилось к деяниям цезарей. Конечно, мы не должны ставить им в заслугу все, что происходило в то время, ибо это значило бы увековечить культ личности, который охотно принимали древние писатели; кроме того, в значительной степени управление империей осуществлялось вне зависимости от того, каким был человек, занимавший римский престол. Между тем успех имперской государственной машины был во многом достигнут благодаря управлявшим ей цезарям. Наиболее талантливые и одаренные из них, каковы бы ни были особенности их характера, изменили ход истории к лучшему, и нам следует относиться к ним с глубоким уважением и почтением.

Библиографические ссылки на источники

ВВЕДЕНИЕ Роль и своеобразие цезарей

1. *Письма Плиния Младшего*, I, 24, изд. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур, Москва, 1984, с. 23.
2. Гай Светоний Транквилл, *Жизнь двенадцати цезарей*, пер. М. Л. Гаспаров, Москва, 1990, Божественный Август, 6, с. 39—40.
3. Вергилий, *Буколики. Георгики. Энеида*, Москва, 1979, Георгики, I, 466 и дал., пер. С. Шервинский, с. 87.
4. The Times, 30 мая 1974.
5. Andrew Marvell, *Horatian Ode upon Cromwell's Return from Ireland*.
6. Дион Кассий, Римская история, LIII, 19, 1—6. Англ. пер. Е. Кэри (E. Cary).
7. Петроний, Сатирикон, 28.

ЧАСТЬ I От Республики к Империи

Глава I. Юлий Цезарь

1. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Юлий, 45, с. 23.
2. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Юлий, 57, с. 27.
3. Плиний старший, *Естественная история*, 7/91.
4. Цезарь, *Гражданская война*, 3/73. *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей*, пер. М. М. Покровский, Москва, 1991, т. II, с. 85.
5. Цицерон, II филиппика против Марка Антония, XLVI, 117, XLV, 115, *Речи*, изд. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек, Москва, 1993, т. 2, с. 319.
6. Марк Анней Лукан, *Фарсалия, или Поэма о гражданской войне*, пер. Л. Е. Остроумов, Москва, 1993, 1/145—150 и дал., с. 11.
7. Цезарь, *Гражданская война*, 1/9. *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей*, т. II, с. 9.
8. Лукан, *Фарсалия*, 7/496—505, с. 160.
9. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Юлий, 80/3, с. 34. Цитируя здесь Светония, автор, по-видимому, не вполне точен: приводимые им стихи были написаны под статуей Цезаря, а надпись на основании статуи Брута гласила: «О, если б ты был жив!», см. там же. — *Примеч. пер.*

1. Плиний старший, *Естествознание. Об искусстве*, пер. Г. А. Гаронян, Москва, 1994, *Естествознание*, II, 94, с. 194.
2. Цицерон, *Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту*, пер. В. О. Горенштейн, Москва, 1994, DCCXCVII, Att. XVI, 8, т. III (46—43 гг.), с. 339.
3. Вергилий, *Буколики, Георгики, Энеида*, Энеида, 8/678 и дал., пер. С. Ошеров, с. 304 — 305. Следует сказать, что Антоний формально не состоял в браке с Клеопатрой ни по римским, ни, вероятно, по египетским законам. — *Примеч. авт.*
4. Вергилий, *Буколики, Георгики, Энеида*, Энеида, 6/847 и дал., пер. С. Ошеров, с. 263.
5. *Sybilline Oracles*, англ. пер. М. С. Терри (M.S. Terry), 8/91 и дал. и 121 и дал.
6. Вергилий, *Буколики, Георгики, Энеида*, Георгики, 2/167 и дал., пер. С. Шервинский, с. 93.
7. Гораций, Оды, III, 14/14 и дал., IV, 15/17 и дал., IV, 5/17 и дал. Перевод всех фрагментов — Г. Ф. Церетели. По: Гораций, *Собрание сочинений*, Санкт-Петербург, 1993, с. 126, 175 и 159 соответственно.
8. Dittenberger, *Orientalis Graecae Inscriptiones Selectae*, 458. Англ. пер. Э. Х. М. Джонс (A.H.M. Jones).
9. Страбон, *География*, пер. Г. А. Стратановский, Москва, 1994 (репринтное воспроизведение издания 1964), VI, 4/2, с. 264. Следует сказать, что, согласно Страбону, процветание продолжалось и в правление Тиберия — *Примеч. авт.*
10. Филон Александрийский, *О посольстве к Гаю*, 21. Пер. О. Л. Левинская. По: Филон Александрийский, *Против Флакка, О посольстве к Гаю — Иосиф Флавий, О древности еврейского народа, Против Апиона*, ред. А. Б. Ковельман, Москва, 1994, с. 74—75.
11. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Август, 53/2—3, с. 59.
12. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Август, 89/2, с. 71.
13. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Август, 71/3, с. 66.
14. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Август, 83, с. 69.
15. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Август, 69/2, с. 65. Употребление автором выражения «пропагандистские нападки» (*propaganda attacks*) применительно к этому случаю вызывает некоторые сомнения, так как процитированный фрагмент у Светония начинается так: «Антоний даже писал ему по-приятельски, когда между ними еще не было ни тайной, ни явной вражды». — *Прим. перев.*
16. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Август, 79/1—2, с. 68. Согласно Плинию Старшему, глаза на лице Августа располагались едва ли не как на лошадиной морде, и, если кто-нибудь пристально смотрел на них, императора это весьма раздражало. — *Прим. авт.*
17. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Август, 80—81, с. 68—69.
18. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Август, 82/1—2, с. 69.

19. *Supplementum Epigraphicum Graecum*, IX, 8 (Киренский эдикт, 5), англ. перевод Н. Льюиса (N. Lewis) и М. Рейнольда (M. Reinhold). «Союзники римского народа» было иносказательным выражением, употреблявшимся для обозначения народов, подчиненных Риму, но пользовавшихся некоторой автономией. Прочитированное послание было направлено наместнику Крита и Киренаики, провинции, находившейся под властью сената. — *Прим. авт.*
20. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Август, 35/1—2, с. 52.
21. Гораций, Оды, III, 6/29 и дал., пер. Н. С. Гинцбург, *Собрание сочинений*, с. 116.
22. Веллей Патеркул, Римская история, II, CX/6 — CXI. По: *Малые римские историки*, изд. и пер. А. И. Немировский, Москва, 1996, с. 83.
23. Веллей Патеркул, Римская история, II, CXIX/2—3, *Малые римские историки*, с. 89.
24. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Август, 23/2, с. 46.

ЧАСТЬ II

Династия Юлиев—Клавдиев

Глава 3. Тиберий

1. Гораций, Оды, IV, 14/14 и дал., пер. Г. Ф. Церетели, *Собрание сочинений*, с. 173. Имя «Нерон» относится к Тиберию (Тиберию Клавдию Нерону). — *Примеч. авт.*
2. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Тиберий, 21/4—7, с. 88. Упоминание о музах представляет собой, очевидно, намек на литературные вкусы Тиберия. — *Примеч. авт.*
3. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Тиберий, 11/2, с. 83—84.
4. Тацит, *Анналы*, 1/13, *Сочинения*, изд. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеевко, Москва, 1993, т. I, с. 14—15.
5. Дион Кассий, Римская история, 57/1/1 и дал., англ. пер. Е. Кэри (E. Cary).
6. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Тиберий, 68/1—3, с. 103—104.
7. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Тиберий, 29, с. 90—91.
8. Тацит, *Анналы*, 1/74, *Сочинения*, т. I, с. 42.
9. Сенека, *О благодеяниях*, III, 16. Англ. пер. Фрэнсиса Холланда (Francis Holland).
10. Ювенал, *Сатиры*, пер. Ф. А. Петровский, Санкт-Петербург, 1994, 10/58 и дал., с. 105.
11. Ювенал, *Сатиры*, 10/68 и дал., с. 105.
12. Тацит, *Анналы*, 6/51, *Сочинения*, т. I, с. 179.
13. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Тиберий, 57/1, с. 99, Гай Калигула, 6/2, с. 108, Тиберий, 42/1, с. 94, соответственно абзацам.
14. Дион Кассий, Римская история, 57/13/6, англ. пер. Е. Кэри (E. Cary).
15. Тацит, *Анналы*, 6/48, *Сочинения*, т. I, с. 177.
16. Тацит, *Анналы*, 6/6, *Сочинения*, т. I, с. 156. В отношении этого письма см. также Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Тиберий,

67/1, с. 103, где приводится несколько иной текст: «Как мне писать вам, отцы сенаторы, что писать и чего пока не писать? Если я это знаю, то пусть волей богов и богинь я погибну худшей смертью, чем погибаю вот уже много дней». — *Примеч пер.*

Глава 4. Калигула

1. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Гай Калигула, 10/2, с. 110.
2. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Гай Калигула, 50/1—2 с. 126.
3. Иосиф Флавий, *Иудейские древности*, пер. Г. Генкель, Москва, 1996, XIX, 2/5, с. 268.
4. Филон Александрийский, О посольстве к Гаю, 45. По: Филон Александрийский, *Против Флакка, О посольстве к Гаю* — Иосиф Флавий, *О древности еврейского народа, Против Апиона*, с. 106.
5. Филон Александрийский, О посольстве к Гаю, 3. По: Филон Александрийский, *Против Флакка, О посольстве к Гаю* — Иосиф Флавий, *О древности еврейского народа, Против Апиона*, с. 55—56.
6. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Гай Калигула, 53/2 с. 127.
7. Филон Александрийский, О посольстве к Гаю, 7. По: Филон Александрийский, *Против Флакка, О посольстве к Гаю* — Иосиф Флавий, *О древности еврейского народа, Против Апиона*, с. 59.
8. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Гай Калигула, 54/2 с. 127—128.
9. Филон Александрийский, О посольстве к Гаю, 27. По: Филон Александрийский, *Против Флакка, О посольстве к Гаю* — Иосиф Флавий, *О древности еврейского народа, Против Апиона*, с. 79.
10. Иосиф Флавий, *Иудейские древности*, XIX, 1/16, с. 261—262.
11. Филон Александрийский, О посольстве к Гаю, 2. По: Филон Александрийский, *Против Флакка, О посольстве к Гаю* — Иосиф Флавий, *О древности еврейского народа, Против Апиона*, с. 55.

Глава 5. Клавдий

1. Сенека, *Сатира на смерть императора Клавдия*, пер. В. Алексеев, Санкт-Петербург, 1891, с. 19—20.
2. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Клавдий, 30, с. 145.
3. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Клавдий, 4/1—2, с. 132—133.
4. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Клавдий, 42/2, с. 149.
5. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Клавдий, 33/1, с. 145—146. Салийские жрецы были служителями культа Марса. — *Прим. авт.*
6. *Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin (BGU)*, 611.
7. Dessau, *Inscriptiones Latinae Selectae*, 212 (англ. пер. Э. Х. М. Джонс (A. H. M. Jones), Н. Льюис (N. Lewis) и М. Рейнольд (M. Reinhold)).
8. Сенека, *Сатира на смерть императора Клавдия*, с. 10.

9. Сенека, *Сатира на смерть императора Клавдия*, с. 20.
10. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Клавдий, 15/3, с. 137.
11. *Письма Плиния Младшего*, VIII, 6/6—7, с. 141.
12. Ювенал, *Сатиры*, 6/115 и дал., с. 58.
13. Тацит, *Анналы*, 11/31, *Сочинения*, т. I, с. 193.
14. Тацит, *Анналы*, 12/7, *Сочинения*, т. I, с. 199.

Глава 6. Нерон

1. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Нерон, 51, с. 173.
2. Тацит, *Анналы*, 13/5, *Сочинения*, т. I, с. 225—226.
3. Сенека, *О милосердии*, I, 2. Англ. пер. Фрэнсис Холлэнд (Francis Holland).
4. Сенека, *О благодеяниях*, VII, 20. Англ. пер. Фрэнсис Холлэнд (Francis Holland).
5. Сенека, *О благодеяниях*, V, 6. Англ. пер. Фрэнсис Холлэнд (Francis Holland).
6. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Нерон, 15/1, с. 156.
7. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Нерон, 20/1, с. 157—158.
8. Дион Кассий, *Римская история*, LXII, 13, 2. Англ. пер. Е. Кэри (E. Cary). См. также Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Нерон, 29, с. 162. — *Прим. перев.*
9. Петроний, *Сатирикон*, пер. Б. Ярхо, Москва, 1969, 132, с. 338.
10. Тацит, *Анналы*, 14/14, *Сочинения*, т. I, с. 258.
11. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Нерон, 24/1, с. 160.
12. Сенека, *О благодеяниях*, VII, 20. Англ. пер. Фрэнсис Холлэнд (Francis Holland).
13. Dittenberger, *Sylloge Inscriptionum Graecarum*, 814. Англ. пер. Н. Льюис (N. Lewis) и М. Рейнольда (M. Reinhold).
14. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Нерон, 40/4, с. 168—169. О мятеже Гальбы см. следующую главу — *Примеч. авт.*

ЧАСТЬ III ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ

Глава 7. Гальба

1. Тацит, *История*, 1/49, *Сочинения*, т. II, с. 27.
2. Тацит, *История*, 1/12, *Сочинения*, т. II, с. 10.
3. Тацит, *История*, 1/16, *Сочинения*, т. II, с. 12—13.

Глава 8. Отон

1. Тацит, *История*, 1/43—44, *Сочинения*, т. II, с. 24. Под «ними» Тацит подразумевает Сульпиция Флора и Стация Мурка, которым Отон дал приказ убить Пизона. — *Прим. перев.*
2. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Отон, 3/2, с. 185.
3. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Отон, 12/1, с. 188.
4. Ювенал, *Сатиры*, 2, 99 и дал., с. 28.

5. Плутарх, Отон, 3, *Сравнительные жизнеописания*, Москва, 1994, т. II, с. 568.
6. Марциал, *Эпиграммы*, Санкт-Петербург, 1994, VI, 32, с. 157.
7. Тацит, История, 2/50, *Сочинения*, т. II, с. 72.

Глава 9. Вителлий

1. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Вителлий, 13/2, с. 193.
2. Тацит, История, 3/86, *Сочинения*, т. II, с. 139.
3. Дион Кассий, Римская история, LXIV, 6, Iff. Англ. пер. Е. Кэри (E. Cary).
4. Тацит, История, 3/56, *Сочинения*, т. II, с. 123.
5. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Вителлий, 7/3, с. 191—192.

ЧАСТЬ IV ДИНАСТИЯ ФЛАВИЕВ

Глава 10. Веспасиан

1. Иосиф Флавий, *Иудейская война*, пер. М. Финкельберг и А. Вдовиченко, Москва, 1993, Введение, 2, с. 9.
2. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Веспасиан, 12, с. 202—203.
3. Тацит, История, 2/5, *Сочинения*, т. II, с. 57.
4. Тацит, История, 1/10, *Сочинения*, т. II, с. 9.
5. Тацит, История, 2/86, *Сочинения*, т. II, с. 88.
6. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Веспасиан, 23/2—3, с. 205.

Глава 11. Тит

1. Расин, *Береника*, 1/4, *Сочинения*, ред. пер. Ю. Б. Корнеев, Москва, 1984, т. I, с. 358.
2. Иосиф Флавий, *Иудейская война*, VI, 4/6—7, с. 366 — 368.
3. Иосиф Флавий, *Иудейская война*, VII, 3/1, с. 388.
4. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Тит, 5/3, с. 208.
5. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Тит, 6/1, с. 208.
6. Ювенал, *Сатиры*, 6/155 и дал., с. 60.
7. Дион Кассий, Римская история, LXV, 15, 3 и дал. Англ. пер. Е. Кэри (E. Cary).
8. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Тит, 6/2, с. 208.
9. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Тит, 3, с. 207.
10. Расин, *Береника*, 1/4, *Сочинения*, т. I, с. 356.
11. Расин, *Береника*, 4/5, *Сочинения*, т. I, с. 387.
12. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Тит, 8/1, с. 209.

13. Эдуард Янг (Edward Young), 1684 — 1765.
14. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Божественный Тит, 10/1, с. 211.
15. Авсоний, *Стихотворения*, изд. М. Л. Гаспаров, Москва, 1993, с. 73.
16. Дион Кассий, Римская история, LXVI, 18, 4. Англ. пер. Е. Кэри (E. Cary).

Глава 12. Домициан

1. Тацит, История, 4/86, *Сочинения*, т. II, с. 188—189.
2. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Домициан, 18, с. 221.
3. Ювенал, *Сатиры*, 4/81 и дал., с. 43—44.
4. Светоний, *Жизнь двенадцати цезарей*, Домициан, 12/1—2, с. 218. Упомянутый в данном фрагменте налог на иудеев был введен взамен подати в пользу Иерусалимского храма, в описываемое время разрушенного, которую до этого платили иудеи всей империи. — *Примеч. авт.*
5. Дион Кассий, Римская история, LXVII, 9, 1 и дал., англ. пер. Е. Кэри (E. Cary).
6. Марциал, *Эпиграммы*, II, 2, с. 57—58.
7. Тацит, Жизнеописание Юлия Агриколы, 39, *Сочинения*, т. I, с. 348.
8. Дион Кассий, Римская история, LXVII, 1, 3 и дал., англ. пер. Е. Кэри (E. Cary). 12

БИБЛИОГРАФИЯ

К главе 1

- Balsdon, J.P.V.D., *Julius Caesar and Rome*, London, 1967, 1971.
Carcopino, J., *Jules César*, испр. изд. P. Grimal, Paris, 1968.
Ferrabino, A., *Cesare*, Turin, 1945.
Gelzer, M., *Cäsar der Politiker und Staatsmann*, Stuttgart—Berlin, 1921.
Англ. перевод Caesar: Politician and Statesman, Oxford, 1968.
Grant, M., *Caesar*, London, 1974.
Grant, M., *Julius Caesar*, London—New York, 1969, 1972.
Oppermann, H., *Caesar: Wegbereiter Europas*, Göttingen, 1958.
Syme, R., *The Roman Revolution*, Oxford, 1939, 1971.
Weinstock, S., *Divus Julius*, Oxford, 1971.

К главе 2

- Béranger, J., *Recherches sur l'aspect idéologique du principat*, Basel, 1953.
Bowersock, G.W., *Augustus and the Greek World*, Oxford, 1965.
Chisholm, K. and Ferguson, J., *Rome: The Augustan Age*, Oxford, 1981, 1992.
Earl, D.C., *The Age of Augustus*, London, 1968.
Hammond, M., *The Augustan Principate*, Cambridge, Massachusetts, 1933, 1968.
Jones, A.H.M., *Augustus*, London, 1970.
Kienast, M., *Augustus: Princeps und Mensch*, Darmstadt, 1982.
Levi, M.A., *Il tempo di Augusto*, Florence, 1951.
Mellor, R., *From Augustus to Nero: The First Dynasty of Imperial Rome*, Michigan, 1990.
Premierstein, A., von, *Vom Werden und Wesen des Prinzipats*, Munich, 1937.
Rauflaub, K. A. and Toher, M. (eds.), *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate*, Berkeley, 1990.
Sattler, P., *Augustus und der Senat*, Göttingen, 1960.
Schmitthenner, W. (ed.), *Augustus*, Darmstadt, 1969.
Simon, E., *Augustus: Kunst und Leben in Rom und die Zeitwende*, 1986.
Syme, R., *The Roman Revolution*, Oxford, 1939, 1971.
Zanker, P., *The Power of Images in the Age of Augustus*, Michigan, 1988.

К главе 3

- Ciaceri, E., *Tiberio successore di Augusto*, Roma, 1934, 1944.
Kornemann, E., *Tiberius*, Stuttgart, 1960.
Marsh, F.B., *The Reign of Tiberius*, Oxford, 1931.
Pippidi, D.M., *Autour de Tibere*, Bucharest, 1944, 1965.
Seager, R., *Tiberius*, London, 1972.
Smith, E.C., *Tiberius and the Roman Empire*, Baton Rouge, 1942.

К главе 4

- Balsdon, J.P.V.D., *The Emperor Gaius*, Oxford, 1934.

К главе 5

- Momigliano, A., *Claudius: The Emperor and His Achievement*, Cambridge, 1934, 1961.
Scramuzza, V.M., *The Emperor Claudius*, Cambridge, Massachusetts, 1940, 1971.
Strocka, V. M. (ed.), *Die Regierungszeit des Kaisers Claudius*, (издается ныне).

К главе 6

- Bishop, J.H., *Nero: the Man and the Legend*, London, 1964.
Grant, M., *Nero*, London, New York, 1970, 1973.
Warmington, B.H., *Nero: Reality and Legend*, London, 1969.

К главе 7—9

- Corradi, G., *Galba, Otone e Vitellio*, Roma, 1941.
Henderson, B.W., *Civil War and Rebellion in the Roman Empire*, London, 1908.
Regibus, L. de, *Galba*, and Pareti, L., *Otone e Vitellio, Dodici Cesari*, Roma, 1955.
Richter, M., *Vitellius*, Bern, 1992.

К главе 10—12

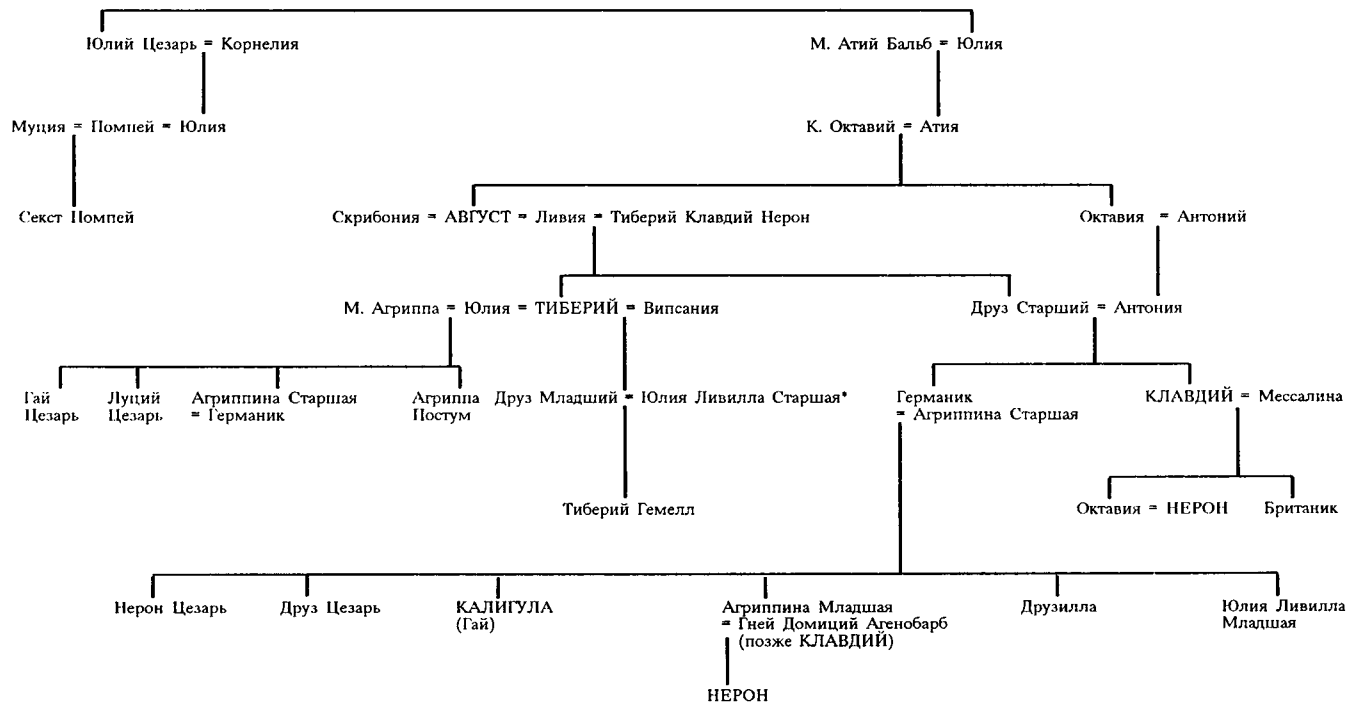
- Calderini, A., *Vespasiano e Tito*, Roma, 1941.
Fortina, M., *L'imperatore Tito*, Torino, 1955.
Giannelli, G., *Domiziano*, Rome, 1941.
Gsell, S., *Essai sur le regne de l'empereur Domitien*, Paris, 1894, 1967.
Henderson, B.W., *Five Roman Emperors*, Cambridge, 1927.
Homo, L., *Vespasien: l'empereur du bon sens*, Paris, 1944.
Jones, B.W., *The Emperor Domitian*, London, 1993.
Murison, C.L., *Galba, Otho and Vitellius: Careers and Controversies*, Hildenheim, 1993.

Общие работы

- Balsdon, J.P.V.D., *Life and Leisure in Ancient Rome*, London, 1969.
Cambridge Ancient History, Vol. IX, 1932; X, 1934; XI, 1936.
- Carcopino, J., *La vie quotidienne a Rome a l'apogee de l'empire*, Paris, 1939, англ. перевод *Daily Life in Ancient Rome*, London, 1941, 1964.
- Friedländer, L., *Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms*, 10th ed., Ausgabe, Leipzig, 1922, англ. перевод 7-го издания *Roman Life and Manners under the Early Empire*, London, 1908—1913.
- Garzetti, A., *L'impero da Tiberio agli Antonini*, Bologna, 1960, англ. перевод *From Tiberius to the Antonines*, London, 1974.
- Grant, M., *The Army of the Caesars*, London, New York, 1974.
- Paoli, U. E., *Vita Romana*, Florence, англ. перевод *Rome: its People, Life and Customs*, London, 1963.
- Piganiol, A., *Histoire de Rome*, Paris, 1939, 1954.
- Rostovtzeff, M., *Social and Economic History of the Roman Empire*, Oxford, 1941, 1957 (ed. P. M. Fraser).
- Scullard, H.H., *From the Gracchi to Nero*, London, 1959, 1970.

Об основных античных авторах, произведения которых рассматриваются во Введении и других частях настоящей книги, см. Syme, R., *Tacitus*, Oxford, 1958, о монетах — Mattingly, H., *Roman Coins*, London, 1928, 1960; Sutherland, C.H.V., *Roman Coins*, London, 1974; Grant, M., *Art in the Roman Empire*, 1995; Grant, M., *Greek and Roman Historians: Information and Misinformation*, 1994, о произведениях искусства и архитектуры, а также надписях и текстах на папирусах *Documents*, 3 vols., Oxford, 1955—1967; *A History of Rome through the Fifth Century*, ed. by A. H. M. Jones, Vol. II, New York, London, 1970; *Roman Civilization*, ed. by N. Lewis and M. Reinhold, Vol. II, New York, 1955, 1966.

Флавий Сабин = Веспасия Полла

Т. Флавий Сабин,
префект города Рима

Флавия Домицилла = ВЕСПАСИАН

Т. Флавий Сабин,
консул в 69 г. н. э.

Гней Домиций
Корбулон

ТИТ
(префект преторианцев
при Веспасиане)

Домиция = ДОМИЦИАН
Лонгина

Флавия Домицилла

Т. Флавий Сабин = Флавия Юлия,
консул в 82 г. н. э.

Т. Флавий Клемент = Флавия Домицилла

Флавий Веспасиан

Флавий Домициан

Даты правления двенадцати цезарей

I. Юлии—Клавдии

49—44 гг. до н. э.	Юлий Цезарь, диктатор
31 г. до н. э.—14 г. н. э.	Август, первый император
14—37 гг. н. э.	Тиберий
37—41 гг. н. э.	Гай Калигула
41—54 гг. н. э.	Клавдий
54—68 гг. н. э.	Нерон

II. Период гражданских войн

68—69 гг. н. э.	Гальба
69 г. н. э.	Отон
69 г. н. э.	Вителлий

III. Флавии

69—79 гг. н. э.	Веспасиан
79—81 гг. н. э.	Тит
81—96 гг. н. э.	Домициан

Даты правления последующих императоров

АНТОНИНЫ

96—98 гг.	Нерва
117—138 гг.	Траян
138—161 гг.	Антонин Пий
{ 161—180 гг.	Марк Аврелий
{ 161—169 гг.	Луций Вер
180—192 гг.	Коммод
193—211 гг.	Септимий Север
253—260 гг.	Валериан
253—268 гг.	Галлиен
270—275 гг.	Аврелиан
284—305 гг.	Диоклетиан
306—337 гг.	Константин I Великий
361—363 гг.	Юлиан Отступник
475—476 гг.	Ромул Августул <i>(последний император на западе)</i>
527—565 гг.	Юстиниан I
1449—1453 гг.	Константин XI <i>(последний император на востоке)</i>

УКАЗАТЕЛЬ

- Август, император 10, 11, 18, 19, 22—28, 38, 54—80, 83—96, 100, 101, 103—105, 108, 110, 114, 115, 117, 118, 120, 122, 123, 125—133, 135, 137, 140, 144, 148, 160, 168, 171, 173, 175, 180—182, 189, 194, 196, 209, 210, 214, 219, 221, 227, 228, 231, 235, 243, 245, 246
- Аветинский холм 45
- Аврелий, Марк 24, 69
- Авсоний 8, 226, 227
- Агенобарб, Гней Домиций 145
- Агрикола, Гней Юлий 216, 236, 241
- Агриппа I, Марк Юлий 107, 115, 220
- Агриппа II, Марк Юлий 204, 215, 216, 220, 221
- Агриппа, Марк Випсаний 54—56, 59, 72, 73, 77, 78, 83, 85, 96, 97, 175
- Агриппа Постум 79, 96
- Агриппина Младшая 11, 106, 115, 117, 118, 124, 139, 142—145, 147—149, 151, 155—158, 167, 180, 183, 194, 246
- Агриппина Старшая 83—85, 92, 100, 102, 106, 145
- Адриан, император 8, 26, 223
- Азиатик, Децим Валерий 140
- Азия (римская провинция) 32, 62, 67, 162, 206
- Акве Кутилие, см. Кутилие
- Аквитания 171
- Акта 156
- Акция 55, 59—64, 66, 115, 184
- Александр Македонский 116, 166
- Александр, Тиберий Юлий 171, 202—204, 220
- Александрия 32, 35, 67, 96, 114, 116, 127, 135, 204
- Альба-Лонга 233, 240
- Альпы 11, 33, 48, 70, 181, 193, 196
- Анагна 193
- Анк Марций 132
- Антоний, Марк (Марк Антоний) 34, 41, 47, 49—51, 54, 55, 57—59, 70, 72, 115, 221
- Антоний Сатурнин, см. Сатурнин
- Антония 100, 106, 115, 121, 123, 126, 127, 205, 221
- Антония Клавдия, см. Клавдия
- Анхиз 60
- Анция 106, 145
- Апеллес 114
- Апеннины 197
- Апиката 102
- Аполлон 59, 159, 162
- Аполлония 57
- Апоний Сатурнин, Марк, см. Сатурнин
- Арвалии 158, 164, 179, 238
- Ариция 196
- Армения 146, 148, 162
- Арминий 79
- Аррецин Клемент, см. Клемент
- Аррунций 104

- Асия 131
 Аскалон 114
 Ассирия 184
 Аттик, Тит Помпоний 15, 48,
 53, 57
 Атия 54
 Афина Паллада 233
 Африка (римская провинция)
 32, 40, 43, 46, 61, 171,
 174, 175, 181, 189, 201, 236
 Ахайя, см. Греция
- Балканы 32
 Бальб, Луций Корнелий 42, 43
 Бедриак 182, 187, 189, 190,
 193, 197, 202, 204, 229
 Беневент 28, 164
 Береника, Юлия 215, 216, 220—
 225
 Берит 218
 Бетика 193
 Большой Сен-Бернар 189
 Большой цирк 163
 Боудикка (Боадичея) 146, 161,
 162
 Брикселл 187
 Британик 124, 142, 145, 148,
 149, 155, 163, 215
 Британия 31, 107, 117, 118,
 123, 125, 136, 139, 146,
 161, 162, 189, 201, 207,
 216, 236
 Брут Альбин, Децим Юний 32,
 51
 Брут, Луций Юний (предок
 Марка Юния) 49, 51
 Брут, Марк Юний 32, 37, 46,
 51, 54, 72, 97, 211
 Бурр, Секст Афраний 124,
 143, 145, 146, 149, 151,
 152, 156, 158—160, 162,
 167, 175, 246
 Быстроногий, конь 111
- Валент, Веттий 141
 Валент, Фабий 181, 185, 189,
 190, 193, 194, 197
- Вар, Арий 230
 Вар, Публий Квинтилий 56,
 79, 80, 91
 Васион 143
 Ватикан 27
 Везонтион 146, 167
 Везувий 225
 Велитры 10, 54
 Веллей Патеркул 79
 Веллингтон, герцог 24
 Венера 48, 119, 156
 Венеция 9
 Вергилий 58—60, 62, 66, 77,
 110
 Верулакий 161
 Веспасиан, император 11, 19,
 21, 24, 26, 108, 146, 164,
 189, 190, 196—198, 201—
 216, 218—223, 225, 228—
 231, 233, 234, 236, 239,
 241—243, 245, 246
 Веста 66
 Весталки 232
 Вильгельм II 110
 Вильсон, Вудро 24
 Виминальский холм 97
 Виндекс, Гай Юлий 146, 166,
 167, 171, 176, 178
 Виний, Тит 172, 174, 175,
 177, 179, 182
 Винициан, Анний 164
 Випсаний Агриппа М., см. Аг-
 риппа
 Випсания 85
 Вителлий, Авл, император 11,
 172, 179, 181, 184—187,
 189—198, 202—204, 207,
 208, 210, 211, 213, 215,
 219, 222, 228, 243, 245, 246
 Вителлий, Германик (сын импе-
 ратора) 194, 208
 Вителлий, Луций 123, 136,
 142, 189, 190, 201
 Вицетия 193
 Вольски 62
 Вольтер, Франсуа Мари Аруэ
 9, 158
 Вулф, Вирджиния 9, 14

- Гадес 42
 Гай Калигула, см. Калигула
 Гай Цезарь (внук Августа) 56, 78, 83, 85, 87, 91
 Галериан, Кальпурний 208
 Галл, Церриний 68
 Галлия 35—37, 42, 45, 48, 51, 55, 61, 118, 131, 139, 140, 167, 176, 197
 Галлы 47, 70, 118, 133, 201, 207
 Гальба, император 11, 12, 27, 147, 166, 167, 171—185, 187, 189, 191—194, 198, 203, 207, 214—216, 243, 245, 246
 Гальба Цезарь, Сервий Сульпиций, см. Пизон Лициниан
 Галльские войны 31, 32, 44, 50, 166
 Ганнибал 39
 Гатерий, Квинт 88
 Гегель 198
 Гелий 165, 166
 Геликон 114
 Гемелл, Тиберий 102, 106, 116
 Гемин, Дучений 177
 Генрих IV 245
 Герант 221
 Геркуланиум 225
 Геркулес 161, 205
 Германик 83—85, 87, 91, 92, 100, 102—104, 106, 108, 117, 125, 158, 194
 Германия 10, 83, 87, 106, 110, 117, 118, 130, 146, 164, 167, 171, 172, 174, 176, 179, 181, 184, 185, 189, 190, 193—195, 202, 216, 228, 230, 236, 238
 Германцы 35, 47, 56, 64, 78, 83, 91, 107, 120, 208, 236, 238
 Гесперий 8
 Гете, Иоганн Вольфганг фон 18
 Гетулик, Гней Корнелий Лентул 106, 117, 118, 121
 Гиббон, Эдуард 12, 124
 Гиппон, Регий 8
 Гиспан, Бебий 8
 Гомер 110
 Гораций 24, 58, 62, 66, 67, 76, 77, 85
 Гостилия 197
 Гравпий, гора 236
 Гракх, Гай Семпроний 22
 Гракх, Тиберий Семпроний 22
 Греки 60, 61, 67, 87, 114, 115, 118, 133, 137, 160, 165, 222
 Греция 32, 47, 48, 55, 59—61, 69, 89, 94, 99, 109, 111, 115, 119, 123, 127, 134, 146, 155, 156, 159, 161, 164—166, 201, 214, 223, 233, 240
 Грэйвс, Роберт 9, 20
 Гувер, Герберт 25
 Дакия 49, 228, 238
 Далмация 55, 72, 123, 130
 Данте 47
 Де Голль, Шарль 50
 Декуматские поля 236
 Деметрий 212
 Децебал 238
 Деции 62
 Джонсон, Бен 101
 Диоген 221, 222
 Дион Кассий см. Кассий, Дион
 Домициан, император 7, 11, 19, 24, 26, 103, 190, 197, 202, 205, 208, 226—236, 238—243, 245, 246
 Домицилла, Флавия 205, 215, 229
 Домиция Лонгина 229, 232
 Друз Младший 83—85, 91, 92, 97, 102, 106
 Друз Старший (Нерон Друз) 56, 78, 85, 103, 123, 135, 194
 Друз Цезарь (сын Германика) 84, 92, 97, 100, 102
 Друзилла 115, 117

- Друзилла, Ливия, см. Ливия 215, 216, 218, 220—223,
 Друзилла 230, 234
 Друзилла, Юлия, см. Юлия Ицены 161
 Друзилла
 Друзиды 161
 Дунай, река 73, 92, 181, 185, 187, 189, 204, 210, 236, 238
 Евтих 107
 Евфрат, река 181, 201
 Евфрат, философ 26
 Египет 32, 48, 54, 55, 58, 59, 63, 167, 171, 181, 202—204, 218, 220
 Зевс, см. Юпитер
 Иерусалим 118, 202, 204, 215—218
 Икел 172, 175, 180
 Илерда 32
 Иллирик 55—56, 79, 83
 Инвернесс 236
 Индигеты 66
 Инды 62
 Иосиф Флавий 107, 109, 114, 120, 201, 203, 204, 216, 217
 Испания 17, 31—33, 35, 39, 41—43, 55, 56, 72, 76, 146, 149, 153, 166, 171, 173, 174, 177, 179, 181, 183, 189, 193, 238
 Испанский пролив (Гибралтар) 191
 Италия 8, 9, 32, 37, 39, 44—45, 54, 55, 57—59, 61, 62, 65, 67, 74, 84, 97, 99, 106, 131—133, 152, 159, 167, 184, 185, 189, 193, 196, 201, 202, 204, 213, 218, 233
 Иудеи 67, 96, 109, 114, 118, 146, 201, 203, 204, 215, 217, 218, 222, 234
 Иудея 107, 111, 114—115, 121, 146, 164, 189, 201—204, 215, 216, 218, 220—223, 230, 234
 Кавказ 166
 Калация 57
 Каледония 236
 Калигула, Гай 23, 25, 27, 84, 102, 106—125, 127, 129, 130, 133, 135—137, 140—142, 145, 147, 149, 154, 159, 164, 178, 190, 191, 198, 220, 238, 239, 241, 243, 245, 246
 Каллист 114, 125, 140
 Кальвин, Жан 150
 Кальвисий Сабин, см. Сабин
 Камилл Скрибониан, Марк Фурий, см. Скрибониан
 Камиллы 62
 Кампания 35, 80, 222
 Камулодун 123, 161
 Камю, Альбер 111
 Канака 161
 Кантабрия 71
 Капитолий, Капитолийский холм 7, 116, 124, 190, 197, 205, 207, 208, 228—230, 234
 Капитон, Фонтей 193
 Капри 24, 26, 84, 99—101, 105—107, 135, 137
 Капуя 222
 Каркопино, Жером 27, 28
 Карл Внезапный 110
 Карлейль, Томас 18
 Карфаген 39, 42, 127
 Касилин 57
 Кассий, Дион 5, 16, 17, 19, 24, 41, 75, 89, 103, 104, 120, 143, 147, 155, 156, 162, 186, 191, 211, 221, 222, 225—227
 Кассий Лонгин, Гай, см. Лонгин
 Катон, Марк Порций 46, 47, 51, 187, 211

- Катулл, Валерий 112
 Киники 211, 221
 Клавдий, император 11, 12, 19,
 20, 23, 24, 123—145, 147—
 149, 151, 152, 155, 157,
 160, 163, 174, 178, 180,
 181, 183, 189, 190, 194,
 195, 201, 205, 206, 210,
 238, 239, 243, 245, 246
 Клавдилла, Юния 116
 Клавдия Антония 163
 Клайд, река 216, 238
 Клемент, Марк Аррецин 119
 Клемент, Тит Флавий 241
 Клеопатра VII 32, 47, 48, 54,
 55, 58, 59, 70, 115, 184,
 221, 222
 Кокшат Э. О. Дж. 15
 Колизей 153, 213, 216, 225
 Коллингвуд Р. Г. 15
 Константин I Великий 60
 Константинополь 8, 60
 Корбулон, Гней Домиций 145,
 146, 162, 164, 232
 Корд, Кремуций 74, 97
 Кордуба 149
 Коринф 165, 215
 Корнелий Непот см. Непот Ко-
 нелий
 Корнелия 232
 Корнель 25, 150, 224
 Красс, Марк Лициний 31, 32,
 42, 43
 Кремона 187, 193, 197, 208
 Кремуций Корд, см. Корд
 Крисп, Гай Саллюстий 96
 Крисп, Квинт Вибий 191, 233,
 234
 Крит 236
 Кромвель, Оливер 17, 68
 Кутилие, Акве 203, 226

 Лакон Корнелий 172, 175, 177,
 179, 180, 185
 Ламии, сады 111
 Лаодикея (Фригия) 13

 Лентул Гетулик, Гней Корне-
 лий, см. Гетулик
 Лепид, Марк Эмилий, муж сес-
 тры Калигулы 106, 117, 118
 Лепид, Марк Эмилий, триумви-
 ратор 39, 41, 54, 57
 Либералий 217
 Либон, Марк Скрибоний 11
 Ливий 110, 127
 Ливия Друзилла (Юлия Авгу-
 ста) 56, 69, 70, 83, 84, 87,
 89, 99, 115, 126, 151, 171
 Ливия Юлия, см. Юлия Ливилла
 Лигурия, лигурийцы 62, 106
 Лизипп 27
 Лондиний 161
 Лонгин, Гай Кассий 32, 51,
 54, 72, 97, 211
 Лугдун 111, 118, 123, 194, 230
 Лугдунская Галлия 146, 166,
 171
 Лузитания 11, 177, 181, 183,
 184
 Лука 31
 Лукан 35, 37, 163
 Лукреций 37
 Лукулл 103
 Луцерия 136, 189
 Луций Цезарь, внук Августа
 56, 78, 83, 85, 87, 91

 Мавритания 70, 111
 Майер, Эдуард 15, 47
 Македония 54, 79
 Макиавелли, Никколо 44
 Мак-Кинли, Уильям 88
 Маккэйл, Дж. У. 13
 Маколей 48
 Макр, Луций Клодий 175
 Макрон, Квинт Невий Корд Су-
 торий 23, 84, 101, 102,
 106, 107
 Максим Норбан, Лаппид, см.
 Норбан
 Марат, Юлий 71
 Марвелл, Томас 17
 Марий, Гай 31, 39

- Марс 126, 129, 187
 Марсы 62
 Марцелл, Марк Граний 93, 94
 Марцелл, Марк Клавдий 78
 Марцелл, Тит Клодий Эприй
   212, 215, 222—224, 233
 Марциал 229, 231
 Марциан, Сервий Сульпиций,
   см. Икел
 Мевания 197
 Мемфис 218
 Мессалина, Валерия 124, 128,
   139—145, 148
 Метелл Кретик, Квинт Цеци-
   лий 236
 Меценат, Гай 28, 54, 70, 77,
   78, 96, 97, 111, 175, 209
 Мизен 84, 103
 Минерва 120, 190, 233
 Мнестер 111
 Могонтиак 117, 176, 238
 Момильяно, Арнальдо 18
 Моммзен, Теодор 73, 120, 221,
   233
 Мона, остров 161
 Мон-Женевр 189
 Монтень, Мишель 9
 Монтескье, Шарль де Сегонда 18
 Муза, Антоний 71
 Мунда 32, 56
 Муни Г. У. 9, 12
 Мутина 54
 Муциан, Гай Лициний 202—
   204, 206—209, 211, 215,
   216, 219, 221, 222, 228—230

 Наполеон 18, 24
 Нарбонна 173
 Нарбонская Галлия 175
 Нарния 197
 Нарцисс 124, 139, 142, 201
 Наулох 54, 72
 Неаполь 27, 84, 116, 157, 160,
   166
 Непот, Корнелий 15
 Нептун 116
 Нерва, император 26, 178, 229

 Нерон, император 11, 13, 20,
   23, 26, 113, 124, 140, 142,
   143, 145—168, 171—173,
   175—178, 181—184, 190,
   191, 193, 194, 196, 198,
   201—203, 207, 208, 211,
   215, 222, 224, 227, 233,
   238, 241, 243, 245, 246
 Нерон Друз, *см.* Друз Старший
 Нерон, Тиберий Клавдий, *см.*
   Тиберий
 Нерон Цезарь (сын Германика)
   84, 92, 97, 100, 102, 108
 Новый Карфаген 171, 173
 Нола 80
 Норбан (префект преториан-
   цев) 241
 Норбан, Лаппий Максим 238,
   239
 Нума Помпилий 132

 Овидий 94
 Октавиан, *см.* Август
 Октавий, Гай (отец Августа)
   54, 57
 Октавия (жена Нерона) 124,
   142, 145, 146, 160, 163
 Октавия (сестра Августа) 127
 Опций, Гай 42, 43
 Остия 141, 185
 Отон, император 11, 158, 160,
   171, 172, 177, 179—192,
   194—198, 203, 204, 207,
   238, 243, 246
 Отон Тициан, Луций Сальвий,
   см. Тициан

 Палатинский холм 66, 69, 149,
   225, 234
 Палестина, *см.* Иудея
 Паллант, Антоний 124, 139,
   140, 142, 143
 Паннония 83, 91, 117, 204
 Пантеон 77
 Парфия, парфяне 31, 32, 49,
   52, 53, 125, 146, 162, 191

- Пассиен, Луций 73
 Патавий 164
 Паулин, Гай Светоний 146, 161
 Пелопоннес 165
 Персик, Павел Фабий 131
 Перуон, Стюарт 225
 Пет, Цезений 162
 Петроний Арбитр (Тит Петроний Нигер?) 20, 156, 161
 Пизон, Гай Кальпурний 146, 162—164, 167, 208
 Пизон, Гней Кальпурний 83, 92, 93
 Пизон Лициниан, Луций Кальпурний 172, 177—179, 181, 182
 Пий, Антонин 24, 69
 Пилад 23
 Плавций, Авл 123
 Платон 110, 150
 Плацентия 35
 Плиний Младший (Плиний Цецилий Секунд) 8—10, 12, 13, 24—26, 28, 94, 231, 235, 241
 Плиний Старший, Гай 33, 89, 126, 127, 209, 212, 230
 Плотин 13
 Плутарх 10, 13, 24, 46, 49, 185, 188, 226
 По, река 181, 186, 189, 197
 Полемон, Марк Антоний 13
 Полибий 138—140
 Поликлит 165
 Помпеи 155, 225
 Помпей, Гней (триумвиратор) 18, 31, 32, 36, 39, 41—43, 51, 54
 Помпей, Гней Младший 32
 Помпей, Секст 32, 54, 72
 Поппея Сабина 146, 160, 181, 183, 184
 Приап 119
 Прим, Марк Антоний 189, 190, 196, 197, 202, 204, 207, 208, 229
 Приск, Гельвидий Младший 241
 Приск, Гельвидий Старший 211, 212, 219, 222, 241
 Приск Тарквиний, см. Тарквиний
 Приск, Тарквитий 143
 Прокул, Скрибоний 164
 Проперций 58
 Птолемей XIII Филопатор Филадельф 32
 Птолемей XV Цезарь, см. Цезарион
 Пунические войны 39
 ПUTEОЛИ 218
 Рандея 162
 Расин, Жан 216, 224
 Реате 201, 205
 Регий 218
 Рейн, река 31, 79, 91, 117, 177, 210, 230, 236, 238
 Реция, римская провинция 85, 189
 Родос, остров 56, 78, 83, 85, 88
 Ромул 66, 132
 Рубикон, река 32, 34, 36—38
 Рузвельт, Франклин Делано 14, 104
 Румыния, см. Дакия
 Руф, Луций Вергиний 146, 167, 176, 195
 Руф, Сервий Сульпиций 50
 Руф, Скрибоний 164
 Руф, Фений 146, 159, 162—164
 Руфилла 70
 Рольф Дж. К. 9, 12
 Россистер, Клинт 25
 Сабин, Гай Кальвисий 73
 Сабин, Нимфидий 146, 147, 163, 165, 171, 176
 Сабин, Тит Флавий 190, 197, 202—204, 207, 208, 228
 Сабина, сабиняне 8, 66, 132, 222, 226, 233
 Сайм, Рональд 18, 87, 188
 Салийские жрецы 129

- Саллюст 17, 212
 Сатурн 62
 Сатурнин, Луций Антоний 228, 238, 240, 242
 Сатурнин, Марк Апоний 111
 Светоний Паулин, см. Паулин
 Светоний Гранквилл, Гай 7—17, 19, 20, 32, 33, 46, 62, 68—71, 90, 93, 103, 104, 107, 109, 120, 125, 126, 129, 134, 138, 147, 155, 161, 162, 173, 183, 184, 222—227, 231—233
 Север, Септимий 19, 47, 242
 Север, Сульпиций 217, 218
 Секунд 187
 Секунд, Луций Педаний 153, 154
 Секунд, Тит Петроний 241
 Семирамида 184
 Сенека, Луций Анней Младший 25, 26, 95, 99, 110, 111, 125, 128, 130, 133, 134, 138—140, 143, 145, 146, 148—154, 156, 158—163, 167, 175, 183, 246
 Сенека, Луций Анней Старший 108
 Сеян, Луций Элий 17, 84, 96, 97, 99—103, 105
 Силан, Марк Юний (ум. в 38 г. н. э.) 116
 Силан, Марк Юний (ум. в 54 г. до н. э.) 148
 Сирий, Гай 124, 139, 141, 142
 Сирия 25, 55, 61, 70, 83, 92, 136, 202—204, 215, 220
 Сицилия 54, 159
 Скрибониан, Марк Фурий Камилл 123, 130
 Смайлс Сэмюэль 24
 Соляная дорога 205
 Сона, река 194
 Стаций Мурк 252
 Стефан 241
 Стойки 115, 119, 150, 153, 164, 211, 229
 Страбон, географ 67
 Страбон, Луций Сей 86, 96
 Стрэчли, Литтон 16
 Сулла, Корнелий 22, 31, 33, 39, 40, 44, 45, 48
 Сульпиций Флор, см. Флор
 Сципион Африканский, Публий Корнелий 42, 236
 Скрамуцца В. М. 128
 Средиземное море 118, 160
 Галмуд 218
 Тапс 32
 Тапы 238
 Тарквиний Приск 132
 Тауненд Г. Б. 10
 Тацит 9, 11, 12, 15—20, 43, 86, 87, 90—94, 96, 97, 101, 103, 104, 109, 120, 121, 128, 131, 136, 141—143, 147, 151, 152, 155—159, 162, 164, 167, 172, 174—178, 183, 184, 186, 187, 190—193, 196, 197, 203, 205, 207, 209, 214, 217, 221, 225, 230, 232, 236, 241, 242
 Тевтобургский лес 79
 Теренция (Терентилла) 70
 Терпн 154
 Тертулла 70
 Тиберий, император 11, 12, 16—18, 23, 24, 26—28, 56, 69, 78—80, 83—97, 99—110, 112, 114, 116—118, 120—123, 126, 132, 135—137, 144, 147, 151, 165, 178, 180, 190, 194, 212, 214, 240, 243—246
 Тибр, река 66
 Тигеллин, Гай Софоний 27, 146, 159, 160, 162, 163, 165, 167
 Тимаген 60, 61
 Тиридат 162
 Тит 202—204, 210, 211, 213—233, 238, 243, 246
 Титизения, Сальвия 70

- Тициан, Луций Сальвий Отон
 186, 187
 Голоса 207—208
 Тразея Пет, Публий Клодий
 146, 164, 211, 222
 Трасилл 11
 Траян, император 9, 12, 23—
 27, 96, 178, 229, 238, 241
 Требоний, Гай 50, 51
 Трималхион 161
 Тускул 42
 Тэй, река 216
 Тэйер, Уильям Роско 17
- Уайт-Дафф У. 12
 Уорсторн Перегрин 244
 Утика 46
 Уэлсли Кеннет 133
- Фаберий 45**
Фарнак 32
Фарсал 32, 36, 37, 39, 42, 51
Феофан, Гней Помпей 42
Ферентин 182
Ферт-оф-Форт 216, 238
Фессалия 32
Филиппы 54, 72
Филон 24, 67, 96, 105, 109,
 112, 121
Финикия 42, 218
Флавия Юлия, см. Юлия
Флакк, Гордеоний 176
Флакк, Валерий 231
Флор 41
Форум 57, 69, 178, 179
Форум Трансitorium 233, 234
Фрейд, Зигмунд 12
Фридрих Великий 52
Фримэн И. Э. 12
Фронтон, Марк Корнелий 23
Фульда 8
Фундана, Галерия 194
- Хантер, Томас 16
 Харрисон, Бенджамин 88
 Хатты (герм. племя) 236
- Херя, Гай Кассий 119
 Хиршфельд, Отто 65
 Холланд, Филемон 9, 224
 Холмс, Ричард 15, 104
 Храм Мира 217
 Христиане 162, 218
- Цезаря Морская 218
 Цезарион (Птолемей XV Це-
 зарь, сын Клеопатры и
 Юлия Цезаря) 111
 Цезарь, Гай Юлий 7, 10, 11,
 18, 21, 22, 27, 31—54, 56—
 58, 62—64, 66, 67, 70, 72,
 73, 87, 88, 93, 94, 115—
 117, 127, 135, 182, 187,
 243, 245
 Цезония 107, 109, 112, 120
 Цельз, Марк 177
 Ценида, Антония 205, 221
 Церера 67
 Цериал, Петилий 18, 202, 230
 Цецина Алиен, Авл 171, 181,
 185, 189, 190, 193, 194,
 197, 212, 215, 222—224
 Цивилис, Юлий 190, 202, 208,
 230
 Цизальпинская Галлия, см. Гал-
 лия
 Цинна, Луций Корнелий 31
 Цицерон, Марк Туллий 15, 34,
 37—40, 42, 43, 45—48, 50,
 53, 54, 57, 127
- Шекспир, Уильям 24, 245
- Эйнхард 8
 Эктон, лорд 244, 247
 Эльба 73, 79, 91
 Энгельс, Фридрих 18
 Эней 60, 62
 Эпир 35, 57
 Этерстоун 162
 Этна 10, 59, 74
 Этрурия 182

- Ювенал 12, 22, 101, 183, 193, 220
- Юлий Цезарь, Гай, см. Цезарь
- Юлия (внучка Августа) 79
- Юлия (дочь Августа) 56, 78—80, 83, 85
- Юлия (дочь Цезаря) 31
- Юлия (сестра Цезаря) 31
- Юлия Августа, см. Ливия Друзилла
- Юлия Береника, см. Береника
- Юлия Друзилла (дочь Калигулы) 120
- Юния Клавдилла, см. Клавдилла
- Юлия Флавия (дочь Тита) 220, 232
- Юлия Ливилла Младшая (Ливия Юлия, дочь Германика) 106, 115, 117—118, 149
- Юлия Ливилла Старшая (Ливия Юлия, дочь Друза Старшего) 97, 100, 102
- Юпитер (Зевс) 118, 120, 163, 190, 205, 234
- Юст, Катоний 140

МАЙКЛ ГРАНТ
ДВЕНАДЦАТЬ ЦЕЗАРЕЙ

Редактор *Г. Гудимова*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Н. Привезенцева*
Корректор *И. Сахарук*
OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 27.04.98 г.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 18,94. Цена 23 р.
Цена для членов клуба 20 р. 90 к.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.